
11 139/26

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна.

(1852–1877 г.)

ЧАСТЬ II.

ОДЕССА,
Печ. въ тип. Г. Ульриха, Красный пер., домъ № 3.
1880.

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна.

(1852–1877 г.)

ЧАСТЬ II.

ОДЕССА,
Печ. въ тип. Г. Ульриха, Красный пер., домъ № 3
1880.

Печатано по опредѣленію Совѣта императорскаго новороссійскаго университета. Ректоръ *Н. Головкинскій*.

(Изъ XXX т. Зап. Имп. Нов. Унив.)

Предисловіе къ настоящей книгѣ подписано Ф. Бруномъ 1 Мая, а уже нѣсколько недѣль спустя моего горячо-любимаго отца не стало болѣе въ живыхъ! Онъ скончался 3-го Іюня, на 76 году отъ роду, въ м. Славутѣ Волынской губерніи, вдали отъ роднаго города, родныхъ и друзей, — отъ изнуренія вслѣдствіе выдержанной въ теченіи зимы болѣзни. Посвятивъ всю жизнь свою научному труду, онъ всецѣло преданъ былъ работамъ въ области своихъ спеціальныхъ изслѣдованій въ особенности въ послѣднія десятилѣтія своей жизни, и непосредственно предъ болѣзнью неустанно трудился одновременно надъ нѣсколькими серьезными работами, что несомнѣнно подорвало его силы и сократило его жизнь.

Печатаніе второй части сборника шло во время болѣзни моего отца подъ его наблюденіемъ, на сколько это ему дозволяла болѣзнь, и было окончено, за исключеніемъ указателя, еще при жизни его; но ему не суждено было имѣть тихую радость автора — выпустить въ свѣтъ самому настоящую книгу, какъ и не суждено было ему отдохнуть еще нѣсколько лѣтъ послѣ неутомимыхъ многолѣтнихъ трудовъ (въ текущемъ году исполнилось-бы 50 лѣтъ съ начала его учебной и ученой дѣятельности, т. е. со времени назначенія его учителемъ въ Витебскую гимназію, 30 Августа 1830 года; послѣ чего онъ состоялъ долгое время профессоромъ въ бывш. Ришельевскомъ Лицеѣ и затѣмъ въ Новороссійскомъ Университетѣ, гдѣ читалъ лекціи до послѣдняго года своей жизни).

Кромѣ помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ, изъ числа остальныхъ статей моего покойнаго отца 12 близко подходятъ къ тому-же предмету, именно большею частью онѣ составляютъ переводы съ комментаріями иностранныхъ путешественниковъ по Россіи; изъ нихъ одиннадцать помѣщены въ разныхъ изданіяхъ (см. предисл. къ I-й части сборн.), а послѣдняя, оконченная въ прошлую зиму, еще неизданная, — переводъ съ испанскаго записокъ путешественника Клавихо съ подробными примѣчаніями. — Въ связи съ учеными трудами отца находятся оставленныя имъ обширная корреспонденція его съ многими извѣстными учеными въ Россіи и за границей и небольшая спеціальная библіотека.

Людвигъ Филипповичъ Брунъ.

29 Іюня 1880 г.
Одесса,
Университетъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Считаю себя обязаннымъ изъявить искреннюю признательность историко-филологическому факультету Имп. Новороссійскаго Университета за принятое имъ рѣшеніе помѣстить въ Запискахъ Университета и эту вторую часть Сборника моихъ статей, что̀ дало мнѣ возможность сдѣлать въ нихъ значительныя пополненія и исправленія сравнительно съ первымъ ихъ изданіемъ. Поэтому я надѣюсь, что и этотъ томъ будетъ принятъ компетентными судьями и публикой съ такимъ-же живымъ сочувствіемъ, какъ и первый томъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ предисловіи къ I части десяти статей, вторая часть заключаетъ въ себѣ еще одиннадцатую подъ заглавіемъ «Островъ Хортица». Вмѣсто предположенныхъ трехъ картъ здѣсь приложены только двѣ: карта Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земель и факсимиле карты Чернаго моря Генуэзца Весконте 1318 года. Третью-же карту оказалось неудобнымъ приложить здѣсь, такъ какъ она помѣщена уже въ IX т. Записокъ Нов. Унив., притомъ сравнительно съ факсимиле каталанской карты; взамѣнъ ея прилагается сравнительная таблица именъ прибрежныхъ пунктовъ восточнаго берега Чернаго моря по древнимъ периплам и по компасовымъ картамъ.

Кромѣ того здѣсь помѣщены указатель личныхъ и географическихъ именъ къ обѣимъ частямъ Сборника и списокъ замѣченныхъ при составленіи указателя опечатокъ.

Ф. Брунъ.

Одесса, 1-го мая 1880 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ [1]).

Къ необходимости изучить сочиненіе Геродота, сознаваемой каждымъ любителемъ исторіи и географіи, присоединяется у насъ еще особый мѣстный интересъ. Если императоръ Французовъ посвятилъ часы досуга своего исторіи Цезаря; если Нѣмцы съ особенною любовью читаютъ, переводятъ и комментируютъ Тацита, то мы не можемъ не дорожить исторіею Геродота, и въ особенности IV-ою книгою ея, посвященной описанію странъ, которыя по большей части входятъ въ составъ Россіи, и были поприщемъ самыхъ важныхъ событій, совершавшихся во всѣхъ фазахъ ея существованія. Притомъ изображеніе, столь-же изящное какъ и основательное, которое Геродотъ оставилъ намъ о современныхъ ему отношеніяхъ Скиѳіи и сосѣдственныхъ ей земель, есть единственный источникъ для древнѣйшей исторіи Черноморскихъ степей, тогда какъ о другихъ странахъ, имъ описанныхъ, мы можемъ почерпать еще свѣдѣнія, болѣе или менѣе важныя, и изъ другихъ источниковъ.

Наконецъ эта часть безсмертнаго труда его должна была обращать на себя вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей тѣмъ болѣе, что въ ней именно они встрѣчали много загадочнаго, подобно тому какъ таинственный мракъ, покрывавшій внутрен-

[1]) Изъ Древности Геродот. Скиѳ. и пр., изд. Имп. Арх. Комм. Вып. II. С. П. 1872 года; также во французск. изд. сего сборника, S. P 1873 Оба изданія съ картою, прилагаемою здѣсь въ уменьшенномъ видѣ.

нюю Африку, привлекалъ къ себѣ любознательныхъ путешественниковъ болѣе, чѣмъ другія страны свѣта.

Дѣйствительно Геродотовы «Scythica» съ давнихъ поръ вызывали огромное число спеціальныхъ трудовъ со стороны этнографовъ, историковъ и въ особенности географовъ.

Не смотря однако на всѣ старанія толкователей «отца исторіи», согласить по возможности съ дѣйствительностью географическія извѣстія, которыя онъ намъ передалъ о Скиѳіи, до сихъ поръ въ ученомъ мірѣ существуютъ весьма различныя и противурѣчивыя мнѣнія касательно вида и объёма этой страны, равно какъ о мѣстахъ поселенія разныхъ народовъ, въ ней обитавшихъ, и ихъ сосѣдей.

Безъ сомнѣнія, подобную противуположность мнѣній должно приписать тому обстоятельству, что описаніе Геродотово расположено по рѣкамъ, орошавшимъ Скиѳію, а между тѣмъ пріурочиваніе этого описанія къ рѣкамъ, дѣйствительно существующимъ въ южной Россіи, по многимъ причинамъ представляетъ огромныя затрудненія.

Такъ, во-первыхъ, всякій согласится со мною, что измѣненія, происшедшія въ физіономіи поверхности здѣшняго края, съ особенною силою должны были отразиться въ гидрографическихъ его отношеніяхъ.

Во-вторыхъ Геродотъ только о немногихъ рѣкахъ Скиѳіи говоритъ такъ обстоятельно, что нельзя ихъ не узнать, если только мы будемъ читать его безъ предубѣжденія; относительно прочихъ рѣкъ извѣстія, имъ сообщенныя, столь кратки, что безъ особенной натяжки могутъ быть примѣняемы, съ одинаковымъ по видимому правомъ, то къ одной, то къ другой изъ нашихъ рѣкъ и даже рѣчекъ.

Наконецъ Геродотъ, при всей добросовѣстности своей, едва ли могъ пріобрѣсти достовѣрныя свѣдѣнія о теченіи и объ источникахъ описанныхъ или только упомянутыхъ имъ рѣкъ. Подобнаго рода свѣдѣнія были ему передаваемы понтійскими Греками, которые не могли знать ничего достовѣрнаго о странѣ, гдѣ сами обитали только при берегахъ. Караваны, какъ

замѣчаетъ *Нейманъ*[2]), которые, по причинѣ торговыхъ выгодъ, безъ сомнѣнія держались пути, уже проложеннаго, не имѣли ни времени, ни охоты заниматься изслѣдованіями касательно источниковъ рѣкъ. Подобныя занятія важны только для науки; въ практической жизни о нихъ не заботятся, и потому они являются обыкновенно поздно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сами собою возникаютъ безъ труда, напр. въ густо-населенныхъ и образованныхъ странахъ. Хотя слѣдов. греческіе купцы не имѣли никакого повода отыскивать въ лѣсахъ и болотахъ источники скиѳскихъ рѣкъ, но всетаки было весьма естественно, что при видѣ этихъ рѣкъ они составляли себѣ какія нибудь понятія о нихъ a priori, и многіе изъ Ольвіополитянъ могли утверждать и воображать себѣ, что, при своихъ странствованіяхъ, они достигали до источниковъ сказанныхъ рѣкъ. Но эти-же купцы, которыхъ проводники по однимъ и тѣмъ-же путямъ водили къ такимъ именно мѣстамъ, гдѣ броды или острова облегчали переправу чрезъ большія рѣки, по собственному опыту развѣ только могли говорить о числѣ рѣкъ, чрезъ которыя они переправлялись въ своихъ путешествіяхъ, да о томъ, какъ онѣ назывались и какъ велико было взаимное ихъ разстояніе у мѣстъ переправы. Въ отношеніи же верхняго или нижняго теченія этихъ рѣкъ они должны были довольствоваться собственными догадками, или указаніями туземцевъ, которые сами не могли имѣть точныхъ свѣдѣній касательно большихъ рѣкъ. Не должно забывать, что такого рода данныя уже сами по себѣ не могли имѣть одинаковую степень достовѣрности: варварскіе народы хотя и могли знать, какія племена обитали въ ихъ сосѣдствѣ, какимъ языкомъ они говорили, каковы были ихъ нравы и какими произведеніями отличался ихъ край (подобнаго рода извѣстія имѣютъ вообще нѣкоторую степень достовѣрности), но точныя свѣдѣнія о системѣ большой рѣки, безъ которыхъ основательное опредѣленіе ея источниковъ невозможно, предполагаютъ иную степень знаком-

[2]) Die Hellenen im Skythenlande, Leipz. 1855, стр. 203.

ства съ мѣстностями; оно можетъ быть достигнуто только посредствомъ картъ и астрономическихъ опредѣленій, или же вслѣдствіе весьма оживленныхъ торговыхъ сношеній по всѣмъ направленіямъ страны. Тотъ, кто берется критически обсуждать географическія извѣстія, долженъ предварительно справляться, какое имѣютъ онѣ происхожденіе; онъ долженъ умѣть оцѣнивать степень погрѣшности, возможной въ отношеніи къ матеріальному ихъ содержанію. Здѣсь то именно легко убѣдиться въ томъ, что гидрографическія извѣстія гораздо менѣе достовѣрны, чѣмъ орографическія или этнографическія. Путешественникъ постоянно имѣетъ сношенія съ туземцами и можетъ познакомиться съ ихъ особенностями; издалека уже ему бросаются въ глаза возвышенности и ихъ направленіе и долго онъ не теряетъ ихъ изъ виду; рѣка же легко укрывается отъ взоровъ его: онъ переправляется черезъ нее, можетъ быть, на такомъ мѣстѣ, гдѣ извилины ея могутъ возбуждать въ немъ совершенно ложное понятіе о главномъ ея направленіи.

Ко многимъ причинамъ, затрудняющимъ точное опредѣленіе рѣкъ Геродотовой Скиѳіи, слѣдуетъ присовокупить еще и то обстоятельство, что наименованія всѣхъ почти рѣкъ, по крайней мѣрѣ большихъ, суть ничто иное, по справедливому замѣчанію *Клапрота*, какъ нарицательныя слова, означающія рѣку на какомъ либо языкѣ. Вотъ почему и при Геродотѣ, одно и тоже названіе могло быть примѣняемо къ различнымъ рѣкамъ, между которыми ничего не было общаго, какъ это еще нынѣ повторяется въ нашемъ краю съ двумя Бугами, западнымъ и южнымъ, съ двумя Ингулами, большимъ и малымъ, съ Дономъ и Донцомъ (послѣдній въ нашихъ лѣтописяхъ, подобно первому, названъ просто Дономъ[3]), съ двумя Самарами и т. п.

По всѣмъ этимъ причинамъ, экзегеты до сихъ поръ не могли согласиться на счетъ опредѣленія главныхъ рѣкъ, орошавшихъ Скиѳію Геродота; они истощались въ гипотезахъ для

---

[3]) *Арцыбышевъ*, Повѣствованіе о Россіи, 1838, I 62.

отысканія слѣдовъ таинственныхъ рѣкъ Пантикапеса, Гипакириса и Герроса, и даже отвергали ихъ существованіе. Такъ напр. *Данвиль*[4]) вовсе не вѣритъ, чтобы Пантикапесъ когда либо существовалъ; *Гееренъ*[5]) говоритъ тоже самое о Гипакирисѣ и Герросѣ, между тѣмъ какъ *Нейману* всѣ три рѣки кажутся неприменимыми къ дѣйствительности, почему онъ и думаетъ, что толкователи напрасно трудились надъ ихъ отыскиваніемъ. Другіе съ Пантикапесомъ носятся по неизмѣримому пространству вдоль лѣваго берега Днѣпра, останавливаясь и на Конскихъ водахъ, и на Самарѣ, и на Пелѣ, и на Сулѣ и даже наконецъ на Деснѣ. Герросъ обращаютъ то въ Кальміусъ, то въ Молочную, или же въ Самару и т. д. Наконецъ Гипакирисъ отыскиваютъ отъ Кинбурнской косы до внутренности Крымскаго полуострова; оттуда соединенными силами *Линднеръ*[6]) и *Надеждинъ*[7]) переносятъ его, подобно Герросу и Пантикапесу, на правый берегъ Днѣпра, съ тѣмъ только различіемъ, что первый узнавалъ Гипакирисъ въ Ингулѣ, тогда какъ *Надеждинъ* видѣлъ его въ Ингульцѣ. *Гинзенъ*[8]) однако же снова перемѣщаетъ рѣку Гипакирисъ съ праваго берега Днѣпра къ Сивашу и къ Донцу, и *Кольстеръ*[9]) восхищается этой уловкой въ особенности потому, что ею будто бы рѣшенъ и спорный вопросъ о мѣстоположеніи древняго города Каркинитиды, или Каркинитиса, лежавшаго при устьѣ Гипакириса.

Но изъ замѣтки Геродота можно было вывести также заключеніе, что съ опредѣленіемъ мѣстности, которую занималъ

---

[4]) Géographie d'Hérodote, въ Mém. de l'Académie des inscriptions XXXV, 579.

[5]) Ideen über die Politik, den Handel und den Verkehr der Volker der alten Welt I, 2, стр. 257.

[6]) Skythien und die Skythen des Herodot, 1841, стр. 13.

[7]) Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями, въ Зап. Одесскаго Общества Ист. и Древн. I, стр. 52, 53.

[8]) Ost-Europa nach Herodot, Dorpat, 1841, § 74 и слѣд.

[9]) Das Land der Scythen bei Herodot und Hippokrates und der Feldzug des Darius, въ Archiv für Philologie und Pädagogik, XIII, 1, стр. 22.

этотъ городъ, объяснилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ разумѣлъ подъ своимъ Гипакирисомъ.

Поэтому слѣдовало бы только предварительно удостовѣриться въ томъ, гдѣ именно на прибрежьѣ Понта находился Каркинитисъ, а потомъ уже отыскивать слѣды рѣки, изливавшейся въ его сосѣдствѣ. Если бы это удалось, то уже легко было бы опредѣлить, какимъ изъ нынѣшнихъ рѣкъ соотвѣтствовали притокъ Гипакириса, Герросъ, и протекавшая не въ дальнемъ отъ него разстояніи рѣка Пантикапесъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представилась бы возможность согласить съ дѣйствительностью и прочія географическія показанія Геродота, избѣгая крайностей, т. е. безъ надобности предполагать съ одними, что въ характерѣ здѣшняго края случились измѣненія невозможныя, или—съ другими, что Геродотъ намъ передалъ только баснословныя извѣстія.

Геродотъ вообще два только раза упоминаетъ о Каркинитисѣ. Сказавъ (IV, 55), что Гипакирисъ изливался въ море подъ этимъ городомъ, онъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 99) говоритъ о немъ слѣдующимъ образомъ: Непосредственно отъ Истроса къ югу лежитъ древняя Скиѳія и простирается до города, называемаго Каркинитисомъ. Лежащую отсюда по берегу того же моря, гористую и вдающуюся въ Понтъ страну населяетъ народъ Тавровъ даже до Херсонпса (полуострова), называемаго персиднымъ, скалистымъ (Трахеею), т. е. до Керченскаго полуострова [10]).

Изъ этого указанія мѣстоположенія города должно заключить, что онъ лежалъ гдѣ-то на западномъ берегу Крыма. Уже по этой причинѣ мы вправѣ думать, что онъ совпадалъ не только по имени, но и по мѣстоположенію съ «Керкинитисомъ». Городъ этотъ, по измѣреніямъ Арріана [11]) и безъименнаго автора периплы Понта Евксинскаго [12]), по которому онъ

[10]) Kiepert, Lehrbuch der alten Geogr. Berlin, 1878 стр. 350.

[11]) Geographi graeci minores, ed. Gail, III, § 19, стр. 76.

[12]) Ibidem, стр. 216, § 9 и 10.

также назывался Кориптисъ, лежалъ на морскомъ берегу между Херсономъ и Калосъ-лименомъ, на разстояніи 600 стадій отъ перваго и — 700 отъ послѣдняго.

Мѣстоположеніе Херсона всѣмъ извѣстно, а касательно мѣстности, занимаемой Калосъ-лименомъ, существуютъ различныя мнѣнія. Такъ напр. Гёль[13]) и Нейманъ (стр. 375) ищутъ эту пристань на южной сторонѣ Каркинитскаго, или Перекопскаго залива, при Сарыбулатской косѣ, другіе же, напр. Тэтбу[14]) — около Перекопа. Иные, въ томъ числѣ Кёлеръ[15]), увѣрены, что подъ «красивою пристанью» авторы перипловъ могли разумѣть одну только Акмечетскую бухту. Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ на южномъ берегу Каркинитскаго залива другаго пристанища для судовъ вовсе нѣтъ[16]), между тѣмъ какъ слѣды прежняго его значенія для моряковъ и рыбаковъ сохранились донынѣ[17]). Притомъ Калосъ-лименъ, находясь тутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы отдѣленъ пространствомъ въ 300 стадій отъ пристани Тамираки, въ которой нельзя не узнать Джарыльгачскую косу, отстоящую приблизительно на 300 стадій отъ Акмечетской бухты; разумѣется, что упомянутый Птолемеемъ и Стефаномъ Византійскимъ городъ Тамираки находился не на самой косѣ, а насупротивъ ея, около устья Каланчака, гдѣ слѣды этого города сохранились до нынѣ. Оказывается поэтому, что отстоявшій въ 700 стадіяхъ отъ Калосъ-лимена, городъ *Керкинитисъ* находился не близь Евпаторіи, какъ я прежде думалъ, но въ 25-ти верстахъ къ сѣверу отъ нея, при Довгуславскомъ озерѣ, на сѣверномъ берегу котораго его и ищутъ[18]). Въ этой имен-

---

[13]) Ibidem, стр. 125.

[14]) Atlas de la mer Noire, Odessa, 1850. № 17

[15]) Mém. s. l. îles et la course d'Achille, въ Mém. de l'Acad. des Sc. de S.-Pétersb., X, стр. 616.

[16]) Лоція Чернаго моря, Николаевъ, 1851, стр. 43.

[17]) Пирамидки изъ глины, найденныя при Акмечетской бухтѣ, въ Зап. Одесск. Общ., I стр. 630 и слѣд.

[18]) Бурачковъ, О мѣстоположеніи древн. города Каркинитиса etc. въ З. О. О. IX, 123.

по мѣстности, отстоявшей отъ Карантинной бухты въ 600 стадіяхъ, итальянскія карты XIV и XV столѣтій представляютъ намъ приписку crichiniri, crerenichi, chiiti и chirechiniti (1351), явно тождественную съ именемъ Керкинитисъ или Каркинитисъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакой надобности, подобно Нейману и Фридлендеру[19]) различать его отъ позднѣйшаго Керкинитиса, если бы даже подлинность монетъ этого города была доказана, въ чемъ пока еще можно сомнѣваться[20]).

Нужно поэтому допустить, что:

1) Геродотъ по ошибкѣ могъ назвать заливъ рѣкою, и что подъ Гипакирисомъ онъ разумѣлъ лежащій къ сѣверу отъ Евпаторіи заливъ Перекопскій или Киркинитскій, о которомъ потому то и не упоминаетъ.

2) Если Геродотъ говоритъ, что городъ Истросъ, отстоявшій на 500 стадій отъ южнаго устья Дуная[21]), находился при устьѣ Истроса (II, 33), то онъ тѣмъ болѣе имѣлъ право сказать, что Каркинитисъ находился при устьѣ Гипакириса, хотя дѣйствительно городъ этотъ отстоялъ на 300 стадій отъ южной оконечности Каркинитскаго залива.

Что этотъ заливъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ Геродотову Гипакирису, становится еще болѣе яснымъ, когда припомнимъ, что эта мнимая рѣка, изливаясь въ Понтъ подъ городомъ Каркинитисомъ, оставляла вправо Гилею и Ахиллесово ристалище.

Касательно Дромоса Ахиллесова всѣ согласны, что подъ нимъ Геродотъ могъ разумѣть только полуостровъ Тендру, оканчивавшійся, по Страбону, мысомъ, названнымъ Священною рощею Ахиллеса, которая безъименнымъ авторомъ перипла (§ 11) обозначена рощею Гекаты, а Птолемеемъ (III, 5) просто наименована Священнымъ мысомъ.

---

[19]) Annali del' Instituto di corrispondenza archeologica, Roma 1815 XIV, стр. 232—234.

[20]) Спасскій, О мѣстоположеніи древняго города Каркинита и его монетахъ, въ Зап. Одесск. Общ. II, стр. 21—35.

[21]) Strabo, VII, 3, § 15. и 6 § 1.

Что же касается Гилеи (IV, 18 и 76), лѣсной стороны, которая представлялась взорамъ путешественниковъ при въѣздѣ съ моря въ Борисоенесъ, то она должна соотвѣтствовать Днѣпровскимъ плавнямъ, которыя и нынѣ богаты растительностью и составляютъ поразительный контрастъ съ совершенно обнаженными степями.

Такъ какъ это мнѣніе уже прежде было высказано другими, а именно *Надеждинымъ* [22]), то я не могу отказать себѣ въ удовольствіи представить здѣсь еще разъ изображеніе столь изящно имъ снятое съ природы Гилеи.

«Не смотря на пустынный, аравійскій характеръ окружа-«ющихъ степей, края широкой долины, по которой Днѣпръ «стремится къ морю, конечно вслѣдствіе благотворнаго вліянія «питательной и крѣпительной влажности, по мѣстамъ украша-«ются зеленью кустарниковъ, и даже сѣнью деревьевъ. Имен-«но, на самой Кинбурнской косѣ, вскрай лимана, вокругъ мѣ-«стечка Прогнойска, при селеніяхъ Бузовомъ и Рыбалчѣ, до «сихъ поръ мелькаютъ небольшія дубовыя и березовыя рощицы, «храбро сражающіяся съ засыпающими ихъ песками. Нѣсколь-«ко выше, вокругъ селенія Збурьевска, находится родъ лѣска, «состоящаго изъ дуба, осины, ольхи и лозинка. Наконецъ, «еще выше, берегъ Днѣпра, на протяженіи около двадцати пяти «верстъ, вокругъ города Алешекъ, опушается также, не рѣдко, «болѣе или менѣе густыми купами древесной растительности, «преимущественно ольхою и березою. И это, въ сравненіи съ «наготою степей, конечно могло дать берегу Днѣпра названіе «лѣсной стороны», особенно въ древнія времена, когда масса «водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, «а потому и сила прозябанія вокругъ гораздо могущественнѣе. «Но надо только взглянуть на самую долину Днѣпра, чтобы «имѣть передъ глазами настоящую «лѣсную сторону», всю по-«крытую густою, дремучею растительностью. Эта долина, раз-«двигающаяся иногда верстъ до двадцати въ ширину, состоитъ

[22]) Геродотова Скиѳія и пр. стр. 48.

«изъ непрерывной сѣти т. н. плавней, или островов, образу-
«емыхъ безчисленными развѣтвленіями рѣчной трубы, которыя
«всѣ сплошь зарощены не однимъ камышемъ, но и настоящи-
«ми, любящими влагу, деревьями. Въ безотрадной пустотѣ го-
«лыхъ степей, она отливаетъ на горизонтѣ сизою полосою,
«при видѣ которой въ самомъ не поэтическомъ воображеніи
«невольно возбуждается идея мрачнаго «лѣса». Присоедините
«сюда набережную опушку Днѣпра: и вы увидите въ натурѣ
«Гилею, совершенно согласную съ тѣмъ описаніемъ, которое
«объ ней оставлено Геродотомъ».

Но если и теперь еще въ Днѣпровскихъ плавняхъ нельзя не узнать его Гилею, лѣсную сторону, то эти плавни должны были обращать на себя вниманіе и тѣхъ писателей, которые говорятъ о нашемъ краѣ въ послѣдующіе вѣка. Такъ напр. Мела (II, 1, 5) который, согласно съ Геродотомъ, помѣщаетъ Гилею между Борисоенесомъ и Гипакирисомъ, присовокупляетъ: *silvae deinde sunt, quas maximas hae terrae ferunt.* Въ свою очередь Плиній (V, 26, § 12) не ошибается касательно характера и положенія Гилеи, замѣчая, что она находилась къ востоку отъ Ахиллесова ристалища, и изобиловала деревьями. Онъ еще присовокупляетъ, что по ея имени близкая къ ней часть моря называлась Hylaeum mare, и что ея обитатели носили имя Enoecadloae. По примѣру поэта Скимна, безъименный авторъ перипла (§ 3) также ищетъ Гилею при нижнемъ Днѣпрѣ, и Валерій Флаккъ (Argon. VI. 76) восхваляетъ ее за изобиліе и высоту деревьевъ, въ ней растущихъ:

Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trabes: fessaeque prius rediere sagittae
Arboris ad summum quam pervenere cacumen.

Правда и то, что Страбонъ вовсе не упоминаетъ о Гилеѣ. Однако въ этомъ случаѣ его молчаніе, если бы оно даже не объяснялось пропускомъ въ родѣ тѣхъ, которые нерѣдко встрѣчаются въ его прекрасномъ трудѣ, не можетъ служить доказательствомъ, что, въ его время, свѣдѣніе о Гилеѣ сохра-

нилось развѣ въ одномъ только воображеніи поэтовъ, или что приведенные римскіе авторы довольствовались выписками изъ Геродота и неимѣли подъ рукою новѣйшихъ источниковъ для географіи края, тогда уже вошедшаго въ составъ Римской имперіи. Что въ то время Гилея еще не лишилась прежняго своего характера, видно изъ свидѣтельства посѣтившаго ее греческаго оратора Діона [23]), который сравниваетъ высокія ея деревья съ корабельными мачтами. Еще болѣе Діона увлекается поэтически-ораторскимъ восторгомъ историкъ Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 8, 40), когда, не довольствуясь помѣщеніемъ города Борисоенеса *«in marginibus nemorosis»* рѣки того же имени, присоединяетъ туда же городъ Cephalonesus и жертвенники, посвященные Александру Великому и Кесарю Августу.

Подобно тому, какъ Днѣпровскія плавни по изобилію лѣса были названы Гилеею, въ послѣдствіи по деревьямъ, въ нихъ растущимъ, онѣ могли получить названіе Ἀβική, подъ которымъ Гилея извѣстна Стефану Византійскому (подъ слов. Ὑλέα); таже самая причина могла побудить итальянскихъ моряковъ XIV и XV столѣтій наименовать ихъ pidea, тогда какъ находящійся тутъ городъ Алешки могъ быть такъ названъ по ольхамъ, растущимъ въ его окрестностяхъ (см. выше I, стр. 94 — 97). Назадъ тому лѣтъ полтораста тамъ безъ сомнѣнія, было болѣе деревьевъ, нежели теперь, почему и Турки могли сказать, что Запорожцы, которые, послѣ сраженія при Полтавѣ, искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ *«лѣсъ братьевъ»*. Въ среднихъ вѣкахъ этотъ лѣсъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства, слѣдовательно могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гильберъ де Ланнуа, во время своего путешествія изъ Монкастро въ Каффу, въ 1421 г. А что этотъ лѣсъ могъ тогда еще отчасти состоять изъ хвойныхъ деревьевъ, именно сосенъ, это явствуетъ изъ того, что и нынѣ, вопреки мнѣнію столь рѣшительно высказанному теперешнимъ владѣльцемъ час-

[23]) Orat. XXXVI, II ed, Reiske p. 74.

ти Гилеи, (см. Васильевскій: Разборъ соч. Ф. Бруна etc. 16) онъ самъ могъ убѣдиться въ существованіи прекраснаго сосноваго лѣса или рощи въ этихъ мѣстахъ, т. е. не только въ кучугурахъ или пескахъ въ 10 верстахъ отъ Алешекъ, близъ почтовой дороги въ Каланчакъ, но даже въ самомъ городѣ [24]).

Такъ какъ плавни на правомъ берегу Днѣпра, т. е. на нагорной его сторонѣ простираются вверхъ по рѣкѣ до устья Подпольной, а на лѣвой даже почти до пороговъ [25]), то нѣтъ причины утверждать съ *Нейманомъ* (l. l. стр. 80) и другими, что, по взгляду Геродота, Гилея не переходила за окрестности Берислава.

Съ другой стороны *Нейманъ* (l. c. прим.) уже слишкомъ далеко раздвигаетъ Гилею къ востоку, потому только, что Геродотъ (IV, 9) упоминаетъ о пещерѣ въ Гилеѣ, и что таковыя встрѣчаются при Молочной. Если бы Гилея находилась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, то сказанную пещеру, гдѣ Геркулесъ встрѣтился съ эхидною, слѣдовало бы искать не на луговой сторонѣ рѣки, а около Берислава.

Но такъ какъ въ вышеозначенныхъ предѣлахъ лѣса встрѣчаются въ долинѣ Днѣпровской и на правой и на лѣвой сторонѣ рѣки, то и должно думать съ *Надеждинымъ*, что наименованіемъ Гилеи Геродотъ дѣйствительно означалъ оба берега, а не одинъ только лѣвый, какъ обыкновенно думаютъ на основаніи извѣстнаго мѣста въ описаніи Скиѳіи (IV, 18): *какъ перейдешь Борисѳенесъ, такъ первая отъ моря Гилея.* Легко могло статься, что Геродотъ этимъ хотѣлъ только означить, что въѣзжающему съ моря въ Днѣпръ представлялась тотчасъ Гилея, особенно если, какъ замѣчаетъ *Надеждинъ* (l. l. 51, примѣч. 63), имѣть въ виду, что у древнихъ Эллиновъ глаголъ διαβαίνειν означалъ не только «*переходить*», но и просто «*идти*», проходить мимо.

---

[24]) Извлечено изъ письма къ автору Д. Ст. В. Зеленкевича, проживающаго въ Алешкахъ, отъ 13 го октября 1879 г.

[25]) *Шмидтъ* l. c. I, стр. 178.

Если же Геродотъ дѣйствительно хотѣлъ сказать, что *«перешедшему»* рѣку при устьѣ ея представлялась Гилея, то и въ такомъ случаѣ онъ былъ бы совершенно правъ, потому что нынѣ еще на луговой сторонѣ лѣски начинаются гораздо ниже Алешекъ, какъ явствуетъ изъ отрывка, который мы только что привели изъ статьи *Надеждина*, тогда какъ на нагорной сторонѣ они являются уже за Херсономъ.

Предполагая же, что Гилея находилась по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра, нѣтъ надобности переставлять, съ *Линдеромъ*, знакъ препинанія въ текстѣ Геродота, чтобы выводить изъ его словъ заключеніе, что Гилея находилась и на правой сторонѣ Днѣпра.

Надеждинъ могъ (l. l. стр. 406) догадку *Линднера* считать остроумною, но во всякомъ случаѣ не долженъ былъ сказать, что эта перестановка запятой требовалась, вынуждалась высшею критикою текста: вмѣсто того, чтобы этимъ способомъ *«открыть ларчикъ»*, *Линднеръ* развѣ только перевернулъ его на другую сторону, т. е. изъ одной крайности впалъ въ другую.

Вообще мнѣ кажется, что нѣмецкому автору, порицавшему съ такою самонадѣянностью заслуги прежнихъ толкователей Геродота отъ *Целларія* до *Кеппена*, нашъ остроумный и ученый соотечественникъ оказалъ уже слишкомъ много чести, сказавъ, что книга *Линднера* есть «одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной археологической критики (l. l. стр. 394)». Едвали это не комплиментъ, сдѣланный *Надеждинымъ* баварскому совѣтнику посольства за то, что ему было «пріятно видѣть», что описаніе *Линднера* проникнуто вездѣ чувствомъ глубокаго уваженія и искренняго сочувствія къ благодѣтельному вліянію Россіи на древнюю Скиѳію (ibid. стр. 419).

Впрочемъ, можно вполнѣ раздѣлять сочувствіе *Надеждина* къ чувствамъ *Линднера*, а тѣмъ не менѣе думать, что первый не имѣлъ права сказать о послѣднемъ отъ имени Одесскаго Общества исторіи и древностей, что оно умѣетъ отдать пол-

ную справедливость его труду и считаетъ себя въ возможности и въ правѣ произнесть о немъ безпристрастное сужденіе.

По крайней мѣрѣ въ числѣ членовъ этого Общества, къ которому въ то время принадлежали, между прочимъ, *А. С. Струдза*, *П. В. Беккеръ* и *М. Д. Палеологъ*, находились, сколько я помню, и такіе, которые считали себя не менѣе безпристрастными, чѣмъ *Надеждинъ*, а все-таки согласились бы скорѣе съ мнѣніемъ *Неймана* (l. l. стр. 204 прим.), оцѣнивающаго достоинство приведеннаго сочиненія *Линднера* и двухъ другихъ его трудовъ слѣдующимъ образомъ: Ich habe alle drei Schriften gelesen, kann aber von ihnen keinen andern Gebrauch machen, als dass ich sie allen einer Erheiterung bedürftigen Philologen angelegentlichst empfehle.

Съ подобнымъ-же пренебреженіемъ отзываются о его трудахъ *Ганзенъ* (l. l. стр. 51) и *Кольстеръ* (l. l. 581), которые почти въ одно время съ *Надеждинымъ* старались объяснить извѣстія Геродота о Скиѳіи и Скиѳахъ. Впрочемъ попытка ихъ не совсѣмъ удалась. По крайней мѣрѣ вопросы топографическіе они только еще болѣе запутали, безъ сомнѣнія потому, что не имѣли случая посѣтить предварительно нашъ край и должны были составить себѣ понятіе о немъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ производилъ на путешественниковъ, познакомившихся съ нимъ болѣе или менѣе поверхностно.

Къ сожалѣнію нѣмецкіе филологи, считая книгу своего соотечественника-дилетанта годною только для развлеченія, не чувствовали расположенія одобрить даже тѣ изъ новыхъ гипотезъ его, которыя случайно могли оказаться основательными. Въ противномъ случаѣ *Кольстеръ* (l. l. XIII. 22) не сказалъ бы, что *Ганзенъ* рѣшилъ вопросъ о Пантикапеѣ, отыскавъ его въ Конкѣ, а *Нейманъ* (l. l. 205) не удовольствовался бы заявленіемъ, что тотъ-же Пантикапеѣ долженъ соотвѣтствовать какой-нибудь изъ степныхъ рѣчекъ, протекающихъ къ востоку отъ Днѣпра. Напротивъ того, они бы едвали ошиблись, еслибы рѣшились повѣрить *Линднеру*, который

говоритъ, что Пантикапесу не могла соотвѣтствовать никакая другая рѣка, кромѣ Ингульца.

Рѣка эта вытекаетъ изъ разливовъ, скопившихся, въ лѣсистомъ оврагѣ Александрійскаго уѣзда, въ небольшомъ разстояніи отъ херсонскихъ поселеній Михайловки и Федваря. Направляясь преимущественно отъ сѣвера къ югу, она по прямому протяженію имѣетъ 217 верстъ, а съ многочисленными извилинами своими, столь выгодными для прилегающихъ къ ней степей, даже 523 версты, такъ что собственно заслуживаетъ названіе Большаго, а не Малаго Ингула, далеко оставляя за собою настоящій Ингулъ, имѣющій по прямому направленію только 148 верстъ, а со всѣми изгибами — 324. Принимая на пути своемъ до двадцати рѣчекъ, Ингулецъ въ верхнемъ теченіи своемъ образуетъ болотистую долину, а въ нижнемъ принимаетъ видъ большой рѣки, не уступающей въ ширинѣ главному руслу Днѣпра, съ которымъ соединяется въ 18 верстахъ выше Херсона (Шмидтъ, l. l. стр. 209) представляя и нынѣ еще взорамъ проѣзжающаго, особенно на лѣвомъ берегу своемъ, немалыя пространства, покрытыя лѣсомъ.

Предоставляю геологамъ рѣшить вопросъ: можно ли лѣсистый оврагъ и болота верхняго Ингульца признать за слѣды озера, изъ котораго по Геродоту (IV, 54) вытекалъ Пантикапесъ?

Если отвѣтъ знатоковъ будетъ отрицателенъ, то я готовъ сказать съ *Нейманомъ* (l. l. стр. 207), что это озеро, подобно тѣмъ, изъ которыхъ, по словамъ Геродота, вытекали другія рѣки Скиоіи, могло быть произведеніемъ фантазіи современниковъ греческаго историка, пытавшихся такимъ образомъ объяснить ученую систему.

Какъ бы то ни было, но все остальное, что Геродотъ говоритъ о Пантикапесѣ, гораздо удобнѣе можетъ быть примѣнено къ подробностямъ, приведеннымъ нами объ Ингульцѣ, нежели къ особенностямъ одного изъ прочихъ притоковъ Днѣпра, по обѣимъ его сторонамъ отъ самыхъ пороговъ до устья.

Такъ, по Геродоту, Пантикапесъ, подобно Борисѳенесу,

течетъ съ сѣвера; между этими рѣками живутъ Скиѳы земледѣльцы (γεωργοί). За тѣмъ Пантикапесъ уже смѣшалъ свои воды съ Борисѳенесомъ, оросивши Гилею.

Извѣстно, что у Скимна и Безъименнаго (§ 4) страна эта названа Ивлою, какъ думаютъ, по ошибкѣ. Но въ этомъ случаѣ странно, что ошибочнымъ названіемъ этимъ означалась половецкая рѣка Ивла, подъ которой *Карамзинъ*[26]) разумѣлъ Ингулъ, *Арцыбышевъ* же[27]) — Бузувлукъ. Такъ какъ между этими рѣками течетъ Ингулецъ, то спрашивается, почему же онъ не могъ соотвѣтствовать половецкой рѣкѣ, особенно если принять во вниманіе, что ея имя напоминаетъ рѣку Ивулъ Константина Багрянороднаго[28]), которую обыкновенно принимаютъ не за Ингулъ или Бузувлукъ, а за Ингулецъ. Слѣды прежняго его наименованія до нынѣ сохранились въ рѣчкѣ Гивлеикѣ, берущей свое начало близъ верховьевъ Ингульца[29])

Правда, что Геродотъ, идущій при описаніи рѣкъ Скиѳіи отъ запада къ востоку, сначала говоритъ о Борисѳенесѣ, а за тѣмъ уже переходитъ къ Пантикапесу. Но изъ этого можно только вывести заключеніе, что въѣзжающему въ Днѣпръ съ моря сперва представлялось устье Борисѳенеса, а за тѣмъ уже устье Пантикапеса. Дѣйствительно устье Днѣпровскаго лимана и даже самаго Днѣпра въ лиманъ находится къ западу отъ устья Ингульца[30]).

---

[26]) Ист. Госуд. Росс. изд. *Эйнерлинга*, III, прим. 74.

[27]) Повѣствованіе о Россіи, I, стр. 250.

[28]) De administrando imperio, гл. 42.

[29]) Исторія о Казакахъ Запорожскихъ (князя *Мышецкаго*), Одесса 1852, стр. 75.

[30]) Безъ сомнѣнія это обстоятельство еще не объясняетъ, почему Геродотъ, перейдя чрезъ Днѣпръ въ Гилею, возвращается оттуда на правый берегъ рѣки, чтобы перейти къ Пантикапесу, отдѣлявшему, по его словамъ, Скиѳовъ-земледѣльцевъ отъ кочующихъ. Чтобы устранить это недоумѣніе мнѣ остаются только два способа, а именно: 1) допустить, что въ текстѣ Геродота (IV, 18) первоначально не было словъ *ἄνω* или *ἄνω ἰόντι*, которыми комментаторы замѣнили слово *ἄνθρωποι*, явно по ошибкѣ только попавшее въ это мѣсто рукописей (ср. *Baehr* l. l. vol. II, c. XVIII, p. 325); или же 2) предположить съ г. профессоромъ *Струве*, что Геродотъ могъ смѣшать Борис-

Иное дѣло съ Ингуломъ, въ которомъ *Надеждинъ* (I. I. 51), при всемъ уваженіи къ догадливости *Линднера*, видитъ Пантикапесъ, единственно потому, что по его мнѣнію Геродотъ, называя Борисѳенесомъ собственно Днѣпръ, въ тоже время разумѣлъ подъ этимъ именемъ и Бугъ, казавшійся ему, «*почти до нынѣшняго Вознесенска, протокомъ Днѣпра*».

Излишнимъ было бы распространяться здѣсь объ ошибочности этого мнѣнія, тѣмъ болѣе, что оно уже было опровергнуто, какъ нельзя лучше, г. *Думшинымъ*[31]) Замѣчу только, что Птолемей, на котораго въ особенности ссылается[32]) *Надеждинъ*, подъ устьемъ Борисѳенеса разумѣлъ не мѣсто впаденія Днѣпра въ лиманъ, а устье самаго лимана, почему и могъ, не ошибаясь, помѣстить устье Гипаниса къ востоку отъ устья Борисѳенеса. Западнымъ рукавомъ этой послѣдней рѣки онъ считалъ не Бугъ, какъ полагалъ *Надеждинъ* (I. I. стр. 44), ни Березину, какъ думали *Эйхвальдъ* и другіе, а — Ингулецъ, и потому то вовсе не упоминаетъ о Пантикапесѣ, хотя у него встрѣчаются имена другихъ рѣкъ Геродотовой Скиѳіи, за исключеніемъ впрочемъ Гипакириса, превратившагося у него отчасти въ рѣку Каркинитисъ, отчасти въ заливъ того же имени.

Озеро Амадокасъ, изъ котораго вытекалъ западный ру-

ѳенесъ съ Пантикапесомъ, разумѣется только въ нижнемъ ихъ теченіи. Опорами этого, по видимому, слишкомъ смѣлаго мнѣнія, могло бы послужить, что и Птолемей, какъ ниже будетъ показано, видѣлъ въ Ингульцѣ второй Борисѳенесъ, что нижній Днѣпръ болѣе Ингульца заслуживаетъ названіе Пантикапесъ, протекая весь въ садахъ, и что онъ также лучше защищалъ бы жилища Скиѳовъ-земледѣльцевъ отъ набѣговъ кочующихъ ихъ собратій; наконецъ что Святые пути пролегали по Геродоту (IV, 81) между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ, между тѣмъ какъ эта мѣстность находилась явно между Бугомъ и Ингульцомъ.

[31]) О рѣкахъ Скиѳіи, по Геродоту, въ Трудахъ студентовъ Ришельевскаго Лицея, Одесса, 1852, стр. 35 и слѣд.

[32]) Зап. Одесс. Общ. I, стр. 44: «Одному Птолемею», говоритъ *Надеждинъ*, «удалось это соглашеніе (древнихъ текстовъ съ дѣйствительностью) естественнѣе и вѣрнѣе всѣхъ, оттого что онъ крѣпче придерживался преданія о тождествѣ Буга съ Борисѳенесомъ. У него Бугъ есть самостоятельная рѣка, и съ тѣмъ вмѣстѣ Борисѳенесъ, какъ вѣрно казался онъ и Геродоту».

кавъ Борисоенеса, могло быть то самое, которое, по Геродоту, дало свое начало Пантикапесу.

Что Птолемей подъ западнымъ рукавомъ Борисоенеса дѣйствительно разумѣлъ Ингулецъ явствуетъ еще изъ того, что городъ Митрополисъ, лежавшій, по его словамъ (III. 5), при сліяніи обоихъ рукавовъ Борисоенеса, отмѣченъ у него подъ 56 гр. 30 м. долг. и 49 гр. 30 м. шир., стало быть точно въ такомъ же разстояніи отъ Ольвіи (57 гр. д. и 49 гр. ш.), въ какомъ этотъ городъ помѣщенъ отъ устья Борисоенеса (57 гр. 30 м. д. и 48 гр. 30 м. ш.).

Если же, по словамъ Страбона (VII, 3 § 17), рѣка эта была судоходна только на 600 стадій, т. е. около ста верстъ, то мы вправѣ видѣть здѣсь намекъ на то, что во времена великаго географа большія суда поднимались до того мѣста, гдѣ я ищу городъ Митрополисъ Птолемея. Быть можетъ и Мела (II, 1, 6) означалъ этотъ городъ именемъ самой рѣки, говоря, что около устья Борисоенеса существовали два города: Ольвія и Борисоенесъ. Положеніе этого города при устьѣ Ингульца объяснило бы также ошибку нѣкоторыхъ древнихъ географовъ, по которымъ, какъ еще замѣтилъ ученый Плиній (IV, 12, 26), Борисоенесъ принималъ рѣку Пантикапесъ, подъ Ольвіею, названною имъ также Милетополисомъ, тогда какъ, прибавляетъ онъ, вмѣсто Пантикапесъ слѣдовало бы сказать Гипанисъ, diligentiores Hypanim [33]).

---

[33]) Могло также статься, что Птолемей смѣшалъ рѣку Пантикапесъ съ Гипанисомъ (какъ это часто случалось по словамъ Плинія) потому что, помѣщая устье Гипаниса на полградуса къ востоку отъ устья Борисоенеса, онъ заставляетъ его совпадать съ тою точкою, въ которой Днѣпръ принимаетъ въ себя Ингулецъ, признанный нами за Геродотовъ Пантикапесъ. Если наша догадка справедлива, то западному рукаву Борисоенеса соотвѣтствовалъ бы не Ингулецъ, а Бугъ, *Амадокское* же озеро совпадало бы съ *Кодымой*, «матерью Гиписа». Въ пользу предположенія, что подъ именемъ втораго Борисоенеса Птолемей дѣйствительно могъ разумѣть не Ингулецъ, а Бугъ, говоритъ еще то обстоятельство, что онъ называетъ нѣсколько городовъ, лежавшихъ на берегу этой рѣки, какъ то: Ніоссонъ, Сарбаконъ или Барсаконъ и Лейнонъ. Города эти врядъ ли могли помѣститься при степной рѣчкѣ, при

Такъ какъ Аммiанъ Марцеллинъ вовсе не упоминаетъ о Гипанисѣ, то легко могло статься, что подъ городомъ Борисоенесомъ, лежавшимъ въ «*плавняхъ Днѣпровскихъ*», онъ также разумѣлъ не Ольвiю, а Митрополисъ. По крайней мѣрѣ Iорнандъ [34]), Анонимъ Равенскiй [35]) и географъ Гвидо [36]) еще отличаютъ Ольвiю отъ города Борисоениды, почему и позволено думать, что подъ послѣднимъ городомъ они разумѣли Митрополисъ Птолемея и Стефана Византiйскаго.

Обстоятельство, что александрiйскiй географъ, подобно Мелѣ (II, 1, 6), Плинiю (IV, 26) и Страбону (VII, 3 § 17), указываетъ городу Ольвiи также мѣсто на Борисоенесѣ, можетъ только служить доказательствомъ, что нижнюю часть Бугскаго лимана они считали частью Днѣпровскаго. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что Геродотъ, который, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ говоритъ какъ очевидецъ (IV, 71), былъ того-же мнѣнiя. Напротивъ, онъ прямо говоритъ, что Борисоениты жили при Гипанисѣ (IV, 53), насупротивъ святилища Димитры, стоявшаго на мысѣ Гипполаевомъ, который въ видѣ клина выдавался между Борисоенесомъ и Гипанисомъ, изливавшимися въ одну и ту же заводь, т. е. въ лиманъ.

которой и въ настоящее время нѣтъ большаго города. При Бугѣ, напротивъ того, Пiессонъ весьма удобно могъ занимать мѣсто Николаева, а Сарбаконъ— мѣсто Вознесенска: Лейнонъ же лежалъ должно быть, нѣсколько ниже Кривоозера, потому что, по словамъ Птолемея, онъ находился около самаго озера Амадоки и, можетъ быть, даже именемъ своимъ былъ обязанъ этому сосѣдству (*Ducange*. Gl. Gr., *λῆνοι*).

Кажется впрочемъ, что еще въ древности Бугъ означался и турецкимъ своимъ именемъ «Аксу» и что потому самому Птолемей подъ Аксiакесомъ, *вытекавшимъ изъ Карпатовъ*, разумѣлъ верхнее теченiе Буга, выше устья Кодымы хотя, по его взгляду, устье Аксiакеса совпадало съ лиманомъ Тилигульскимъ, или, даже вѣрнѣе, съ Березанскимъ, который явно тождественъ съ рѣкою Аспросъ Константина Багрянороднаго и съ Бѣлобережьемъ Нестора и нынѣ еще представляетъ весьма рѣзкiе слѣды непосредственнаго сообщенiя съ Бугомъ (ст. *Надеждина*, въ I томѣ Зап. Одесск. Общ. стр. 33, прим. 25).

[34]) De reb. gest. Getarum s. Gothorum, c. V.

[35]) Ravennatis Anonymi et Guidonis Cosmographia. Berol., 1860. стр. 173 и 370 (Poristenida).

[36]) Ibid. стр. 531 (Bomstenida).

Напрасно *Надеждинъ* (стр. 82; стр. 20, пр. 31 и стр. 44), чувствуя всю важность этого свидѣтельства, хочетъ насъ увѣрить, во первыхъ, что, подъ Борисоенитами Геродотъ имѣлъ здѣсь въ виду не тѣхъ, которые сами себя называли Ольвіополитами (IV, 18), а Скиѳовъ-земледѣльцевъ, которые жили выше Гилеи, и которыхъ первые называли Борисоенитами; во вторыхъ — что мысъ Гипполаевъ долженъ быть ничто иное, какъ тотъ мысъ, который между лиманами Днѣировскимъ и Березанскимъ выдается особенно при нынѣшнемъ Очаковѣ. «Здѣсь», восклицаетъ онъ, «насупротивъ другаго мыса, освященнаго воспоминаніями Ахилла, при первой встрѣчѣ отъ моря съ материкомъ, всего приличнѣе было мѣсто святилищу Димитры, Матери-Земли».

Оба эти мнѣнія рѣшительно неосновательны. Что касается Борисоенитовъ, то авторъ не могъ не замѣтить, что подъ этимъ именемъ Геродотъ неоднократно (IV, 78, 79) разумѣлъ Ольвіополитянъ, между тѣмъ какъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ всегда называетъ Скиѳами. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что подъ Борисѳенитами, обитавшими при Гипанисѣ, Геродотъ также разумѣлъ Эллиновъ, а не Скиѳовъ. Но такъ какъ *Надеждину* нужны были «горожане Ольвіи», которые обитали бы при Борисѳенесѣ, Геродотъ же о таковыхъ вовсе не упоминаетъ, то онъ пытается обратить его молчаніе въ свою пользу, замѣчая, что «въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда напримѣръ жители нынѣшняго города Одессы, въ его портофранковой чертѣ, называютъ себя Одесситами. Всякому внимательному путешественнику скорѣе бросится въ глаза, и онъ охотнѣе замѣтитъ то, что жители Татарки, Усатовыхъ Хуторовъ, и даже Дальника, величаются также именемъ Одесситовъ».

Что же касается Гипполаева мыса, то неужели *Надеждинъ* надѣялся, что онъ «здѣсь порѣшилъ со всѣми недоумѣніями», объявивъ, что храму Димитры приличнѣе всего было стоять насупротивъ Кинбурна, или Килибуруна, если бы даже

этотъ мысъ, подобно городу Киліи на Дунаѣ, именемъ своимъ былъ обязанъ герою Иліады [37]).

По крайней мѣрѣ я вполнѣ увѣренъ, что въ ученомъ мірѣ едва ли найдется компетентный судья, который не согласится съ мнѣніемъ, что Гипполаевъ мысъ могъ соотвѣтствовать одному только мысу Станиславскому, такъ какъ этотъ мысъ по Діону Хрисостому (l. c.) находился насупротивъ Ольвіи, а городъ этотъ лежалъ при Гипанисѣ, хотя и получилъ второе прозвище отъ Борисѳенеса.

Если же «все это», какъ говоритъ *Надеждинъ* (l. c. стр. 43), «и были только толки и догадки, порожденные желаніемъ согласить съ буквою древнихъ текстовъ измѣнившуюся или точнѣе дознанную дѣйствительность», то нельзя не видѣть въ догадкахъ *Надеждина* непониманіе яснаго въ этомъ случаѣ свидѣтельства Геродота. Со стороны человѣка, который взялся объяснить Геродотово описаніе Скиѳіи чрезъ сличеніе его съ мѣстностями, подобная погрѣшность становится гораздо предосудительнѣе, нежели напр. промахъ *Кольстера* (l. c. XII, стр. 616), который не имѣлъ случая видѣть своими глазами развалины Ольвіи и вывелъ изъ словъ Геродота заключеніе, будто бы торжище Борисѳенентовъ находилось не въ селѣ Порутинѣ, а на противуположной сторонѣ Буга, около Русской косы.

---

[37]) Едва ли *Надеждинъ* имѣлъ въ виду это обстоятельство, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 53, пр. 66), вѣроятно по примѣру барона *Тотта* (Mém. s. l. Turcs et les Tartares, Maestricht, 1785, II, стр. 57), производитъ наименованіе Кинбурна отъ турецкаго Кылъ буруну, «мысъ волосъ». Скорѣе, мнѣ кажется, онъ съ *Келеромъ* и *Бларамбергомъ* сюда помѣщаетъ Священную рощу Ахиллеса, о которой говоритъ Страбонъ (VII, 3, 19), хотя послѣдній подъ этимъ мысомъ «безлѣснымъ» вѣроятно разумѣлъ оконечность острова Тендры, превращенную Безъименнымъ въ Священную рощу Гекаты: Птолемей же, который оконечность Тендры называетъ просто Священнымъ мысомъ, подъ рощею Гекаты могъ разумѣть оконечность Кинбурнской косы, или, пожалуй, Очаковъ. Не мѣшаетъ однако припомнить, что въ сосѣдствѣ этого города находится островъ Березань, который часто смѣшивали съ островомъ Ахиллеса, лежащимъ противъ Киліи, или Килліи (Зап. Од. Общ. I, 299), также иногда называемой Ахиллеею (*Sulzer*, Gesch. des transalpinischen Daciens, I, 1, стр. 458) и совпадавшей, быть можетъ, съ городомъ Аколятра (Воскр. лѣт. 1793, I, стр. 20).

«По» говоритъ *Надеждинъ* (l. l. стр. 31), «у Геродота не упоминается вовсе никакого города на Гипанисѣ: у него, и у Эллиновъ на Гипанисѣ, и у Эллиновъ на Борисоенесѣ (?), царитъ одинъ городъ, который назывался Борисоенесомъ, безъ сомнѣнія оттого что стоялъ при Борисоенесѣ».

Напротивъ того, какъ уже замѣтилъ *Тумшинъ* (l. с. стр. 36), у Геродота ясно опредѣлено мѣстоположеніе древняго города, по отнюдь не на Борисоенесѣ, потому что онъ говоритъ (IV, 17): начиная отъ торжища Борисеенитовъ, которое находится въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиоіи, первые живутъ Каллипиды, которые суть Эллины-Скиоы; выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами. Они и Каллипиды сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиоы-оратаи (или пахари, ἀροτῆρες), которые сѣютъ хлѣбъ не (только?) для снѣды, но и на продажу (ἐπὶ πρήσει). Выше ихъ живутъ Невры: отъ Невровъ къ сѣверу, сколько намъ извѣстно, лежитъ земля безплодная. Эти народы живутъ по рѣкѣ Гипанису, къ западу отъ Борисѳенеса

Такимъ образомъ, перечисляя народы, жившіе къ сѣверу отъ торжища Борисоенитовъ, Геродотъ идетъ вверхъ по Гипанису, и тѣмъ опредѣлительно указываетъ, что это торжище находилось при южной части рѣки, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ лежала древняя Ольвія.

Убѣдившись въ тождествѣ Гипаниса съ Бугомъ, постараемся отыскать мѣста обитанія различныхъ народовъ, жившихъ по его теченію, приводя здѣсь предварительно то, что Геродотъ самъ говоритъ объ этой рѣкѣ послѣ описанія Истроса и Тиреса, который, по его словамъ (IV, 51), стремится съ сѣвера, получивъ свое начало изъ большаго озера на границѣ между землею Скиоскою и Неврикою. Сказавъ еще, что при устьѣ Тиреса жили Эллины, онъ продолжаетъ (IV, 52):

Третья рѣка, Гипанисъ, беретъ свое начало въ Скиоіи, выходя изъ большаго озера, вокругъ котораго пасутся дикіе бѣлые кони. Это озеро по справедливости называется «*ма-*

терью Гипаниса». Выйдя изъ него, Гипанисъ течетъ небольшимъ каналомъ, и на пять дней плаванія воды его сладки, но потомъ, къ морю, на четыре дня, весьма горьки. Причина та, что въ него впадаетъ *«Горькій ключъ»*, который такъ горекъ, что портитъ весь Гипанисъ, ποταμὸς ἐν ὀλίγοισι μέγας, т. е. рѣку большую между малыми, какъ эти слова Геродота были поняты многими, въ томъ числѣ *Надеждинымъ*, или же, какъ правильнѣе переводятъ *Летронъ*[38]) и *Гинзенъ* (l. l. § 66), рѣку, которой по значительности своей равняются немногія. Нужно только допустить согласное съ дѣйствительностью предположеніе г. *Струве*, что эта замѣтка Геродота относится лишь къ четыремъ днямъ плаванія по нижнему теченію Буга, въ противоположность къ пяти днямъ пути, которыя рѣка протекала въ узкомъ руслѣ, или другими словами, что Геродотъ говоритъ не о длинѣ теченія, а о ширинѣ и величественномъ видѣ этой рѣки.

Далѣе Геродотъ говоритъ: находится же этотъ ключъ на предѣлахъ страны Скиѳовъ-пахарей и Алазоновъ, а имя какъ самому ключу, такъ и мѣсту, откуда онъ вытекаетъ, по скиѳски Эксампеосъ, по эллински — Святые пути. У Алазоновъ Тиресъ и Гипанисъ сближаются другъ съ другомъ; но потомъ, расходясь, тотъ и другой оставляютъ между собою широкое пространство.

Въ настоящее время Бугъ судоходенъ только около Александровки, въ 15 верстахъ выше Вознесенска. Дальнѣйшему плаванію вверхъ по рѣкѣ препятствуютъ гранитные острова и подводные камни, составляющіе только верхнюю часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою, и которые образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ.

Но такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ, берега рѣки сближаются къ самому ея теченію (*Шмидтъ*, l. l. стр. 189) и нигдѣ не образуютъ долины, возвышаясь надъ уровнемъ воды

[38]) Journal des Savans, 1817, стр. 98: d'une grandeur peu commune.

отъ 40 до 60 сажень, то позволено думать, что въ древности, когда всѣ наши рѣки, безъ сомнѣнія были значительнѣе, чѣмъ нынѣ, судоходство могло производиться и между Александровкою и Ольвіополемъ, по крайней мѣрѣ въ полую воду, особенно если принять во вниманіе, что весною и теперь еще у Ольвіополя горизонтъ Буга поднимается на двѣ сажени, и что разливы его затопляютъ не только камышевыя, но и луговыя плавни въ окрестностяхъ Вознесенска (ibid. 192), между тѣмъ какъ, по *Скальковскому*[39]), многіе изъ камней, лежащихъ въ рѣкѣ, могли свалиться туда въ теченіе вѣковъ отъ прибрежныхъ скалъ.

Вѣроятно графъ *Потоцкій*[40]) имѣлъ въ виду это обстоятельство, когда отыскивалъ Горькій ключъ Геродота въ Синюхѣ, изливающейся въ Бугъ при Ольвіополѣ. Но такъ какъ устье этого ключа отстояло только на четыре дня плаванія отъ моря, то мнѣнію графа я готовъ предпочесть мнѣніе, къ которому склоняется *Нейманъ* въ сочиненіи столь-же привлекательномъ, какъ и основательномъ, по крайней мѣрѣ въ географической части своей. Авторъ книги «Die Hellenen im Skythenlande» полагаетъ (см. прилож. къ его сочиненію карту), что *Святые пути* Геродота пролегали близъ Вознесенска; въ пользу этого мнѣнія онъ могъ бы присовокупить, что Синяя вода именемъ своимъ менѣе припоминаетъ горькій ключъ нежели Мертвоводъ, между тѣмъ какъ послѣдній столь-же мало (по крайней мѣрѣ) годится для питья, какъ и вода Синюхи. Хотя на видъ она хороша, но для питья вредна, порождая лихорадку, (*Шмидтъ*, l. l. 214) вѣроятно по причинѣ спокойнаго стоянія водъ ея, не зыблемыхъ вѣтромъ, отъ которыхъ ихъ защищаютъ возвышенные берега Но такъ какъ отъ сближенія этихъ береговъ въ полую воду быстрота теченія въ ней бываетъ очень велика, то легко могло статься, что, во времена Геродота, когда устье Мертвовода еще не засорилось окончательно (что случилось только въ 1856 г.), онъ болѣе нынѣшняго сообщалъ вредныя свойства

[39]) Опытъ Стат. Опис. Новоросс. края, I, стр. 10.

[40]) *Potocki*, Voyage dans les steps, ed. Klaproth, II, стр. 158.

свои Бугу и дѣлалъ его воду негодною для питья (IV, 52), по крайней мѣрѣ по вкусу древнихъ Грековъ, которые лучше насъ умѣли отличать хорошую воду отъ дурной.

Разумѣется, что это вредное вліяніе Мертвовода могло быть ощутительно лишь на весьма небольшой части теченія Буга, почему и должно думать, что Геродотъ приписалъ Мертвоводу горечь, которая была слѣдствіемъ морской воды.

Такъ какъ вліяніе ея въ древности едва ли могло простираться до Синюхи, то мы имѣемъ новое доказательство, что устье горькаго ключа не могло находиться такъ высоко. Это подтверждается также приведенною выше замѣткою Геродота, что Гипанисъ уже послѣ соединенія съ горькимъ ключемъ принялъ видъ значительной рѣки. Таковою Бугъ становится дѣйствительно только ниже пороговъ.

Сказанная близость другъ къ другу береговъ Мертвовода объясняетъ еще, почему эта рѣка могла казаться Геродоту маленькимъ ключемъ. Хотя Мертвоводъ имѣетъ протяженія до 200 верстъ, но чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ источниковъ, тѣмъ болѣе врѣзывается въ берега, обнажаетъ гранитъ, представляющійся въ видѣ отвѣсно-стоящихъ скалъ, стѣсняющихъ его русло какъ бы въ трубу, въ одну сажень шириною. Подобные скалистые берега въ послѣдній разъ встрѣчаются на Мертвоводѣ въ 7 верстахъ выше Вознесенска, образуя узкое и до того извилистое ущелье, что по немъ съ трудомъ можетъ пройти челнокъ (*Шмидтъ*, l. c.).

Безъ сомнѣнія, все это еще не доказываетъ тождества этой рѣки съ горькимъ ключемъ Геродота, но зато можно сказать утвердительно, что ключъ этотъ могъ находиться только на лѣвой сторонѣ Буга. Геродотъ, лично посѣтившій эту мѣстность, помѣщаетъ ее между Гипанисомъ и Борисоенесомъ.

По этому то Скиеы-пахари, равно какъ и Алазоны, между жилищами которыхъ протекалъ горькій ключъ (IV, 52, ср. 81), должны были жить, по крайней мѣрѣ отчасти, на лѣвой сторонѣ Буга, по теченію котораго первые обитали выше послѣднихъ. Еще выше, уже внѣ Скиеіи, жили Невры, по край-

ней мѣрѣ до Днѣстра, такъ какъ онъ вытекалъ изъ озера, отдѣлявшаго Скиѳію отъ Невриды, которую жители, за одно только поколѣніе до похода Дарія, принуждены были покинуть вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія змѣй (105), хотя за тѣмъ, какъ видно изъ описанія того же похода, снова возвратились на прежнюю свою родину.

Если гдѣ-либо въ нашихъ степяхъ до такой степени могли расплодиться змѣи, то безъ сомнѣнія въ долинѣ Днѣстра ниже Дубоссаръ, вслѣдствіе разлитія рѣки, затопляющей сады, виноградники, огороды и луга, сливающейся съ Кучурганомъ и представляющей водное пространство отъ 6 до 10 верстъ шириною, которое сливается съ лиманомъ и образуетъ обширное сѣверное продолженіе его, верстъ на тридцать далѣе обыкновенныхъ его береговъ (*Шмидтъ*, 203).

Сознаюсь впрочемъ, что я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что̀ именно Геродотъ разумѣлъ подъ озеромъ, изъ котораго вытекалъ Тиресъ.

Подобнымъ образомъ не отрицаю, что озеро, названное «матерью Гипаниса», могло существовать въ одномъ только воображеніи Геродота или его понтійскихъ соотечественниковъ.

Если же, на оборотъ, это озеро, вокругъ котораго паслись бѣлые кони, находилось въ Скиѳіи, то я готовъ отыскивать слѣды его въ нынѣшней Кодыми, впадающей въ Бугъ нѣсколько верстъ выше устья Синюхи, но съ правой стороны, и рѣзко отличающейся отъ прочихъ степныхъ рѣкъ Новороссійскаго края обиліемъ водъ и песчанистымъ свойствомъ своей долины (*Шмидтъ*, 161).

Рѣку эту, вытекающую изъ Ольгопольскаго уѣзда выше Балты, съ обѣихъ сторонъ облегаютъ высокія горы, которыя иногда раздвигаются и образуютъ долину до одной версты ширины, а во многихъ мѣстахъ и болѣе. Долина эта не похожа на долины рѣкъ лиманнаго образованія. Проходящія между Бугомъ и Днѣстромъ горы идутъ не параллельно между собою, но сближаются и удаляются, образуютъ скаты и разнаго рода паденія и весьма разнообразны. Въ началѣ впрочемъ, по границѣ

Херсонской губерніи, Кодымь протекаетъ въ довольно сжатой долинѣ, ниже села Ясенова течетъ мелкимъ ручьемъ и вскорѣ совершенно теряется въ «камышеватыхъ болотахъ» и луговинахъ, потомъ опять является маленькимъ ручейкомъ и снова исчезаетъ. Отъ села Криваго-озера до села Кумарова она течетъ въ довольно широкомъ ложѣ, у послѣдняго селенія опять совершенно исчезаетъ въ «болотистой» долинѣ, поросшей лѣсомъ, и отъ села Кодымки течетъ уже непрерывною рѣкою до Буга, въ который впадаетъ двумя устьями, образующими лѣсистый островъ. Въ обыкновенное время Кодымь не имѣетъ вовсе теченія и испорченная вода ея не бываетъ годна для употребленія. Въ полую же воду Кодымь широко разливается и тогда переѣздъ чрезъ нее бываетъ затруднителенъ, не столько отъ высоты воды сколько отъ грязи. Вся долина чрезвычайно живописна: начиная отъ Балты почти до самаго устья она усѣяна непрерывнымъ рядомъ обширныхъ деревень и мѣстечекъ, разбросанныхъ вдоль скатовъ волнообразныхъ и высокихъ горъ, что, вмѣстѣ съ небольшими садами и рощами, находящимися въ долинѣ, составляетъ живописный малороссійскій пейзажъ.

Долина Кодыми во многихъ мѣстахъ представляетъ довольно обширныя пространства песку, на которомъ растетъ лѣсъ, иногда большими рощами. Пространство этихъ песчаныхъ низменностей вдоль праваго берега Кодыми, въ Херсонской губерніи, составляетъ до семнадцати квадратныхъ верстъ (*Шмидтъ*, 219).

Неудивительно было бы, если бы въ древности дикіе кони водились по берегамъ этой рѣки, такъ какъ еще не очень давно они встрѣчались въ другихъ частяхъ Херсонской губерніи, хотя уже не бѣлаго, но мышеватаго цвѣта.

Послѣ всего сказаннаго нами объ особенностяхъ долины Кодыми, нельзя также считать слишкомъ натянутымъ предположеніе, что въ древности, когда всѣ наши водохранилища были обильнѣе нынѣшняго, она соотвѣтствовала «матери Гипаниса», особенно если принять во вниманіе, что это положеніе подкрѣпляется наименованіями населенныхъ мѣстъ, лежа-

щихъ въ долинѣ Кодымы. Таково мѣстечко Палеозеро, которое *Тунманомъ*[41]) помѣщено насупротивъ Балты, но вѣроятно совпадало съ нынѣшнимъ селомъ Криво-озеромъ, лежащимъ выше по рѣкѣ[42]). Сюда наконецъ можно отнести имена слѣдующихъ селъ и урочищъ: Перелиты, Ясеново, Бобрикъ, Сырово и др.

Въ пользу мнѣнія, что долина рѣки, заключающаяся между Балтою и Палеозеромъ или Кривоозеромъ, соотвѣтствовала озеру изъ котораго вытекалъ Гипанисъ, можетъ служить еще то, что разстояніе между послѣднимъ селеніемъ и Вознесенскомъ немногимъ только превышаетъ разстояніе на которое городъ этотъ отстоитъ отъ устья Бугскаго лимана. Такимъ образомъ оказывается, что разстояніе, отдѣляющее Криво-озеро отъ Вознесенска, равнялось бы тѣмъ пяти днямъ плаванія, которое Геродотъ полагаетъ между Горькимъ ключемъ и истокомъ Гипаниса. Разумѣется, что, въ этомъ случаѣ, слѣдовало бы также допустить, что Бугъ собственно, выше впаденія въ него Кодымы, остался неизвѣстнымъ Геродоту; этому не противурѣчила бы его замѣтка, что все теченіе Гипаниса не превышало девяти дней плаванія.

Что Геродотъ дѣйствительно принялъ нижнюю часть Кодымы за верхнюю часть Гипаниса, можно также заключить изъ того, что рѣка эта съ Тирасомъ сначала близко сходилась, между тѣмъ какъ Балта отстоитъ отъ Днѣстра верстъ на сорокъ, и что по преданію, съ нимъ была соединена въ старину водянымъ путемъ, быть можетъ посредствомъ Ягорлыка, берущаго свое начало близь верховьевъ Кодымы, или посредствомъ Рыбницы, которая подходитъ къ ней еще ближе.

Достовѣрно только то, что Гипанисъ сходился съ Тирасомъ въ землѣ Алазоновъ, которые слѣдовательно жили не только на лѣвомъ берегу Буга, но и на правомъ, по крайней мѣрѣ

[41]) *Büsching*, Gr. Erdbeschreib. Troppau, 1784, IV, стр. 387.

[42]) *Lotter*, Carte géogr. représentant le théatre de la guerre entre les Russes, les Turcs etc., Augsbourg (безъ означенія года).

до Днѣстра, при устьѣ котораго, какъ уже было замѣчено выше, жили эллинскіе Тириты. Вѣроятно имъ-то принадлежалъ древній городъ Офіуса, занимавшій, какъ видно изъ показанія Страбона, (VII, 3 § 16), мѣсто нынѣшняго Аккермана и признанный тождественнымъ съ городомъ Тирасомъ другихъ автороовъ.

Между Тиритами и Ольвіополитами обитали Каллипиды; по этому-то Геродотъ и могъ сказать, что они были смѣсью Грековъ съ Скиѳами. По всей вѣроятности они были тождественны съ Карпидами, жившими, по словамъ Эфора, между Истросомъ и Борисѳенесомъ, какъ видно изъ свидѣтельства Скимна Хіосскаго (fr. 102), у котораго это извѣстіе заимствовалъ, въ свою очередь, безъименный авторъ перипла Понта Евксинскаго (ed. Gail, стр. 208). Такимъ образомъ они занимали страну, которую Страбонъ (VIII, 3 § 14) назвалъ Пустынею Гетовъ, и въ составъ которой входилъ большой островъ Тирагетовъ, упомянутый Плиніемъ (IV, 26), отыскиваемый г. *Беккеромъ* въ плавняхъ Днѣстровскихъ между Паланкою и Маяками и соотвѣтствовавшій, по моему мнѣнію, полуострову, образуемому Кучурганомъ и Днѣстромъ, при которомъ тутъ, возлѣ села Коротнаго, лѣтъ тридцать тому назадъ, была найдена греко-латинская надпись, заслуживающая особенное вниманіе изслѣдователей римскаго права и вызывающая любителей археологіи къ раскопкѣ большаго кургана, стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ была найдена надпись (см. выше, I, стр. 3—13).

Во времена Геродота Геты еще не обитали на сѣверной сторонѣ Дуная. Поэтому кажется, что жилища Алазоновъ и Каллипидовъ простирались не только до Тираса, но находились также между этою рѣкою и Истросомъ, который пятью устьями изливался въ море въ недальнемъ растояніи отъ города Истріянъ (II, 33).

Протекая отъ запада къ востоку (IV, 48), Истросъ принималъ въ Скиѳіи пять рѣкъ, изъ которыхъ первую, самую восточную, Геродотъ называетъ Пиретосъ, хотя и прибавляетъ,

что Скиѳы рѣку эту называли Пората; другая, именуемая Тіарантосъ, протекала болѣе къ западу и уступала ей въ величинѣ. Остальныя, называемыя Араросъ, Напарисъ и Ордиссосъ, протекая между ними, подобно имъ, изливались въ Истросъ.

Касательно Пиретоса, или Пораты, всѣ почти толкователи Геродота согласны въ томъ, что онъ подъ нею не могъ разумѣть никакой другой рѣки, кромѣ Прута. Но зато ученые болѣе или менѣе расходятся въ мнѣніяхъ при опредѣленіи прочихъ притоковъ Истроса, смотря потому, на сколько они хотѣли раздвинуть западную границу Скиѳіи, чтобы объяснить одно изъ самыхъ затѣйливыхъ мѣстъ въ четвертой книгѣ Геродота, а именно, что Скиѳія образовывала родъ четыреугольника, стороны котораго имѣли одинаковое протяженіе.

Предоставляя себѣ возстановить ниже этотъ четыреугольникъ въ видѣ по возможности правильномъ и стараясь здѣсь только сличить съ дѣйствительностью то, что Геродотъ говоритъ о Тіарантосѣ, я не могу не согласиться съ тѣми учеными, которые приняли эту рѣку за Алуту [43]).

Въ самомъ дѣлѣ Алута течетъ на западъ отъ Прута, и сначала даже направляется къ западу, чего впрочемъ Геродотъ не имѣлъ въ виду, хотя и говоритъ, что Тіарантосъ протекалъ πρὸς ἑσπέρης τε μᾶλλον [44]). Такъ какъ Истросъ, по его словамъ, входя въ Скиѳію, направлялъ свое теченіе къ востоку, то онъ не могъ тамъ же принимать рѣку, которая стремилась бы преимущественно отъ востока къ западу. Затѣмъ Алута, подобно Тіарантосу, меньше Прута; наконецъ между ними протекаютъ три рѣки, мало уступающія имъ въ величинѣ, а именно: Серетъ, Яломица и Арджисъ.

Такимъ образомъ остается только рѣшить вопросъ: какой изъ этихъ трехъ рѣкъ соотвѣтствовала каждая изъ тѣхъ, которыя Геродотъ припоминаетъ между Тіарантосомъ и Поратою.

---

[43]) *Байеръ*. Кратк. опис. Коммент. Академіи наукъ, 118. 119 *d'Anville*. Mém. de l'Acad. des Inscriptions XXVIII, стр. 161. *Niebuhr*, Kl. hist. Schriften, I, стр. 365; *Baehr*, 1. 1. стр. 397 и слѣд.

[44]) Ср. мнѣніе *Швейгейзера*, въ прив. трудѣ *Бера* стр. 393.

На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать съ г. *Думшинымъ*[45]), что Геродотъ необходимо долженъ былъ помѣстить ихъ отъ востока къ западу, сообразно съ общимъ положеніемъ всѣхъ рѣкъ, текущихъ въ Истръ, а не на оборотъ, какъ полагалъ *Маннертъ*[46]). Въ послѣднемъ случаѣ ему нечего было дѣлать такіе скачки: сначала отъ востока къ западу (Пората, Тіарантосъ); потомъ отъ запада къ востоку (Араросъ, Напарисъ, Ордиссосъ); наконецъ снова на западъ (Марисъ, Атласъ и другія), когда онъ могъ гораздо проще держаться одного и того-же направленія.

Итакъ Араросъ совпадалъ съ Серетомъ, Напарисъ съ Яломицею и Ордиссосъ съ Арджисомъ: въ имени послѣдняго даже слышится древнее названіе его, между тѣмъ какъ Араросъ могъ быть превращенъ Птолемеемъ (III, 10) въ Іерасосъ, который скорѣе соотвѣтствовалъ Серету, нежели Пруту, такъ какъ при его устьѣ Дунай круто поворачиваетъ къ востоку. Такимъ образомъ городъ Диногетію, лежавшій, по Птолемею, при впаденіи Іерасоса въ Дунай, пришлось бы искать не при Рени на Прутѣ, а нѣсколько къ западу отъ Галаца, на восточномъ берегу Серета, гдѣ сохранились развалины[47]).

Протекавшая къ западу отъ Тіарантоса рѣка Марисъ, подъ которой Геродотъ явно разумѣлъ Марошъ и Тиссу, отъ принятія ею перваго, находилась уже внѣ Скиѳіи въ землѣ Агаѳирсовъ, жилища которыхъ граничили къ С. В. съ Неврикою.

Одинъ только *Линднеръ* (l. l. стр. 138) предполагалъ тождество Мариса съ Алутою, а *Надеждинъ* объявилъ это предположеніе фактомъ, не подлежащимъ уже никакому сомнѣнію, единственно на томъ основаніи, что Геродотъ (IV, 104) называетъ Агаѳирсовъ народомъ «золотоносным» и что по этому-то протекавшій по ихъ странѣ Марисъ долженствовалъ быть ничто иное, какъ нынѣшняя «золотоносная Ольтъ или Алута»,

---

[45]) О рѣкахъ Скиѳіи, по Геродоту, стр. 17.
[46]) Geogr. der Griechen und Römer, IV, стр. 105.
[47]) *Ukert*, Geogr. d. Griechen und Römer, III, 2, стр. 622

берущая свое начало въ ущельяхъ Карпатскихъ горъ, не вдалекѣ отъ источниковъ Мароша.

Такъ какъ эта послѣдняя рѣка еще болѣе Алуты заслуживаетъ эпитетъ «золотоносной рѣки», то и нѣтъ надобности удалять Агаѳирсовъ изъ Трансильваніи, или Эрдиліи, еслибы даже между именемъ ихъ, напоминающимъ *Мюлленгофу*[48]) позднѣйшихъ Акациров, и турецкимъ словомъ агачеры, т. е. лѣсные жители, не было ничего общаго, кромѣ случайнаго созвучія.

Имя Агаѳирсовъ было передано Геродоту безъ сомнѣнія Скиѳами: послѣдніе же могли называть своихъ сосѣдей Агачерами въ такомъ развѣ случаѣ, когда сами были тюркскаго племени. Но это весьма сомнительно, не смотря на новые доводы, которые недавно въ пользу этого мнѣнія, высказаннаго уже другими, были представлены *г. Хвольсономъ*[49]) на основаніи турецкихъ именъ на еврейскихъ эпитафіяхъ, открытыхъ въ Чуфутъ-кале и въ другихъ пунктахъ Крыма и относимыхъ имъ къ первымъ столѣтіямъ нашей эры.

Предполагая, что Скиѳы обитали тогда еще въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ ихъ засталъ Геродотъ, *г. Хвольсонъ* увѣренъ, что приведенныя имена были заимствованы крымскими Евреями у нихъ, или же у Тавровъ. Но дѣло въ томъ, что еще въ IV или по крайней мѣрѣ въ III вѣкѣ до Р. Х. вмѣсто Скиѳовъ, въ Новороссійскомъ краѣ господствовали Сарматы; иранское происхожденіе послѣднихъ, еслибы оно даже не было признано всѣми изслѣдователями, явствуетъ уже изъ именъ на памятникахъ найденныхъ въ Ольвіи, равно какъ и въ разныхъ мѣстахъ Таврическаго полуострова и принадлежащихъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, къ той самой эпохѣ, къ которой *г. Хвольсонъ* относитъ объясненныя имъ надгробныя надписи.

---

[48]) Ueber die Sarmaten des Ptolemäus, въ Mon.-Berichte der Berl. Akad der Wiss. Januar, 1866, стр. 11.

[49]) Achtzehn hebr. Grabschr., въ Mém. de l'Acad. de St. Pet. Série VII-e, т. XI, № 7.

Поэтому турецкія имена, которыя на нихъ встрѣчаются, заставляютъ насъ только усомниться въ правильномъ опредѣленіи времени, на нихъ отмѣченномъ, но отнюдь ничего не доказываютъ въ пользу турецкаго происхожденія Геродотовыхъ Скиѳовъ.

Вообще вопросъ о народности сихъ послѣднихъ сопряженъ съ бо́льшими трудностями, чѣмъ объясненіе хорографическихъ и топографическихъ извѣстій, переданныхъ намъ древними авторами о ихъ отечествѣ.

На этомъ поприщѣ мы можемъ постоянно сличать ихъ воззрѣнія съ дѣйствительностью, такъ какъ характеръ здѣшняго края, въ главныхъ чертахъ своихъ, не измѣнился. Напротивъ того мы въ немъ уже не встрѣчаемъ потомковъ древнихъ Скиѳовъ, и не только не знаемъ, куда они дѣвались, но и не можемъ даже сказать утвердительно, какіе именно изъ памятниковъ, донынѣ открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи, въ нѣдрахъ земли и надъ нею, должны быть отнесены къ нимъ, а не къ сосѣдямъ ихъ или другимъ народамъ, поочередно гостившимъ въ нашихъ степяхъ послѣ нихъ, или даже ихъ опередившимъ. Такъ напр. невѣроятно, чтобы въ степяхъ совершенно исчезли памятники, воздвигнутые или оставленные внутри земли Киммеріянами, которые прежде Скиѳовъ владѣли сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, гдѣ слѣды ихъ пребыванія были еще замѣтны во времена Геродота и даже — Страбона.

По примѣру знаменитаго *Тьерри*, профессоръ оксфордскаго университета *Раулинсонъ*, въ особомъ прибавленіи къ своему переводу Геродота (III, стр. 150—156), старается доказать тождество этого народа не только съ позднѣйшими Кимбрами, громившими римскія владѣнія, но и съ кельтскими Кимрами (Cymry), нынѣшними обитателями Уэльса.

Правда г. *Георгіевскій* (Галлы въ эпоху К. Ю. Цез. 1865, стр. 46) увѣряетъ, что ему удалось не только поколебать, но и совершенно сокрушить этнографическое зданіе *Тьерри*, доказывая: 1) что Кимбры или Кимвры принадлежали не къ кельтскому, а къ германскому племени, и 2) что Киммеріяне

также были не Галлы, а народъ Ѳракійскаго племени, потому что, по Страбону (I, 3, 21 и XIV, 1, 40), къ нимъ принадлежали Триры, послѣдніе же, по словамъ Ѳукидида (II, 96), были народомъ Ѳракіи.

Впрочемъ г. *Георгіевскій* (стр. 47) самъ даетъ намъ поводъ думать, что зданіе, воздвигнутое приведенными учеными, не рушилось совершенно, допуская, что, кромѣ нѣмецкихъ Кимбровъ, въ близкомъ ихъ сосѣдствѣ, были и кельтскіе, и соглашаясь на ихъ счетъ съ слѣдующимъ мнѣніемъ *Дункера* (Orig. Germ. I, стр. 95—99): «еще задолго до подвиговъ Кимбровъ и Тевтоновъ, надѣлавшихъ столько шума въ римскомъ и греческомъ мірѣ, греческіе писатели (Клитархъ въ IV и грамматикъ Филемонъ въ III вѣкѣ) упоминаютъ о Кимбрахъ на берегу Океана, всадники которыхъ едва успѣли спастить отъ наводненія (по разсказу 1-го, ср. Strab. VII, 2, 1) и которые (по свидѣтельству 2-го) называли Балтійское море «Morimarusa» (Мертвое море) до мыса Rubeas, и Cronium (Запруженное) далѣе его (Plin. H. N. IV, 13), а эти слова скорѣе всего могутъ принадлежать именно Кимрскому языку (см. Diefenbach, Orig. Eur. p. 387—389). Точно такого-же мнѣнія держится *Нильсонъ* (Die Ureinw. d. Scand. Nord. нѣм. пер. стр. 114); онъ еще производитъ названіе мыса Рубеасъ отъ уэльскаго «Rhybyz», знакъ, и также говоритъ о наводненіи, которое началось у восточнаго берега Балтійскаго моря и изгнало обитавшихъ при немъ кельтскихъ Кимбровъ. Хотя въ геологической части своего труда, мнѣ недоступной, г. *Нильсонъ* и доказываетъ, что сказанная катастрофа случилась около 200 лѣтъ послѣ мореплавателя Пиѳея, тѣмъ не менѣе я не сомнѣваюсь, что это было то самое событіе, о которомъ извѣстія дошли до Клитарха.

Такъ какъ въ его время кельтскіе Кимбры обозначали Балтійское море именемъ Мертваго или «Ледовитаго» (Nilsson, l. c.), то вѣроятно они добрались до него не съ сѣвера, а съ юга, а именно съ тѣхъ мѣстъ, откуда Киммеріяне были изгнаны Скиѳами.

Ничто не помѣшало бы намъ вѣрить Плутарху (Mar. XII) и другимъ древнимъ авторамъ, что эти Кимбры были даже потомками самихъ Киммеріянъ, если бы только мы могли устранить приведенное свидѣтельство Страбона о тождествѣ послѣднихъ съ Ѳракійскими Трирами. Разъясненіе этого вопроса повело бы бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что *Раулинсонъ* (I, 298), кажется справедливо доказываетъ, что Киммеріяне не были Ѳракіяне, хотя неоднократно вмѣстѣ съ сосѣдственными имъ Трирами нападали на Малую Азію. Поэтому насъ не удивляетъ, какимъ образомъ Страбонъ (XI, 2 § 4) могъ назвать «кимбрскимъ» мѣстечко, которое у другихъ называется киммерійскимъ. Отъ него мы узнаемъ также, что это мѣстечко было построено однимъ изъ царей воспорскихъ и находилось въ недальнемъ растояніи отъ рѣки Корокондаме и жилищъ Аспургіяновъ [50]), народность коихъ еще не разга-

---

[50]) Аспургіяне напоминаютъ нынѣшнюю деревню Асбургъ, которая лежитъ на лѣвомъ берегу Рейна, близь Везеля, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности находился городъ Асцибургіумъ, основанный Улиссомъ, какъ говоритъ преданіе, сообщаемое Тацитомъ (H. IV, 3 и G. 3). Во времена Птолемея, имя этого города лежавшаго въ Бельгійской Галліи, перешло на часть Геркинійскаго лѣса; около этого *Ἀσκιβούργιον* (т. е. *ὄρος*) жили *Κορκοντοί* точно такъ, какъ Аспургіяне жили по близости отъ Короконды. Во всякомъ случаѣ *Гримму* (Gesch. der deutschen Sprache, 2 е изд., ч. I, стр. 534) не слѣдовало отождествлять ихъ съ Азами, упоминаемыми въ Эддѣ. Графъ *Потоцкій* также ошибся, отыскивая слѣды «ихъ города» въ Куркѣ, лежащей на Таманскомъ полуостровѣ среди болота, въ которомъ лошади понесли его, закусивъ удила, потому что подъ ноги ихъ забился огромный карпъ (Voyage dans les steps etc. II, 240). Уже это приключеніе позволяетъ догадываться, что тамошніе жители преимущественно занимаются рыбною ловлею, которая, какъ намъ положительно извѣстно, въ этихъ мѣстахъ всегда производилась въ огромныхъ размѣрахъ.

Между различными родами водившихся тутъ рыбъ, преобладаютъ осетры (Nouv. journ. Asiat. 8 I, 298) или антакеи, какъ Геродотъ называетъ Борисѳенскихъ осетровъ. Безъ сомнѣнія, въ его время они водились также въ Бугѣ, въ которомъ они и теперь еще встрѣчаются въ большомъ количествѣ и который своимъ древнимъ названіемъ вѣроятно обязанъ былъ Кубани или Гипанису, точно такъ какъ Пантикапесъ получилъ свое имя отъ переселенцевъ, прибывшихъ изъ Пантикапея, метрополіи милетскихъ колоній въ Воспорѣ (Amm. Marc. XXII, 8), орошаемыхъ рукавомъ этого Гипаниса. Поэтому неудивительно, что въ древности эта рѣка получила названіе Антикита-

дапа. Впрочемъ па картѣ Пеутингерской мы встрѣчаемъ возлѣ ихъ имени приписку Tanais Galatie; въ этихъ же мѣстахъ могли обитать и Кимбры (Галаты) Діодора (V, 32; ср. Diefenbach, Celt. II, стр. 301).

Если же допустить, что Киммеріяне донынѣ могли удержаться въ горахъ Уэльса, то нельзя не признать правдоподобнымъ мнѣніе *Гаттерера* и другихъ изслѣдователей, что Тавры, которыхъ Геродотъ рѣзко отличаетъ отъ Скиѳовъ, были именно Киммеріяне, удержавшіеся въ горной части Крыма по

са, подъ которымъ се упоминаетъ *Страбонъ* (XI, 2, § 9). Можетъ быть подобному же обстоятельству обязана своимъ именемъ и Корокондама, сообщившая свое названіе большому озеру, въ которое впадалъ Антикитесъ. Въ такомъ случаѣ я готовъ признать за именемъ ея кельтское происхожденіе и произвести его или отъ слова «corroco» (иначе corrocho, carrhoco), которое встрѣчается только у Авзонія (Epist. V, 60) и принимается за древнее галльское имя осетра, называемаго Бордосцами и теперь еще «creac», или отъ слова «corujo», означающаго на языкѣ испанскихъ Галлиційцевъ камбалу (Diefenbach, Or. Eur. 302). Названіе это явно искаженіе турецкаго «калканъ балыкъ» щитъ рыба, которую Ѳеофанъ имѣлъ въ виду подъ «ксистомъ», ловля котораго производилась въ устьѣ Кубани, подобно тому какъ онъ подъ «мурзулиномъ» разумѣлъ осетра искаженіемъ турецкаго его названія «мерзинъ-балыкъ».

Что касается до послѣднихъ слоговъ имени Корокондамы, напоминающихъ намъ Темзу и древній городъ Дамасію въ Норикѣ, то они могли сохраниться въ названіи Тамани, которая, по словамъ *Дюбуа* (Voyage, V, p. 82—90), лежитъ па мѣстѣ древней Корокондамы, переиначенной Русскими въ Тмуторакань, Византійцами въ Таматарху, арабскими географами въ Матраху, а на картахъ XIV вѣка въ Матригу.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жили Аспургіяне, находились также Птолемеевы Астурикане (V, 8), жившіе близъ Тарамбы, имя которой столько же отзывается галльскимъ происхожденіемъ (ср. Diefenbach, I. l. p. 432, 226 и слѣд.), сколько и рѣка Варданъ, протекавшая мимо нея и совпадавшая съ рѣкою Укрухъ, при которой, по Константину Багрянородному, лежалъ соименный ей городъ, тождественный съ городомъ Джавракъ Абульфеды.

Имя Варданъ напоминаетъ намъ рѣку Варшанъ, въ письмѣ хазарскаго царя къ министру Абдеръ-Рахмана III. По крайней мѣрѣ я не понимаю, на какомъ основаніи г. *Хвольсонъ* (Журн. Мин. Нар. Прос. Декабрь 1868, стр. 688) счелъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что подъ этою рѣкою «Царь могъ разумѣть *только* рѣки Донъ или Уралъ». Почему же не могъ онъ говорить о Кумѣ, о Терекѣ или даже о Кубани? Отождествляя *царскихъ* Скиѳовъ Геродота съ позднѣйшими Барзиліями, г. *Хвольсонъ* едва ли не допустить сродства именъ Варданъ и Варшанъ.

изгнанія Скиѳами ихъ братьевъ изъ прочихъ частей нашего края. Правда, подобное заключеніе нельзя выводить прямо изъ словъ Геродота, но зато онъ свидѣтельствуетъ, что въ его время слѣды господства Киммеріянъ сохранились особенно въ окрестностяхъ «Таврики». Въ этой мѣстности имъ представлялось больше возможности противустоять напору Скиѳовъ, чѣмъ ихъ соотечественникамъ, которымъ менѣе благопріятствовали мѣстныя особенности ихъ жилищъ.

По крайней мѣрѣ въ исторіи мы рѣдко встрѣтимъ примѣръ, чтобы народъ, вытѣсненный непріятелемъ изъ низменныхъ частей своего отечества, не удержался въ его верхнихъ частяхъ, т. е. въ горахъ.

Наконецъ самое даже имя Тавровъ слышится въ именахъ «Teuristae» и «Taurisci», которыхъ Посидоній (Fr. 75) называетъ Галлами, равно какъ и — въ имени города «Tauroeis», или «Tauroentium», города кельтскаго по Стефану Византійскому. Въ имени Таврики отзывается также, не по одному только подобозвучію, кельтское слово «Tauern», которымъ и теперь еще онѣмеченные жители древняго Норикума обозначаютъ гористый край.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о тождествѣ Кимровъ и Киммеріянъ не мѣшало бы сличить такъ называемые «Celtic monuments» съ могильными памятниками, встрѣчающимися въ большомъ числѣ на южномъ берегу Крыма, равно какъ самые черепа и разнаго рода древности, уже найденныя, или которыя еще могутъ быть открыты, съ подобными предметами, хранящимися въ музеяхъ Соединенныхъ-Королевствъ.

По крайней мѣрѣ тогда объяснилась бы причина поразительнаго сходства между кельтскими «дольменами», или каменными столами и нашими крымскими «гробницами», которыя покойный *Фабръ* ошибочно назвалъ жертвенниками, какъ показалъ г. *Чекалевъ* (Зап. Одесс. Общ. VI, 516). Замѣчу кстати, что г. *Кондараки*, сообщая Одесскому Обществу Исторіи и Древностей извѣстія объ этихъ-же памятникахъ, говоритъ между прочимъ, что возлѣ деревни Скели, недалеко отъ про-

хода чрезъ Яйлу, извѣстнаго у Татаръ подъ именемъ Шайтанъ-мердевенъ (Чортова лѣстница), онъ замѣтилъ два громадныхъ камня, поставленныхъ стоймя и издали имѣющихъ подобіе истукановъ.

Описывая два подобныхъ камня, видѣнныхъ имъ въ Швеціи на разстояніи 6 футовъ одинъ отъ другаго, и имѣющій каждый около 15 футовъ высоты, г. *Нильсонъ* (l. c. Nachtrag, p. 96), думаетъ, по разнымъ признакамъ, что они нѣкогда были связаны плитою, надъ ними лежавшею.

Еслибы тоже самое можно было сказать о столбахъ, видѣнныхъ г. *Кондараки*, то ихъ можно бы было сравнивать съ т. н. pierres levées, или каменными воротами изъ двухъ столбовъ съ такой-же перекладиной, часто встрѣчающимися въ Бретани (*Георгіевкій*, l. c. стр. 198), нынѣ еще населенной Кимрами.

Если допустить сродство народовъ, оставившихъ послѣ себя приведенные памятники, то я указалъ бы на нѣкоторые пункты Тавриды, имена которыхъ могли быть кельтскія, напр. на Ѳеодосію, которая, по Безъименному, на языкѣ Тавровъ или Алановъ, называлась «Ардабда» или «Ardavda», и на мысъ Кріуметопонъ, который, по Псевдо-Плутарху (De fluv. p. 28, ed. Huds.), названъ такъ Греками, переводившими туземное его названіе «Бриксаба» (ср. Diefenbach, Or. Eur. стр. 92: «ein vorskythisches Wort»).

Доказывая, что имя Ардабда происхожденія арійскаго, г. *Мюлленгофъ* (Ueber d. Herkunft u. Sprache d. pont. Scythen u. Sarm., въ Mon.-Ber. d. Ac. zu Berlin, VIII, 1866) видитъ въ немъ «скиѳское» названіе города, на томъ основаніи, что, по словамъ авторовъ периплов, Ѳеодосія не лежала въ области Тавровъ, и что во времена Геродота царскіе Скиѳы владѣли восточною частью полуострова. Но изъ того, что онъ говоритъ о южной границѣ Скиѳіи, явствуетъ также, что Тавры тогда еще жили на всемъ южномъ берегу до рва, слѣды котораго, подобно развалинамъ города Киммерикона, нынѣ еще замѣтны у подошвы горы Опукъ, къ востоку отъ Ѳеодосіи.

Не сомнѣваясь, подобно академику берлинскому, что Скиѳы были Арійцы, г. *Берґманъ* (Les Scythes, etc. 2-е изд. стр. IX) хочетъ насъ увѣрять, что слово «vriskava» есть *скиѳскій* переводъ киммерійскаго слова. Между тѣмъ ничто не мѣшало ему приписать его прямо Киммеріянамъ, такъ какъ въ нихъ онъ также признаетъ Индо-Германцевъ; мысъ же Кріуметопонъ находился не въ Скиѳіи, а въ странѣ, гдѣ не могли не удержаться Киммеріяне, даже послѣ временъ Геродота, и которая нынѣ еще называется, быть можетъ (см. выше), кельтскимъ именемъ своимъ [51]).

Поэтому я спросилъ бы знатоковъ этого языка, нельзя ли при помощи его объяснить и значеніе другихъ именъ, присвоенныхъ древними разнымъ мѣстностямъ Тавриды, какъ то Плиніевой: Taurorum civitas Placia; его же civitas Parasinum in Taurorum peninsula и тамошняго холма Librosus, или упомянутыхъ Птолемеемъ мыса Corax, городовъ Bœon, Argoda, Lagyra и рѣки Istrianus (ср. Diefenbach, Celt. II, стр. 302).

Что же касается Скиѳовъ, то упомянутая выше неопредѣленность вещественныхъ памятниковъ, имъ приписанныхъ, не помѣшала бы намъ выйти изъ недоумѣнія касательно ихъ народности, если бы только намъ хорошо былъ извѣстенъ языкъ, которымъ они говорили. Къ сожалѣнію Геродотъ и другіе авторы передали намъ лишь небольшое число скиѳскихъ словъ, и то въ столь искаженномъ видѣ, что они могли служить средствомъ для защищенія мнѣній, діаметрально противуположныхъ другъ другу.

Такъ напр. *Карлъ Фридрихъ Нейманъ*, въ увѣнчанномъ парижскою академіею сочиненіи (Die Voelker d. südl. Russl.

---

[51]) Такъ какъ Киммеріяне изгнаны были изъ Тавриды Скиѳами, которыхъ *Исседоны* (IV, 13) или *Эсседоны* (Mela, Plinius и др.) въ свою очередь вытѣснили изъ древней ихъ родины, то мнѣніе о киммерійскомъ происхожденіи Галловъ могло бы быть соглашено съ тѣмъ обстоятельствомъ, что у послѣднихъ особый родъ повозокъ назывался esseda или essedum (Diefenbach l. l. p. 338).

2 изд. стр. 12) приводитъ разныя изъ этихъ словъ для подтвержденія своего мнѣнія, что Сколоты (Скиѳы) говорили по турецки.

Въ свою очередь *Карлъ Нейманъ* въ извѣстномъ трудѣ своемъ (Die Hellenen im Skythenlande, стр. 194 и др.), при помощи тѣхъ же словъ, пытается подкрѣпить высказанное *Нибуромъ* и принятое *Шафарикомъ*, *Ганзеномъ* и другими мнѣніе, что Геродотовы Скиѳы были Монголы. Но по совершенному незнакомству автора съ языкомъ монгольскимъ попытка эта должна была остаться безъ результата, какъ это показалъ г. *Шифнеръ* (Sprachl. Bedenken g. d. Mongolenthum d. Sk., въ Bull. de l'Ac. d. St.-Pét. XIII, стр. 205), который, по видимому, склоняется къ мнѣнію, что наши Скиѳы едва ли не были Арійцы, какъ это полагали уже графъ *Потоцкій* и *Клапротъ*. Мнѣніе это, принятое за тѣмъ многими знаменитыми учеными, а именно *Гриммомъ* и *Цейсомъ*, въ послѣднее время нашло новыхъ защитниковъ, которые всѣ, независимо одинъ отъ другаго, старались объяснить географическія и личныя имена, относимыя Геродотомъ къ Скиѳамъ, изъ санскрита, или же изъ языка древнихъ Бактріянъ.

Задачу эту взялись рѣшить, въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ, страсбургскій профессоръ *Бергманъ*, оксфордскій *Раулинсонъ* (III, 157 –167) и академикъ *Мюлленгофъ*.

Къ сожалѣнію всѣ они, хотя и совершенно согласны касательно главнаго пункта, почти всегда расходятся въ результатахъ при отысканіи корней различныхъ скиѳскихъ словъ въ древнихъ индо-германскихъ нарѣчіяхъ и этимъ, разумѣется, вредятъ дѣлу, которое они взялись защищать.

По крайней мѣрѣ непосвященные въ таинства сравнительной лингвистики остаются въ недоумѣніи, кто изъ нихъ правъ, и могутъ роптать на берлинскаго академика за то, что онъ счелъ лишнимъ указать на причины, по которымъ, въ этихъ частностяхъ, призналъ неосновательнымъ взглядъ своихъ предшественниковъ.

Если слѣдовательно кажется, что г. *Мюлленгофъ*, съ по-

мощью «глоттики», не достигъ вполнѣ своей цѣли, т. е. окончательно не рѣшилъ вопроса объ арійскомъ происхожденіи Скиѳовъ, то нужно ему отдать справедливость, что онъ вопросъ этотъ значительно подвинулъ впередъ разными другими соображеніями. Впрочемъ онъ заходитъ уже слишкомъ далеко, когда основываясь на томъ, что Аргиппеи (которыхъ Геродотъ различаетъ отъ Скиѳовъ) явно были Монголы, не только заключаетъ, что Скиѳы должны были принадлежать къ какому либо другому племени, но и утверждаетъ, что они непремѣнно были Арійцы, въ томъ предположеніи, что Будины (которыхъ Геродотъ дѣйствительно также различаетъ отъ Скиѳовъ), подобно «волжскимъ» ихъ сосѣдямъ, были Финны, потому что отличались красноватою кожею тѣла и голубыми глазами.

По крайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство не помѣшало бы ему сказать на оборотъ, что Будины (жилища коихъ далеко не доходили до Волги) были Арійцы, и что Скиѳы, которые, по Гиппократу, также были рыжи, принадлежали къ финскому или уральскому племени, къ которому ихъ и относитъ отчасти *Вивіенъ де Сенъ-Мартенъ* (Mém. sur la géogr. anc. du Caucase, p. 77), придерживаясь весьма правдоподобнаго мнѣнія г. *Куника*, что имя ихъ имѣло въ извѣстномъ періодѣ значеніе географическое, а не этнографическое, т. е. что оно рано отъ народа арійскаго въ Трансоксанѣ перешло къ разнымъ другимъ народамъ, обитавшимъ къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ нихъ.

За то нельзя не согласиться съ г. *Мюлленгофомъ* въ томъ, что кочевая жизнь, которую вели отчасти наши Скиѳы, ничего не доказываетъ противъ арійскаго ихъ происхожденія, такъ какъ и другіе народы того же племени не имѣли постоянныхъ жилищъ, да при томъ человѣкъ вообще, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ, зависитъ отъ мѣстныхъ особенностей края, въ которомъ избралъ свое жилище.

Затѣмъ г. *Мюлленгофъ*, въ пользу своего мнѣнія, могъ бы сослаться на замѣтку Геродота (IV, 10), что родоначальники Скиѳовъ и Гелоновъ были младшими братьями родоначаль-

ника Агаѳирсовъ, между тѣмъ какъ послѣдніе принадлежали къ народу Гетовъ, арійское происхожденіе которыхъ весьма правдоподобно, хотя бы они и небыли Славянами, что, вопреки мнѣнію *Шафарика*, я считаю возможнымъ (см. выше, I, стр. 259).

Особенно-же важный аргументъ въ пользу иранскаго происхожденія Скиѳовъ г. *Мюлленгофъ* находитъ въ томъ, что, по словамъ Геродота, Сарматы говорили испорченнымъ скиѳскимъ языкомъ, тогда какъ *Шафарикъ* изъ этихъ же словъ древняго автора вывелъ ошибочное заключеніе, что «монгольскіе» Скиѳы заимствовали многія слова изъ языка мидо-персидскихъ, т. е. иранскихъ Сарматовъ.

Имя послѣднихъ затѣмъ долго еще сохранилось, хотя въ смыслѣ чисто географическомъ, будучи примѣняемо къ различнымъ народамъ (*Schafarik I, 372*), обитавшимъ къ сѣверо-востоку отъ Германіи, и въ томъ числѣ къ Литовцамъ, которые, подобно Славянамъ и Германцамъ, принадлежатъ къ индогерманскому племени. Къ нимъ часто причисляютъ Ятвяговъ (ibid. стр. 349, п. 2), потомковъ, можетъ быть, сарматскихъ Язиговъ, или Яциговъ, единоплеменниковъ Алановъ, жившихъ, по словамъ Птолемея, при рѣкѣ Рубонъ или, правильнѣе, Рудонъ (Marc. Heracl.), Rhudon, т. е. Западной Двинѣ (*Schaf.* I, 496; ср. *Peschel*, G. d. Erdk. 4), именемъ своимъ обязанной, безъ сомнѣнія, народу, который въ рѣкамъ Скиѳіи примѣнилъ имена: Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ и Дунай, и по которому Англосаксонецъ Альфредъ называетъ Балтійское море: Sermoudisc.

Что между тѣмъ Агаѳирсы изъ прежнихъ своихъ жилищъ при Марисѣ переселились въ ихъ сосѣдство, явствуетъ не только изъ Птолемея, но и изъ Маркіана, который помѣщаетъ жилища ихъ при рѣкѣ Хезинос, текущей въ Балтійское море.

Такимъ образомъ мы имѣли бы нѣкоторое право видѣть въ нихъ предковъ лѣсныхъ жителей, хотя и не турецкихъ, но славянскихъ, т. е. Древлянъ, даже въ такомъ случаѣ, если бы прежніе ихъ сосѣди, т. е. Невры, Андрофаги и Меланхлены,

оказались не Финнами, а также Славянами, как думаетъ г. *Мюлленгофъ* (стр. 576), который къ финскому племени, кромѣ Будиновъ, относитъ еще Ѳисагетовъ и Иирковъ.

Различные отъ Будиновъ Гелоны, въ свою очередь, подобно Агаѳирсамъ, принадлежали бы къ арійскому племени, если бы даже говорили по гречески, будучи потомками эллинскихъ выходцевъ, какъ замѣчаетъ Геродотъ.

Возвращаясь наконецъ къ потомкамъ младшаго сына Геркулеса, т. е. къ Скиѳамъ, сродственнымъ Агаѳирсамъ и Гелонамъ, замѣтимъ только, что г. *Бергманъ* можетъ быть и не ошибается, выдавая ихъ за праотцевъ Германцевъ, хотя доказательства, собранныя имъ для подкрѣпленія этого мнѣнія, невольно припоминаютъ французскую пословицу: qui prouve trop, ne prouve rien.

Мнѣнію его, впрочемъ, даетъ нѣкоторую опору замѣтка Плинія (IV, 28), что прежніе Скиѳы стали называться не только Сарматами, но и Германцами: Scythorum nomen usquequaque transit in Sarmatas atque Germanos.

Хотя Страбонъ (XII, 3, § 21), который вовсе не упоминаетъ объ Агаѳирсахъ, считаетъ недостовѣрнымъ то, что Геродотъ и другіе авторы говорятъ о Каллипидахъ, тѣмъ не менѣе Мела (II, 1, 7; cf. Sol. c. 20) снова говоритъ о нихъ, помѣщая жилища ихъ между Гипанисомъ и Аксіацесомъ, въ которомъ нельзя не признать Тилигула, принятаго *Надеждинымъ* (l. c. стр. 36 и слѣд.) за Геродотовъ Гипанисъ. Не говоря о томъ, что Тилигулъ, все теченіе котораго отъ истоковъ до Чернаго моря составляетъ менѣе двухъ сотъ верстъ, (*Шмидтъ*, l. l. I, стр. 222), въ древности едва-ли былъ судоходенъ на девять дней плаванія (если даже на каждый день положить съ *Надеждинымъ* отъ 20 до 30 верстъ), несообразность его гипотезы уже явствуетъ изъ того, что Тилигулъ, нынѣ отдѣленный отъ моря широкою полосою, въ старину хотя и могъ прилегать къ нему непосредственно, но только на разстояніи двадцати пяти верстъ отъ устья Днѣпровскаго лимана. Гипанисъ же впадалъ въ

верхнюю часть того-же лимана, изливаясь въ одно и тоже болото, или въ одну и туже заводь (ἕλος) съ Борисоениссомъ.

Таковою Геродотъ уже никакъ не могъ назвать ту часть Чернаго моря, которая заключается между Очаковымъ и Одесскимъ заливомъ.

Кромѣ Каллипидовъ, сосѣдями Эллиновъ, обитавшихъ при Гипанисѣ, были еще Скиѳы-земледѣльцы, жилища которыхъ простирались къ востоку (отъ Ольвіи, или же отъ храма Димитры) на три дня ходьбы до Пантикапеса, т. е. до Ингульца, а затѣмъ еще на одинадцать дней вверхъ по Днѣпру, т. е., какъ обыкновенно думаютъ, до окрестностей Никополя, такъ какъ плаваніе вверхъ по рѣкѣ и нынѣ еще потребовало бы столько времени. Что Геродотъ въ этомъ случаѣ (IV, 18) говоритъ о плаваніи противъ теченія, становится правдоподобнымъ и по другому мѣсту (IV, 53), гдѣ онъ для жилищъ этихъже Скиѳовъ внизъ по рѣкѣ считаетъ только десять дней плаванія, вмѣсто прежде упомянутыхъ имъ чертырнадцати дней (11 и 3).

Впрочемъ плавни Днѣпровскія, не только на лѣвомъ, но и на правомъ берегу рѣки, въ которыхъ и нынѣ не занимаются хлѣбопашествомъ (*Шмидтъ*, I, стр. 168), не могли входить въ составъ области, занимаемой Скиѳами-земледѣльцами.

Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ показаніе Геродота совершенно согласно съ характеромъ мѣстности. Такъ онъ говоритъ (IV, 19): на востокъ отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, если перейти Пантикапесъ рѣку, живутъ Скиѳы-кочующіе (νομάδες), которые ни сѣютъ, ни орутъ. Затѣмъ, какъ бы желая нарочно доказать, что имъ уже принадлежали плавни рѣки, тутъже присовокупляетъ: вся эта страна «кромѣ Гилеи» совершенно безлѣсна. Наконецъ еще замѣчаетъ: эти кочующіе Скиѳы къ востоку занимаютъ страну, простирающуюся на четырнадцать дней сухопутной ходьбы, до рѣки Герроса.

Такъ какъ при описаніи рѣкъ Скиѳіи, Геродотъ (IV, 55) не только помѣщаетъ Гипакирисъ между Пантикапесомъ и Герросомъ, но еще говоритъ, что онъ, т. е. Гипакирисъ,

протекалъ чрезъ средину земли кочующихъ Скиѳовъ, то намъ представляется новое доказательство въ пользу мнѣнія, что подъ Гипакирисомъ онъ не могъ разумѣть ничто иное, какъ Каркинитскій или Перекопскій заливъ, при устьѣ котораго лежалъ городъ Каркинитисъ, Керкинитисъ или Carcine другихъ авторовъ, и который изливается въ море, оставляя вправо Гилею и такъ называемый Ахиллесовъ-бѣгъ. Этого нельзя сказать ни объ одной изъ рѣкъ, въ которыхъ до сихъ поръ хотѣли видѣть Геродотовъ Гипакирисъ.

Исключеніе составляетъ одинъ только Каланчакъ, или Капилчакъ, такъ какъ это единственная рѣка между Кинбурномъ и Перекопомъ.

Рѣка эта образуется изъ двухъ небольшихъ разливовъ въ степи, между селеніями Малый Чокракъ (гдѣ нынѣ новые переселенцы) и Чаплинкою (гдѣ почтовая станція): приблизительно въ 6 верстахъ отъ перваго и въ 8 отъ послѣдняго. Затѣмъ Каланчакъ протекаетъ мимо соименнаго рѣкѣ казеннаго селенія, которое, по словамъ обывателей, названіе свое получило отъ находящагося въ 7 верстахъ отъ него старипнаго укрѣпленія, названнаго Татарами Кале-кучукъ. Но едва ли не скорѣе настоящее имя рѣки и селенія произошло отъ татарскаго-же «Каклычикъ», находившагося въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Перекопа [52]) и съ которымъ совпадалъ разграбленный Адашевымъ, въ 1559 году, улусъ на «Коглинкѣ», отстоявшій отъ Перекопа на 15 верстъ [53]).

Нельзя также не узнать въ имени «cotoluce» (cotuluza, coltaluçe), отмѣченномъ въ этихъ мѣстахъ на каталанской и итальянскихъ картахъ XIV и XV столѣтій, испорченное моряками туземное названіе рѣки. Если же эта рѣка могла обратить на себя вниманіе итальянскихъ картографовъ и нашихъ лѣтописцевъ, то кажется, что она въ древности не была такъ незначительна, какою является теперь лѣтомъ. Но дѣло въ томъ, что и

---

[52]) Зап. Одесс. Общ. I, стр. 331 и 389.
[53]) *Арцыбышевъ*, I. 1. IV, прим. 1703.

въ настоящее время въ полую воду эта рѣчка принимаетъ видъ значительной рѣки; тѣмъ болѣе она могла быть таковою въ дни Геродота. Притомъ и теперь еще при Каланчакѣ, не далеко отъ Чаплинки, замѣтны остатки каменнаго моста, безъ сомнѣнія того самаго, который у Запорожцевъ былъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «Даріева моста», еще въ XVI столѣтіи [54]).

Уже въ прошломъ вѣкѣ французскій консулъ *Пейсонель* [55]) полагалъ, что въ этой рѣкѣ скрывается Геродотовъ Гипакирисъ; мнѣніе это затѣмъ было принято нѣкоторыми изъ новѣйшихъ толкователей Геродота, а именно *Эйхвальдомъ* [56]), *Спасскимъ* (1. 1. II, стр. 26), *Думшинымъ* (1. 1. стр. 5 —61) и *Мальденомъ* [57]). На этомъ основаніи всѣ они ищутъ древнѣйшій городъ Каркинитисъ около впаденія Каланчака въ Перекопскій заливъ. Но такъ какъ съ этимъ взглядомъ трудно согласовать прочія замѣтки Геродота о томъ же городѣ и вышеприведенное свидѣтельство Безъименнаго о мѣстоположеніи города Тамираки при устьѣ Каланчака, то я, не отрицая, что эта рѣка соотвѣтствовала верхней части Гипакириса, не вижу необходимости отказаться отъ мнѣнія, что подъ нижней частью этой рѣки Геродотъ разумѣлъ Каркинитскій заливъ.

Въ настоящее время этотъ заливъ отдѣленъ отъ Сиваша, или Гнилаго озера, перешейкомъ, который въ самомъ узкомъ мѣстѣ имѣетъ около семи верстъ ширины. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ древности водяной путь не могъ соединять озера съ заливомъ. Напротивъ того, мы должны думать, что нѣкогда между ними существовала подобная связь. Такъ напр. Плиній (IV, 26) прямо говоритъ, что Таврика, лежавшая къ

---

[54]) *Кониській*, Ист. Малороссіи, изд. Моск. 1846, стр. 25; сравн. *Скальковскій*, Исторія Новой Сѣчи, 2 изд., III, стр. 111, прим.

[55]) Observations hist. et. géogr, s. l. peuples barbares, Paris. 1765, стр. 6. Мнѣніе *Пейсонеля* раздѣляетъ знаменитый его соотечественникъ *Данвиль* (l. l. стр. 580), который также узналъ Гипакирисъ въ «рѣкѣ» Каркинитисъ Птолемея.

[56]) Alte Geographie d. Kaspischen Meeres, стр. 305.

[57]) Journal of the Royal Society XV, стр. 354, прив. у *Бера*, l. l. стр. 416.

востоку отъ Каркинитскаго залива, нѣкогда была окружена моремъ, даже тамъ, гдѣ въ его время, уже были равнины, т. е. на сѣверѣ. Это замѣчаніе можетъ также послужить къ объясненію слѣдующаго темнаго мѣста въ его сочиненіи. Упомянувъ о рѣкѣ Pacyris въ сосѣдствѣ Каркинитскаго залива и перейдя къ рѣкамъ, находившимся болѣе къ востоку, авторъ Hist. natur. продолжаетъ: Buges, Gerrhus, Hypanis, ex diverso venientes tractu. Nam Gerrhus Basilidas et Nomadas separat; «Hypanis» per Hylaeos et Nomadas fluit manu facto alveo in Bugen (Сивашъ), naturali in Coretum (с. з. часть Азовскаго моря). Нужно только допустить, что, по небрежности писцовъ, Пакирисъ, равно какъ и Гипанисъ, занимаетъ здѣсь мѣсто Гипакириса, подъ которымъ Плиній разумѣлъ верхнюю часть Геродотовой рѣки того же имени, т. е. Птолемееву рѣку Каркинитисъ, или Каланчакъ.

Дѣйствительно, рѣка эта такъ близко подходитъ къ лиману Чокракскому, изливающемуся въ Сивашъ, что въ старину легко могла быть соединена съ нимъ каналомъ. Могло даже статься, что во времена Геродота лиманъ этотъ сливался съ Каланчакомъ въ полую воду: по увѣренію туземцевъ, это и теперь еще иногда случается при сильномъ и продолжительномъ вѣтрѣ, дующемъ съ востока.

Такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, мы могли бы указать на Сивашъ, какъ на озеро, изъ котораго, по Геродоту (IV, 55), вытекалъ Гипакирисъ.

Если, какъ я надѣюсь, изложенное здѣсь мнѣніе объ этой рѣкѣ будетъ признано основательнымъ, то таинственную рѣку Герросъ, которая, по Геродоту (IV, 56), отдѣлившись, или пожалуй, будучи отдѣлена [58]) отъ Борисѳенеса въ томъ краю, гдѣ онъ былъ извѣстенъ, и устремляя свое теченіе къ морю, изливалась въ Гипакирисъ, предлагаю искать:

1) Въ Конкѣ, которая, по *Мышецкому* (l. c. стр. 60), вѣроятно не читавшему Геродота и еще менѣе мечтавшему о

[58]) Cf. *Baehr*, l. l. стр. 417.

Герросѣ,—хотя и соединяется съ Днѣпромъ въ 20 верстахъ ниже устья Московки, но тутъ же снова отдѣляется отъ него и течетъ подлѣ Днѣпра особымъ русломъ даже до самаго города Кинбурна, и

2) въ Черной долинѣ, которая соединяясь съ Каланчакомъ при селеніи Веселомъ посредствомъ такъ называемаго Большаго Вертутива яра, идущаго прямо отъ сѣвера къ югу [59]), съ другой стороны находится въ связи съ Конкою посредствомъ впадины, пролегающей мимо деревень Чернявки и Балки лежащей при Конкѣ возлѣ Каховки (противъ Берислава).

Черная долина и теперь еще отличается отъ окрестныхъ степей относительнымъ обиліемъ воды. Что и въ старину она славилась этою-же особенностью, въ томъ убѣждаетъ насъ царскій посланникъ Зотовъ, донося, что весною 1682 года на пути своемъ изъ Перекопа въ Кизикерманъ (Бериславъ) онъ ночевалъ въ степи, въ урочищѣ, при водахъ «Черной долины», явно тождественной съ отмѣченнымъ на картѣ Риччи Цанони притокомъ Днѣпра Кара-дереси [60]).

Подобнымъ образомъ Русское войско, возвращаясь въ 1736 году изъ Крыма тѣмъ-же путемъ и отдыхая въ Августѣ нѣсколько дней въ «Черной долинѣ», нашло въ изобиліи траву и «воды», какъ для людей, такъ и для скота [61]).

Если же мнѣ будетъ доказано, что Конка никогда не могла соединяться съ Каланчакомъ посредствомъ Черной долины, то я возвращусь къ мнѣнію, прежде мною изложенному, что эта связь производилась чрезъ Чаплинку и Бѣлозерскій *лиманъ*, мимо Ангальтъ-Кётена, Агаймана, Большихъ и Малыхъ Сѣрагозъ. Такимъ образомъ оказалось бы и болѣе простору для кочевьевъ Скиѳовъ-номадовъ.

Что подобное явленіе могло имѣть мѣсто въ сѣверной

---

[59]) См. Военно топограф. трехъ-верстную карту, рядъ XXX и XXXI, листъ 12.

[60]) Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн. томъ II, стр. 645.

[61]) Tagebuch des Generalfeldmarschalls Münnich etc. 2te Beilage, въ Beiträge zur Gesch. d. russ. Reichs, von *Herrman*, Leipzig. 1843, стр. 237.

части Таврической губерніи, составляющей огромную равнину, въ томъ убѣждаютъ насъ замѣтки въ вышеприведенной книгѣ князя *Мышецкаго*, въ родѣ слѣдующей (стр. 60): рѣка Конка вышла изъ степи, изъ рѣки Берды, и т. п.

Но мнѣ скажутъ, можетъ быть, что по Геродоту (IV, 19) страна, занятая Скиѳами-кочующими и доходившая къ востоку до рѣки Герроса, простиралась на четырнадцать дней пути, тогда какъ Конка съ Черною долиною и съ Бѣлозерскимъ лиманомъ находятся отъ нижняго Днѣпра въ гораздо меньшемъ разстояніи.

На это возраженіе я могъ бы отвѣчать, что Геродотъ опредѣлительно не говоритъ, въ какомъ направленіи онъ измѣряетъ протяженіе четырнадцати дней. Поэтому онъ не мѣшаетъ намъ думать, что въ измѣреніи своемъ также, какъ при опредѣленіи жилищъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, считаетъ протяженіе не отъ запада къ востоку, а отъ юга къ сѣверу, т. е. отъ окрестностей Евпаторіи до Черной долины и до Конки, да за тѣмъ, плавнями вверхъ по ней, до того мѣста, гдѣ рѣка эта, соединившись съ Днѣпромъ ниже Александровска, впервые отдѣляется отъ него, т. е. до окрестностей Малой Знаменки, или Каменки. Разстояніе между этимъ селомъ и Евпаторіею составляетъ около 350 верстъ и равняется приблизительно четырнадцати днямъ ходьбы, или 2,800 стадіямъ Геродота.

Онъ дѣйствительно вовсе и не хотѣлъ сказать, что разстояніе между Пантикапесомъ и Герросомъ было такъ велико, потому что въ противномъ случаѣ это разстояніе вышло бы четырьмя днями длинѣе того, которое, по его-же словамъ (IV, 101), отдѣляло Борисѳенесъ отъ Меотиды. Такимъ образомъ пришлось бы помѣстить рѣку Герросъ довольно далеко за проливомъ Геническимъ, между тѣмъ какъ она непремѣнно должна была находиться въ окрестностяхъ Перекопскаго перешейка. Рѣка Герросъ, какъ уже было замѣчено, отдѣляла страну Скиѳовъ-кочующихъ отъ страны царскихъ Скиѳовъ, которымъ явно принадлежала сѣверо-восточная часть Крыма, по-

тому что сосѣдями ихъ съ южной стороны были обитатели горъ Тавриды, а къ востоку жилища ихъ простирались отъ рва, вырытаго «дѣтьми слѣпыхъ рабовъ», до торжища Кримны при Меотійскомъ озерѣ (IV, 20), которое отдѣляло ихъ отъ Савроматовъ (IV, 57). За тѣмъ страна ихъ прилегала еще къ рѣкѣ Танаису (IV, 20); тутъ уже кончалась Скиѳія и начиналась область Савроматовъ (IV, 21). Къ сѣверу отъ Скиѳовъ-царскихъ жили Меланхлены, или Смурые Кафтаны, и предполагалась безлюдная пустыня съ озерами (IV, 20). Между Меланхленами и Неврами обитали Андрофаги, или Людоѣды; жилища ихъ доходили къ югу до большой пустыни, за которою жили, еще болѣе къ югу, вышеупомянутые Скиѳы-земледѣльцы (IV, 18).

Подъ рвомъ, который простирался отъ горъ Таврическихъ до Меотиды (IV, 3), Геродотъ явно разумѣлъ ничто иное, какъ ровъ, которымъ полуостровъ Керченскій, при своемъ началѣ, прорѣзывался нѣкогда поперекъ, отъ моря до моря, и который впослѣдствіи, укрѣпленный Асандромъ, служилъ оплотомъ и границею царству Воспорскому. Ровъ этотъ точно начинался у горъ Таврическихъ, простирающихся до окрестностей Ѳеодосіи и оканчивался при Азовскомъ морѣ, не вдалекѣ отъ Арабата. Нынѣшняя почтовая дорога изъ Ѳеодосіи въ Керчь пересѣкаетъ его слѣдъ между станціями Аргиномъ и Султановкою.

Гораздо труднѣе, повидимому, объяснить себѣ, какимъ образомъ Геродотъ могъ сказать, что Скиѳія отдѣлялась отъ Савроматовъ Меотійскимъ озеромъ, и что, тѣмъ не менѣе, между жилищами обоихъ народовъ протекалъ Танаисъ, который, выходя изъ большаго озера, изливался однимъ рукавомъ въ то-же Меотійское озеро (IV, 57), а другимъ — въ Воспоръ Киммерійскій [62]) (IV, 45).

---

[62]) Иначе нельзя здѣсь понимать слова Геродота: *καὶ πορθμήια τὰ κιμμέρια*; ср. *Baehr*, l. l. стр. 390 и *Miot*, Hist. d'Hérodote, Par., 1858, I, стр. 537, прим. 22. Что въ этихъ мѣстахъ обитали Скиѳы, это видно изъ замѣтки Геродота (IV, 28), въ которой говорится, что они часто на повозкахъ пе-

Между тѣмъ и тутъ Геродотъ нисколько не противурѣчитъ себѣ или дѣйствительности, если только слова его будутъ поняты въ настоящемъ смыслѣ.

Во-первыхъ должно думать, что подъ Скиѳами, отдѣленными Меотидою отъ Савроматовъ, онъ разумѣлъ не тѣхъ, жилища которыхъ прилегали къ Танаису, а ихъ собратьевъ, обитавшихъ за вышеприведеннымъ рвомъ, т. е. въ странѣ, омываемой къ сѣверу юго западною частью Меотійскаго озера (IV, 100) и заключавшей въ себѣ города Киммеріонъ и Порѳміонъ, или пожалуй — укрѣпленія киммерійскія и перевозы киммерійскіе, если таковъ именно смыслъ слѣдующихъ словъ Геродота (IV, 12): Καὶ νῦν ἔστι μεν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμέρια τείχεα, ἔστι δὲ πορθμήϊα Κιμμέρια.

Тѣмъ не менѣе, эти укрѣпленія Киммерійскія находились вѣроятно возлѣ порта Киммерійскаго, упоминаемаго безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго (§ 6), т. е., какъ уже полагалъ *Палласъ*, на восточной сторонѣ горы Опукъ; *Бларамбергъ* хотѣлъ перемѣстить его отсюда на западную сторону и увлекъ туда за собою строгихъ своихъ критиковъ *Кёлера* и *Грефе*[63]). Въ свою очередь я готовъ помѣстить въ сосѣдствѣ этого порта городъ Киммериконъ, при которомъ, по Страбону (XI, 2 § 5 ср. VII, 4, § 3, 5, 6), находились ровъ и стѣна, служившіе для охраненія полуострова, т. е. Керченскаго, какъ уже думалъ *Ларше* (Baehr, стр. 312), тогда какъ другіе изслѣдователи этотъ городъ и полуостровъ перенесли въ Азію. Само собою разумѣется, что ровъ, о которомъ здѣсь говоритъ Страбонъ, былъ тотъ самый, надъ которымъ трудились дѣти рабовъ киммерійскихъ.

реѣзжали чрезъ замерзшій Воспоръ къ обитавшимъ на азіатской его сторонѣ Синдамъ. Подъ Скиѳами Геродотъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду Скиѳовъ-царскихъ (βασιλήιοι), которыхъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 110) онъ называетъ свободными (ἐλεύθεροι) вѣроятно потому, что прочіе обитатели Скиѳіи имъ были подчинены (IV, 20, ср. *Völker*, Mythol. Géographie I, стр. 177, прив. у *Бера*, l. l. стр. 513).

[63]) Отзывъ акад. *Кёлера* и *Грефе* о сочиненіи *Бларамберга*: Observations etc. напечатанъ въ Зап. Одесс. Общ. V, стр. 958.

Подобнымъ же образомъ для перевоза киммерійскаго я не нахожу мѣста болѣе удобнаго, какъ самую узкую часть пролива Еникальскаго; здѣсь, по Страбону (VII, 4 § 5), находилось мѣстечко Пароеніонъ, которое, по Безъименному (§ 5), называлось Пороемитисъ, а по Стефану Византійскому (см. Πορθμία) просто Пороемія или Пороеміонъ.

Далѣе, слѣдовало бы допустить, что Кримны находились не въ окрестностяхъ Бердянска, гдѣ обыкновенно ищутъ это торжище, а между проливомъ Геническимъ и лиманомъ Уклюкскимъ, въ которомъ нельзя не узнать вышеупомянутаго залива «Coretus», отдѣленнаго, по словамъ Плинія, скалистою грядою (Арабатскою стрѣлкою) отъ Бугеса, или Сиваша. Можетъ быть, упомянутый заливъ древнимъ своимъ наименованіемъ (отъ κόρη, дѣва) обязанъ преданію, по которому Амазонки когда-то бурею были прибиты къ берегу возлѣ Кримнъ, гдѣ, по тому же преданію (IV, 110—113), отъ смѣшенія ихъ съ юными Скиоами образовался народъ Савроматовъ.

Если же Савроматы, перейдя чрезъ Танаисъ (IV, 116), покинули берегъ Меотиды и обратились къ сѣверу, то позволено будетъ заключить:

1) что рѣка, которую они перешли, была Молочная, имѣвшая въ тѣ времена широкое устье, нынѣ отдѣленное отъ моря низменною пересыпью;

2) что Амазонки на своемъ языкѣ, непонятномъ для Скиоовъ (IV, 114) и тѣмъ болѣе для Геродота, означали эту рѣку нарицательнымъ именемъ *донъ*, которое вообще значитъ *текущая вода, рѣка*, и

3) что, при такихъ обстоятельствахъ, Геродотъ могъ смѣшать эту рѣку съ Танаисомъ позднѣйшихъ авторовъ, т. е. съ Дономъ собственно, о верхнемъ теченіи котораго онъ не могъ имѣть точныхъ свѣдѣній, какъ это между прочимъ показалъ *Надеждинъ*. Такъ напр. онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 25): «Что касается до второй, менѣе величественной (чѣмъ Дунай), но не менѣе важной рѣки: я разумѣю Танаисъ, рѣку завѣтную, признаваемую издревле границей между двумя глав-

ными частями свѣта, Европой и Азіей; то объ ней Геродотъ, очевидно, не имѣлъ не только наглядно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, но и достаточныхъ извѣстій изъ вторыхъ рукъ. Все, что сказано имъ о Танаисѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ общихъ, неопредѣленныхъ словъ; изъ всѣхъ многочисленныхъ его притоковъ именованъ только одинъ какой-то (Иргисъ); даже ни одной выразительной чертой не обозначается физіономія его устья.» «Эта краткость и неопредѣленность», говоритъ *Надеждинъ* еще въ другомъ мѣстѣ (стр. 56), «дала поводъ къ тому, что между изслѣдователями возникли толки и разногласія.»

Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ въ свою очередь г. *Думшинъ* (стр. 69), нѣкоторые ученые предполагали, что подъ Танаисомъ Геродотъ разумѣлъ нынѣшнюю Волгу, или по крайней мѣрѣ верхнее ея теченіе; другіе находили Танаисъ въ Сѣверномъ Донцѣ; иные наконецъ приписывали Геродоту различныя ошибки и заставляли означать Танаисомъ нижнее теченіе Дуная. Словомъ, каждый считалъ себя въ правѣ распоряжаться съ Танаисомъ по собственному произволу и пріурочивать его, по мѣрѣ надобности, къ чему бы то ни было.

Одинъ только *Надеждинъ*, обыкновенно столь смѣлый въ своихъ выводахъ, сознается въ невозможности изъ словъ самаго Геродота разрѣшить вопросъ: что̀ послѣдній разумѣлъ подъ своимъ Танаисомъ, настоящій-ли Донъ, или не скорѣе-ли Сѣверный Донецъ (стр. 56)?

Между тѣмъ, вотъ какъ *Надеждинъ* отзывается о Геродотовомъ Гипанисѣ: «Было уже неоднократно замѣчено, что точка созерцаній и наблюденій Геродота постоянно находилась на Борисоенесѣ, и при томъ не на нынѣшнемъ руслѣ Днѣпра, но на нынѣшнемъ руслѣ Буга. Слѣдовательно, взоръ его, обращаясь на Сѣверъ, естественно долженъ былъ направляться вверхъ по Бугу, какъ по главной, основной чертѣ, какъ по истинному меридіану, раскидывавшагося передъ нимъ горизонта (стр. 65).»

Съ намѣреніемъ я привелъ здѣсь мнѣніе *Надеждина* ка-

сательно различной степени достовѣрности извѣстій, которыя Геродотъ намъ передалъ о Гипанисѣ и о Танаисѣ: мнѣ хочется предупредить упрекъ, что я самъ, пріурочивая послѣднюю рѣку къ Молочнымъ водамъ, оказываюсь виновнымъ не менѣе *Надеждина*, уничтожившаго самостоятельность Буга для того, чтобы превратить Гипанисъ въ Тилигулъ, который впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, далеко уступаетъ Молочной, если не въ длинѣ теченія, то въ обиліи воды. По крайней мѣрѣ Тилигулъ, берущій свое начало въ окрестностяхъ Ананьева, по выходѣ изъ этого города, до самаго лимана представляетъ совершенно высохшее ложе, одѣтое дерномъ (*Шмидтъ*, I, стр. 235). Молочная же, напротивъ того, вытекающая изъ овраговъ сѣверной части Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ и направляющаяся прямо отъ сѣвера къ югу, отъ самаго начала своего до устья орошаетъ цѣлый рядъ извѣстныхъ менонитскихъ и другихъ не менѣе богатыхъ нѣмецкихъ колоній, расположенныхъ по ея берегамъ.

Притомъ замѣчаніе Геродота (IV, 45), что Танаисъ изливался въ Киммерійскій Воспоръ, относится не къ одному только Дону, но и къ другимъ рѣкамъ Азовскаго бассейна, въ томъ числѣ и къ Молочной, которая могла казаться рѣкою болѣе значительною, чѣмъ она теперь оказывается на самомъ дѣлѣ.

Въ пользу моего мнѣнія о тождествѣ ея съ Танаисомъ Геродота я могу привести еще то обстоятельство, что по взгляду Геродота, послѣдняя рѣка, какъ уже замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи Скиоіи [64]), изливалась въ «сѣверо-западный» уголъ Меотиды. Подобное мнѣніе не было совершенно оставлено даже въ такое время, когда прибрежье это стало болѣе извѣстнымъ, т. е. въ римскомъ періодѣ.

Такъ напр. Страбонъ (II, 3 § 5; ср. VII, 4, § 5) знаетъ, что Танаисъ изливался въ сѣверо-восточный уголъ Мео-

---

[64]) *Ukert*, l. l. III, 2, стр. 78: und in den «nordwestlichen» Winkel (der Maeotis) fällt der Tanais.

тиды, а все-таки не рѣшается протестовать противъ мнѣнія «знакомыхъ съ мѣстностью», по которымъ рѣка эта изливалась прямо съ сѣвера такимъ образомъ, что устье рѣки и самой Меотиды, равно какъ и извѣстная часть теченія первой, лежали всѣ подъ однимъ и тѣмъ-же меридіаномъ. Это, безъ сомнѣнія, можно было сказать скорѣе о Молочной, чѣмъ о Донѣ или о Донцѣ.

Если въ первой изъ этихъ трехъ рѣкъ дѣйствительно скрывается Геродотовъ Танаисъ, то оказалось бы, что озеро, изъ котораго онъ вытекалъ и подъ которымъ нѣкоторые[65]) разумѣли крошечное Иванъ-озеро (имѣющее въ длину до ста шестидесяти сажень, а въ ширину едва до шестидесяти), могло соотвѣтствовать значительной низменности между Орѣховымъ и колоніею Гальбштадтъ, лежащею при соединеніи Токмака съ Молочною. Во всякомъ случаѣ, эта низменность, которую нынѣ еще объѣзжаютъ во время разлитія упомянутыхъ рѣкъ, могла составлять въ древности непрерывное скопище водъ, или одно большое озеро.

Графъ *Потоцкій*, по которому Молочная непремѣнно была Геродотовъ Герросъ, полагалъ также, что область того-же имени, гдѣ находились гробницы Скиѳскихъ царей (IV, 71), простиралась отъ Днѣпровскихъ пороговъ на юго-востокъ до сказанной рѣки Токмакъ.

«Возвращаясь», говоритъ онъ[66]), «осенью 1798 года изъ Крыма, я отправился къ Токмаку, чтобы посѣтить Ногайскаго князя Баязета, обитавшаго возлѣ рѣки. Оттуда я намѣревался отыскать область Герросъ и гробницы Скиѳскихъ царей. Мнѣ кажется, что я вполнѣ достигъ своей цѣли. Какъ только я удалился отъ истоковъ Токмака и приблизился къ Днѣпру, такъ попалъ въ страну, покрытую «тысячами» холмовъ

---

[65]) *Байеръ*, Краткое описаніе комм. Акад. наукъ I, стр. 151; *Tzschukke* ad. Pomp. Mel. nott. exegg. стр. 640 sqq.; *Potocki*, Voyage dans les steps d'Astrachan etc. I (II), стр. 191.

[66]) *Potocki*, Hist. prim. des peuples de la Russie etc., стр. 172.

въ родѣ тѣхъ, которые Скиѳы имѣли обыкновеніе насыпать надъ гробницами знатныхъ лицъ, и убѣдился въ томъ, что эта мѣстность, даже послѣ истребленія Скиѳовъ, служила постоянно кладбищемъ для кочующихъ народовъ. Рядомъ съ древними могилами, которыя весьма уменьшились отъ времени и вслѣдствіе уступчивости почвы, я узналъ гробницы Комановъ, на которыхъ встрѣчаются безобразныя статуи, равно какъ и гробницы преемниковъ Чингисхана, покрытыя маленькими могилами, устроенными изъ кирпича. Поэтому я полагаю, что положеніе области Герросъ болѣе не можетъ подлежать сомнѣнію».

Пок. *Терещенко* вѣроятно имѣлъ въ виду эту-же мѣстность, говоря[67]), что на дорогѣ изъ Орѣхова въ колонистскую степь встрѣтилъ на 11-й верстѣ отъ города мелкія насыпи, разсыпанныя до деревни Блюменталь, на протяженіи пяти верстъ къ Днѣпру, а въ окружности на 30 верстъ. «Многія (прибавляетъ онъ) сравнялись съ землею. Вокругъ нихъ какъ бы съ намѣреніемъ разставлены большія могилы, служившія искусственною оградою. Безъ сомнѣнія здѣсь было кладбище, но чье? Не Запорожцевъ-ли? Если допустить, что это слѣды глубокой древности, то сему противурѣчатъ могилы, ибо въ древности онѣ были большія и высокія и пр.».

Объѣзжая лѣтомъ 1864 года различныя части Новороссійскаго края, я, въ свою очередь, убѣдился въ томъ, что на всемъ пути отъ Александровска почти до Бердянска въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются цѣлыми кучами небольшія земляныя насыпи отъ 1 до 2 футовъ высоты. Къ нимъ принадлежали вѣроятно тѣ мелкія насыпи, которыя ученый графъ замѣтилъ тысячами въ степи, и которыя количествомъ своимъ поразили также г. *Терещенко*.

Если же оба они дѣйствительно имѣли въ виду тѣ бугры, о которыхъ я здѣсь говорю, то имъ не слѣдовало искать въ нихъ ни скиѳскихъ гробницъ, ни кладбища Запорожцевъ.

---

[67]) Очерки Новороссійск. края, въ Журналѣ Мин. Нар. Прос. 1853. Іюль, стр. 24 и слѣд.

Встрѣтившись въ Керчи съ многоуважаемымъ моимъ дерптскимъ сотоварищемъ, г. академикомъ фонъ *Гельмерсеномъ*, я узналъ отъ него, что по всей вѣроятности эти бугры накиданы извѣстнаго рода сурками, или байбаками (Murmelthier), которыхъ ему неоднократно приводилось заставать надъ подобною работою, во время своего путешествія въ Киргизскую степь. Наконецъ, возвратившись въ Одессу, я усмотрѣлъ изъ статьи *Кёппена*[68]), что подобное-же мнѣніе касательно этихъ насыпей было уже высказано покойнымъ академикомъ еще въ 1843 году.

Хотя такимъ образомъ возвышенія эти не могутъ имѣть ничего общаго съ гробницами Скиѳскихъ царей, тѣмъ не менѣе я счелъ здѣсь нелишнимъ упомянуть о нихъ затѣмъ, чтобы мнѣніе, высказанное въ этомъ отношеніи польскимъ магнатомъ съ такою увѣренностью и казавшееся неоспоримымъ другимъ ученымъ, которые не имѣли случая видѣть эти насыпи, какъ наприм. *Нейманъ* (стр. 212) и *Дюбуа*[69]), не повлекло и другихъ къ ложнымъ выводамъ о значеніи упомянутыхъ насыпей.

Что же касается настоящихъ кургановъ, которые графъ *Потоцкій* замѣтилъ среди безчисленнаго множества малыхъ и которые онъ приписываетъ исключительно Команамъ, то въ величинѣ ихъ я не вижу препятствія отнести ихъ къ благороднѣйшему изъ Скиѳскихъ племенъ (IV, 20), раздѣляя мнѣніе графа, что область Герросъ, въ которой находилась и сама царевщина, должна была лежать въ описанной имъ мѣстности, а именно между Токмакомъ, Днѣпромъ и Конкою.

Что область Герросъ находилась на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ томъ согласны всѣ нѣмецкіе толкователи Геродота, за

---

[68]) Kurze Uebersicht der in den Jahren 1842—44 an der Nordseite des Asofschen Meeres geöffneten tumuli, въ Bull. historico-philologique de l'Acad. d. Sc. de S.-Pétersb. II, № 13.

[69]) *Dubois de Montpéreux*, Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale, въ Annuaire des voyages et de la géogr. (изд. Lacroix) Paris, 1846, p. 41.

исключеніемъ *Линднера*, который, за невозможностію перетолковать по-своему ясныя въ этомъ случаѣ слова Геродота, предполагаетъ здѣсь описку въ текстѣ, и говоритъ, что, по его мнѣнію (стр. 49), вмѣсто словъ «рѣка Герросъ впадаетъ въ Гипакирисъ», должно читать: рѣка Герросъ впадаетъ въ Гипанисъ.

Даже *Надеждинъ* оставляетъ тутъ своего остроумнаго путеводителя, и соглашается, что страна Герросъ, которая, по его мнѣнію, подобно соименной ей рѣкѣ (Бузулуку, или Базувлуку), не могла уже не находиться на правомъ берегу Днѣпра, находилась тѣмъ не менѣе между мѣстечкомъ Никополемъ и Александровскомъ. «Здѣсь дѣйствительно», говоритъ онъ, «по обѣ стороны Днѣпра, столплены въ наибольшемъ количествѣ таинственные курганы, которые весьма часто оказываются ничѣмъ инымъ, какъ могилами» (стр. 84).

Мнѣніе Надеждина, что гробницы скиѳскихъ царей могли находиться на правомъ берегу Днѣпра признаcлъ весьма правдоподобнымъ составитель Отчета объ археологическихъ розысканіяхъ, произведенныхъ въ 1853 году.

«Всѣ изслѣдованія», говорится въ этомъ отчетѣ [70]), «о мѣстности ихъ (Екатеринославскихъ кургановъ) приводятъ къ тому заключенію, что несудоходнымъ мѣстомъ Геродотъ называлъ Днѣпровскіе пороги, отъ которыхъ ошибочно считалъ сорокъ дней плаванія до моря. Слѣдовательно, Герры обитали по Днѣпровскому побережью, а гробницы Скиѳскихъ царей должны были находиться на сѣверъ отъ пороговъ».

На этомъ основаніи осмотрѣна была, на правомъ берегу Днѣпра, мѣстность между Сурою и Базувлукомъ, и начата *Терещенкомъ* раскопка Александропольскаго кургана въ 70 верстахъ отъ Днѣпра и въ 30 отъ Базувлука [71]).

---

[70]) Извлеченіе изъ всеподд. отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. С. П., 1853, стр. 47—65.

[71]) На картѣ, приложенной къ отчету 1853 года, курганъ Александропольскій, по ошибкѣ, отмѣченъ на лѣвомъ берегу Днѣпра; разстояніе же кургана отъ этой рѣки составляетъ, по отчету 1859 года, не 70 верстъ а только 50.

Тогда какъ по вещамъ, найденнымъ въ Сурскихъ курганахъ, оказалось, что послѣдніе явно были могилами двухъ эпохъ, результаты раскопки Александропольскаго кургана подтвердили мнѣніе, что онъ «несомнѣнно принадлежитъ къ разряду могильныхъ кургановъ царей Сколотовъ (Скиѳовъ), роскошное погребеніе коихъ подробно описалъ Геродотъ».

Въ отчетѣ за 1859 годъ [72]) Археологическая Коммисія представляетъ еще слѣдующія дополнительныя замѣчанія касательно раскопки этого кургана: «подъ его циклопическимъ основаніемъ, состоявшимъ изъ такихъ камней, что нѣкоторые съ трудомъ могли быть сдвинуты 15-ю человѣками, скрывались пространныя подземелья, которыя должны были заключать въ себѣ смертныя останки царя и всѣхъ, схороненныхъ съ нимъ. Здѣсь вѣроятно находились также его кони, колесницы и нѣкоторыя принадлежности, положенныя въ могилу въ томъ предположеніи, что и послѣ смерти онъ будетъ имѣть тѣ-же потребности, какія имѣлъ при жизни. Къ сожалѣнію, подземелья найдены были уже обысканными и раззоренными въ незапамятныя времена. Отъ погребенныхъ въ нихъ лицъ только два остова остались нетронутыми на своихъ мѣстахъ. Изъ вещей же, сверхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ, уцѣлѣло еще значительное число золотыхъ и серебряныхъ, по большею частью мелкихъ, незамѣченныхъ или растерянныхъ обыскателями»... Однѣ изъ этихъ вещей признаны греческими, а между другими вещами, издѣлія не греческаго, нѣкоторыя, какъ видно изъ отчета, весьма сходны съ такъ называемыми чудскими древностями, открываемыми по преимуществу въ юго-западной Сибири.

Вообще съ 1859 года раскопка кургановъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, прерванная въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, снова стала производиться съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ, въ особенности въ 1860—1863 годахъ. Самому тщательному изслѣдованію была подвергнута, въ первый изъ этихъ годовъ, такъ, называемая, Толстая могила, на дорогѣ изъ Екатерино-

---

[72]) Отчетъ за 1859 годъ. С.-Петербургъ, 1862, стр. IV.

слава въ Никополь, у станціи Красновутской, верстахъ въ двадцати отъ упомянутаго Александропольскаго кургана, или Луговой могилы, съ которою она имѣла большое сходство въ отношеніи устройства. Еще болѣе сходства оказалось между вещами, найденными въ обоихъ курганахъ. Большая часть вещей, найденныхъ въ Толстой могилѣ, не только по формѣ или по характеру, но даже по работѣ, ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ, которыя были открыты въ Луговой.

Въ числѣ найденныхъ вещей особенно отмѣчены въ Отчетѣ сложенныя въ этой могилѣ въ двухъ кучкахъ разные перегнутые остатки колесницы и до семидесяти желѣзныхъ удилъ. «Быть можетъ», сказано по сему случаю въ Отчетѣ, «это та самая колесница, въ которой, по свидѣтельству Геродота, возили останки сколотскаго царя по всѣмъ подвластнымъ ему народамъ, прежде чѣмъ привозили въ страну Герровъ, гдѣ находилось ихъ царское кладбище. Точно также семьдесятъ удилъ указываютъ, быть можетъ, число коней, сопровождавшихъ погребальное шествіе. Чрезвычайно сильно перегнутые и поломанные колесные ободья колесницы, втулки и другія его крѣпи, сдѣланныя изъ толстаго желѣза, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что она разломана была не случайно, а нарочно и сложена здѣсь въ двухъ кучахъ въ то время, когда совершалось погребеніе».

Вмѣстѣ съ остатками колесницы найдено множество разныхъ мѣдныхъ вещей, особенно бляхъ, которыя были нашиты на какую-то тканую матерію, небольшіе колокольчики, разныя привѣски отъ конскихъ уборовъ и четыре большихъ литыхъ изображеній драконовъ, у которыхъ снизу находятся трубки для насаживанія на древки, четыре точно такихъ же изображеній грифона и два—парящей птицы [73]).

Еще блистательнѣе были результаты, которые доставило изслѣдованіе Толстой Чертомлыцкой могилы, находящейся въ имѣніи г-жи Зейфартъ, верстахъ въ двадцати къ с. з. отъ

[73]) Отчетъ за 1860 годъ. С.-Петербургъ, 1862, стр. VIII

Никополя. Раскопка этого огромнаго кургана, начатая въ 1862 году, на слѣдующій годъ была окончена, и въ этомъ то году въ немъ добыты были весьма драгоцѣнныя во всѣхъ отношеніяхъ вещи, не смотря на то, что главная гробница оказалась уже разграбленною до-чиста. Кромѣ чрезвычайнаго множества золотыхъ узорчатыхъ украшеній, въ грабительскомъ подземельѣ найдены между прочимъ двѣ большія пластины изъ чеканеннаго золота съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи, относимыя, по стилю своему, къ періоду высшаго процвѣтанія греческаго искусства. Затѣмъ, въ боковыхъ подземельяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія сложенныхъ въ нихъ сокровищъ, открыты, въ числѣ многихъ другихъ вещей, серебряныя большое блюдо, ложка и ваза съ позолоченными рельефными фигурами признанныхъ Скиѳами людей, занятыхъ уходомъ за своими конями, грифоновъ, терзающихъ оленей, птицъ и цвѣтовъ. По стилю и отдѣлкѣ своей этотъ превосходный сосудъ отнесенъ къ лучшимъ произведеніямъ греческаго искусства IV вѣка до Р. Х.[74]), между тѣмъ какъ золотыя вещи представляютъ разительное сходство съ такого же рода древностями, найденными въ Керчи.

Но если даже предметы, открытые въ Чертомлыцкомъ курганѣ, или часть ихъ, подобно вещамъ, прежде найденнымъ въ другихъ курганахъ Екатеринославскаго уѣзда, принадлежали нѣкогда соотечественникамъ Геродотовыхъ Скиѳовъ, то я все-таки не считалъ бы себя обязаннымъ перемѣстить сюда область, въ которой они «въ его время» хоронили своихъ царей. Такъ какъ Сколоты вскорѣ, вѣроятно, были изгнаны изъ своихъ прежнихъ жилищъ, будучи тѣснимы съ запада Гетами, а съ востока Сарматами, то имъ удобнѣе всего было перебраться чрезъ Днѣпръ между Никополемъ и Александровскомъ, послѣ чего еще цѣлыя столѣтія могли оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились разрытые курганы.

---

[74]) Отчетъ за 1863 годъ. С.-П., 1864, стр. III—VIII; сравн. ст. *Забѣлина*: Скиѳскія могилы, въ Трудахъ Московск. Арх. Общ.: Древности, I, стр. 71—90.

Въ этихъ новыхъ жилищахъ своихъ Скиѳы могли уже познакомиться съ серебромъ, которое у нихъ вовсе не было въ употребленіи во времена Геродота (IV, 71).

Даже въ такомъ случаѣ, если бы найденныя въ Екатеринославскомъ уѣздѣ вещи оказались не только похожими на скиѳскія, но также и «современными» Геродоту, я все-таки не могъ бы, если бы и хотѣлъ, помѣстить туда область Герросъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, тутъ именно должны были обитать Меланхлены. Жилища этого народа граничили на югѣ (IV, 20) съ владѣніями царскихъ Скиѳовъ, которыя простирались къ сѣверу до области Герросъ включительно, — предполагаемой мною на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Александровска.

Впрочемъ, Меланхлены, которые имѣли одинаковые нравы съ Скиѳами (IV, 107) и, подобно имъ, были управляемы царями, также могли имѣть обыкновеніе хоронить послѣднихъ вмѣстѣ съ ихъ конями и колесницами.

Такъ какъ сосѣдственные Меланхленамъ Андрофаги обитали къ сѣверу отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, то оказывается, что и на правой сторонѣ Днѣпра кочевья третьяго скиѳскаго племени, т. е. номадовъ, не доходили до сѣверной границы самой Скиѳіи. Оно и не могло быть иначе. Ибо на этой, нагорной сторонѣ рѣки, Скиѳамъ-кочующимъ принадлежали однѣ только плавни, которыя, какъ уже было замѣчено, не переходили за устье Подпольной, соединяющейся съ Днѣпромъ гораздо ниже Никополя, до окрестностей котораго доходили за тѣмъ вверхъ по рѣкѣ жилища Скиѳовъ-земледѣльцевъ.

Если же Геродотъ говоритъ (IV, 53), что выше отъ ихъ жилищъ Борисѳенесъ протекалъ чрезъ пустыню, то подъ этою пустынею онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ ту самую, которая находилась къ «сѣверу» отъ ихъ страны (IV, 18), между нею и землею Андрофаговъ. Въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы сказать, что теченіе Борисѳенеса было направлено отъ сѣвера къ югу.

Но какимъ образомъ, спроситъ меня читатель, Меланхлены могли обитать на правомъ берегу Днѣпра выше Никополя? Вѣдь они не были обитателями сказанной пустыни.

На это возраженіе я позволю себѣ отвѣтить, что хотя Геродотъ и полагалъ, что Борисѳенесъ протекалъ вообще отъ сѣвера къ югу, но, какъ онъ самъ сознается (IV, 53), не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о теченіи этой рѣки выше области Герросъ. Поэтому ему, безъ сомнѣнія, не было извѣстно, что уже отъ окрестностей Кіева до Екатеринослава Днѣпръ болѣе и болѣе обращается къ востоку, а затѣмъ, протекая прямо къ югу до Бѣленькой (ниже Александровска), круто поворачиваетъ отъ востока къ западу, и наконецъ уже, отъ устья Базувлука, ниже Никополя, направляется болѣе къ югу.

Въ этомъ-то четыреугольникѣ, образуемомъ Днѣпромъ и Базувлукомъ и соотвѣтствующемъ нынѣшнему Екатеринославскому уѣзду, обитали, по моему мнѣнію, Меланхлены. Вотъ почему, если не ошибаюсь, они хотѣли оставаться нейтральными въ войнѣ между Скиѳами и Персами (IV, 99), подобно Андрофагамъ, Неврамъ и Агаѳирсамъ, которые всѣ обитали между Дунаемъ и Днѣпромъ, равно какъ и Таврамъ, которыхъ защищали горы. Если бы жилища Меланхленовъ находились на лѣвой сторонѣ Днѣпра, то они, вѣроятно, устрашились бы Скиѳовъ болѣе, нежели Персовъ, и не послѣдовали бы примѣру упомянутыхъ народовъ, а присоединились бы къ Скиѳамъ, подобно Сарматамъ, Гелонамъ и Будинамъ, которые всѣ явно обитали за Днѣпромъ. Было бы, однако, невѣроятнымъ, чтобы памятники, сооруженные Меланхленами, могли сохраниться до нашихъ временъ, а отъ народа, гораздо сильнѣйшаго, не осталось ничего подобнаго въ той области, въ которой находилось его святилище.

Къ счастію, различные памятники и преданія даютъ нѣкоторую опору мнѣнію, что это святилище находилось именно въ предположенной мною мѣстности, къ которой по крайней мѣрѣ столь-же удобно какъ къ Екатеринославскому уѣзду, можетъ быть примѣнена слѣдующая замѣтка *Надеждина* (стр. 84): «Вообще должно замѣтить, что эта сторона до самыхъ позднѣйшихъ временъ играла важную роль на всемъ пространствѣ степей Южно-Россійскихъ, что она была какъ-бы клю-

чемъ всего нижняго По-Днѣпровья, что здѣсь именно, на островѣ Хортицѣ, лежащемъ почти подъ самыми Порогами, находилась, какъ было замѣчено, послѣдняя столица послѣднихъ преемниковъ Скиѳовъ, Козаковъ-Запорожцевъ, царевавшихъ отсюда по всему сѣверному Черноморью».

Но, какъ съ островомъ Св. Григорья, хорошо извѣстнымъ основателямъ Русскаго государства, такъ и съ окрестностями этого прекраснаго острова, принадлежащаго нынѣ миролюбивымъ Новокрещенцамъ, сопряжены воспоминанія о временахъ, отдаленныхъ отъ насъ болѣе, нежели періодъ, въ которомъ славянскіе «викинги» старались подражать примѣру норманскихъ «искателей добычи и славы».

Такъ, во-первыхъ, князь *Мышецкій* (l. c. p. 60), сказавъ, что Конка отдѣляется отъ Днѣпра, продолжаетъ: «На оной рѣкѣ Конки, у самаго Днѣпра имѣлся издревле городъ называемый Самысъ, гдѣ была прежнихъ татарскихъ князей столица и въ этомъ городѣ имѣлось 700 мечетей».

Эта мѣстность принадлежала, безъ сомнѣнія, къ той области, о которой Новороссійскій губернаторъ Чертковъ писалъ Кошу Запорожскому, 30 ноября 1772 года, слѣдующее: «Близъ Александровской и Никитинской крѣпости на пространствѣ 30 верстъ между рѣками Кучукумомъ и Конскою (слѣдовательно на т. н. Великомъ Лугу) по направленію къ великимъ пескамъ (Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи) найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ кирпичъ и известь, тесаный и плитный камень и въ одномъ курганѣ найдены жилые, мраморомъ выложенные покои, оставленные тамъ прежде бывшими Татарами и другими народами; но дабы скорѣе окончить постройку Днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только воспрещать найденные уже матеріалы, столь драгоцѣнные въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, выбирать, но еще поощрять отыскать другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду пять рублей за кирпичный и по десять за известковый запасъ».

Чрезвычайно важно для археолога также село Малая

Знаменка, или Каменка, лежащее насупротивъ Никополя, отъ котораго отдѣляется сначала Днѣпромъ, а потомъ Конкою, и прилегающее или даже принадлежавшее къ той области, о которой говоритъ губернаторъ.

Окрестности этого села, какъ справедливо замѣчаетъ *Терещенко* (l. l. p. 31), покрыты песчаными буграми, но едва замѣтными, а если и есть большіе, то отъ наноса песку. Между ними видны слѣды искуственныхъ каналовъ, водоемовъ и окоповъ; на пескѣ въ чрезвычайномъ множествѣ валяются битая глиняная посуда, состоящая изъ донышекъ, горлышекъ, ручекъ и т. д., кости человѣческія, лошадиныя, рогатаго скота и овечьи. Упомянувъ о разныхъ монетахъ и другихъ предметахъ, здѣсь открытыхъ и относящихся, по мнѣнію *Терещенки*, къ среднимъ вѣкамъ и даже позднѣйшему времени, онъ однако не скрываетъ, что въ 1845 году дѣтьми найдены разныя золотыя вещи, именно пуговицы, кольца, птички, полумѣсяцы и выпуклыя изображенія головъ на золотыхъ пластинкахъ. Изъ этихъ вещей *Терещенкѣ* самому достались пуговичка, кружечикъ, ракообразный, какъ бы съ изображеніемъ глаза внизу, кружечикъ съ изображеніемъ медузиной головы, пластинка съ изображеніемъ головы, покрытой остроконечной шапкою, какъ бы короною и половинка трубочки. «Все это», говоритъ онъ, «украшало одежду, можетъ быть коронованной особы, и было отнюдь не скиѳская, но греческая работа». Отвергая наконецъ мнѣніе, будто бы тамъ погребенъ былъ скиѳскій царь, *Терещенко* приходитъ къ тому заключенію, что на этомъ именно мѣстѣ стоялъ городъ Самысъ, упомянутый *Мышецкимъ*.

Въ свою очередь графъ *Уваровъ*, изслѣдовавшій окрестности Каменки нѣсколько раньше *Терещенки*, убѣдился, что прежде Татаръ тутъ обитали Греки, и даже говоритъ опредѣлительно, что поселеніе, найденное имъ въ окрестностяхъ Никополя, занимаетъ мѣсто города Серимума, упомянутаго однимъ только Птолемеемъ (III, 5) и отмѣченнаго у него подъ 75 гр. долготы и 50 гр. широты, третьимъ вверхъ по Борисѳенесу.

На мнѣніе графа касательно мѣстоположенія этого города

мнѣ можно бы было сослаться въ пользу того, что я сказалъ о городѣ Митрополисѣ, который Птолемеемъ помѣщенъ между Ольвіею и Серимумомъ и казался графу загадочнымъ [75]).

Но такъ какъ александрійскій географъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ гораздо менѣе довѣрія при опредѣленіи градусовъ долготы и широты различныхъ мѣстностей, чѣмъ при передачѣ этимъ путемъ извѣстія объ относительномъ взаимномъ разстояніи между ними, то я скорѣе готовъ искать городъ Серимумъ около Берислава. Четвертый же городъ вверхъ по Днѣпру, т. е. Сарумъ, отмѣченный впрочемъ не подъ 54 градусомъ широты, а подъ 51 гр 15 мин., столь-же мало могъ находиться около Новомосковска, гдѣ его предполагалъ *Маннертъ,* какъ около Кіева или Кременчуга, куда его хотѣлъ помѣстить графъ *Уваровъ.*

Охотнѣе всего я сталъ бы искать этотъ городъ Сарумъ въ Каменкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ бы, что имя его передѣлано Птолемеемъ (у котораго встрѣчается уже много турецкихъ именъ) изъ татарскаго слова Сарай. Причина, по которой, по мнѣнію моему, городъ этотъ никакъ не могъ находиться около Новомосковска или еще выше по Днѣпру, заключается въ томъ, что въ такомъ случаѣ городъ Амадоку, лежавшій, по Птолемею-же, недалеко, но къ сѣверу отъ Сарума, пришлось бы помѣстить выше пороговъ. Между тѣмъ они-то именно образуются тѣмъ горнымъ кряжемъ, который, пересѣкая всю юго-западную Россію до Азовскаго моря, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовалъ горамъ Амадокскимъ, находившимся, по словамъ Птолемея, къ сѣверу отъ сонменнаго имъ города. По этому послѣдній не могъ находиться выше Александровска, ибо лишь здѣсь прекращаются пороги.

Но не только на пространствѣ, заключенномъ между этимъ городомъ и Каменкою, сохранились памятники минувшихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи не менѣе достойны вниманія окрест-

---

[75]) Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. С. П. 1851, стр. 29.

ности села Большой Знаменки, лежащаго въ девяти верстахъ ниже Каменки, внизъ по Конкѣ. Я разумѣю такъ называемый Бѣлозерскій городокъ, находящійся, въ двухъ верстахъ отъ села. Этотъ городокъ омываютъ рѣка Конка, гирло и Бѣлозерскій лиманъ, которые весною въ полую воду сливаются вмѣстѣ. Съ сухопутной стороны отъ Конки до Бѣлозерскаго лимана онъ огражденъ землянымъ валомъ и канавами, изъ которыхъ, по сказанію стариковъ-обывателей, лѣтъ сорокъ назадъ, первый былъ такъ высокъ, а послѣдніе такъ глубоки, что не было возможности безъ затрудненія сойти до глубины рва. Еще и теперь валъ вышиною въ 2 или $2^1/_2$ сажени надъ горизонтомъ земли, каналы же глубиною мѣстами въ $1^1/_4$, а мѣстами немногимъ болѣе аршина. Въ валѣ замѣтны проходы и внутри городка площадь, усѣянная незначительными курганчиками. Внутри этой площади насыпанъ другой земляной валъ со рвомъ; изъ нихъ первый вышиною, а послѣдній глубиною одинаковъ съ первымъ. Въ этомъ валѣ замѣтенъ одинъ только проходъ; каналъ же, по свидѣтельству жителей, былъ выложенъ тесанымъ камнемъ, который вырытъ и употребленъ на постройку церкви въ Большой Знаменкѣ. Рядомъ стоятъ четыре кургана значительной высоты; вершины ихъ были разрыты поселянами для добыванія тесанаго камня и жженаго кирпича, который, судя по оставшимся обломкамъ, былъ превосходнаго качества.

Планъ этого городка съ подробнымъ описаніемъ помѣщенъ г. *Вертильякомъ* въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (IV, 144). По этому я замѣчу здѣсь только, что внутреннюю часть городка жители называли въ 1847 году Кремлемъ и что г. *Вертильяку* удалось пріобрѣсти найденныя въ этомъ городкѣ золотыя украшенія [76]), конскую сбрую и большой глиняный кувшинъ.

---

[76]) Украшенія эти, хранящіяся теперь въ Музеѣ Одесск. Общ. Ист. и Древн., представляютъ лежащаго льва, женское лицо прямо, раковину, треугольникъ, весь составленный изъ точекъ, узелки и выпуклыя большія и маленькія пуговицы.

«Внизъ по рѣкѣ Конкѣ, отъ вала за селомъ Большой Знаменки», говоритъ еще г. *Вертильякъ*, «находится мѣсто, по которому на горѣ проходитъ рядъ кургановъ и которое называется Мамурзаки».

«Я твердо убѣжденъ», оканчиваетъ г. *Вертильякъ* свою статью, «что это именно мѣсто есть тотъ городъ, гдѣ хоронили Скиѳскихъ царей и что постоянныя разысканія по всей этой мѣстности доставили бы много полезныхъ открытій, въ историческомъ отношеніи нашихъ предковъ» (ibid. стр. 145).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о нашемъ родствѣ съ Геродотовыми Скиѳами, я также того мнѣнія, что тщательное изслѣдованіе этой мѣстности могло бы значительно двинуть впередъ вопросъ о мѣстоположеніи области Герросъ. Я не отказался бы отъ этого мнѣнія даже въ такомъ случаѣ, если бы здѣшніе курганы оказались расхищенными и если бы раскопка ихъ не доставила столь блистательныхъ результатовъ, какъ раскопка нѣкоторыхъ кургановъ Екатеринославскаго уѣзда. Въ этомъ случаѣ я могъ бы примѣнить къ Бѣлозерскимъ курганамъ замѣчаніе, къ которому раскопка различныхъ кургановъ одного и того же разряда уже привела Археологическую Коммиссію, а именно: «опустошеніе могилъ совершалось ближайшими потомками погребенныхъ, между которыми свѣжи еще были преданія и память о томъ, въ какую именно могилу положены искомыя богатства [77])».

Разумѣется, что для рѣшенія вопроса о времени и виновникахъ постройки Бѣлозерскихъ кургановъ, если бы послѣдніе дѣйствительно оказались расхищенными, слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на ихъ форму, на расположеніе могущихъ въ нихъ встрѣтиться гробницъ и другихъ принадлежностей, какъ напр. «каменныхъ бабъ», которыя въ нашихъ степяхъ нигдѣ не встрѣчаются въ такомъ количествѣ, какъ по обѣимъ сторонамъ Молочныхъ водъ, между Днѣпромъ и Бердою, и кото-

[77]) Отчетъ за 1861 годъ. С.-П. 1863, стр. XII.

рыя безспорно принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ памятникамъ старины въ нашемъ краю [78]).

Сколько можно судить по свѣдѣніямъ, до сихъ поръ собраннымъ объ этихъ статуяхъ, которыя названіемъ своимъ и неизящнымъ видомъ напоминаютъ изображенія, изсѣченныя на т. н. pierre aux demoiselles близь Женевы [79]), то большая часть изъ нихъ представляетъ чисто монгольскій типъ, выражающійся особенно въ формѣ глазъ. Впрочемъ встрѣчаются нерѣдко и такія, въ которыхъ нѣтъ ничего монгольскаго; да кромѣ того онѣ различествуютъ однѣ отъ другихъ чертами лица, одеждою и другими принадлежностями. Къ этому разряду принадлежали вѣроятно тѣ статуи, которыя Рубруквисъ [80]) приписалъ Команамъ, т. е. народу тюркскому. Итакъ, эти загадочныя статуи, кажется, не могутъ быть отнесены къ одному только народу или племени, а представляютъ намъ, такъ сказать, портретную галлерею различныхъ націй, которыя, въ теченіе вѣковъ, являлись въ нашихъ степяхъ, проходили по нимъ и изчезали.

Какъ происхожденіе этихъ памятниковъ, такъ и цѣль ихъ сооруженія до нынѣ не объяснена. По мнѣнію *Кёппена* (l. l. 3), эти истуканы служили идолами для поклоненія; мнѣніе это онъ частью основываетъ на томъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ курганахъ, разрытыхъ въ 1842 году меннонитомъ Корнисомъ около устья Молочной, вовсе не было найдено труповъ, между

---

[78]) Одесское Общество Исторіи и Древностей успѣло собрать довольно значительную коллекцію этихъ грубоизсѣченныхъ статуй доставленныхъ по большей части съ западнаго прибрежья Азовскаго моря. Почти всѣ онѣ имѣютъ обликъ монгольскій и держатъ въ рукахъ прижатое къ чреву что то въ родѣ чаши, подобно статуямъ Команскимъ, о которыхъ говоритъ Рубруквисъ. Эта чаша, по мнѣнію *Спасскаго* (З. О О. I. 590) и *Фундуклея* (Обзоръ могилъ и пр. Кіевской губерніи. Кіевъ, 1848), была аттрибутомъ идоловъ монгольскихъ; по мнѣнію же *Флоренсова* эти мнимыя чашки, имѣющія часто углубленіе вверху и внизу, суть ничто иное, какъ полотенца, или ручника, вложенныя въ руки умершему.

[79]) *Фабръ*, О памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ, древле-обитавшихъ въ Новоросс. краѣ, въ Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др., II, стр. 43.

[80]) Itinerarium, въ Recueil de voy., IV, p. 235.

тѣмъ какъ въ одной изъ могилъ находились куски каменной бабы.

По мнѣнію другихъ, именно г. *Флоренсова*[81]), эти истуканы, напротивъ того, были ничто иное, какъ портреты, ставившіеся на могилы усопшихъ, что скорѣе подтверждается, нежели опровергается результатами изслѣдованій Екатеринославскихъ кургановъ.

Такъ напр. при раскопкѣ большаго кургана у селенія Бѣленькаго, въ четырехъ верстахъ отъ Днѣпра, кромѣ обломковъ такой бабы, стоявшей вѣроятно еще въ оградѣ, подлѣ гробницы, найденъ огромный камень въ родѣ бабы изъ красноватаго песчаника[82]).

Кажется впрочемъ, что не всѣ курганы, по крайней мѣрѣ у насъ, были непремѣнно гробницами, хотя, правда, большая часть наименованій, которыми различные народы ихъ означали, имѣютъ связь съ этимъ назначеніемъ[83]).

По *Дюбуа*[84]) кромѣ могилъ собственно (tumulus funéraires), въ юго-западной Россіи встрѣчаются еще: курганы пограничные (t. limites); курганы, служившіе для культа древняго друидійскаго или пелазгическаго грома (t. pyrés); курганы-телеграфы (t. télégraphes) и курганы, воздвигнутые для ознаменованія подвиговъ (t. trophées). Всѣ эти различнаго рода курганы, по мнѣнію *Дюбуа*, ничѣмъ не отличаются отъ могильныхъ кургановъ.

Такимъ образомъ, для рѣшенія вопроса къ какому именно разряду принадлежалъ разрытый курганъ, слѣдуетъ только опредѣлить: что такое значили вещи, которыя бы въ немъ оказались.

Опредѣлить это однако не всегда легко, судя по противуположнымъ мнѣніямъ, которыя вызваны были нѣкоторыми

---

[81]) О каменныхъ бабахъ, въ Зап. Одесс. Общ., II, стр. 822.

[82]) Отчетъ Арх. Комм. за 1860 годъ, стр. X.

[83]) *Броніовій*, говоря (Schwandtner, Script. rer. hungar., I, 819), что tumuli, или могилы, Татарами называемы были «Cosles», быть можетъ, по недоумѣнію примѣнилъ къ нимъ татарское же слово «Кишла», становище.

[84]) Des tumulus etc. въ Ann. d. voyages, 2 année, 1843, p. 183.

мѣдными вещами, найденными нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ невысокомъ курганѣ у села Козорѣзова, въ Бобринецкомъ уѣздѣ [85]).

Въ Одесскомъ музеѣ можно было видѣть эти вещи, за исключеніемъ двухъ экземпляровъ, отправленныхъ Одесскимъ Обществомъ въ С.-Петербургъ, въ тамошнее Археологическое Общество и въ Императорскій Эрмитажъ Тогда какъ въ Эрмитажѣ они были приняты за серпы, а въ Археологическомъ Обществѣ за скребницы, г. секретарь Одесскаго Общества Исторіи и Древностей призналъ въ найденныхъ орудіяхъ ножи въ родѣ тѣхъ, которые были въ употребленіи у древнихъ Скиѳовъ для приношенія богамъ человѣческихъ жертвъ, выбиравшихся преимущественно изъ военноплѣнныхъ или чужестранцевъ.

Не мнѣ рѣшить какому изъ этихъ трехъ мнѣній слѣдуетъ отдать преимущество. Позволю себѣ только замѣтить, что мнѣніе г. секретаря нѣсколько подтверждается мѣстомъ находки этихъ орудій. Если они дѣйствительно служили Скиѳамъ при жертвоприношеніяхъ, то легко могли быть ими оставлены или зарыты въ мѣстности, чрезъ которую пролегали Святые пути, когда Скиѳамъ самимъ пришлось удалиться изъ своей родины. Не могу однакоже скрыть что затѣмъ въ Музей Общества были доставлены еще подобныя орудія, найденныя въ 1856 году близь Березани; кромѣ того я имѣлъ случай видѣть мѣдную вещицу, найденную въ имѣніи графа Канкрина на Конкѣ: она похожа на два другія орудія, доставленныя Обществу вмѣстѣ съ приведенными ножами и признанныя г. секретаремъ за сѣкиры, которыми умерщвлялись, ударомъ въ лобъ, люди и животныя, обреченныя на жертву. По Геродоту (IV, 103) впрочемъ не Скиѳы, а Тавры, поступали такъ съ Эллинами, брошенными судьбою на берегъ моря, названнаго нѣкогда не безъ причины негостепріимнымъ. Богиню, которой приносимы были эти жертвы, сами Тавры выдавали за дочь Агамемнона, Ифигенію. Храмъ ея, построенный на кру-

---

[85]) Записки Од. Общ., III, стр. 567.

томъ мѣстѣ [86]), столь же хорошо могъ находиться на мысѣ Фіолентъ, къ западу отъ Балаклавы, какъ въ деревнѣ Партенитъ у подошвы Аюдага, куда его хотѣлъ перемѣстить *Бларамбергъ*, по мнѣнію котораго упомянутый Страбономъ храмъ «божественной дѣвы», находясь на разстояніи 100 только стадій отъ города Херсониса, долженъ былъ стоять на низменномъ мысѣ того-же имени.

Къ сожалѣнію Страбонъ, столь отчетливо описавшій Таврическій полуостровъ, не говоритъ, почему именно сѣверная часть его называлась «Малою Скиѳіею» (VII, 4, 5), а мимоходомъ только упоминаетъ о «царскихъ» Скиѳахъ (VII, 3, § 17). Это впрочемъ не мѣшаетъ намъ помѣстить принадлежавшую имъ область Герросъ ниже пороговъ Днѣпровскихъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки.

Труднѣе согласить съ этимъ мнѣніемъ слѣдующую замѣтку Геродота о Борисѳенесѣ. Сказавъ (IV, 53) что рѣка эта величиною своею уступала только Истросу и Нилу, и что обиліемъ водъ своихъ она доставляла прибрежнымъ жителямъ много выгодъ, онъ продолжаетъ: «до области Герросъ, до которой сорокъ дней плаванія, Борисѳенесъ знаемо течетъ съ сѣвера; выше же, чрезъ какихъ людей страны протекаетъ, никто не умѣетъ сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землю Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія. Только одной этой рѣки да еще Нила я не въ состояніи указать источниковъ; да и никто, думаю, изъ Эллиновъ, не укажетъ ихъ». За тѣмъ Геродотъ переходитъ къ описанію нижней части рѣки, извѣстной ему гораздо лучше.

Всѣ почти толкователи Геродота, кромѣ тѣхъ, которые искали область Герросъ выше пороговъ, около Екатеринослава [87]), Кіева [88]), и даже Чернигова (Hansen, p. 42), принуждены были допустить, что разстояніе между нею и устьемъ Борисѳене-

---

[86]) Eurip. Iphig. in Taur. v. 1375 etc. см. выше ч. I. стр. 67.

[87]) *Думшинъ*, l. l. p. 38; *Kolster*, l. l. p. 19.

[88]) *Mannert*, l. l. p. 80; *Eichwald*, l. l. p. 304.

са не могло составить сорокъ дней водянаго пути. По этому большая часть изъ нихъ, для соглашенія показанія Геродота съ дѣйствительностью, сходилась въ мнѣніи, что число 40 попало въ текстъ по ошибкѣ вмѣсто 14.

Весьма немногіе, въ томъ числѣ графъ *Потоцкій*[89]), думаютъ, что сорока днями плаванія Геродотъ хотѣлъ опредѣлить не разстояніе между устьемъ Борисоенеса и Герросомъ, но часть рѣки, протекающей до этого мѣста съ сѣвера.

Не имѣя другаго средства устранить здѣсь недоумѣніе, я принужденъ сознаться, что мнѣніе графа мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) такъ какъ Геродотъ уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 18), что Скиеы-земледѣльцы обитали вверхъ по Борисоенесу на 14 дней, то ему небыло надобности говорить еще разъ объ этихъ 14 дняхъ уже и потому, что тутъ-же (IV, 53) прибавляетъ, что нижняя часть рѣки, внизъ по ея теченію, составляла десять дней плаванія;

2) такъ какъ Скимнъ Хіосскій[90]) и Мела[91]), которые также говорятъ о сорокадневномъ плаваніи по Борисоенесу, явно заимствовали это извѣстіе у Геродота, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, по какой бы то ни было причинѣ, дѣйствительно говоритъ о сорока дняхъ;

3) изъ словъ Геродота не слѣдуетъ, что онъ этимъ числомъ непремѣнно хотѣлъ опредѣлить протяженіе нижней части Борисоенеса, а не верхней, заключенной между Герросомъ и тѣмъ пунктомъ, гдѣ рѣка начинаетъ стремиться съ сѣвера къ югу. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ право присовокупить, что никому не было извѣстно, какіе люди жили выше по рѣкѣ, т. е. выше Герроса: ибо, въ другомъ мѣстѣ (IV, 71), онъ упоминаетъ, что Борисоенесъ далѣе этого края не былъ судо-

---

89) Voyage dans les steps etc, II, p. 173.

90) Frag. 70; Peripl. P. Euxini § 12.

91) Мела, II, 1, Солинъ, 15, и Амміанъ, XXII, 8, по примѣру Плинія, ищутъ источники Борисоеноса у Невровъ, обитавшихъ скорѣе при верховьяхъ Ингульца, чѣмъ около Смоленска.

ходенъ, безъ сомнѣнія по причинѣ пороговъ, при которыхъ конечно и тогда, какъ теперь, прекращалось всякое судоходство вверхъ по рѣкѣ. Впрочемъ въ словахъ Геродота я не вижу намека на это препятствіе. Напротивъ того, я думаю, что онъ ничего не зналъ о порогахъ: иначе, какъ уже замѣтили другіе и между прочимъ *Нейманъ* (l. l. p. 211), онъ не преминулъ бы упомянуть о нихъ при сравненіи Борисоеноса съ Ниломъ.

Молчаніе Геродота въ этомъ случаѣ служитъ сильнымъ доводомъ противъ вышеупомянутаго мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые хотятъ помѣстить область Герросъ выше пороговъ и думаютъ этимъ увѣрить насъ, что Геродотъ умалчиваетъ о нихъ, хотя они и находились въ странѣ, ему хорошо извѣстной. Притомъ не понятно, какимъ образомъ устье Днѣпра разстояніемъ въ 40 дней плаванія могло быть отдѣлено отъ области Герросъ, тогда какъ отъ земли Меланхленовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ области, можно было дойти до моря пѣшкомъ въ 20 дней [92]).

Познакомившись съ мѣстами пребыванія различныхъ обитателей Геродотовой Скиѳіи, посмотримъ теперь, не могутъ ли предѣлы этой страны, мною предположенные, послужить къ объясненію вопроса, какимъ образомъ ему могла придти мысль сказать, что Скиѳія была родъ четыреугольника, который съ двухъ сторонъ примыкалъ къ морю и имѣлъ ровное протяженіе, какъ въ средиземьѣ, такъ и вдоль моря. Чтобы показать, что онъ говоритъ это не на угадъ, онъ затѣмъ прибавляетъ (IV, 101): «Отъ Истроса до Борисоеноса десять дней сухопутья; а отъ Борисоеноса до озера Меотиды другихъ десять. Средиземьемъ отъ моря до Меланхленовъ, которые живутъ надъ Скиѳами, сухопутья двадцать дней. Я считаю на день сухопутной ходьбы двѣсти стадій. Стало быть въ поперечныхъ бокахъ вый-

---

[92]) Непонятно, какимъ образомъ *Беръ* (l. l. p. 497) послѣ приведеннаго указанія Геродота, счелъ необходимымъ перемѣстить Меланхленовъ изъ Полтавы, гдѣ ихъ искалъ *Кольстеръ* (l. l. p. 607), въ окрестности Москвы.

детъ въ каждомъ по четыре тысячи стадій, и въ продольныхъ по направленію въ средиземье, въ каждомъ, опять по стольку же. Вотъ и вся величина области».

Нельзя не согласиться, что подъ первою изъ сторонъ своего четыреугольника Геродотъ могъ разумѣть только сѣверный берегъ Чернаго моря, заключающійся между устьями Дуная и Днѣпра; затѣмъ продолженіе этого берега до окрестностей Евпаторіи и наконецъ линію, мысленно приведенную имъ оттуда поперекъ Крыма, къ сѣверу отъ горной части полуострова до Керченскаго пролива.

Безъ сомнѣнія, вся эта сторона, пролегающая между Истросомъ и Меотидою, далеко не составляетъ прямой линіи: если же она могла казаться такою Геродоту, то это показываетъ только, что Каркинитскій заливъ былъ ему извѣстенъ столь же мало, какъ Перекопскій перешеекъ и Сивашъ [93]).

Но если таковъ былъ взглядъ Геродота на ту сторону, которую онъ долженъ былъ знать лучше прочихъ, то и нельзя требовать отъ него болѣе точности при опредѣленіи прочихъ сторонъ Скиѳіи, доступныхъ ему гораздо менѣе.

Послѣ сказаннаго мною о мѣстѣ пребыванія царскихъ Скиѳовъ, я въ правѣ думать, что подъ «второю стороною», которая простиралась отъ моря до жилищъ Меланхленовъ, Геродотъ не могъ не разумѣть сѣверное прибрежье Керченскаго полуострова, Арабатскую стрѣлку и рѣки Молочную и Конскую, до впаденія послѣдней въ Днѣпръ. Правда, что такимъ образомъ эта сторона вышла бы на столько короче 4000 стадій, положенныхъ Геродотомъ на каждую изъ сторонъ его четыреугольника, на сколько первая сторона въ дѣйствительности превосходитъ ихъ длиною своею. Зато по крайней мѣрѣ вторая сторона, какъ можно усмотрѣть изъ карты южной Россіи, гораздо болѣе первой походитъ на прямую линію.

Остальныя двѣ стороны, параллельныя двумъ первымъ, по взгляду Геродота, соотвѣтствовали линіи, которая, по моему

---

[93]) *Ukert*, I. 1. III, p. 458.

же мнѣнію, должна быть проведена отъ южнаго устья Дуная вверхъ по теченію этой рѣки до устья Алуты и даже немного выше. За тѣмъ линію эту надобно провести не прямо, а съ соблюденіемъ по возможности указанной Геродотомъ параллельности съ двумя первыми сторонами—поперекъ Придунайскихъ Княжествъ и Бессарабіи, по южной части Подоліи и сѣверо-восточной части Херсонской губерніи до устья Базувлука и оттуда вверхъ по Днѣпру до устья Конской, ниже Александровска.

Геродотъ не говоритъ прямо, гдѣ находился уголъ, образуемый этими двумя сторонами; но такъ какъ, по его словамъ, онѣ имѣли одинаковое протяженіе, то мы должны помѣстить точку, ихъ раздѣлявшую, въ серединѣ всей проведенной нами линіи между Дунаемъ и Днѣпромъ, т. е. около Бѣльцъ или Могилева на Днѣстрѣ. Такимъ образомъ будутъ опредѣлены остальныя двѣ стороны четыреугольника и окажется не только, что на каждую приходится около 4000 стадій, но что Геродоту могло показаться, будто бы одна изъ нихъ параллельна описанной имъ поперечной сторонѣ, а другая—береговой.

Во всякомъ случаѣ попытка моя и въ этомъ отношеніи согласовать показаніе Геродота съ дѣйствительностью не нуждается въ уловкахъ и натяжкахъ въ родѣ тѣхъ, къ которымъ до сихъ поръ принуждены были прибѣгать всѣ старавшіеся возстановить Скиѳскій четыреугольникъ, такъ какъ они предубѣждены были въ томъ, что одна изъ сторонъ этого четыреугольника непремѣнно должна была примыкать къ Дону.

Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется новое доказательство въ пользу моего мнѣнія, что подъ Танаисомъ Геродотъ скорѣе могъ разумѣть Молочную, нежели Донъ, или же устье этой рѣки съ Донцомъ.

Но вотъ, кстати, въ случаѣ надобности, еще другое доказательство справедливости этого мнѣнія.

По свидѣтельству Платона[94]), воинственныя женщины, названныя Савроматидами, обитали при Понтѣ, тогда какъ, по

---

[94]) De legg. ed. Bipont., VIII. 355, 377.

Гиппократу [95]), скиѳскій народъ Савроматы обитали при Меотидѣ. Скилаксъ (p. 30, ed. Huds.) помѣщаетъ Сарматовъ къ сѣверу отъ Меотиды, надъ Таврикою, откуда *Укертъ* [96]) съ *Нибуромъ* [97]) напрасно хотѣли ихъ удалить, объявивъ, что слова ὑπὲρ τῆς Ταυρικῆς по ошибкѣ только попали на мѣсто, занимаемое ими въ периплѣ.

Тимосѳенъ [98]), современникъ Птолемея Филадельфа, опредѣляя жилища народовъ по странамъ свѣта, говоритъ: противъ Ѳракіаса, къ сѣверу отъ Ѳракійцевъ, обитаютъ Скиѳы; противъ Бореаса находятся Понтъ, Меотида, Савроматы Словомъ, вскорѣ послѣ Геродота, Савроматы или Сарматы [99]) уже являются на западномъ берегу Азовскаго моря, между тѣмъ какъ ни у одного древняго автора нѣтъ намека на то, что они переселились туда изъ-за Дона. Даже у позднѣйшихъ писателей мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Страбонъ, говоря (VII, 3 § 13) о движеніяхъ народовъ при Истросѣ, замѣчаетъ, что Скиѳы, Бастарны и Сарматы переправились чрезъ рѣку и переселились частью на южный берегъ этой рѣки. Хотя Плиній (VI, 7) и говоритъ о какихъ то измѣненіяхъ при Танаисѣ, но никто не упоминаетъ о походахъ и завоеваніяхъ Сарматовъ.

Правда, что по словамъ *Нибура* (l. l. 395), Сарматы медленно распространялись до Дуная и до Вислы, истребляя Скиѳовъ и тѣсня Гетовъ (die Geten einschränkend); но онъ самъ принужденъ сознаться, что историки молчатъ объ этомъ передвиженіи Сарматовъ (ibid. 388): оно только должно было имѣть мѣсто, sie (die Ausbreitung) lässt sich nur wahrnehmen und folgern.

При всемъ уваженіи къ дару комбинацій великаго критика, я въ этомъ случаѣ считаю себя въ правѣ вывести со-

---

95) De aëre etc. § 89, 91; ср. *Potocki*, l. c. I, p. 90, § 18.

96) Geogr. d. Gr. u. R., p. 322, пр. 62 (III, 2).

97) Kleine hist. Schriften, I, стр. 382.

98) Agathemer., I, 2.

99) О тождествѣ Савроматовъ и Сарматовъ см. между прочимъ: *Baehr*, l. l. II, p. 331 и *Vivien de Saint-Martin*, Recherches s. l. populations primitives etc. du Caucase, Par. 1847, p. 161, note 2.

вершенно иное заключеніе изъ упорнаго молчанія древнихъ авторовъ относительно постепеннаго передвиженія Сарматовъ изъ предкавказскаго края до Карпатовъ. Мнѣ кажется, что этотъ народъ, по крайней мѣрѣ во времена Геродота, долженъ былъ обитать на западной сторонѣ Азовскаго моря. По этому то и Танаисъ, который, подобно сему морю, отдѣлялъ ихъ отъ царскихъ Скиѳовъ, гораздо удобнѣе могъ означать Молочную, нежели Донъ съ Донцомъ.

Такъ какъ страна, занимаемая Сарматами, простиралась, по Геродоту, къ востоку за Танаисъ на три дня ходьбы по берегу Азовскаго моря (IV, 96), а къ сѣверу на пятнадцать дней (21), то и оказывается, что жилища ихъ находились между Молочною и Кальміусомъ, и доходили къ сѣверу, вверхъ по лѣвому берегу Волчьей и нижней Самары, до Днѣпра, который между Екатеринославомъ и Александровскомъ отдѣлялъ ихъ отъ Меланхленовъ. Пространство это составляетъ большею частью унылую, безводную степь, и соотвѣтсвтуетъ замѣчанію Геродота (IV, 21), что обширная страна, въ которой обитали Сарматы, была совершенно гола и безлѣсна.

Напрасно *Нейманъ* (l. l. p. 83) изъ приведеннаго имъ французскаго перевода извѣстія Рубруквиса выводитъ заключеніе, будто-бы въ XIII вѣкѣ нашей эры лѣса еще существовали на гранитной формаціи между Молочною и Бердою. По крайней мѣрѣ, если держаться латинскаго текста, то всѣ рукописи согласны въ томъ, что степь эта тогда уже не представляла взорамъ путешественника ни лѣсовъ, ни горъ, ни камней: solitudo, in qua nulla silva, nullus mons, nullus lapis, herba optima[100]). Таковъ безъ сомнѣнія и смыслъ французскаго перевода этого мѣста дневника: où on ne trouve *que* des forests, des montagnes, avec des pierres[101]).

---

[100]) Itinerarium въ Recueil de Voyages, t. IV, p. 246.

[101]) *Rubruquis*, Voyage en Tartarie, ed. Bergeron, 1735, p. 26; ср. *Rogeard* (Les propos de Labienus, 8-me edit., p. 7): et je n'ai *que* faire de l'avis du paysan du Danube.

Слабые слѣды долгаго пребыванія Сарматовъ въ предѣлахъ, мною предположенныхъ для ихъ жилищъ, сохранились, быть можетъ, въ именахъ, если не Берды и Самары, напоминающихъ хотя созвучіемъ имена славныхъ нѣкогда городовъ въ Арранѣ и Согдіанѣ, то, по крайней мѣрѣ, Днѣпра, или Danapris. Еще въ древности (Перип. Безъим. § 11) Борисѳенесъ былъ извѣстенъ подъ этимъ наименованіемъ, въ окончательномъ слогѣ котораго, какъ справедливо замѣчаетъ *Надеждинъ* (l. l. p. 32), слышится какъ будто первая половина названія Борисѳенесъ, тогда какъ начало всего слова Дана составлено изъ какого-то таинственнаго звука «д-н», являющагося въ нынѣшнихъ названіяхъ и другихъ сопредѣльныхъ Днѣпру рѣкъ, какъ-то Днѣстра, Дуная и Дона.

Впрочемъ *Надеждину*, вѣроятно, не было безъизвѣстно, что это таинственное «д-нъ» слышится также въ нарицательномъ имени донъ, что значитъ текущая вода, рѣка, на языкѣ Осетинцевъ, которые еще нынѣ[102]) сами себя называютъ Иронъ и въ которыхъ неоднократно признавали потомковъ Сарматовъ, выведенныхъ, по Діодору (II, 44), Скиѳами изъ Мидіи на Кавказъ[103]).

За Сарматами, къ востоку разумѣется[104]), вторую область занимали Будины (IV, 21), у которыхъ земля была покрыта всякаго рода лѣсомъ. Это былъ народъ великій, многочисленный, съ голубыми глазами и русыми волосами (γλαῦκον καὶ πύῤῥον). У нихъ былъ большой деревянный городъ, именуемый Гелонос (IV, 108); жители его были потомками Эллиновъ, поселившихся у Будиновъ, отъ которыхъ различались языкомъ своимъ, полускиѳскимъ и полуэллинскимъ, равно какъ и образомъ жизни. Повторивъ еще разъ, что земля Будиновъ вся была заросшена лѣсомъ, Геродотъ (IV, 109) продолжаетъ: «Въ самой глубокой пущѣ находится большое многоводное озеро, а

---

[102]) *Sjögren*, Ossetische Sprachlehre, S. P., 1844, p. 383.
[103]) *Vivien de S. Martin*, l. c.
[104]) *Bobrik*, Geogr. d. Herodot, Königsberg, 1838, p. 117.

вокругъ него болото, поросшее тростникомъ. Въ этомъ озерѣ ловились выдры и бобры и другіе звѣри съ четыреугольною мордою, шкуры которыхъ употреблялись на обшивку платья, тогда какъ ядра весьма почитались пригодными въ маточныхъ болѣзняхъ».

Такъ какъ при описаніи народовъ, обитавшихъ за Скиѳіею, Геродотъ придерживается того-же порядка отъ запада къ востоку, то жилища Будиновъ, по моей гипотезѣ, должны были находиться за Бердою, съ одной стороны между Кальміусомъ и Волчьею-водою, а съ другой между Міусомъ и Самарою до соединенія съ нею Волчьей.

Къ счастію, мѣстныя особенности этой полосы, соотвѣтствующей Міусскому округу Земли Донскаго войска (кромѣ приморскаго края, въ которомъ обитали Меоты, какъ увидимъ ниже) и частямъ уѣздовъ Павлоградскаго и Бахмутскаго, позволяютъ мнѣ безъ натяжки примѣнить къ ней то, что Геродоту показалось достойнымъ вниманія въ землѣ Будиновъ.

Что касается лѣсовъ, которыми она изобиловала въ его время, то нельзя не убѣдиться въ сраведливости этого замѣчанія, если припомнить, какъ значительны были здѣсь лѣса лѣтъ двѣсти тому назадъ. Такъ напр. *Бопланъ* [105]) не могъ надивиться богатству строеваго лѣса, находившагося въ окрестностяхъ Самары. Не смотря на безпощадное истребленіе ихъ Татарами и казаками, на берегахъ этой рѣки, названной послѣдними Священною, находились еще, около ста лѣтъ спустя, сосновый боръ, дубовый и другой черный лѣсъ. Болѣе или менѣе густыя купы деревьевъ встрѣчались тогда же по берегамъ Волчьихъ водъ, Кальміуса и Міуса [106]). Поэтому неудивительно, что несчастная для Мамая встрѣча съ Тохтамышемъ, въ 1380 году, могла произойти въ «Калкскихъ лѣсѣхъ» [107]), или что Рубруквисъ могъ говорить о проѣздѣ своемъ чрез «большой лѣсъ» на западной сторонѣ Дона [108]).

---

[105]) Beschreib. d. Ukraine, übers. v. *Moeller*, Breslau, 1780, p. 24.
[106]) *Чернявскій*; у *Мышецкаго*, l. l. p. 83.
[107]) *Карамзинъ*, l. l. V, пр. 88
[108]) *Itinerarium*, въ вышеприведенномъ Recueil, p. 250.

Но не только въ столь отдаленныя отъ насъ времена, даже до нынѣ сохранились слѣды существованія значительныхъ лѣсовъ въ этой части Новороссійскаго края. Такъ напр. ученый агрономъ *Бауманъ*, хорошо знакомый съ этою мѣстностью, выражается слѣдующимъ образомъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: «Многіе ученые отвергаютъ возможность существованія первобытныхъ лѣсовъ въ южностепномъ краѣ въ отдаленныя отъ насъ времена; я самъ принадлежалъ къ приверженцамъ сего мнѣнія; но послѣднее путешествіе по землѣ Донскаго войска совершенно меня убѣдило въ справедливости противуположнаго мнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, ни одна страна южной Россіи не способна такъ убѣдить наблюдателя въ этомъ мнѣніи, какъ та, въ которой, можно сказать, на нашихъ глазахъ, постоянно образуются степи.... Донской кряжъ (о Задонской степи здѣсь не говорится) имѣетъ мѣстность возвышенную, волнообразную; если этотъ край, именно на возвышенностяхъ, былъ бы лѣсистый, то онъ защищалъ бы всю южную Россію отъ вреднаго для сельскаго хозяйства вліянія палящаго юговосточнаго и восточнаго вѣтровъ, дующихъ съ разгоряченныхъ пустынь Азіи. Съ другой стороны нигдѣ въ южной Россіи, за исключеніемъ, быть можетъ, сѣверной части Бессарабіи (замѣчаетъ г. *Бауманъ* въ другомъ мѣстѣ), нѣтъ такихъ остатковъ величественныхъ лѣсовъ, какъ въ землѣ Войска Донскаго» [109]).

Подобные остатки сохранились впрочемъ до нынѣ также въ упомянутыхъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи. Такъ напр. кустарники и лѣса, которые и нынѣ еще встрѣчаются во множествѣ около береговъ Орели [110]), занимаютъ еще большія пространства на берегахъ Самары въ Новомосковскомъ уѣздѣ; встрѣчается не малое число прямыхъ деревъ, въ три и даже четыре сажени вышины, хотя и сучковатыхъ. Почва не пред-

[109]) Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1856: Мартъ и Іюль.

[110]) *Павловичъ*, Матеріалы для Геогр. и Статистики Екатеринославской губ. С.-П., 1862, стр. 43.

ставляетъ здѣсь препятствія къ произростанію, хотя, въ настоящее время, большею частью лѣса здѣсь растутъ лишь вблизи рѣкъ, на низменныхъ и ровныхъ плоскостяхъ. Въ Павлоградскомъ уѣздѣ лѣса мѣстами довольно густы, хотя пространства, ими занимаемыя, не слишкомъ велики. Почва весьма хороша и способствуетъ произрастанію всѣхъ родовъ лѣса. Если же въ настоящее время деревья твердыхъ породъ большею частью кривы и неравномѣрны, то это происходитъ оттого, что они растутъ отъ корней и пней прежде срубленныхъ деревьевъ, а не отъ самосѣва: доказательствомъ сказаннаго служитъ находящаяся не въ дальнемъ отъ этихъ лѣсовъ разстояніи, сбереженная дача помѣщика Родзянки, въ которой имѣются дубы значительной толщины и вышины, при весьма прямомъ ростѣ (ibid. стр. 154).

Стараясь доказать, что въ этой именно части южной Россіи находились жилища Будиновъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ отыскать здѣсь слѣды озера, находящагося среди лѣсовъ: это озеро такъ обстоятельно описано Геродотомъ, что его уже нельзя выдавать за произведеніе фантазіи тогдашнихъ теоретиковъ.

Обязанный указать этому озеру приличное мѣсто, я готовъ предпочесть всѣмъ прочимъ мѣстностямъ — окрестности города Павлограда, между рѣкою Самарою и притокомъ ея съ лѣвой стороны, Волчьей, которыя представляютъ низменность и теперь еще во многихъ мѣстахъ покрытую болотами (ibid. стр. 19). Все это обширное пространство заливается часто весенними водами, такъ что иногда цѣлые обозы задерживаются здѣсь недѣли по двѣ, по трудности переправы чрезъ обѣ рѣки (ibid. стр. 41). Къ этому пространству примыкаютъ также весьма топкія болота (между Волчьей и маленькою рѣкою Кочергою, текущею въ Самару) по обѣимъ сторонамъ дороги изъ Павлограда въ село Вязовки. Эти болота покрыты кустарникомъ и проходимы только лѣтомъ въ сухое время. Самая же дорога, пролегающая между ними, грязна, а весною и осенью весьма затруднительна для переѣзда (ibid. стр. 47). Вся-

кій согласится, что по причинамъ, часто приводимымъ въ настоящей статьѣ, эти топкія мѣста, представляющія рѣзкій контрастъ съ обыкновеннымъ характеромъ прочихъ степей, могли быть въ древности порядочнымъ озеромъ.

Кажется даже, что части этого озера существуютъ еще доселѣ, если имѣть въ виду отмѣченные въ этихъ мѣстахъ на картѣ *Шуберта*[111]) «водяной оврагъ» и довольно значительное озеро, названное «Лиманъ Солоной», — хотя вода въ немъ прѣсная (*Павловичъ*, l. l. p. 45). Въ настоящее время это озеро, имѣющее $3^1/_2$ версты въ длину и 2 версты въ ширину, лѣтомъ почти высыхаетъ; но по увѣренію старожиловъ, глубина его въ прежнія времена была весьма значительна (ibid. l. c.).

Находящіяся въ его сосѣдствѣ деревни Лѣсная и Дубравая и оврагъ Лозоватый припоминаютъ пущу и тростникъ, окружавшіе нѣкогда озеро Будиновъ.

Неудивительно было бы, если бы въ то время въ этомъ тростникѣ водились выдры, потому что онѣ и нынѣ еще попадаются въ рѣкахъ Екатеринославской губерніи. Во времена Геродота эти рѣки могли даже изобиловать бобрами, такъ какъ они недавно еще водились на берегахъ Дона[112]). Въ средніе вѣка они встрѣчались во всѣхъ нашихъ рѣкахъ; Арабы получали бобровые мѣха не только отъ Турокъ, но и отъ Славянъ, зная и употребляя славянское названіе этого животнаго, а по словамъ Эдриси лѣса къ сѣверу отъ земли Комановъ были мѣстопребываніемъ бобровъ.

Вѣроятно мѣха ихъ вывозились изъ портовъ Азовскаго моря еще въ Генуэзскомъ періодѣ; можетъ быть, по этой причинѣ одинъ изъ прибрежныхъ пунктовъ, отмѣченный на ихъ картахъ около нынѣшняго Молочанскаго лимана, названъ lena de castori (gastori, gospori etc.), т. е. бобровое озеро[113]), подобно тому, какъ притокъ Самары, при которомъ лежитъ вышеупомянутое село Вязовокъ, нынѣ еще называется Бобровкой.

---

[111]) Спеціальная карта зап. Россіи, листъ 47.

[112]) V. d. *Brincken*, Bewaldung d. Steppen etc., p. 68.

[113]) *Ducange*, Gloss. Graec. v. *λειvα*: lacus aquam continentes.

Напрасно *Эйхвальдъ* [114]) думаетъ, что подъ третьимъ животнымъ, ядра котораго употреблялись противъ женскихъ болѣзней, Геродотъ разумѣлъ куницу, хотя бы разные виды этого животнаго и встрѣчались въ Пинскихъ лѣсахъ и болотахъ во времена Геродота. Мнѣ кажется, что скорѣе отъ взоровъ наблюдателя, столь мастерски уловившаго особенности нашихъ степей, не могъ укрыться выхухоль (Myogale moschata), который и нынѣ еще водится почти исключительно при рѣкахъ южной Россіи [115]). Нѣмцами это животное названо Rüsselmaus, по причинѣ формы его морды, которую въ строгомъ смыслѣ можно назвать четыреугольною. Притомъ шкуры выхухоля служатъ для обшивки платья, между тѣмъ какъ изъ подъ его хвоста отдѣляется жидкость съ сильнымъ запахомъ мускуса, или, правильнѣе, цибета.

Пусть врачи и естествоиспытатели рѣшатъ, справедливо ли изложенное здѣсь мнѣніе. Послѣдніе опредѣлятъ также лучше меня, что̀ такое растеніе понтикопъ: по словамъ Геродота (IV, 23) оно въ изобиліи росло у подошвы высокихъ горъ, между которыми и страною Скиоовъ, отдѣлившихся отъ царскихъ (IV, 22), лежала обширная область каменистая и гористая. Растеніе понтійское равнялось величиною смоковницѣ и имѣло фрукты величиною въ бобъ, но съ зерномъ. Туземцы, монгольскаго племени, выжимали изъ этихъ фруктовъ черный сокъ, названный ἄσχυ, и употребляли его для питья, смѣшавъ его съ молокомъ.

По мнѣнію *Кольстера* (l. l. XIII, p. 43), *Ганзенъ* успѣлъ опредѣлить это растеніе указаніемъ на *Эрмана*, по словамъ котораго Козаки, Башкиры и Калмыки нынѣ еще готовятъ себѣ пищу изъ фруктовъ Prunus Padus L., или черемухи, а казанскіе Татары называютъ кислоту Atschi [116]).

Хотя мнѣніе о тождествѣ понтикопа съ черемухою, вы-

---

[114]) Alte Geogr. d. Caspischen Meeres, p. 276.
[115]) *Graefe*, Handbuch d. Naturgesch. Leipz., 1836, I, p. 178.
[116]) *Erman*, Reise um die Erde, I, p. 427.

сказанное впрочемъ уже прежде *Гапзена* другими[117]), было принято также *Дункеромъ*[118]) и *Беромъ*[119]), тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ, отъ котораго нѣкоторымъ образомъ зависитъ также вопросъ о жилищахъ Аргиппеевъ, я позволяю себѣ считать нерѣшеннымъ. Мнѣ кажется, что растеніе понтійское столь-же удобно, какъ черемуху, могло доставлять туземцамъ и вишню. Вотъ причины, которыя побуждаютъ меня отклониться и въ этомъ отношеніи отъ обыкновеннаго мнѣнія.

Будучи переведено изъ Керазуса въ Италію знаменитѣйшимъ гастрономомъ послѣднихъ временъ римской республики, вишневое дерево (Cerasus acida)[120]), которое и теперь еще весьма рѣдко встрѣчается въ Греціи[121]), уже послѣ временъ Геродота могло быть привезено въ Малую Азію съ Кавказа, гдѣ оно и въ настоящее время чрезвычайно распространено и цѣнимо. Между прочимъ это явствуетъ изъ слѣдующаго осетинскаго преданія, сообщеннаго мнѣ молодымъ Тагаурцемъ Асланъ-Бекомъ Кундуховымъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Одессѣ.

Какой то царь предпочелъ выдать дочь не за сватавшаго ее могущественнаго князя, а за человѣка, богатство котораго заключалось въ одномъ только вышневомъ деревцѣ. Когда, по опредѣленію судьи, деревцо это, подобно разнымъ другимъ растеніямъ, принадлежавшимъ богатому жениху, для опыта посажено было вечеромъ въ пепелъ, то оно такъ быстро расцвѣло, что къ утру вѣтвями своими покрыло большія пространства и что не доставало рукъ для собиранія его плодовъ. При томъ огромномъ значеніи, какимъ вишневое дерево пользовалось у Осетинцевъ, понятно, почему они называютъ его «балбаласъ».

---

117) *Heeren*, Ideen etc. I, 2, p. 283. Едва ли графъ *Потоцкій* (l. l. II, p. 119) имѣлъ въ виду черемуху, говоря, что волжскіе Калмыки имѣли обыкновеніе смѣшивать кумысъ съ сокомъ «небольшаго» растенія, называемаго «Zergene».

118) Gesch. d. Staaten d. Alterthums, 1855, I, p. 462.

119) Herodoti Musae, II, p. 341.

120) *Graefe*, Handbuch d. Naturgeschichte, II, p. 324.

121) *Ruprecht*, Flora Ingrica, II, p. 54.

Слово это можно перевести дерево деревьевъ, т. е. дерево par préférence, такъ какъ дерево вообще по осетински называется баласъ [122]). Молоко же, смѣшиваемое этими горцами съ вишнями, именемъ своимъ «ахсиръ» припоминаемъ сокъ ἄσχυ, который обитавшіе у подошвы горъ Аргиппеи, или Аргимпеи (ср. *Müllenhoff*, l. l. 554), смѣшивали съ молокомъ. Изъ вишенъ, высушенныхъ на солнцѣ, Осетинцы готовятъ также родъ пастилы, подобно тому, какъ Аргимпеи (по Геродоту, IV, 23) дѣлали это съ густою частью фруктовъ, выжавъ изъ нихъ сокъ.

Если же казанскіе Татары кислоту называютъ атчи, то изъ этого не слѣдуетъ, что Геродотово асхи изготовлялось не изъ кислыхъ вишенъ, а изъ горьковатой черемухи.

Замѣчу еще кстати, что *Бопланъ* [123]) встрѣтилъ при нижнемъ Днѣпрѣ дикорастущія вишневыя деревья, имѣвшія не болѣе двухъ съ половиною футовъ вышины. Фрукты этихъ деревьевъ, величиною въ сливу, показались ему чрезвычайно вкусными; поспѣвали же они не раньше Августа мѣсяца.

До страны, занятой Аргимпеями, говоритъ Геродотъ (IV, 24), можно было получить достовѣрныя свѣдѣнія отъ Скиѳовъ, посѣщавшихъ эту страну, и даже отъ Грековъ, которые отправлялись туда изъ торжища Борисѳенитовъ, равно какъ и изъ другихъ Черноморскихъ портовъ.

Дѣйствительно, скалистую страну, чрезъ которую путешественники добирались до Аргимпеевъ съ помощью семи переводчиковъ (IV, 24), нельзя не узнать въ Общемъ Сыртѣ, этомъ пограничномъ валѣ между европейскою и арало-каспійскою низменностью. Холмы его достигаютъ до 500 футовъ и, прерванные Волгою, сопровождаютъ ее подъ именемъ нагорнаго берега до долины Манычa; затѣмъ этотъ «скалистый» оплотъ, покрытый черноземомъ, рѣшительно поворачиваетъ къ западу и теряется въ степяхъ. Протекающія здѣсь рѣки врѣзываются глубоко въ почву и имѣютъ крутые берега [124]).

[122]) *Sjögren*, l. l. p. 484.

[123]) Beschreibung d. Ukraine, p. 21.

[124]) *Даніель*, Учебная книга географіи, перев. Корсакъ, Москва, 1863 р. 363.

Но въ этомъ случаѣ должно согласиться съ тѣми изслѣдователями, по которымъ жилища Аргиппеевъ находились при южной оконечности Уральскаго хребта, до котораго нас ведетъ Общій Сыртъ; въ нѣдрахъ его скрываются неистощимыя залежи минеральныхъ породъ, которыя въ древности должны были привлекать сюда Скиѳовъ и Грековъ.

Сознавая невозможность сказать что нибудь положительное о народахъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Аргиппеевъ и отдѣленныхъ отъ нихъ высокими горами, Геродотъ (IV, 25) считалъ еще хорошо извѣстнымъ край, лежащій на востокъ и населенный Иссидонами, отдѣленными, какъ онъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ (I, 201), отъ Массагетовъ теченіемъ Аракса. Если онъ прибавляетъ, что истоки этой рѣки находились недалеко отъ Гинда, притока Тигра (I, 189), что она текла на востокъ и наконецъ изливалась однимъ рукавомъ въ Каспійское море (I, 202), то ясно, что онъ здѣсь имѣлъ въ виду притокъ Кура, который тогда, какъ показалъ г. *Беръ*[125]), дѣйствительно однимъ рукавомъ впадалъ въ Каспійское море. Съ другой стороны также ясно, что при этомъ Араксѣ не могли обитать ни Иссидоны, ни Массагеты. Поэтому должно думать, что Геродотъ смѣшалъ съ нимъ или Оксъ, который въ его время также изливался въ Каспійское море, или Уралъ, или даже, можетъ быть, Волгу.

Въ послѣднемъ случаѣ, въ пользу котораго *Нейманъ* (l. l. p. 122) привелъ убѣдительные доводы, объяснилось бы также, почему Геродотъ не говоритъ болѣе о Волгѣ, хотя она не могла не обратить на себя вниманіе Грековъ, передавшихъ ему то, что имъ показалось достойнымъ вниманія на пути къ Иссидонамъ. Нужно только допустить, что послѣдніе обитали не только къ востоку, но и къ югу отъ Аргиппеевъ, и что жилища Массагетовъ доходили до лѣваго берега нижней Волги.

---

[125]) *Baer*. Der alte Lauf des Armenischen Araxes, въ Bulletin de la classe historique etc. de l'Académie Impér. des Sciences de St.-Pétersbourg, t. XIV, p. 306—351.

Но пора возвратиться къ Будинамъ и къ деревяному городу Гелоносъ, который находился въ ихъ странѣ. Такъ какъ этотъ городъ былъ построенъ греческими выходцами гораздо ранѣе Геродотовыхъ временъ, то мы имѣемъ новый доводъ, что страна Будиновъ находилась на правой сторонѣ Дона. По крайней мѣрѣ невѣроятно, чтобы въ столь отдаленныя времена Греки могли водвориться въ задонской степи. Подобнымъ образомъ, Невры не переселились бы такъ далеко, когда были вытѣснены змѣями (см. выше) изъ прежнихъ своихъ жилищъ и искали убѣжища у Будиновъ. Если же Невры, какъ обыкновенно думаютъ, были Славяне, то подтвердилось бы мнѣніе тѣхъ писателей, которые признавали таковыхъ и въ Будинахъ: въ противномъ случаѣ Неврамъ едва ли могло придти на мысль переселиться именно къ нимъ.

Если бы Будины обитали за Дономъ, то и Стефанъ Византійскій не помѣстилъ бы городъ Гелоновъ въ «Европейской» Сарматіи; таранды же или лоси, которые, по Аристотелю [126]), встрѣчались въ окрестностяхъ этого города, не могли не водиться въ древности въ болотахъ Павлоградскихъ, потому что митрополитъ Пименъ, въ своемъ хожденіи въ Царьградъ, видѣлъ ихъ во множествѣ на Донскомъ побережьѣ, въ сообществѣ съ выдрами и бобрами [127]).

Въ пользу мнѣнія, что Будины, которыхъ позднѣйшіе писатели подразумѣваютъ подъ именемъ Гелоновъ [128]), уже при Геродотѣ обитали въ предположенныхъ мною мѣстахъ, служитъ еще и то обстоятельство, что жилища ихъ, по свидѣтельству Скилакса (32), Скимна (fr. v. 124), Плинія (IV, 26), Птолемея (III, 5) и другихъ писателей древности [129]), находились на западной сторонѣ Дона, между тѣмъ какъ никто изъ нихъ не говоритъ ни слова о переходѣ Будиновъ или Гелоновъ чрезъ Танаисъ.

---

[126]) De mirabilibus, c. XXIX.

[127]) Никон. лѣтопись, IV, стр. 159.

[128]) *Ukert*, 1. 1. III, 2, p. 539.

[129]) Ibidem.

Допуская мнѣніе *Неймана* (l. l. 96), что во времена Птолемея Будины могли обитать въ окрестностяхъ Кіева, въ Черниговской губерніи, нельзя также не согласиться съ нимъ, что *Кольстерз* (l. l. XIII, p. 37) явно погрѣшилъ, превративъ Будиновъ въ Птолемеевыхъ Болиновъ-далматскихъ, и перемѣстилъ послѣднихъ съ береговъ Адріатическаго моря къ Дунаю съ тѣмъ только, чтобы выставить ихъ какъ свидѣтелей въ пользу страннаго мнѣнія, будто бы Геродотъ смѣшалъ Танаисъ съ Истросомъ.

Но такъ какъ Будины жили къ востоку отъ Сарматовъ, то намъ представляется еще новое доказательство, что тотъ Танаисъ, который отдѣлялъ послѣднихъ отъ царскихъ Скиѳовъ, скорѣе долженъ былъ соотвѣтствовать Молочной, нежели Дону.

Выше Будиновъ, къ сѣверу, была, по Геродоту (IV, 22), пустыня, на семь дней сухопутья; потомъ, за пустынею, по направленію къ востоку, обитали Ѳиссагеты, народъ многочисленный, занимавшійся звѣроловствомъ.

Отъ нихъ вытекали четыре большія рѣки, которыя, пройдя чрезъ страну Меотовъ, впадали въ озеро, названное Меотидою, а именно: Ликосъ, Оаросъ, Танаисъ, Сиргисъ. Сожителями Ѳиссагетовъ были Иврки (Ἰύρκαι), также звѣроловы, въ которыхъ часто признавали Турокъ и которые, по крайней мѣрѣ подобозвучіемъ именъ, припоминаютъ Туркменовъ Малой-Азіи, или т. н. Юрюкъ, являющихся въ XIV столѣтіи еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда охотились Иврки [130]).

Имѣя въ виду, что пустыня, простиравшаяся на семь дней пути, прилегала не къ восточной, а къ сѣверной границѣ земли Будиновъ, мы должны искать ее въ странѣ, заключающейся между среднимъ теченіемъ Орели и Донцомъ, равно какъ въ находящейся за этою рѣкою южной части Харьковской губерніи, въ странѣ дѣйствительно голой и безлѣсной [131]).

---

[130]) *Hammer*, Gesch. d. Gold. Horde, p. 362, прим. 2, ср. *Vivien de S. Martin*, L'Asie Mineure, II.

[131]) Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древн., т. I, стр. 88.

Находясь къ востоку отъ этой пустыни, страна Өиссагетовъ и Иврковъ должна была соотвѣтствовать полосѣ, орошаемой нижнимъ теченіемъ Донца, равно какъ лежащей между этою рѣкою и Дономъ. Полоса эта, въ которую входятъ уѣздъ Славяносербскій и округи Донской и Усть-Медвѣдицкій, нынѣ еще изобилуетъ лѣсомъ, и потому приходилась бы очень по вкусу людей, единственное занятіе которыхъ состояло въ звѣриной ловлѣ.

Такъ какъ жившіе въ сосѣдствѣ Өиссагетовъ царскіе Скиөы, удалившіеся туда вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, должны были обитать въ этихъ-же мѣстахъ, то легко могло статься что они раньше или позже добрались до окрестностей Новочеркаска внизъ или вверхъ по Дону. Потому-то золотыя украшенія и другія вещи, найденныя въ этомъ городѣ лѣтомъ 1864 года, могли принадлежать имъ, еслибы, по сравненіи ихъ съ другими предметами подобнаго рода оказалось, что они вообще были принадлежностями Скиөовъ временъ Геродота.

Что страна Өиссагетовъ должна была находиться на западной сторонѣ Дона, явствуетъ еще изъ замѣчанія Геродота (IV, 123), что рѣки, которыя получали въ ней свое начало, изливались потомъ въ Азовское море, въ странѣ Меотовъ.

Послѣдніе—если имѣть въ виду одно только имя—безъ сомнѣнія, столь-же удобно могли обитать и на восточной сторонѣ Азовскаго моря какъ на западной. Но зато никакъ нельзя допустить, чтобы Геродотъ могъ передать наименованія небывалыхъ или ничтожныхъ рѣчекъ между Кубанью и Дономъ и въ тоже время умолчать о тѣхъ, которыя дѣйствительно протекали между Дономъ и Днѣпромъ. Правда, что Геродотъ не передаетъ намъ никакихъ подробностей объ этихъ рѣкахъ; мы можемъ только догадываться, что онъ при исчисленіи этихъ рѣкъ идетъ не отъ востока къ западу, но на оборотъ, какъ онъ это дѣлаетъ при исчисленіи рѣкъ Скиөіи. Если такъ, то слѣдовало бы заключить, что первая изъ этихъ рѣкъ, т. е. *Ликосъ*, явно тождественная съ рѣкою сего имени, которая, по Птолемею (III, 10) изливалась въ Азовское море

съ западной стороны, совпадала, не съ Кальміусомъ, какъ обыкновенно думаютъ, но съ Бердою, такъ какъ эта рѣка въ восточномъ направленіи первая слѣдуетъ послѣ Молочныхъ водъ, признаваемыхъ нами тождественными съ Танаисомъ Геродота и Агаросомъ Птолемея. Такимъ образомъ слѣдующая по Геродоту, послѣ Ликоса рѣка *Оаросъ* соотвѣтствовала бы Кальміусу, берущему свое начало не далеко отъ истоковъ Волчьей. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ пришлось бы отождествить третью изъ Ѳиссагетскихъ рѣкъ Геродота т. е. *Танаисъ* съ Міусомъ (Поритосомъ Птолемея), и держаться мнѣнія, другими уже высказаннаго, что этотъ Танаисъ, кромѣ названія, не имѣлъ ничего общаго съ упомянутымъ Геродотомъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 57) Танаисомъ, который, вытекая изъ озера, принималъ въ себя рѣку Иргисъ и составлялъ границу между владѣніями Скиѳовъ и Сарматовъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣли бы полное право различать, съ Укертомъ (II, 2, стр. 199) этотъ Иргисъ, изливавшійся въ Танаисъ, отъ *Сиргиса*, который впадалъ въ Меотиду далеко отъ Скиѳіи, орошавъ жилища Ѳиссагетовъ и Меотовъ, и могъ соотвѣтствовать Донцу съ нижнимъ теченіемъ Дона, т. е. Танаису Птолемея и Плинія, отъ котораго узнаемъ что въ старину эта рѣка называлась Силисъ, т. е. именемъ, въ которомъ отзывается, хотя и не ясно, Геродотовъ Сиргисъ.

Опредѣливъ жилища разныхъ отраслей Скиѳскихъ и сосѣдственныхъ съ ними народовъ, я считаю нужнымъ показать, что выводы, добытые мною изъ показаній Геродота по сравненіи ихъ съ дѣйствительностью, могутъ быть соглашены съ подробностями, которыя онъ намъ передалъ о походѣ Дарія Гистаспа, гдѣ онъ касался именно тѣхъ географическихъ вопросовъ, рѣшеніе коихъ я старался по возможности двинуть впередъ. Нельзя не согласиться, что трудъ мой не будетъ совершенно безполезенъ, если окажется, что при моемъ взглядѣ на объемъ и на предѣлы Скиѳіи и смежныхъ съ нею областей можно повѣрить тому, что Геродотъ говоритъ о «поприщѣ и продолжительности» этого похода, и не представится надобно-

сти заставлять несчастныхъ Персовъ маршировать до Москвы, до Саратова или до Березины.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этой провѣркѣ моихъ мнѣній, необходимо представить краткій обзоръ маршрута и военныхъ дѣйствій Персовъ. Такъ какъ подобный обзоръ уже сдѣланъ былъ, между прочимъ, *Надеждинымъ*, то я приведу здѣсь его слова, какъ вслѣдствіе таланта, съ какимъ онъ успѣлъ придать особый интересъ сухому по видимому изложенію переходовъ Персидскаго войска, такъ и потому, чтобы читатели не могли думать, что изъ повѣствованія Геродота я, хотя и безъ намѣренія, пропустилъ то или другое обстоятельство, которое могло бы послужить если не для опроверженія, то для поколебанія моей системы.

«Дарій, распространившій великую монархію, основанную Киромъ, на юго-востокъ до предѣловъ Индіи, вздумалъ на сѣверо-западѣ отъискивать Скиѳовъ во глубинѣ ихъ безпредѣльныхъ пустынь, съ тѣмъ, чтобы наказать и смирить въ нихъ опасныхъ сосѣдей, искони враждебныхъ Ирану (IV, 1). Съ этою цѣлію онъ собралъ войско, состоящее изъ семи-сотъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, и, сопровождаемый флотомъ въ шесть-сотъ кораблей, проникъ изъ Азіи въ Европу чрезъ Константинопольскій проливъ по нарочно устроенному мосту (IV, 87). Затѣмъ, держась западнаго берега Чернаго моря, прошелъ нынѣшнія Румелію и Булгарію, тогда носившія общее имя Ѳракіи, до Истроса, т. е. до Дуная (IV, 89—93). Здѣсь, въ растояніи двухъ дней плаванія отъ моря въ верхъ по Дунаю, тамъ гдѣ рѣка начинаетъ развѣтвлять свое устье, приготовленъ былъ заблаговременно также мостъ, по которому вся громада, влекшаяся въ слѣдъ Дарія, ввалилась наконецъ въ Скиѳію (IV, 97). По окончаніи переправы, царь приказалъ было разорить мостъ; но, послушавшись благоразумнаго совѣта, внушеннаго предусмотрительною осторожностью, отмѣнилъ свое повелѣніе, поручивъ вмѣсто того іонійскимъ Эллинамъ остаться для охраненія моста, но не далѣе, какъ на шестьдесятъ дней, въ продолженіе которыхъ надѣялся совершенно

окончить предпринимаемую экспедицію (IV, 97—98). Между тѣмъ Скиѳы, слыша про грозящую бѣду, отправили пословъ ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ, требуя совѣта и помощи (IV, 102). Цари ихъ выслушали пословъ въ общемъ собраніи, и потомъ раздѣлились въ мнѣніяхъ: только Гелонскій, Будинскій и Савроматскій объявили себя готовыми помогать Скиѳамъ; напротивъ остальные, т. е. цари Агаѳирсовъ, Невровъ, Людоѣдовъ, Смурыхъ-Кафтановъ и Тавровъ сказали, что они будутъ защищать самихъ себя, когда окажется нужда, а до тѣхъ поръ будутъ нейтральными (IV, 118, 119). Тогда Скиѳы, чувствуя себя не въ силахъ выдержать и отразить натискъ Персовъ, рѣшились принять противъ нихъ систему отступательную: они раздѣлились на три отряда, изъ которыхъ одинъ, въ соединеніи съ Савроматами, долженъ былъ остаться назади, въ аріергардѣ; два же другіе, соединенные съ Гелонами и Будинами, двинулись на встрѣчу непріятелю, съ тѣмъ однако, чтобы, постоянно отступая передъ нимъ, заманивать дальше и дальше въ глубину степей, которыхъ естественная дикость была нарочно увеличена всѣми возможными опустошеніями (IV, 120—121). Дарій попался на уду: встрѣтясь съ Скиѳами въ трехъ дняхъ разстоянія отъ Дуная, онъ пустился въ слѣдъ ихъ и заведенъ былъ ими не только до Танаиса, но и за Танаисъ, въ страны Савроматовъ и Будиновъ (IV, 122). Здѣсь онъ имѣлъ удовольствіе спалить деревянный городъ Гелоновъ, совершенно оставленный жителями; наконецъ, дошедши до пустыни, отдѣляющей Будиновъ отъ Ѳиссагетовъ, расположился отдохнуть на берегахъ рѣки Оароса, гдѣ велѣлъ выстроить линію изъ осьми крѣпостей, разстояніемъ одна отъ другой на шестьдесятъ стадій, т. е. верстъ на десятъ (IV, 123—124). Но между тѣмъ Скиѳы обошли кругомъ и воротились назадъ въ свои степи (IV, 124). Дарій, бросивъ тотчасъ свою позицію, пустился опять за ними въ погоню: тогда Скиѳы, съ намѣреніемъ, повели его въ страны тѣхъ народовъ, которые отказались имъ помогать, а именно сначала къ Смурымъ-Кафтанамъ, потомъ къ Людоѣдамъ, далѣе къ Неврамъ, наконецъ и

къ Агаөирсамъ; послѣдніе не пустили однако ихъ въ свою землю; почему они, а въ слѣдъ за ними и Дарій, должны были отъ Невровъ убираться назадъ въ Скиѳію (IV, 125). Не видя конца безплоднымъ скитаніямъ, царь рѣшился вступить въ сношенія съ неуловимыми врагами, требуя отъ нихъ или сраженія, или покорности; но это не имѣло никакого успѣха (IV, 126 — 127). Гордость падишаха, осмѣлившагося предложить рабство сынамъ вольныхъ степей, раздражила ихъ до того, что они сдѣлались гораздо смѣлѣе: стали сами нападать на Персовъ внезапными, ночными, вылазками, разумѣется обращавшимися предпочтительно въ ихъ пользу (IV, 128 — 130). Между тѣмъ, тотъ отрядъ Скиѳовъ, который находился въ аріергардѣ, чтобы сдѣлать неизбѣжною погибель врага, попавшаго такъ неосторожно въ разставленныя сѣти, отправился на Дунай, въ намѣреніи уговорить Іонійцевъ разломать мостъ, ввѣренный ихъ стражѣ, и тѣмъ лишить Персовъ всякаго средства къ спасенію (IV, 133). Съ своей стороны Скиѳы, бывшіе передъ Персами, убѣдясь въ крайности ихъ положенія, приняли такой рѣшительный и самоувѣренный видъ, что Дарій, при всей своей надменности, открылъ наконецъ глаза и вдругъ, неожиданно, подъ кровомъ ночи, пустился со всею возможною поспѣшностью назадъ изъ роковыхъ степей, по направленію къ Дунаю (IV, 131—135). Скиѳы, совершенно знакомые съ мѣстностями, успѣли опередить его, и оба отряда, соединясь вмѣстѣ, потребовали отъ Іонійцевъ, чтобы они разломали мостъ, тѣмъ болѣе, что и срокъ, назначенный имъ Даріемъ, наконецъ уже истекъ (IV, 136). Хитрые Эллины, которыхъ личный интересъ, вопреки идеямъ общаго народнаго блага, требовалъ сохраненія Персовъ, обманули Скиѳовъ ложными обѣщаніями; и въ то время, какъ эти послѣдніе вернулись назадъ въ степи, чтобы перехватить бѣглеца, отворили ему спасительный мостъ, такъ что Дарій успѣлъ благополучно перебраться чрезъ Дунай и возвратиться, по крайней мѣрѣ самъ цѣлъ, изъ знаменитаго похода, который тѣмъ и кончился (IV, 137—144)» [132].

---

[132]) Зап. Одесск. Общества Истор и Древн., т. I, стр. 105—107.

Примѣняя это извлеченіе изъ текста Геродота къ вопросу, который меня здѣсь занимаетъ, я прежде всего желалъ бы опредѣлить: на какомъ именно пунктѣ Дуная былъ приготовленъ мостъ, по которому персидское войско перешло въ Скиѳію.

Изъ словъ самого Геродота съ *точностью* нельзя узнать это столь же мало какъ изъ свидѣтельства Страбона; можно только догадываться, по причинамъ выше мною приведеннымъ (I, 40 и 49), что мостъ былъ построенъ, не при Исакчи (какъ доказывалъ Крузе), но около *Тульчи* (какъ полагалъ уже Маннертъ) отдѣленной отъ Измаила двумя рукавами. Такимъ образомъ Іонійцы, разломавши мостъ, наведенный надъ однимъ изъ этихъ рукавовъ, легче могли обмануть Скиѳовъ и лучше могли слышать голосъ Египтянина, призвавшаго на помощь Гистіея (IV, 141).

Какъ бы то ни было, Персы, встрѣтившись съ своими врагами въ первый разъ на разстояніи трехдневнаго пути отъ Дуная, преслѣдовали ихъ до Танаиса, до котораго, если его принять за Молочную, отстоящую отъ Тульчи менѣе чѣмъ на 600 верстъ, могли добраться въ 20—25 дней. Нужно только допустить, что Персы, преслѣдуя Скиѳовъ, которые, по словамъ Геродота (IV, 122), отступили къ востоку, держались пути вдоль морскаго берега и что, круглымъ числомъ, они могли пройти столько, сколько въ наше время обыкновенно приходится на войско въ переходѣ, т. е. около 25 верстъ въ сутки. При томъ можно еще принять во вниманіе, что при переходѣ самаго Дарія чрезъ Дунай большая часть его арміи уже двинулась вѣроятно въ Скиѳію и легко могла быть имъ догнана, хотя бы и находилась на разстояніи нѣсколькихъ дней перехода отъ рѣки.

Проходя чрезъ область Савроматовъ и Будиновъ, Персы остановились при рѣкѣ Оаросѣ, совпадавшей, какъ я старался доказать, съ Кальміусомъ.

Изъ словъ Геродота впрочемъ не слѣдуетъ, что царь повлекъ туда за собою всѣ свои полчища. Часть ихъ онъ могъ оставить въ разныхъ мѣстахъ Скиѳіи, при Тирасѣ, Гипанисѣ,

Борисоенѣ и Танаисѣ, подобно тому, какъ Іонійцы оставлены при Дунаѣ изъ предосторожности, или же по другимъ причинамъ: трудности продовольствія, по болѣзнямъ и т. п.

Правда, Геродотъ ничего не говоритъ о переправѣ персидскаго войска чрезъ эти рѣки, и молчаніе его часто приводятъ какъ доказательство противъ подлинности похода, имъ описаннаго, считая при томъ невозможнымъ, что бы персидскія полчища могли переправляться чрезъ эти рѣки и существовать два или три мѣсяца сряду въ странѣ, опустошенной самими жителями.

Но это послѣднее препятствіе, по видимому почти непреодолимое, не покажется намъ болѣе такимъ, когда мы припомнимъ, что войско персидское состояло изъ Азіатцевъ, въ числѣ которыхъ многіе уже привыкли проходить караванами чрезъ обширныя пустыни и брать съ собою припасы на нѣсколько мѣсяцевъ, не будучи слишкомъ разборчивы касательно количества и качества ежедневной пищи своей. «Изучившимъ исторію востока», говоритъ *Раулинсонъ* (l. c. III, 96), «знающимъ, съ какими огромными арміями Чингисханъ и Тамерланъ проходили чрезъ пустынныя степи Туркестана и Татаріи, не покажется страннымъ, что Персы могли совершить двухъ или трехъ-мѣсячный походъ, для котораго они заблаговременно приготовились, зная, что страна куда хотѣли вторгнуться представитъ имъ весьма мало средствъ для продовольствія». «Тимуръ», говоритъ *Гиббонъ*, «предпринялъ свой походъ въ Кипчакъ съ столь огромною ратью, что разстояніе между обоими крылами ея составляло тринадцать миль. При пяти-мѣсячномъ переходѣ своемъ Монголы не встрѣчали ни одной души и часто для пропитанія своего должны были довольствоваться добычею болѣе или менѣе счастливою, которую имъ доставляла охота» (облава).

Что же касается трудности переправы чрезъ большія скиѳскія рѣки, то она, какъ справедливо замѣчаетъ *Раулинсонъ*, не должна была казаться чрезмѣрною для воиновъ, которымъ съ давнихъ поръ приходилось перебираться чрезъ разныя другія рѣки, не уступающія скиѳскимъ въ ширинѣ и глубинѣ

своего русла, какъ-то Тигръ, Евфратъ, верхній и нижній Забъ, Діала, Керха и пр. Для плаванія по этимъ рѣкамъ служили тогда (Геродотъ, I, 194), какъ и нынѣ (*Березинъ*, Нашествіе Батыя, въ Ж. М. Н. Просв. 1855, V, 95, пр. 46), различной величины круглые кожаные мѣшки (турсуки), наполненые воздухомъ, безъ сомнѣнія въ родѣ тѣхъ, которые изображены на памятникахъ Немрудскихъ (*Layard*, Plates 15, 16, 33), или же — тѣхъ, при помощи которыхъ Монголы, подвязывая ихъ къ плоту изъ весьма тонкихъ жердей, переправлялись чрезъ широкія рѣки, по свидѣтельству Плано-Карпини, Барбаро, Контарини и другихъ путешественниковъ.

Почему же Персы не могли взять съ собою въ Скиѳію достаточное количество подобныхъ мѣшковъ, которые имъ не только были необходимы для переправы чрезъ ея рѣки, но еще могли служить для транспорта воды отъ одной изъ этихъ рѣкъ къ другой?

Притомъ для переправы чрезъ рѣки Скиѳіи, Персы могли употреблять то самое средство, къ которому прибѣгнулъ Александръ Македонскій, чтобы переправить свою фалангу чрезъ Дунай, т. е. къ кожамъ (служившимъ вмѣсто палатокъ), которыя были набиты сѣномъ и крѣпко связаны.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что для переправы своего багажа Персы могли пользоваться греческими судами и паромами: по крайней мѣрѣ должно думать, что подобныя суда плавали по всѣмъ скиѳскимъ рѣкамъ, такъ какъ, по словамъ Геродота, они поднимались вверхъ по Днѣпру до области Герросъ.

Если же тѣмъ не менѣе «одинъ Днѣпръ», какъ говоритъ *Надеждинъ*[133]), «при малѣйшемъ противодѣйствіи со стороны Скиѳовъ могъ бы положить непреодолимую преграду и не для восьмисотъ-тысячной арміи» — то эта замѣтка не можетъ быть примѣнена къ походу Дарія, такъ какъ Скиѳы нарочно не хотѣли остановить непріятеля, а рѣшились заманить его во внутрь

[133]) Loc. l. стр. 109.

тренность своего отечества, и потому должны были скорѣе благопріятствовать, чѣмъ препятствовать его переправѣ чрезъ Днѣпръ.

При такихъ обстоятельствахъ молчаніе Геродота касательно переправы Персовъ чрезъ эту рѣку, равно какъ и чрезъ Бугъ и Днѣстръ, еще не доказываетъ, что переправа эта вовсе не состоялась, и не оправдываетъ подозрѣнія *Надеждина*[134]), что «вся экспедиція Дарія ограничивалась только западною границею четвероугольника Скиоскаго и заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи».

По крайней мѣрѣ я не думаю, что нашъ критикъ поступилъ «осторожно», относя распространеніе похода за предѣлы Буджака къ «поэтизированной амалгамѣ преданія», на томъ только основаніи, что у Геродота не сказано, какъ и гдѣ Персы переправлялись чрезъ Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ.

Осторожность требовала скорѣе допустить, что Геродотъ могъ считать неумѣстнымъ упоминать объ этихъ подробностяхъ, по малому ихъ интересу для его слушателей, или же — по какой либо другой причинѣ. Подобнымъ же образомъ онъ ничего не говоритъ о роли, какую играли понтійскіе Греки въ этомъ походѣ; между тѣмъ послѣдній касался бы ихъ даже въ такомъ случаѣ, если бы крайнимъ его предѣломъ была рѣка, при которой обитали Тириты. Могло еще статься, что въ позднѣйшихъ копіяхъ Геродотова труда, относящихся къ періоду, когда Эллины вступили въ тѣснѣйшую связь съ понтійскими соотечественниками своими, была пропущена та именно часть, гдѣ онъ распространяется о дѣйствіяхъ сихъ послѣднихъ въ пользу персидскаго деспота.

Такъ или иначе, но по словамъ Геродота (IV, 125), Дарій добрался не только до *Тираса*, но и до *Оароса*, а оттуда съ находившимся при немъ войскомъ ускоренными переходами (IV, 125) возвратился въ Скиоію; затѣмъ чрезъ земли Меланхленовъ, Андрофаговъ и Невровъ снова двинулся въ

---

[134]) Loc. l. стр 110.

западную часть Скиѳіи и подъ конецъ уже прежнимъ путемъ (IV, 140) вернулся поспѣшно къ Дунаю.

По моему мнѣнію, изъ этого маршрута слѣдуетъ, что съ береговъ Кальміуса Персы отправились прямо къ Александровску, а затѣмъ, оставивъ въ сторонѣ скиѳскій Кремль, до котораго добраться уже не позволили обстоятельства, переправились чрезъ Днѣпръ и возвратились къ Дунаю чрезъ южную часть Екатеринославскаго уѣзда, Херсонскую губернію и Буджакъ.

Такимъ образомъ войску пришлось пройти отъ Молочной до Кальміуса и оттуда обратно къ Дунаю всего не болѣе 800—850 верстъ. Для совершенія этого пути Персамъ достаточно было пяти недѣль, такъ что, со включеніемъ еще одной недѣли, употребленной ими примѣрно для постройки укрѣпленій при Оаросѣ, они могли явиться у моста, если и не къ условленному сроку, то по крайней мѣрѣ не слишкомъ долго по его истеченіи. Послѣднее даже болѣе согласовалось бы съ показаніемъ Геродота, такъ какъ Скиѳы по второй разъ пришли къ мосту уже по истеченіи назначенныхъ царемъ шестидесяти дней, между тѣмъ какъ Іонійцы тогда еще ничего не знали о Персахъ, съ которыми Скиѳы даже не встрѣтились, когда возвращались въ свои степи въ увѣренности, что мостъ былъ разломанъ Греками. Поэтому весьма естественно думать, что царь, который, безъ сомнѣнія, находился впереди своей арміи, могъ прибыть къ мосту цѣлою недѣлею позже, чѣмъ предполагалъ, и даже еще болѣе.

Чтобы показать, что походъ его могъ быть совершенъ въ предѣлахъ мною указанныхъ, въ два съ половиною мѣсяца даже по мнѣнію людей, посвященныхъ въ тайны военнаго искусства, я приведу здѣсь, въ переводѣ съ нѣмецкаго, отрывокъ, сообщенный мнѣ г. академикомъ *Куникомъ* изъ письма, полученнаго имъ отъ бывшаго почтъ-директора при арміи Кутузова, *фонъ-Смита*, автора исторіи Суворова и другихъ уважаемыхъ сочиненій.

«Геродотъ говоритъ:... ремень съ 60-ю узлами. Слѣдо-

7*

вательно походъ Дарія простирался на 30 дней перехода отъ Дуная (30 туда и 30 назадъ). При столь многочисленномъ, безпорядочномъ войскѣ, нельзя считать на день перехода, если включить дневки, болѣе 3 миль или 20 верстъ на каждый день, хотя Геродотъ на день ходьбы считаетъ 200 стадій или 30 верстъ: и такъ берите тридцать разъ двадцать или, коли хотите, тридцать верстъ, то получите 600 или 900 верстъ. Кладите циркуль ближе къ устью Дуная, гдѣ вѣроятно войско Персидское перешло чрезъ рѣку, примѣрно около Тульчи или Исачки, и проведите радіусомъ кругъ въ 600 или, если угодно, въ 900 верстъ, то этотъ кругъ нигдѣ не перейдетъ далѣе какъ къ востоку до Днѣпра, а къ сѣверу, куда походъ вѣроятно былъ направленъ, до Кременца, Острога, Житомира, Бѣлой-Церкви, т. е. до Подоліи, Волыни, Украйны, и едва ли Дарій съ своею неповоротливою массою зашелъ такъ далеко».

Въ статьѣ, обнародованной затѣмъ предъ самою смертью автора приведенныхъ строкъ[135]), онъ для оправданія этого сомнѣнія приводитъ свидѣтельство Страбона и Ктезія. Извѣстно, что по послѣднему (Pers. 16), Дарій проникъ внутрь Скиѳіи только на 15 дней разстоянія отъ Истроса, а по Страбону (VII, 3 § 14) рисковалъ умереть отъ жажды, со всѣмъ своимъ войскомъ, въ пустынѣ Гетовъ, если бы не воротился во время.

Но лейбмедикъ Дарія Оха, который вообще по достовѣрности извѣстій имъ сообщенныхъ не въ состояніи идти въ сравненіе съ Геродотомъ[136]), въ этомъ случаѣ едва-ли можетъ поколебать свидѣтельство сего послѣдняго, такъ какъ никогда не былъ въ Скиѳіи, а свѣдѣнія свои о несчастномъ походѣ Дарія I въ эту страну получилъ отъ персидскихъ царедворцевъ, которые, изъ ложнаго патріотизма, должны были стараться

---

[135]) Ueber den Feldzug des Darius g. d. Scythen in d. J 513; въ Bulletin de l'Acad. des Sc. de St. Pétersbourg, VIII, p. 316—339.

[136]) *Blum*, Herodot und Ktesias, Heidelberg, 1836, pag. 123 и др.

всячески уменьшить важность этого предпріятія, подобно тому, какъ у составителей французскихъ бюллетеней 1812 года бѣгство «великой арміи», напомнившей покойному *Смиту* ополченцевъ иранскихъ, называлось боковымъ маршомъ на С. Петербургъ.

Что же касается извѣстія, сообщеннаго Страбономъ мимоходомъ при описаніи пустыни Гетовъ, то оно нисколько не противурѣчитъ повѣствованію Геродота, потому что, по словамъ послѣдняго, бѣдствія Персовъ, если не начались, то, по крайней мѣрѣ, значительно увеличились (IV, 125—128) уже по возвращеніи ихъ изъ Неврики въ западную часть Скиѳіи[137]), которая именно совпадала съ Страбоновою пустынею Гетовъ. Поэтому *Смитъ* напрасно выводитъ изъ словъ его заключеніе, будто-бы Персы вовсе не переходили чрезъ Тирасъ.

Впрочемъ самъ авторъ разсматриваемаго здѣсь историко-стратегическаго изслѣдованія не раздѣляетъ приписаннаго имъ Страбону мнѣнія о поприщѣ похода 513 года. По крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ своей брошюры онъ говоритъ (p. 495), что «по всей вѣроятности» походъ этотъ былъ направленъ съ береговъ Дуная къ Днѣстру, затѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ до Збруча, а оттуда также вверхъ до окрестностей Острога на Горыни.

Безъ сомнѣнія авторъ тутъ не заслуживаетъ упрека, сдѣланнаго имъ (p. 485) *Маннерту*, *Реннелю*, *Рейхарту* и вообще «географамъ старой школы и обыкновеннымъ филологамъ» за то, что они, желая не отклониться отъ своего текста, заставляли Персовъ странствовать вдоль и поперекъ всей Европейской Россіи.

---

[137]) *Struve*, Der Feldzug des Darius gegen die Scythen, въ Abhandlungen und Reden; Koenigsberg, 1822, p. 18. Подобно *фонъ Смиту*, извѣстный директоръ Кенигсбергской гимназіи, бывшій въ 1812 году еще учителемъ въ Дерптѣ, пораженъ сходствомъ похода Дарія съ нашествіемъ Наполеона на Россію. Разница между обоими изслѣдователями состоитъ только въ томъ, что *Струве* въ Сентябрѣ 1812 года предвѣщалъ этому исполинскому предпріятію тотъ жалкій исходъ, о необходимости котораго *Смитъ* разсуждаетъ какъ «ретроспективный пророкъ».

Зато можно обвинить *Смита* въ томъ, что щадя ноги Персовъ, онъ немилосердно обходился съ Геродотомъ, единственно для подкрѣпленія своего мнѣнія касательно направленія Даріева похода къ сѣверу.

Такъ напр., возобновляя мнимыя доказательства *Эйхвальда*[138]), онъ хочетъ увѣрить читателей, что Геродотъ смѣшалъ Танаисъ съ Тирасомъ, Ѳиссагетовъ съ позднѣйшими Тирагетами (p. 486) и Меотійское озеро съ Пинскими болотами (ibid.). Послѣ всего этого ему уже не трудно было открыть, что рѣка Ликосъ, изливавшаяся, по Геродоту и другимъ авторамъ, въ Меотиду, должна была совпадать со Стыремъ, единственно на томъ основаніи, что эта волынская рѣка «могла» въ старину называться Лукъ или Луцкъ. Не менѣе удачно признаетъ онъ въ Оаросѣ—Горынь и превращаетъ Сиргисъ сначала въ Силгисъ, затѣмъ въ Слигисъ и наконецъ — въ Случь, а всѣ эти измѣненія приписываетъ Эллинамъ, durch Buchstabenversetzung und Hellenisation. Не находя на Волыни рѣки, которая столь-же удобно могла заимствовать свое наименованіе отъ Танаиса, нашъ авторъ предоставляетъ читателю принять эту рѣку за Бугъ или за Тетеревъ, хотя ни та, ни другая не изливаются въ Пинскія болота (p. 487). Въ болотахъ этихъ, кромѣ Меотійскаго озера, помѣщается еще озеро Будиновъ (p. 480), преимущественно по той причинѣ, что въ лѣсистыхъ окрестностяхъ Пинска встрѣчаются нынѣ еще, если не Геродотовы, то по крайней мѣрѣ *Эйхвальдовы* животныя съ четыреугольною мордою.

Къ «востоку» отъ Будиновъ покойный *Смитъ* находитъ Сарматовъ (p. 418), ссылаясь въ этомъ случаѣ на Геродота (IV, 110—115), по словамъ котораго однако они обитали на западъ отъ Будиновъ. Но это можетъ быть описка, которая не заслуживаетъ опроверженія, такъ какъ *Смитъ* болѣе не заботится о Сарматахъ, признанныхъ имъ Монголами: wahrschein-

138) Dorpater Jahrbücher, 1834, Juli, p. 7.

lich ein mongolischer Stamm, der uns übrigens hier nicht weiter angeht.

Предоставляя читателю оцѣнить подобное безцеремонное обращеніе съ ближайшими сосѣдями и надежнѣйшими союзниками Скиѳовъ, я сознаюсь, что доводы, представленные авторомъ въ пользу своего мнѣнія, будто-бы походъ Дарія былъ направленъ къ сѣверу, еще болѣе прежняго убѣждаютъ меня въ томъ, что походъ этотъ могъ только быть направленъ къ востоку.

Дѣйствительно, не говоря о томъ, что отступленіе Скиѳовъ, отправившихъ предварительно женъ и дѣтей къ сѣверу (IV, 121), было направлено къ востоку, нельзя допустить, что Дарій, безъ всякой надобности, нарушилъ бы нейтралитетъ тѣхъ именно народовъ, которые не хотѣли принять стороны враговъ его, и жилища коихъ находились къ сѣверу отъ Скиѳіи. Кромѣ того Персы, при своемъ вторженіи въ эту страну, по разнымъ причинамъ должны были желать, чтобы не были прерваны ихъ сообщенія съ Ольвіею, Каркинитисомъ и другими іонійскими поселеніями, лежавшими на морскомъ берегу. Едва ли собственныя выгоды могли побудить Дарія проникнуть въ лѣса и болота волынскія, хотя неоспоримо, что направленіе похода зависитъ, какъ выражается *Смитъ* (p. 494), отъ наступающаго полководца, тогда какъ разбитые (чѣмъ впрочемъ Скиѳы не были) должны слѣдовать пути, имъ указанному.

Наконецъ, мы усматриваемъ изъ греческой надписи, недавно изданной [139]), что въ народѣ сохранилось преданіе, хо-

---

[139]) Annali del Instit. archeol. Romae, 1853; pag. 88: *Δαρεῖος ἐπὶ Σκύθας διέβη ζεύξας τὸν Κιμμέριον Βόσπορον.* По мнѣнію *Генцена* (ibid. p. 103) и *Франца* (*Boeckh*, Corp. Inscr. Gr. IV, p. 19) Воспоръ Ѳракійскій превращенъ здѣсь въ Киммерійскій. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, я однако не могу себѣ представить, чтобы составитель надписи впалъ въ столь грубую ошибку, если бы до его времени не сохранилось преданіе о томъ, что походъ Персовъ, послѣ ихъ перехода чрезъ Дунай, былъ направленъ къ востоку, т. е. къ Азовскому морю. Во всякомъ случаѣ Персидскій царь поступилъ бы

тя и запутанное, о направленіи Даріева похода къ Воспору Киммерійскому, до котораго Персы безъ сомнѣнія никогда не добрались бы путемъ, ведущимъ къ мнимому Меотійскому озеру.

Если же *Смитъ* считалъ не только возможнымъ, но даже весьма вѣроятнымъ, что Персы въ двухъ-мѣсячный походъ могли дойти до Новгорода Волынскаго, или же до Украины и обратно, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ мнѣ право думать, что крайнимъ предѣломъ ихъ похода могла быть рѣка Кальміусъ, отъ которой до устья Дуная не будетъ далѣе, чѣмъ отъ этой рѣки до Горыни. Здѣсь уже никакъ не могли быть построены Персами укрѣпленія, которыя отчасти еще видны были (IV, 124) во время Геродота, при Оаросѣ, изливавшемся въ Азовское море.

Если же слѣды этихъ укрѣпленій не исчезли совершенно съ лица земли, то можно питать надежду, что при усердіи и знаніи дѣла, съ какимъ въ послѣдніе годы начали изслѣдовать скиѳскія древности, мѣстность, до которой проникъ Персидскій царь, какъ и другіе пункты, которыхъ я коснулся въ настоящей статьѣ, выйдутъ изъ того полумрака, изъ котораго мнѣ не по силамъ было извлечь ихъ.

согласно съ правилами военнаго искусства, если бы, при своемъ вторженіи въ Скиѳію, отрядилъ часть флота, состоявшаго изъ 600 судовъ (IV, 87) въ тылъ непріятельской арміи. По Ктезію (l. c.) сатрапъ Каппадокіи, Аріарамнъ, еще прежде Даріемъ былъ отправленъ съ флотомъ въ Скиѳію, откуда вывелъ большое число плѣнныхъ и въ томъ числѣ брата царя Скиѳарха. Безъ сомнѣнія, эта экспедиція была направлена скорѣе къ Керченскому проливу, чѣмъ въ Бессарабію или на Волынь.

ДОПОЛНЕНІЕ.

О попыткахъ объяснить Геродотовы извѣстія относительно похода Дарія Гистаспа противъ Скиѳовъ.

Не входя въ подробный разборъ всѣхъ перечитанныхъ мною сочиненій о Геродотовой Скиѳіи, полагаю нелишнимъ представить здѣсь, въ видѣ особаго прибавленія, краткій обзоръ результатовъ, добытыхъ наиболѣе извѣстными авторами при разъясненіи видимаго противурѣчія въ показаніяхъ Геродота между поприщемъ похода Персовъ въ Скиѳію и сосѣдственныя ей земли и—временемъ, въ которое этотъ походъ былъ совершенъ ими.

Безъ сомнѣнія, въ обоихъ отношеніяхъ многія частности останутся для насъ загадочными, при недостаткѣ другихъ источниковъ, съ помощью которыхъ мы могли бы пополнить историческія и географическія извѣстія, переданныя намъ Геродотомъ. Тутъ намъ придется довольствоваться отрицательнымъ результатомъ, т. е. убѣжденіемъ, что различныя подробности касательно маршрута и военныхъ дѣйствій персидской арміи никогда не будутъ объяснены.

Это однако не даетъ намъ права переиначивать имена или перетолковывать по своему произволу слова Геродота, въ такихъ случаяхъ, когда, *по нашему взгляду*, они не могутъ быть соглашены съ дѣйствительностью. Не слѣдуетъ также, въ подобныхъ случаяхъ, довольствоваться объявленіемъ, что повѣствованіе Геродота, будучи основано на преданіи, имѣетъ болѣе характеръ миѳическій, чѣмъ историческій, и потому-то часто не представляетъ возможности отличать у него истину отъ вымысла.

Вѣдь касательно свидѣтельства его о чудесахъ Египта и Вавилона господствовало точно такое-же мнѣніе до тѣхъ поръ,

пока ближайшее знакомство Европейцевъ съ долиною Нила и съ Месопотаміею не повело къ открытіямъ, которыя уже не позволяютъ сомнѣваться въ точности и достовѣрности данныхъ, заключающихся въ первыхъ двухъ книгахъ его Исторіи.

Почему же намъ не питать надежды, что при тщательномъ изслѣдованіи Скиѳскихъ древностей, недавно лишь начавшемся, не далеко отъ насъ время, когда всѣми будетъ признано, что «отецъ исторіи и географіи» поступилъ столь-же добросовѣстно при описаніи современнаго ему состоянія южной Россіи и происходившей въ ней борьбы. О послѣдней онъ вѣроятно справлялся у лицъ, въ памяти которыхъ это всемірно-историческое событіе еще должно было сохраниться въ то время, когда онъ собиралъ матеріалы для своего неоцѣнимаго труда.

Если, такимъ образомъ, нѣтъ достаточнаго повода отрицать подлинность тѣхъ извѣстій, которыя онъ намъ сообщаетъ о направленіи, предѣлѣ и продолжительности этой войны, то нельзя не согласиться съ академикомъ *Куникомъ*, что отчетливое, хотя и краткое свидѣтельство Геродота относительно времени, протекшаго отъ передвиженія Персовъ съ береговъ Дуная до Оароса и оттуда обратно къ Дунаю *должно служить повѣркою при обсужденіи различныхъ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія географическихъ воззрѣній Геродота на Скиѳію:* Jede geographische Untersuchung über das Herodot'sche Scythien muss die Probe aushalten an seinem Bericht über den Zug des Darius.... (въ письмѣ г. академика, отъ 12 ноября 1865 года).

Дѣйствительно, при всякомъ другомъ способѣ объясненія, изслѣдователь по неволѣ подвергается опасности свалить на Геродота свою собственную вину, т. е. приписать ему неточности и погрѣшности потому только, что самъ не понялъ настоящаго смысла его словъ.

Разбирая съ этой точки зрѣнія вопросъ, какъ ученые до сихъ поръ пытались согласить между собою и съ дѣйствительностью различныя извѣстія Геродота о Скиѳіи, я нахожу, что это соглашеніе никѣмъ не было достигнуто.

По крайней мѣрѣ, нѣкоторые комментаторы Геродота, довѣряя его правдивости и вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣваясь, что они хорошо его поняли, принуждены были предположить, что въ теченіи времени въ мѣстныхъ особенностяхъ здѣшняго края произошли небывалыя и невозможныя измѣненія, или что въ

наше время войска передвигаются съ мѣста на мѣсто съ меньшею быстротою, чѣмъ иранскіе ополченцы.

Другіе ученые, не рѣшаясь допустить столь существенныя перемѣны въ природѣ края или въ физическихъ силахъ человѣка, предпочли сдѣлать разныя поправки въ текстѣ Геродота и этимъ средствомъ обратить его свидѣтельство въ пользу своего собственнаго мнѣнія о *мѣстности*, до которой дошелъ Дарій, и *времени*, проведенномъ имъ въ Скиѳіи.

Остальные комментаторы Геродота, не считая себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію ни съ текстомъ его, ни съ природою, сочли нужнымъ утверждать, что въ его описаніи похода 513 года событіе, дѣйствительно случившееся, является въ другомъ видѣ, искаженномъ и преувеличенномъ преданіемъ.

Чтобы убѣдить читателей въ справедливости моихъ словъ, я считаю достаточнымъ упомянуть только о томъ, какимъ образомъ извѣстнѣйшіе авторы, трудившіеся надъ Геродотовыми «Scythica», старались возстановить мысленно его загадочный скиѳскій четыреугольникъ и къ какому убѣжденію каждый изъ нихъ пришелъ относительно его описанія войны, происходившей, около 2400 лѣтъ тому назадъ, въ нашихъ степяхъ по обѣимъ сторонамъ «Танаиса».

До конца XVII столѣтія нельзя было и думать о сличеніи Геродотова описанія Скиѳіи съ дѣйствительностью, такъ какъ европейскіе ученые гораздо менѣе его были знакомы съ мѣстными особенностями Новороссійскаго края. По примѣру *Целларія* (род. 1638, ум. 1707 г.; Notitia orbis antiqui; Leipzig, 1701), большая часть географовъ долго еще довольствовалась передачею на своихъ картахъ номенклатуры Геродота, мало заботясь о правильномъ распредѣленіи различныхъ именъ рѣкъ, городовъ и областей. Только со временъ Петра Великаго страна между устьями Дона и Дуная, благодаря русскому оружію и просвѣщенному стремленію Царя къ сближенію своихъ подданныхъ съ Западомъ, болѣе прежняго стала обращать на себя вниманіе ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не появиться попытки сравнить тогдашнее состояніе Черноморскаго прибрежья съ тѣмъ, въ какомъ оно находилось во времена Геродота.

Въ числѣ ученыхъ, которые взялись за разсмотрѣніе этого вопроса, однимъ изъ первыхъ былъ знаменитый академикъ

Байеръ (De origine et priscis sedibus Scytharum и De situ Scythiae sub aetatem Herodoti, въ Comm. Acad. Sc. Petropol. I, 1728, p. 387—424). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отчасти ошибочнаго мнѣнія о величинѣ стадій у Геродота (т. е. 500, вмѣсто 600 на градусъ), онъ пришелъ къ тому заключенію, что Скиѳія находилась между 45 и 57 гр. долготы, и 47 и 55 гр. широты (p. 408). Такимъ образомъ ему пришлось искать Меланхленовъ около Москвы, Андрофаговъ — въ Витебской губерніи, а Будиновъ и Гелоновъ—въ Полѣсьѣ. Поэтому нечего жалѣть о томъ, что онъ вовсе не говоритъ о походѣ Дарія, хотя, вѣроятно, онъ и не согласился бы съ мнѣніемъ французскаго академика *Дегиньл* (De Guignes, Mémoire, dans lequel on entreprend de fixer la situation de quelques peuples Scythes, dont il est parlé dans Hérodote etc. въ Mém. de l'Ac. des Inscr. etc. XXXV, p 539—572), который, на оборотъ, преимущественно старается дать себѣ отчетъ въ переходахъ Персовъ, и этимъ средствомъ пытается отыскать жилища Скиѳовъ и ихъ сосѣдей.

Желая въ этомъ отношеніи обратить свидѣтельство Геродота въ пользу своихъ мнѣній, *Дегинь* прежде всего считаетъ фактами, не подлежащими никакому сомнѣнію: 1) что Геродотъ сократилъ время похода и 2) что Дарій совершилъ этотъ походъ ускореннымъ маршемъ (p. 545: Dar. y employa beaucoup de célérité). Затѣмъ, находя что, по Геродоту, Будины обитали *къ югу* отъ Сарматовъ, за Танаисомъ, и полагая что эта рѣка непремѣнно совпадала съ Дономъ, онъ отождествляетъ Будиновъ съ Черкесами, озеро, въ ихъ землѣ находившееся—съ Волгою, рѣку Оаросъ—съ Кубанью, а крѣпости, построенныя Даріемъ при Оаросѣ — съ Дербендскою стѣною. Но все это ничего не значитъ въ сравненіи съ геніальнымъ открытіемъ жилищъ Аргиппеевъ въ Поднебесномъ царствѣ и тождества растенія «понтійскаго» съ деревомъ «li-tchi», въ изобиліи растущимъ въ китайскихъ провинціяхъ: Fo-kien, Kuang-tung и Kuang-si (p. 554) и доставляющимъ плоды, которые вкуснѣе всѣхъ другихъ фруктовъ въ свѣтѣ.

Порицая знаменитаго синолога, своего сочлена по Академіи Надписей, за то, что онъ вовлекъ Персовъ въ такую даль, *Данвилъ* (Examen critique d'Hérodote, sur ce qu'il rapporte de la Scythie, въ томъ же журн., стр. 573—591) впалъ въ другую крайность: основываясь на томъ, что въ 2-хъ мѣсячный по-

ходъ Персы не могли пробраться за Донъ и находя, подобно *Байеру* и *Дегинью*, что Геродотъ (говоря о переходѣ Персовъ за Танаисъ, отдѣлявшій Скиѳовъ отъ Сарматовъ) непремѣнно имѣлъ въ виду Донъ и Донецъ, онъ думаетъ, что поприщемъ похода была лишь степь между Дунаемъ и Днѣстромъ. Въ пользу этого мнѣнія онъ ссылается на извѣстіе Страбона, что Персы рисковали умереть отъ жажды въ пустынѣ Гетовъ. Но *Данвиль* не довольствуется однимъ только ограниченіемъ круга дѣйствій воюющихъ; кромѣ того онъ считаетъ нужнымъ представить себѣ Скиѳію въ уменьшенномъ видѣ, держась ошибочнаго мнѣнія, что Геродотъ измѣряетъ разстоянія стадіями, изъ которыхъ уже не 600, а 750 приходилось на градусъ.

Тѣмъ не менѣе, судя по его картѣ, ему удалось изобразить довольно вѣрно топографію Геродотовой Скиѳіи, и я вполнѣ согласенъ съ *Линдеромъ* (см. ниже), что *Данвиль*, при вѣрности своего географическаго взгляда, угадалъ бы всю истину, если бы имѣлъ подъ руками нынѣшнія географическія средства. Но, вопреки *Линдеру*, я не думаю, что въ этомъ случаѣ область Герросъ съ рѣкою того-же имени и Гипакирисомъ *Данвиль* перемѣстилъ бы съ лѣвой стороны Днѣпра на правую.

Извѣстный французскій переводчикъ Геродота, *Ларше* (Histoire d'Hérodote etc. 1786, 2 изд., 1802, IX т.), снабдилъ свой трудъ не только многими дѣльными примѣчаніями, но прибавилъ къ нему еще особый томъ (VIII во 2-мъ изд.), посвященный объясненію географическихъ именъ, встрѣчающихся у Геродота. Въ одномъ изъ примѣчаній, *Ларше* (III, 511) касается вопроса о скиѳскомъ четыреугольникѣ и соглашается съ мнѣніемъ англійскаго маіора *Реннеля*, автора прославленнаго сочиненія о географической системѣ Геродота (The geographical System of Herodotus, 1800), что Меотійское озеро составляло одну изъ сторонъ этого четыреугольника. Зато онъ отвергаетъ рѣшительно (VIII, 375) мнѣніе *Реннеля* о тождествѣ Оароса съ Волгою и старается доказать, что, по взгляду Геродота, первая изъ этихъ рѣкъ находилась къ западу отъ Дона. Если же, тѣмъ не менѣе, онъ думаетъ, что походъ Дарія долженъ былъ продолжаться около 5 мѣсяцевъ (III, 509), то это объясняется тѣмъ, что по его мнѣнію Танаисъ, чрезъ который переправились Персы до прибытія къ берегамъ Оароса, совпадалъ съ ѳиссагетскою рѣкою того-же имени, т. е. съ Дономъ.

Графъ *Янъ Потоцкій*, въ сочиненіи, вышедшемъ еще въ 1802 году, и затѣмъ снова изданномъ *Клапротомъ* (Histoire primitive des peuples de la Russie, Par. 1829), опредѣляетъ объемъ Скиѳіи слѣдующимъ образомъ: 1-я сторона шла отъ устья Дуная, берегомъ, до устья Дона; 2-я отъ устья этой рѣки до ея истока; 3-я отъ Ивановскаго озера до истоковъ Вислы и 4-я оттуда до устья Дуная (р. 191). Жилища «чудскихъ» Будиновъ онъ помѣщаетъ выше Воронежа и полагаетъ, что Персы могли пройти туда и обратно къ Дунаю въ теченіе шести мѣсяцевъ. Поэтому онъ увѣренъ, что Геродотъ слишкомъ сократилъ срокъ похода, не подозрѣвая, что жилища Будиновъ могли находиться на срединѣ пути между Воронежомъ и устьями Дуная.

Между тѣмъ великій историкъ *Нибуръ* подалъ нѣмецкимъ ученымъ поводъ заниматься изученіемъ Геродотовой Скиѳіи, безъ пріурочиванія Геродотовыхъ извѣстій къ дѣйствительности.

Въ двухъ небольшихъ статьяхъ (Ueber die Geographie Herodots, 1812, въ Kl. hist. und phil. Schriften, 1, 132 — 158 и Untersuchungen über die Gesch. der Skythen etc, тамъ же, 352—398) *Нибуръ* проводитъ мысль, что весь вопросъ о видѣ Геродотовой Скиѳіи заключается лишь въ разъясненіи обстоятельства, почему Геродотъ воображалъ, что страна эта составляла правильный четыреугольникъ, а что сличеніе ошибочныхъ въ этомъ отношеніи воззрѣній Геродота съ дѣйствительнымъ видомъ края было бы дѣломъ совершенно лишнимъ. Съ большимъ остроуміемъ онъ успѣлъ возстановить этотъ *искусственный* четыреугольникъ, заставляя Геродота думать, что большая часть теченія Дуная была направлена отъ с. къ ю., и что западный берегъ Азовскаго моря пролегалъ параллельно Дунаю, также отъ с. къ ю. Подъ третьею стороною своего четыреугольника Геродотъ долженъ былъ разумѣть линію, идущую параллельно четвертой, т. е. параллельно морскому берегу и примыкающую къ двумъ первымъ сторонамъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ протяженіе равнялось длинѣ берега, заключеннаго между ними. Въ этомъ-то четыреугольникѣ помѣщались кое-какъ всѣ скиѳскія рѣки отъ Танаиса до Истроса, за исключеніемъ пяти притоковъ послѣдняго, для которыхъ уже не оставалось мѣста между Тирасомъ или Днѣстромъ, и текущимъ параллельно съ нимъ Дунаемъ. Уже по этому обстоятельству должно заключить, что о

теченіи этой рѣки Геродотъ не имѣлъ такого ошибочнаго понятія, какъ воображаетъ *Нибуръ*, и что четыреугольникъ, выдуманный послѣднимъ, не былъ похожъ на Геродотовъ.

Сокрушитель древней исторіи Рима считаетъ повѣствованіе о походѣ Дарія баснословнымъ преимущественно потому, что огромныя силы Персовъ никакъ не могли бы проникнуть въ глубину степей, на 700 верстъ за Дономъ. Но такъ какъ изъ словъ Геродота вовсе не слѣдуетъ, что рѣка Оаросъ, до которой дошли Персы, непремѣнно находилась за Дономъ, то покрайней мѣрѣ ничто не помѣшало бы *Нибуру* искать ее въ числѣ рѣкъ, изливающихся въ Азовское море на западной его сторонѣ, до которой онъ вѣроятно не отказался бы допустить Дарія, не соглашаясь съ мнѣніемъ позднѣйшихъ писателей (р. 372), что крайнимъ предѣломъ похода, предпринятаго подъ личнымъ начальствомъ Дарія, могла быть рѣка Тирасъ.

Въ полной увѣренности, что *Нибуромъ* раскрыто ошибочное мнѣніе Геродота о видѣ Скиѳіи и что *Реннель* справедливо отождествляетъ Оаросъ съ Волгою, *Дальманъ*, въ своей біографіи Геродота (Herodot etc. въ Forschungen auf dem Gebiete d. Gesch. II, 1, 1823), приходитъ къ тому результату (стр. 161), что всѣ подробности о походѣ Дарія недостовѣрны, и что Геродотъ потому только не сомнѣвался въ ихъ точности, что представлялъ себѣ скиѳскій четыреугольникъ въ гораздо меньшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Но если бы на дѣлѣ оказалось, что тутъ ошибся не Геродотъ, а самъ *Дальманъ*, т. е. что онъ значительно увеличилъ объемъ Скиѳіи, въ сравненіи съ дѣйствительной ея величиной, придерживаясь обыкновеннаго мнѣнія, что, по взгляду Геродота, страна эта простиралась до устья Дона, то и *Дальману* пришлось бы согласиться, что крѣпости при рѣкѣ Оаросѣ, напоминающія ему Аварскіе «ringos», могли быть построены Персами (онъ самъ увѣренъ, что царь ихъ дѣйствительно былъ въ Скиѳіи) и что, по странному стеченію обстоятельствъ, Дарій своимъ спасеніемъ обязанъ былъ сторожившимъ мостъ Эллинамъ, или, какъ выражается *Дальманъ*, тиранамъ, предпочитавшимъ рабство и власть — свободной жизни среди свободныхъ согражданъ.

Вслѣдъ затѣмъ другіе ученые, увлеченные, подобно *Дальману*, авторитетомъ *Нибура*, выступили съ новыми гипотезами

для точнѣйшаго опредѣленія воззрѣній Геродота на скиѳскій четыреугольникъ. Вопросомъ этимъ занимались между прочимъ: *Лелевель* (нѣмецкій переводъ, подъ заглавіемъ: Beschreibung d. Her. Sc въ Kleinere Schriften, 1836), *Брандштеттеръ* (Scythica, 1837) и *Бобрикъ* (Georg. d. Her. 1838). Соглашаясь съ мнѣніемъ *Нибура*, что сѣверный берегъ Чернаго моря и западный берегъ Азовскаго соотвѣтствовали двумъ сторонамъ Геродотова четыреугольника, они расходятся въ мнѣніяхъ какъ съ нимъ, такъ и между собою, при опредѣленіи двухъ остальныхъ сторонъ.

Между тѣмъ какъ приведенные ученые спорили о болѣе или менѣе правильномъ видѣ скиѳскаго четыреугольника, извѣстный географъ *Маннертъ* (Geogr. d. Griechen und Römer, 1820) счелъ подобныя упражненія совершенно лишними для своей науки, стараясь преимущественно опредѣлить дѣйствительный объемъ и предѣлы Скиѳіи во времена Геродота. По его мнѣнію, она граничила къ з. съ Трансильваніею, къ с. з. линіею, проведенною отъ истоковъ Днѣстра и Буга до Днѣпра, около Екатеринослава; наконецъ, къ в. Меотійскимъ озеромъ и линіею, проведенною оттуда къ с., такъ что съ восточной стороны жилища Скиѳовъ простирались далѣе къ сѣверу, чѣмъ владѣнія ихъ при Борисѳенѣ. Въ Танаисѣ Геродота—*Маннертъ* видѣлъ не только Донъ, но и часть теченія Волги (p. 110), а Будины, полагалъ онъ, могли частью обитать при Каспійскомъ морѣ, тогда какъ главная масса этого народа жила въ Польшѣ (p. 138). Къ нимъ то, по его мнѣнію, былъ направленъ походъ Дарія, но Геродотъ смѣшалъ ихъ съ каспійскими Будинами, иначе война не окончилась бы въ одно лѣто.

У меня не было подъ рукою статьи прославленнаго въ свое время географа *Рейхарда* объ этомъ походѣ (D. Feldzug im Lande d. Skythen, въ журналѣ Hertha, Stuttgart, 1828), но, судя по нижеслѣдующимъ двумъ отрывкамъ, перепечатаннымъ въ другихъ сочиненіяхъ, я не думаю, что ему удалось устранить видимое противурѣчіе между внѣшними условіями похода, т. е. между пространствомъ и временемъ, которыя въ этомъ случаѣ, какъ будто нарочно, опредѣлены Геродотомъ какъ нельзя болѣе положительно.

«Такъ какъ», говоритъ *Рейхардъ* въ одномъ мѣстѣ (*A. Brandstätter*, l. c., Addenda) «Геродотъ долженъ былъ знать, что Скиѳія не была равносторонній четыреугольникъ, то и слѣду-

етъ думать, что подъ квадратомъ онъ разумѣлъ не видъ страны, а меньшія ея части вмѣстѣ взятыя и сложенныя въ родъ квадрата «und das Ganze etwa quadratisch genommen». Въ другомъ мѣстѣ (*Schafarik*, Slavische Alterthümer, I, 274) *Рейхардъ* водитъ Персовъ вдоль и поперекъ всей Россіи, а именно: отъ нижняго Дуная до устья Дона, вверхъ по этой рѣкѣ и по Волгѣ до устья Самары, затѣмъ къ сѣверу, чрезъ Оку, у Касимова (сюда помѣщаетъ castella Darii) до озера Ильменя, оттуда къ ю.-з., мимо верхней Виліи и Пинска до истоковъ Буга и наконецъ мимо нижняго Днѣстра до Дуная.

Издѣваясь надъ подобнымъ взглядомъ ученаго Нѣмца, авторъ Славянскихъ древностей (нѣм. изд. 1843, I, 274) въ свою очередь не сомнѣвается, что по Геродоту «государство» Скиѳское доходило къ в. до устья Дона и до пункта, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ Волгѣ; къ с. до мѣста впаденія Псела въ Днѣпръ и оттуда до истоковъ Буга и Днѣстра. *Шафарикъ* (р. 187) вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что «славянскіе» Будины жили въ Бѣлоруссіи и на Волыни, куда Персы могли пробраться въ двухъ-мѣсячный походъ и откуда, по его мнѣнію, Геродотъ ошибочно перемѣстилъ ихъ за Донъ, потому что 60 лѣтъ послѣ похода уже не могъ собрать достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Свѣдѣнія эти однако же оказались бы совершенно точными, если бы *Шафарикъ* могъ допустить, что Будины (пожалуй, славянскіе) обитали не при истокахъ обоихъ Буговъ, а между обоими Танаисами Геродота, т. е. между Молочной и Дономъ съ Донцомъ.

Въ этихъ мѣстахъ ихъ уже искалъ *Линднеръ* (Skythien etc. 1841), о которомъ мною выше приведены совершенно различные отзывы нашего отечественнаго критика и нѣмецкихъ филологовъ.

Но какъ *Линднеръ*, кажется, правъ въ отождествленіи рѣки Пантикапеса съ Ингульцемъ, такъ ему удалось также угадать, что по взгляду Геродота, восточная сторона скиѳскаго четыреугольника не могла совпадать съ западнымъ берегомъ Азовскаго моря. Такимъ образомъ ему дана была возможность искать землю Будиновъ и рѣку Оаросъ на западъ отъ Дона. Къ сожалѣнію рѣку эту, т. е Оаросъ, которая, по Геродоту, изливалась прямо въ Меотиду, *Линднеръ* предпочелъ принять за Айдаръ, притокъ Донца, признаваемаго имъ за Геродотовъ

Танаисъ. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно высказывается въ пользу мнѣнія, что всѣ подробности Геродотова разсказа о походѣ Дарія имѣютъ историческое основаніе.

Замѣчательно, что *Надеждинъ* (Геродотова Скиѳія, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. I, 3—114; и рецензія соч. *Линднера*, тамъ же, 393—431), который раздѣляетъ, вообще говоря, мнѣніе *Линднера* касательно вида и объема Скиѳіи, не вѣритъ тому, что Геродотъ говоритъ о походѣ, и подозрѣваетъ, что вся экспедиція Дарія заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи (р. 110). Правда, онъ тутъ же прибавляетъ, что нѣтъ основательныхъ причинъ сжимать въ столь узкіе предѣлы событіе, оставившее по себѣ столь величественныя воспоминанія. Поэтому *Надеждинъ* готовъ допустить, что изъ Буджака Персы двинулись далѣе, но отнюдь не къ востоку, какъ явствуетъ изъ словъ Геродота, или къ сѣверо-востоку, какъ полагаетъ *Линднеръ*, а къ сѣверу, т. е. на Волынь, куда его, подобно *Смиту*, вовлекъ *Эйхвальдъ* (Alte Geographie des Kasp. Meeres, 1838, и Dorp Jahrbücher, 1834, III, 1). Послѣдняго онъ ставитъ чуть ли не выше *Линднера* за его «счастливую мысль» вести Дарія въ западную Украину, за перенесеніе озера Будиновъ въ Пинскія болота и за удачное пріуроченіе ѳиссагетскихъ рѣкъ къ притокамъ Припети, а именно: Ликоса къ Случу, Оароса къ Горыни, Танаиса къ Лану и Сиргиса къ Стыри.

Подобными геніальными открытіями не отличается трудъ *Ганзена* (Ost-Europa nach Herodot etc. 1844), вышедшій въ томъ-же самомъ году, когда издана была статья *Надеждина*, такъ что послѣдній едва-ли могъ уже пользоваться имъ: иначе онъ вѣроятно убѣдился бы въ неосновательности смѣлыхъ гипотезъ *Линднера* и *Эйхвальда*. Впрочемъ въ этомъ отношеніи погрѣшилъ и *Ганзенъ*. Считая себя обязаннымъ держаться мнѣнія, что подъ ѳиссагетскимъ Танаисомъ Геродотъ непремѣнно долженъ былъ разумѣть тотъ Танаисъ, который отдѣлялъ Скиѳовъ отъ Сарматовъ, и пріурочивая рѣку эту не только къ Дону, но и къ Волгѣ, онъ приведенъ былъ къ заключенію, что скиѳскій четыреугольникъ заключалъ въ себѣ кромѣ всего Новороссійскаго края и Бессарабіи, еще губерніи Харьковскую, Полтавскую, всю почти Кіевскую, Воронежскую, Курскую и Черниговскую, затѣмъ,—«da im Osten der Tanais die Gränze macht»,—Землю Донскаго войска, и на западѣ отчасти Подолію.

Не сомнѣваясь въ томъ, что земля Будиновъ должна была находиться гдѣ-то около покатостей южнаго или средняго Урала, *Ганзенъ* съ одной стороны понималъ, что Персы не могли проникнуть такъ далеко, а съ другой не рѣшился считать миѳическимъ повѣствованіе Геродота о событіи, случившемся не задолго до его времени.

Чтобы выпутаться изъ этого затрудненія, ему слѣдовало бы допустить, что скиѳскій четыреугольникъ не былъ такъ великъ и что земля Будиновъ не находилась на столь большомъ разстояніи отъ Дуная, какъ онъ полагалъ потому только, что боялся отличать Танаисъ ѳиссагетскій отъ скиѳскаго.

Кольстеръ (Das Land der Skythen, въ Archiv für Phil. und Paed. XII, 568—632; XIII, 5—77) полагаетъ (XIII, 25), что Геродотъ говоритъ о *двухъ* Танаисахъ, вливающихся въ Меотиду, но тѣмъ не менѣе выводитъ изъ словъ Геродота, что его четыреугольникъ заключался между окрестностями Полтавы на сѣверѣ и устьями Дуная и Дона на югѣ, хотя подобно *Ганзену*, убѣжденъ въ томъ, что походъ Дарія, вообще говоря, состоялся въ такомъ видѣ, какъ онъ изложенъ у Геродота. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ Будины не могли обитать за Полтавою, или за Дономъ, то *Кольстеръ* заключаетъ, что Геродотъ смѣшалъ эту рѣку, т. е. ѳиссагетскій *Танаисъ*, съ Истросомъ, или *Данубіемъ*, вмѣсто того, чтобы подозрѣвать, что подъ своимъ *Танаисомъ* онъ могъ тутъ разумѣть не ѳиссагетскую рѣку этого имени, а скиѳскую. Такимъ образомъ *Кольстеру* удалось отождествить Агаѳирсовъ съ Ѳиссагетами и утвердить при рѣкѣ Дравѣ крѣпости, построенныя Даріемъ при рѣкѣ Оаросѣ, орошавшей землю Будиновъ. Но если, въ чемъ я согласенъ съ *Кольстеромъ*, Геродотъ говоритъ о двухъ Танаисахъ, то не было надобности обвинять его въ ошибочномъ примѣненіи этого имени къ Дунаю, чтобы доказать, что Персы могли дойти до земли Будиновъ. Стоило только допустить, что подъ скиѳскимъ Танаисомъ Геродотъ разумѣлъ Молочную, и нетрудно было убѣдиться въ томъ, что Персы скорѣе могли дойти до окрестностей Павлограда, чѣмъ до Эссека, или далѣе вверхъ по Дравѣ, «oder etwas weiter stromaufwärts».

Затѣмъ, правда, *Кольстеръ*, въ своей рецензіи книги *К. Неймана* о Скиѳіи (Neue Jahrbücher für Phil. und Paedag. XXVIII, (27), стр. 332), сознается, что онъ уже слишкомъ увлекся,

стараясь доказать, что Геродотъ смѣшалъ Данубій съ Танаисомъ и что Дарій дошелъ чуть-ли не до Балатонскаго озера. Забывая однако же вмѣстѣ съ тѣмъ, что самъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Геродотъ говоритъ о двухъ Танаисахъ, онъ отождествляетъ обѣ рѣки съ Дономъ. Но такъ какъ Персы въ двухъ-мѣсячный походъ едва ли могли проникнуть въ задонскую степь, то г. *Кольстеръ* скорѣе готовъ обвинить Геродота въ неточности, чѣмъ допустить, что Геродотъ не только умѣлъ различать Дунай отъ оиссагетскаго Танаиса, но и не могъ не знать, что рѣка эта, кромѣ имени, не имѣла ничего общаго съ скиѳскимъ Танаисомъ, т. е. съ Молочною.

Сказавъ въ одномъ мѣстѣ (р. 537), что, по взгляду Геродота, рѣка *Танаисъ* протекала чрезъ землю Будиновъ, а въ другомъ (р. 541), что жилища ихъ находились къ сѣверу отъ Сарматіи, *за Танаисомъ* (стало быть другимъ), осторожный и основательный *Укертъ* (Skythien, 1846) сознается, что до сихъ поръ никто не успѣлъ опредѣлить съ точностью мѣстоположеніе области Будиновъ, хотя о нихъ писали болѣе, чѣмъ о какомъ другомъ народѣ сѣвера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ клонится къ мнѣнію, что Персы едва ли могли проникнуть такъ далеко, какъ говоритъ Геродотъ, хотя послѣдній и былъ увѣренъ въ возможности подобнаго предпріятія. Кромѣ другихъ доводовъ противъ этой возможности, которые я уже старался поколебать въ моей статьѣ, какъ-то: обширности и нынѣшняго характера края, величины рѣкъ, трудности продовольствія 700,000 ной арміи и т. д., *Укертъ* (р. 26) приводитъ замѣтку *Ренеля*, что войску даже гораздо меньшему понадобилось бы 150 дней, чтобы пробраться отъ Дуная до Волги, и, по крайней мѣрѣ 100 дней чтобы дойти до Дона. Но, не говоря о томъ, что, по Геродоту, Персамъ, быть можетъ, вовсе не пришлось забираться столь далеко, я думаю, что, въ случаѣ надобности, наши ополченцы могли бы прибыть изъ Таганрога въ Измаилъ гораздо раньше, чѣмъ полагаетъ англійскій маіоръ.

Какъ въ изданіи Геродота (Her. Hal. Musae, vol. sec. 1857), такъ и въ своемъ переводѣ его Исторіи (Die Musen d. Her. v. Hal. 1859), *Бэръ* (Baehr) придерживается мнѣнія *Нибура*, что, по понятіямъ Геродота, теченіе Дуная было направлено отъ сѣвера къ югу и составляло одну изъ сторонъ скиѳскаго четыреугольника, хотя неосновательность этого мнѣнія была уже до-

казана *Кольстеромъ*, имъ-же приведеннымъ (Musae, II, 496). Далѣе *Бэръ* думаетъ что подъ восточною стороною четыреугольника Геродотъ разумѣлъ западный берегъ Меотиды, полагая, что и берегъ этотъ пролегалъ прямо отъ сѣвера къ югу. Жилища Будиновъ нѣмецкій переводчикъ не рѣшается указать въ точности, готовъ однако же помѣстить ихъ около Воронежа или Саратова (l. l. p. 333 и въ переводѣ IV книги, 35). Но такъ какъ въ двухъ-мѣсячный походъ Персы не могли дойти до этихъ мѣстъ, то онъ предпочитаетъ свидѣтельству Геродота извѣстіе Ктезія, что Дарій вообще не проникъ въ Скиѳію далѣе 15-ти-дневнаго пути.

Въ примѣчаніяхъ къ новѣйшему французскому переводу Геродота (Miot, Hist. d'Hérodote, 2 изд. 1858), которому *Летроннъ* (Journ. d. Savants, Mars 1823) во многихъ отношеніяхъ отдаетъ преимущество предъ переводомъ *Ларше*, не заключается ничего особеннаго касательно мнѣнія Геродота о видѣ и объемѣ Скиѳіи и вовсе не говорится о походѣ Дарія въ эту страну.

Новѣйшій же англійскій переводчикъ исторіи Геродота (George *Rawlinson*, History of Herodotus, IV, 1862) помѣстилъ подъ своимъ трудомъ не только много дѣльныхъ примѣчаній, но и прибавилъ къ нимъ еще особый «Essay» о географіи Скиѳіи (III, 168—174). Въ немъ *Раулинсонъ* разбираетъ «теорію» *Нибура* о видѣ Геродотовой Скиѳіи и доказываетъ всю слабость этой теоріи, незыблемой въ глазахъ *Дальмана*, котораго *Шафарикъ*, въ свою очередь, считалъ самымъ благоразумнымъ толкователемъ Геродота.

Показавъ, что Геродотъ вовсе не былъ такъ далекъ отъ истины, какъ воображалъ *Дальманъ* (l. c. 88), *Раулинсонъ* доказываетъ точность извѣстій Геродотовыхъ о рѣкахъ Скиѳіи, примѣняетъ къ нимъ результаты изслѣдованій *Палласа*, *Мурчисона* и другихъ естествоиспытателей, и находитъ, что русла этихъ рѣкъ со временъ Геродота претерпѣвали весьма значительныя перемѣны.

Такимъ образомъ онъ, на своей картѣ, правильно пріурочилъ рѣку Пантикапесъ къ Ингульцу и тѣмъ не менѣе, согласно съ словами Геродота, помѣстилъ ее къ *востоку* отъ Борисѳенеса. Предположенное измѣненіе нынѣшняго русла этой рѣки послужило ему, кромѣ того, для оправданія сбивчивыхъ,

повидимому, извѣстій Геродота о Герросѣ и Гипакирисѣ. Съ помощью подобныхъ «supposed ancient course» не трудно было наконецъ въ Донѣ признать не одинъ только Танаисъ, но и Ликосъ, и, для удобнѣйшаго помѣщенія Оароса, заставлять Волгу изливаться, хотя однимъ рукавомъ, въ Азовское море. Мѣстоположеніе земли Будиновъ, орошаемой этой рѣкою, *Раулинсонъ* не берется опредѣлить съ точностью, но думаетъ, что они жили около Тамбова (p. 79 и 174). Скиѳскій же четыреугольникъ, по его мнѣнію (p. 171), заключалъ въ себѣ нынѣшнія губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую, землю Донскаго войска, губерніи Воронежскую, Рязанскую, Орловскую, Тульскую, Черниговскую, Могилевскую, Минскую, часть Волынской, Кіевскую и Подольскую съ Бессарабіею, Молдавіею и Валахіею, такъ что въ составъ этого четыреугольника входили два большихъ бассейна Дона и Днѣпра и два меньшіе—Днѣстра и Буга, и сѣверная половина бассейна нижняго Дуная отъ Орсовы до моря.

Не смотря на то, что по такому взгляду Геродотова Скиѳія обнимала бы половину Европейской Россіи *Раулинсонъ* не считалъ себя въ правѣ усомниться въ подлинности Геродотовыхъ извѣстій о походѣ Дарія, и приводитъ весьма уважительныя доказательства въ пользу мнѣнія, что Персы дѣйствительно могли совершить свой переходъ до рѣки Оароса и оттуда обратно къ Дунаю въ указанное Геродотомъ время, т. е. не въ два, а въ три мѣсяца, или въ срокъ, который болѣе соотвѣтствовалъ бы показанію Геродота.

Доводы эти, безъ сомнѣнія, нисколько не потеряли бы своей силы, если бы *Раулинсону* угодно было согласиться со мною въ томъ, что онъ уже слишкомъ раздвинулъ сѣверную и восточную стороны скиѳскаго четыреугольника, и что Будины обитали не въ Тамбовской, а въ Екатеринославской губерніи или въ Міусскомъ округѣ.

Замѣтку эту я охотно представилъ бы на судъ г. *Дункера*, хотя онъ и не раздѣляетъ увѣренности *Раулинсона*, что походъ Дарія состоялся въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ его представляетъ Геродотъ.

Излагая, въ извѣстной своей Исторіи древняго міра (Gesch. d. Alterthums, II, изд. 3, p. 851—859), подробности объ этомъ походѣ, *по Геродоту*, г. *Дункеръ* заставляетъ его говорить, что

Сарматы, Гелоны и Будины обитали къ востоку за *Дономъ*, и что Персы, перейдя чрезъ рѣку (p. 857) остановились только при *Волгѣ*, гдѣ и были построены укрѣпленія, существовавшія отчасти въ его время. Затѣмъ г. *Дункеръ*, основываясь на томъ, что Персы въ какіе-нибудь 80 — 90 переходовъ (p. 863) не могли дойти до Волги и оттуда обратно къ Дунаю, заключаетъ, что Геродотъ слишкомъ поспѣшно (p. 865) повѣрилъ тому, чтó понтійскіе Скиѳы ему разсказывали объ этомъ походѣ, равно какъ и преданіямъ, которыя походъ породилъ у его соотечественниковъ въ Ордиссосѣ (?) и въ Ольвіи.

Но пока г. *Дункеръ* не убѣдитъ насъ въ томъ, что по *взгляду Геродота*, приведенные народы обитали дѣйствительно между Дономъ и Волгою и что подъ Оаросомъ Геродотъ непремѣнно разумѣлъ послѣднюю изъ этихъ рѣкъ, я считаю себя въ правѣ думать, что, быть можетъ, *Дункеръ* отчасти потому только не вѣритъ въ подлинность извѣстій Геродота, что слишкомъ довѣряетъ своей собственной непогрѣшимости при сличеніи географическихъ воззрѣній своихъ на Скиѳію съ дѣйствительностью.

Напрасно также г. *Дункеръ* (p. 868) изъ словъ Геродота выводитъ заключеніе, что походъ Персовъ былъ направленъ къ сѣверу и что крайнимъ предѣломъ его были озера въ окрестностяхъ Лемберга или, еще вѣрнѣе, болота близь источниковъ Буга, отстоящія, въ прямой линіи, отъ Рени при Дунаѣ на 65 нѣмецкихъ миль. По крайней мѣрѣ Геродотъ, сказавъ предварительно, что одному изъ отрядовъ Скиѳовъ и Сарматовъ (IV, 120) поручено было отступить въ прямомъ направленіи къ Танаису и Меотійскому озеру, говоритъ (IV, 122), что Персы дѣйствительно преслѣдовали ихъ въ *восточномъ направленіи* до Танаиса и даже за Танаисъ.

Такимъ образомъ походъ ихъ дѣйствительно былъ направленъ къ устьямъ Днѣстра, Тилигула, Буга и Днѣпра, т. е. въ ту сторону, гдѣ, какъ говоритъ г. *Дункеръ* (p. 861), «линейные» корабли Персовъ могли бы подкрѣплять дѣйствія сухопутнаго войска и снабжать его необходимыми припасами. Но такъ какъ г. *Дункеръ* (p. 872) не сомнѣвается, что Дарій, по возвращеніи своемъ къ Дунаю, засталъ тамъ еще болѣе 400 изъ этихъ кораблей, которыми могъ располагать по своему усмотрѣнію (neben der Brücke waren mindestens vierhundert Schiffe dispo-

nibel), то г. профессору пришлось бы только отказаться отъ ошибочнаго мнѣнія своего касательно вторженія Персовъ въ Галицію или Подолію, и убѣдиться въ томъ, что во время похода флотъ могъ приставать къ различнымъ береговымъ пунктамъ и въ томъ числѣ къ Ордиссосу, если только городъ этотъ совпадалъ съ пристанью Одиссосъ Арріана и Безъименнаго, лежавшею при запруженномъ нынѣ устьѣ Тилигульскаго лимана, и существовалъ уже во время Геродота. Въ такомъ случаѣ я готовъ отождествить этотъ городъ Ordessus (по Птолемею) или Ordesus (по Плинію) съ Скиѳскимъ городомъ Kardesus, о которомъ говоритъ одинъ только Гекатей.

Показавъ, что корифеи науки до сихъ поръ не могли рѣшить, въ какой степени повѣствованіе Геродота о походѣ Дарія заслуживаетъ довѣрія, я отнюдь не хотѣлъ сказать, что они напрасно трудились надъ этимъ спорнымъ и запутаннымъ вопросомъ. Напротивъ того, я понимаю, что удачнымъ рѣшеніемъ многихъ частныхъ вопросовъ, относящихся до географіи и исторіи Скиѳіи всѣ они болѣе или менѣе проложили будущимъ изслѣдователямъ путь къ окончательному разъясненію темныхъ мѣстъ въ IV книгѣ Геродота.

Если же моя попытка содѣйствовать достиженію этой цѣли окажется не совершенно лишнею, то я удачу свою приписалъ бы единственно тому обстоятельству, что, сличая постоянно различныя гипотезы моихъ предшественниковъ, усвоилъ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя болѣе другихъ представляли мнѣ возможность вѣрить Геродоту на слово, не заставляя лгать природу.

II.

Матеріалы для исторіи Сугдеи[1]).

Лучшимъ памятникомъ генуэзскаго зодчества въ Крыму, по справедливости, считаются остатки крѣпости, сохранившіеся по настоящее время подлѣ нѣмецкой колоніи Судакъ, на южномъ берегу. Сѣровато-известковая скала, надъ которой эти укрѣпленія воздвигались пирамидально тремя этажами, круто поднимаясь со стороны моря, доступна только съ противуположной стороны, при устьѣ широкой долины, гдѣ скала эта образуетъ родъ террассы. На этой террассѣ стоитъ нижняя и обширнѣйшая часть крѣпости, окруженная стѣною съ десятью, частью круглыми, а частью четыреугольными, башнями и съ воротами, охранявшимися передовыми укрѣпленіями. Выше этой террассы на скалѣ расположена средняя крѣпость или цитадель, а еще выше, на вершинѣ горы, стоитъ четыреугольная башня, связанная съ прочими частями крѣпости стѣною, спускающеюся по покатости скалы. Внутри крѣпости находятся развалины разныхъ зданій, на которыхъ сохранились многія надписи, гербы и разные орнаменты. Внѣ крѣпости, предъ ея воротами, видѣнъ еще и теперь древній фонтанъ, снабжавшій водою крѣпость и предмѣстье, занимавшее мѣсто нынѣшней нѣмецкой колоніи и ея окрестностей; древняя же гавань находилась къ западу отъ крѣпости въ глубокой и защищенной съ трехъ сторонъ бухтѣ, которую Татары до нынѣ называютъ Судагъ-лиманъ; въ этой мѣстности сохранились остатки зданія,

---

[1]) Изъ Новороссійскаго Календаря на 1872 годъ.

похожаго на церковь или на монастырь, съ замѣтными слѣдами живописи.

Всѣ эти памятники, столь-же драгоцѣнные для художниковъ, какъ и для археологовъ, были спасены отъ гибели въ 1869 году Высочайше утвержденнымъ рѣшеніемъ комитета гг. министровъ по инициативѣ президента Одесскаго общества исторіи и древностей графа А. Г. Строганова и при содѣйствіи г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора П. Е. Коцебу. По этому рѣшенію участокъ земли (16 десят.) съ развалинами крѣпости Солдайской переданъ въ вѣдѣніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей «съ обязательствомъ заботиться о сохраненіи этихъ развалинъ».

Въ Русскихъ лѣтописяхъ городъ здѣсь находившійся называется Сурожъ, безъ сомнѣнія отъ имени Суракъ или Судакъ, подъ которымъ онъ является у восточныхъ писателей, за исключеніемъ Эдриси, у котораго городъ этотъ названъ Шолдадія, отъ итальянской формы его имени: Солдадія или Солдая. О важности, которую этотъ городъ нѣкогда долженъ былъ имѣть въ торговомъ отношеніи, можно судить уже по тому обстоятельству, что у Арабовъ Черное море нерѣдко именуется моремъ Судакскимъ, тогда какъ по свидѣтельству Цецеса [2]), въ его время весь Крымъ, по греческому имени города, назывался *Сугдеею* или *Сугдаею*.

По припискамъ на древнемъ греческомъ синаксарѣ [3]) городъ этотъ былъ основанъ въ 212 году нашей эры. Основываясь на этомъ фактѣ, достовѣрность котораго мы не имѣемъ права отрицать, можно полагать, что городъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ Аланамъ, господствовавшимъ уже въ то время надъ большею частью Таврическаго полуострова. Въ подтвержденіе приведеннаго здѣсь мнѣнія можетъ служить то,

---

[2]) Ioannes Tzetzes, Chil. XIII, v. 92—93.

[3]) Синаксаръ этотъ въ рукописи найденъ въ Константинополѣ архимандритомъ Антониномъ; списанныя имъ изъ этой книги замѣтки XII — XV вѣка, относящіяся къ Сугдеѣ, напечатаны въ V томѣ Записокъ Одесскаго общества исторія и древностей, стр. 594—628; см. №№ 61, 62 и 63.

что имя Сугдея, не имѣя никакого значенія на греческомъ языкѣ, напоминаетъ намъ Согдіану, искони прославленную своимъ плодородіемъ и причисленную мусульманами къ четыремъ земнымъ раямъ[4]). Подъ Согдіаною древніе авторы разумѣли не всю страну между Оксомъ и Яксартомъ, или туркестанскую Месопотамію, но — долину, гдѣ находятся города Самаркандъ и Бухара, и которая нынѣ еще у восточныхъ писателей называется Согдъ[5]), а въ книгахъ Зороастра — Сугда[6]). Такъ какъ древніе обитатели этой страны были Иранцы, подобно Аланамъ или Ясамъ нашихъ лѣтописцевъ, предкамъ нынѣшнихъ Осовъ (Осетовъ, Осетинцевъ), которые сами себя называютъ Иронъ, отличаясь отъ другихъ горцевъ языкомъ, нравами, преданіями и даже внѣшнимъ видомъ своимъ, то можно допустить предположеніе, что Иранцы, переселившись изъ заоральскаго края въ Черноморье, новое свое жилище въ долинѣ Судакской назвали Сугдеею въ память той именно области Мавераннагра, которая одна только и равнялась ей по своему плодородію. Этими-же Аланами, вѣроятно, Ѳеодосія была переименована въ Ардабду, т. е. городъ *семи боговъ*. Опираясь на свидѣтельство безъименнаго автора перипла Понта Евксинскаго[7]), Палласъ[8]) объясняетъ это названіе слѣдующимъ образомъ: на языкѣ кавказскихъ Кистовъ «варъ» значитъ семь, а «дада»—отецъ или богъ. Но такъ какъ между Кистами и Аланами нѣтъ ничего общаго, то знаменитый естествоиспытатель поступилъ-бы, быть можетъ, правильнѣе, если бы связалъ имя города «семи боговъ» съ именемъ Ардибегешта, втораго изъ шести Амшаспандовъ, которые, подъ предсѣдательствомъ Оромазда, управляли міромъ, по религіознымъ понятіямъ древнихъ народовъ Ирана[9]). Даже всѣхъ семь этихъ правителей

---

[4]) Mordtmann, Das Buch der Länder p. 125.

[5]) Lebeau, Hist. du Bas-empire, P. 1832; X p. 49, note 1.

[6]) Justi, Handbuch der Zendsprache, Leipzig, 1864, p. 295.

[7]) Müller, Geographi Graeci minores, I, 415.

[8]) Bemerkungen auf einer Reise durch die südlichen Statthalterschaften d. R. R. I, 375.

[9]) Duncker, Gesch. der Arier, 1867 p. 529.

Палласъ нашелъ-бы подразумѣваемыми въ аланскомъ имени Ѳеодосіи, если-бы только могъ согласиться съ мнѣніемъ Мюлленгоффа[10]), который не сомнѣвается въ томъ: 1) что ἄβδα есть ничто иное, какъ зендское hapta, греческое ἑπτα, санскритское saptan, латинское septem, нѣмецкое sibun; 2) что ἀρδ тождественно съ зендскимъ eredhwa, т. е. возвышенный, въ древне-персидскомъ arda, въ латинскомъ arduus, въ кельтскомъ arduas, и 3) что переписчикомъ были смѣшаны буквы ρ и β, похожіе другъ на друга, и что онъ по сему самому легко могъ писать Ἀρδάβδα вмѣсто Ἀβδάρδα, или Ἁβδάρδα, «die durch sieben (Götter) erhobene Stadt».

Подобно Арріану, безъименный авторъ перипла Понта[11]), считаетъ не болѣе 200 стадій (около 35 верстъ) отъ этой древней колоніи милезійской до гавани Скиѳотавровъ или Аѳенеона, которую Дюбуа[12]) отыскивалъ въ Судакѣ. Но такъ какъ послѣдній отстоитъ отъ Ѳеодосіи болѣе чѣмъ въ 300 стадіяхъ, то я предпочелъ бы мнѣніе Неймана[13]), который ищетъ портъ Скиѳотавровъ въ Отузѣ, гдѣ еще и теперь встрѣчаются развалины. Притомъ разстояніе между Отузомъ и Ламбатомъ почти равняется 600 стадіямъ, которыя, по Безъименному, отдѣляли портъ Скиѳотавровъ отъ Лампаса, въ которомъ нельзя не узнать нынѣшній Ламбатъ, отстоящій отъ Судака только въ 400 стадіяхъ. Должно думать поэтому, что въ измѣреніяхъ своихъ Безъименный вовсе не касается Судака. Однако изъ молчанія его еще нельзя заключать, что городъ этотъ въ его время вовсе не существовалъ. Скорѣй можно держаться противнаго мнѣнія, на томъ основаніи, что у географа Равеннскаго, почерпавшаго столь много данныхъ изъ сочиненій, явившихся гораздо прежде его времени, городъ Sugdabon упомянутъ въ сосѣдствѣ Тавроскиѳовъ, между крымскими Готами и Фанагоріею, въ слѣдующемъ отрывкѣ: Item ad

---

[10]) Monatsberichte d. Berl. Academie, August, 1866 p. 564.

[11]) Müller, l. l. и 395.

[12]) Voyage autour du Caucase, V, 337; VI, 5, 6.

[13]) Die Hellenen im Skythenlande, Berlin, 1855 p. 464.

frontem Roxolanorum regionis sunt patriæ, id est Sithotrogorum, item patria Campi Campanidon, nec non Gethogithorum, *Sugdabon* (т. е. Sugdaion), Fanaguron, paludis Mæotidon[14]). Послѣ этого не трудно угадать, гдѣ находилась *Согдiана*, изъ которой св. апостолъ Андрей отправился въ Эѳiопiю, или Колхиду, по свидѣтельству Софронiя († 390) и другихъ историковъ IV столѣтiя, которые могли означать Крымъ именемъ города Сугдеи, тогда уже существовавшаго. Зато было-бы слишкомъ смѣло признавать Сугдаитовъ, которые, въ 569 году, тщетно старались проложить себѣ дорогу чрезъ Персiю для торговли шелкомъ[15]), за нашихъ крымскихъ, хотя эта отрасль промышленности у нихъ процвѣтала до такой степени, что купцы, торговавшiе шелкомъ въ Москвѣ, въ нашихъ лѣтописяхъ называются *Сурожанами*, и что еще нынѣ существующiй въ Москвѣ рядъ лавокъ съ шелковыми издѣлiями называется *Суровскiй рядъ*[16]).

Если даже допустить, что впрочемъ не вѣроятно, что крымскiе Сугдаиты или Сугдеиты занимались этимъ промысломъ еще въ VI столѣтiи, то можно быть увѣреннымъ, что приведенный выше фактъ касается не ихъ, но азiатскихъ, такъ какъ мы узнаемъ отъ Менандра, что тѣ Сугдаиты, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, обитали при Оксѣ и находились подъ властью Персовъ, пока не были покорены Гефталитами или Бѣлыми Гуннами, въ свою очередь подпавшими подъ власть восточныхъ Турокъ, т. е. Хазаровъ. Между тѣмъ намъ положительно извѣстно, что Крымъ не былъ никогда подчиненъ Персамъ, хотя они, во время Менандра, дѣйствительно простерли свое оружiе до Кубани. Подобнымъ образомъ Гефталиты не доходили до Крыма, потому что этотъ народъ, отличавшiйся отъ прочихъ Гунновъ бѣлымъ цвѣтомъ тѣла, нравами и образомъ жизни, обиталъ къ С. отъ Персiи, въ окрестностяхъ города Горго,

[14]) Ravennatis anonymi cosmogr. ed. Pinder, 1860 p. 175, 6. !
[15]) Menander, Excerpta de legationibus; ed. Bonn. p. 295.
[16]) Кёппенъ, Крымскiй Сборникъ, 120.

явно тождественнаго съ городомъ Горганъ или Джорджанъ арабскихъ писателей, близъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, т. е. въ древней Гирканіи. Касательно народности этихъ бѣлыхъ Гунновъ ученые, впрочемъ, до нынѣ расходятся въ мнѣніяхъ [17]).

Что-же касается Турокъ, покорившихъ Гефталитовъ, то они въ то самое время могли быть въ сношеніяхъ съ крымскими Сугдеитами, такъ какъ эти Турки или Кермихіоны, т. е. Харезмійцы [18]), какъ ихъ называли Персы, или скорѣй Греки, тогда уже простерли свое оружіе до Танаиса и вскорѣ за этимъ, овладѣвши Воспоромъ, осадили Херсонъ (581). Что наша *Сугдея* не переставала существовать, можно заключить изъ того, что 100 лѣтъ спустя она была резиденціею архіепископа. Нельзя сказать, когда именно учреждена была эта каѳедра, но намъ извѣстно, что патріархомъ Германомъ (715 — 730) былъ поставленъ *новый* архіепископъ. Однимъ изъ преемниковъ послѣдняго былъ св. Стефанъ Сурожскій, признаваемый за одно и тоже лицо съ Стефаномъ, епископомъ Сугдейскимъ, участвовавшимъ во второмъ Никейскомъ соборѣ [19]). Слѣдовало-бы только допустить, что епископъ этотъ имѣлъ тогда около 86 лѣтъ, или что небольшіе анахронизмы вкрались въ славянское жизнеописаніе Стефана Сурожскаго, равно какъ и въ краткое житіе Стефана Сугдейскаго, списанное безграмотною рукою на приведенномъ выше синаксарѣ. Это рукописное сказаніе не заключаетъ въ себѣ, впрочемъ, никакихъ новыхъ данныхъ, за исключеніемъ развѣ того, что св. Стефанъ былъ родомъ изъ села Моривасу въ Каппадокіи, и что, по смерти своихъ родителей, все что имѣлъ роздалъ бѣднымъ, и отправился въ Аѳины, желая поклониться храму Богоматери. По славянскому-же жизнеописанію Стефана, онъ пятнадцати-лѣтнимъ юношею прибылъ съ родины въ Царьградъ,

---

[17]) Vivien de Saint-Martin, Sur les Huns blancs ect. въ Nouv. Ann. des Voyages, 1849, III.

[18]) Neumann, D. Völker d. südl. Russl. 2 изд. 112.

[19]) Кёппенъ l. c. 129.

пробылъ тамъ 15 лѣтъ, долго жилъ въ уединеніи и, наконецъ будучи рукоположенъ патріархомъ въ архіерея, успѣлъ остановить распространившееся въ Сурожѣ еретичество и «за пять лѣтъ крестилъ весь городъ Сурожскій». Будучи посаженъ иконоборцами въ константинопольскую темницу, онъ по смерти Льва Исавряпина получилъ свободу, по просьбѣ царицы, супруги Константина Копронима, которая была дочь «корчемскаго» царя, слышавшая еще въ своемъ отечествѣ о св. Стефанѣ, который, возвратившись туда, поставилъ на свое мѣсто архіепископомъ клирика своего Филарета. Изъ приписокъ къ синаксару мы узнаемъ, что св. Стефанъ Сугдейскій былъ погребенъ въ алтарѣ *св. Софіи*, и что церковь сія была обновлена въ 793 году (№№ 1 и 135 [20]).

Насъ нисколько не удивитъ, что Судакъ подобно Керчи въ то время принадлежалъ Хазарамъ, если припомнимъ, что весь почти полуостровъ былъ имъ подвластенъ еще въ то время, когда тамъ искалъ убѣжища византійскій императоръ Юстиніанъ II (704). Не задолго послѣ смерти Стефана, *Сурожъ* былъ взятъ и разграбленъ Руссами, подъ предводительствомъ какого-то князя Бравлина (Бравалинъ, Бравленинъ), который однако, познавъ въ болѣзни, постигшей его, наказаніе отъ угодника Божія, принужденъ былъ не только возвратить все похищенное и всѣхъ плѣнниковъ, но и самъ креститься съ боярами своими. Но между тѣмъ какъ это сказаніе сохранилось въ нѣкоторыхъ русскихъ хронографахъ [21]), въ греческой рукописи X вѣка и въ латинскомъ ея переводѣ Болландистовъ [22]), та же самая легенда отнесена къ малоазійскому городу Амастрису и къ тамошнему епископу св. Георгію.

---

[20]) Къ сожалѣнію, я, при перепечатаніи этой статьи, не могъ пользоваться трудомъ, который г. Васильевскій намѣревался помѣстить въ Ж. М. Н. Просв. (См. Февраль, 1877 г.), и который кажется до сихъ поръ не былъ напечатанъ.

[21]) См. Горскій, О походѣ Руси на Сурожъ, въ Зап. Од. Общ. I, 191—196.

[22]) См. Гедеоновъ, Отрывки изъ изслѣд. о Варяжскомъ вопросѣ, прилож. въ I т. Зап. Имп. Ак. Н. въ С. П. р. 59.

По мнѣнію г. Гедеонова, оба эти извѣстія взяты изъ древнѣйшаго греческаго источника, восходящаго за 866 годъ и относящаго походъ и чудо, подобно славянской легендѣ, къ Сурожу и св. Стефану. Напротивъ того г. Куникъ[23]) убѣжденъ въ томъ, что въ ней смѣшаны два событія, оба ошибочно отнесенныя къ Сурожу, а именно: крещеніе русскаго князя въ Амастрисѣ въ 865 году и крещеніе св. Владиміра, или «бранливаго» князя, превращеннаго, какъ еще думалъ Востоковъ, переписчиками легенды св. Стефана, въ небывалаго князя Бравалина. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. академика уже по той причинѣ, что вслѣдъ за описаніемъ чуда, послѣдовавшаго на гробѣ св. Стефана, въ жизнеописаніи его сказано, что съ его помощью исцѣлилась и царица Анна, сильно заболѣвшая въ «черной водѣ», на пути своемъ изъ Корсуня въ Керчь, тогда какъ эта царица не могла быть никто иная, какъ супруга Равно-апостольнаго князя.

Новобрачная чета легко могла этимъ путемъ добраться изъ Херсона до Кіева, такъ какъ Азовское море съ давнихъ поръ было доступно Руссамъ, какъ свидѣтельсвуютъ, между прочимъ: завоеваніе Тмуторокани Святославомъ; переданное Львомъ Діакономъ извѣстіе, что Игорь, послѣ неудачнаго своего похода въ Грецію, возвратился восвояси чрезъ Киммерійскій Воспоръ[24]), и самый договоръ Игоря съ Греками, въ которомъ упоминается о правахъ его на Херсонскіе города. Что вскорѣ спустя крымскіе Готы, возмутившіеся противъ Хазаровъ по наущенію своего епископа Іоанна, добровольно подчинились Руси, становится вѣроятнымъ изъ обнародованнаго Газомъ въ боннскомъ изданіи Льва Діакона (496 съ слѣд. стр.) отрывка, писаннаго въ X столѣтіи и содержащаго записки греческаго градоначальника въ Тавридѣ о нападеніи *непоименованнаго* имъ варварскаго народа на т. н. κλήματα,

---

[23]) Kunik, въ Bull. hist. phil. de l'Ac. de S.-P. VI, col. 370 и Mélanges russes 1, p. 147.

[24]) Leo.Diac. ed. Bonn. 106.

или южный берегъ Крыма. Нельзя сказать, находилась-ли Сугдея въ числѣ десяти городовъ, разграбленныхъ Руссами въ этомъ походѣ, а затѣмъ ими-же возвращенныхъ Грекамъ; но во всякомъ случаѣ городъ остался за послѣдними послѣ того, какъ ихъ полководецъ Монгъ, съ помощью русскаго князя Сфенга, положилъ конецъ владычеству Хазаровъ на полуостровѣ, въ 1015 году.

Въ слѣдующемъ столѣтіи Сугдейская епархія была соединена съ Фулльской; но до сихъ поръ неизвѣстно, гдѣ находился городъ Φοῦλλα или Φοῦλλοι. Для желающихъ заняться рѣшеніемъ сего вопроса, замѣчу только, что этотъ городъ упоминается въ Acta Sanctorum, по случаю чуда, совершеннаго епископомъ готоійскимъ, св. Іоанномъ [25]), и также въ житіи св. Кирилла, срубившаго большой дубъ въ окрестностяхъ Фуллы, «во Фульстѣ языцѣ». По справедливому замѣчанію Горскаго [26]), въ біографіи апостола Славянъ, составленной вскорѣ послѣ его смерти, говорится также о Сугдеѣ: явѣ же суть Армяне, Перси, Авазъги, Иверіи, *Гугди* (вмѣсто Сугды) Готъои, Обри, Турсіи, Казари и проч.

Въ словѣ о полку Игоревѣ *Сурожэ*, подобно по-Сулью, Корсуню и Тьмуторокапскому блъвану, отнесенъ уже къ землямъ незнаемымъ, подъ которыми здѣсь должны мы разумѣть съ Бѣляевымъ [27]) не земли, вовсе незнакомыя Русскимъ, но утраченныя, потому что всѣ онѣ въ это время уже были подчинены Половцамъ или Команамъ, подъ какимъ именемъ ихъ знаетъ Эдриси, заимствовавшій имя это также у итальянскихъ моряковъ. Подобнымъ образомъ славный тогда еще городъ Херсонъ, коего имя въ ихъ картахъ пишется cersono, cressona, crexona, giriçonda, gerezonda, у него называется Керсона. Между этимъ городомъ и Шолдадіею у него слѣдуютъ имена разныхъ береговыхъ пунктовъ, съ сохраненіемъ итальянской

---

[25]) См. Херсон. Епархіальн. вѣдомости, 1862, № 12 стр. 167.
[26]) Москвитянинъ, 1843, № 6, стр. 405—435.
[27]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. III, 35.

ихъ формы (какъ увидимъ ниже) и съ означеніемъ взаимнаго ихъ разстоянія [28]) какъ-то: Джалита (Ялта), Гарзуни (Гурзуфъ), Бертабита (Партенитъ), Лебада (Ламбатъ), Шалуста (Алушта) и въ 20 миляхъ за *Судакомъ*, Бутеръ или Бутра [29]), отдѣленный такимъ же разстояніемъ отъ устья Русской рѣки, при которой лежалъ соименный ей городъ, въ 27 миляхъ отъ города Матрахи или Матрихи, который въ свою очередь находился въ 20 миляхъ отъ устья Русской рѣки, при большой рѣкѣ Сакирѣ, притокѣ Итиля. Мы не можемъ утверждать, что Эдриси подъ рѣкою Сакиръ, напоминающей рѣку Хадеръ Константина Багрянороднаго [30]), разумѣлъ одинъ изъ рукавовъ Кубани; но зато не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ подъ устьемъ Русской рѣки имѣлъ въ виду Керченскій проливъ, а посему я и теперь не могу отказаться отъ оспариваемаго г. Гейдомъ [31]) мнѣнія, что Эдриси подъ русскимъ городомъ разумѣлъ нынѣшнюю Керчь, а подъ Матрахою городъ Тмуторокань нашихъ лѣтописцевъ, на островѣ Тамани, тождественный съ городомъ Таматарха Константина Багрянороднаго, названномъ τὰ Μέτραχα въ древнемъ спискѣ греческихъ епископствъ [32]) и превращенномъ въ matrega на итальянскихъ картахъ XIV столѣтія. По Эдриси городъ этотъ былъ весьма богатъ и многолюденъ, въ него стекались купцы изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Жители его, постоянно воюя съ жителями Русскаго города, были подъ властью князей, которыхъ французскій переводчикъ арабскаго географа [33]), по недоразумѣнію, превращаетъ въ Абхазовъ, тогда какъ Эдриси [34]) только гово-

---

28) Edrisi, Géogr. tr. p. Jaubert, II, 395.

29) Неразгаданное имя Бутеръ или Бутра напоминаетъ мнѣ, хотя подобозвучіемъ, Страбоново (XI. 2 § 8) мѣстечко *Πατραεύς*, при Воспорѣ Киммерійскомъ и замѣтку Аммiана (XXII, 8, 30) о Меотидѣ: per *Pataeus* angustias undarum magnitudo prorumpit in Pontum.

30) De adm. imperio, ed. Bonn. 181.

31) Gesch. des Levantehandels I, 228 ср. Черноморье, I, 121 съ сл.

32) Hier. Syn et Not. gr. episc. ed. Parthey, p. 100.

33) Edrisi, l. c. ср. p. 400.

34) Edrisi, Descr. de l'Afrique etc. trad. p. Dozy et Goeje, Préface, XIX.

ритъ, что они были весьма храбры и страшны для своихъ сосѣдей. Безъ сомнѣнія тутъ говорится о князьяхъ русскихъ, которые въ XI столѣтіи владѣли не только Русскимъ городомъ, но и Матригою, какъ видно изъ извѣстной надписи на мраморной плитѣ, найденной въ 1792 году въ Тамани, и которые вѣроятно еще удержались въ Тмуторокани, и послѣ того, какъ Половцы уже отняли у нихъ Корчевъ.

Еще въ началѣ XII столѣтія Половцамъ принадлежали, по сказанію лѣтописцевъ, разные города, населенные Ясами и лежавшіе, какъ обыкновенно думаютъ, на Дону [35]. Но, быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ городовъ находились въ Крыму, напр. *Сугровъ*, который былъ обращенъ въ пепелъ Русскими въ походѣ 1111 года, два дня послѣ того, какъ они были радушно приняты жителями Осенева, до котораго достигли только по прошествіи мѣсяца со дня выступленія въ походъ и послѣ перехода чрезъ многія рѣки. Города эти принадлежали хану Шарукану, владѣнія котораго явно находились въ Крыму: иначе готскимъ красавицамъ не приходилось бы, на берегу синяго моря, воспѣвать месть Шароканю [36].

Если-бы походъ 1111 года дѣйствительно простирался до окрестностей Сурожа (Сурога, Сугрова), то и объяснилось бы, почему слава объ этомъ походѣ разнеслась отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима [37]; объяснилось бы также, почему во времена Герберштейна и Стрийковскаго могло быть въ ходу преданіе, что знаменитыя бармы, хранившіяся въ оружейной палатѣ въ Москвѣ, перевезены были туда изъ Каффы Владиміромъ Мономахомъ [38], который дѣйствительно участвовалъ въ походѣ 1111 года; или наконецъ — почему въ народной памяти такъ долго не забывалось, какъ пилъ онъ Донъ

---

35) Карамзинъ, изд. Эйнерл. II, 84 и 90; Арцыбышевъ, Повѣств. о Россіи, II, 65.

36) Русск. Истор. Сборникъ, III, 118.

37) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 21, 3.

38) Starczewski, Hist. ruth. scriptores exteri etc. 1841; I, p. 16 cp. Siestrzencewicz, Hist. du royaume de la Chers. Taur. 192.

золотымъ шеломомъ, какъ окаянныхъ Агарянъ загналъ за Желѣзныя врата[39]). Если-же Половцы дѣйствительно принуждены были бѣжать такъ далеко «за Обязы», то подъ Дономъ, достигнутымъ Русскими только послѣ мѣсячнаго перехода, я видѣлъ-бы не Донъ или Донецъ, но Керченскій проливъ. Что наши лѣтописцы, подобно столь многимъ другимъ авторамъ, древнимъ и средневѣковымъ, восточнымъ и западнымъ, считали этотъ проливъ за одно изъ устьевъ Дона явствуетъ изъ того, что по Воскресенскому списку[40]) князь Михаилъ Тверской, отправившись въ орду, засталъ хана Узбека близь устья Дона и что рѣка эта изливалась въ море «суражское». Такъ какъ Сурожъ лежалъ не при Азовскомъ морѣ, но при Черномъ, то вопреки мнѣнію Карамзина[41]) и Кёппена[42]), я не сомнѣваюсь, что князь представился верховному своему владѣтелю не при устьѣ Дона, впадающаго въ Азовское море, но въ недальнемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ море это изливается въ Керченскій проливъ, почему и полагаю что Узбекъ находился тогда въ Солкатѣ или Эски-крымѣ. Что дѣйствительно злосчастный князь явился предъ ханомъ не въ окрестностяхъ Азова, но въ Крыму, можно также заключить изъ совѣта, даннаго ему служителями, умолявшими его спастись въ горы[43]). Отъ Азова до горъ, гдѣ князь могъ-бы себя считать въ безопасности, было далеко, между тѣмъ какъ изъ Солката онъ могъ очень скоро пробраться въ горную часть Крыма, гдѣ тогда обитали православные Готы и находились замки и города, принадлежавшіе греческимъ династамъ. Если же на плѣннаго Михаила сошлись смотрѣть «множество изъ всѣхъ языкъ», то это обстоятельство заставляетъ думать, что эти посѣтители пришли не изъ окрестностей Азова, но изъ разныхъ мѣстъ Тавриды, тѣмъ болѣе, что между ними находились «Цареградцы

---

39) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 155.

40) Воскресенская лѣтопись, II, р. 288.

41) Ист. Госуд. Росс. V, прим. 32 и 133.

42) Крымскій Сборникъ, 121.

43) Арцыбышевъ, I. с. кн. 3. р. 76.

и Нѣмцы»[44]), подъ которыми лѣтописецъ могъ разумѣть, если не Готовъ, то, покрайней мѣрѣ, Венеціанцевъ, которыхъ тогда не мало было въ Крыму.

Правда, по завоеваніи Константинополя крестоносцами, Сугдея, подобно Херсону и Южному берегу, по всей вѣроятности, признала верховную власть Алексія Комнина, основателя Трапезунтской имперіи; но тотчасъ по восшествіи на престолъ зятя и преемника его (1222), Андроника I Гида, была взята полководцами Чингисхана, Джебе-нойномъ (миріархъ) и Субудаемъ-багадуромъ (храбрецъ)[45]). По крайней мѣрѣ мы узнаемъ изъ одной припискѣ на нашемъ синаксарѣ[46]), что Татары впервые овладѣли Сугдеею 27 января 1223 г. А такъ какъ они тамъ не оставались, но обратились противъ Русскихъ и бѣжавшихъ къ нимъ Половцевъ, то уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что сраженіе при Калкѣ произошло не въ 1224 году, какъ читается во всѣхъ нашихъ историческихъ учебникахъ, но *весною 1223 года*, что, впрочемъ, г. Куникъ успѣлъ уже доказать въ прекрасной статьѣ, помѣщенной во второмъ томѣ Ученыхъ Записокъ Имп. Академіи Наукъ по I и III отд. стр. 733 seqq.

Въ то время, когда сказанное несчастіе постигло Сугдею, городъ этотъ былъ, по Ибнъ-эль-Атиру (ibid. 660), главнымъ въ Кипчакѣ и весьма важнымъ въ торговомъ отношеніи, «потому что», говоритъ онъ, «приходятъ къ нему суда съ одеждами, и ихъ покупаютъ и вымѣниваютъ на невольницъ и невольниковъ, чернобурыхъ лисицъ (?), бобровъ, бѣлокъ и другіе товары, находящіеся въ той землѣ». Затѣмъ Ибнъ-эль-Атиръ, подобно Рашидъ-Эддину[47]), свидѣтельствуетъ, что по случаю нашествія Монголовъ жители Судака разсѣялись: часть ихъ ушла въ горы съ своими семействами и имѣніемъ, а часть сѣла

---

[44]) Никоновская лѣтопись, III, 118.

[45]) Березинъ, Нашествіе Монголовъ и пр. въ Журн. Мин. Н. Просв. 1853, IX p. 227.

[46]) Зап. Од. Общ. V, p. 600 № 33.

[47]) Березинъ, l. c.

на суда и ушла въ Малую Азію. Кажется однако, что по удаленіи Монголовъ эмигранты, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, возвратились къ своимъ пенатамъ: иначе мы не встрѣчали бы въ синаксарѣ приписку, что Татары вторично напали на Сугдею въ 1239 году[48]). Десять лѣтъ спустя Сугдеиты праздновали свое освобожденіе отъ иновѣрнаго ига и вмѣстѣ съ ними, кажется, Гото-греки южнаго берега и обитатели Ираклійскаго полуострова; ибо, когда, по удаленіи Татаръ, севастъ или губернаторъ «счелъ народъ», то оказалось на лицо 308.000 душъ, стало быть гораздо болѣе, чѣмъ тогда могло ихъ быть въ одномъ только городѣ. Въ это время, или вскорѣ спустя, онъ уже состоялъ подъ властью не Великихъ Комниновъ, но Палеологовъ, если судить по двумъ припискамъ, внесеннымъ въ греческій нашъ синаксаръ, найденный въ Константинополѣ[49]). Тогда какъ въ первой изъ этихъ замѣтокъ читаемъ: Въ тотъ же день (24 іюня 1254) взялъ Синопъ Комнинъ «господинъ» Мануилъ; другая, написанная, повидимому, той-же рукой, гласитъ: Въ тотъ-же день (24 іюля 1261) взялъ городъ «святой царь» Палеологъ Михаилъ. Правда, еще въ 1374 году въ титулѣ трапезунтскаго императора Алексія III упоминается «Заморье» (περατεία), т. е. крымскія владѣнія[50]); нужно полагать однако, что они тогда, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежали цареградскому его товарищу Іоанну II; иначе непонятно, какимъ образомъ сынъ сего послѣдняго, Мануилъ (1391—1425), могъ дать сыну своему Константину въ удѣлъ черноморскія владѣнія, смежныя съ Хазаріею[51]).

Какъ бы то ни было, греческія владѣнія въ Крыму, послѣ похода Батыя, находились въ большей или меньшей зависимости отъ Татаръ и платили имъ дань, подобно той, которую,

---

[48]) Зап. Од. Общ. V, p. 611 № 104.

[49]) Ibid. p. 617 № 148 и 171.

[50]) Fallmerayer, Original-Fragmente... zur Gesch. d. Kaiserth. Trapezunt, въ Denkschr. d. bayer. Ac. der Wissensch. III, 3, (1 Abth. p. 87).

[51]) Ducas, Hist. Byz. ed. Bonn. 134.

по свидѣтельству Рубруквиса [52]), Половцы прежде брали съ Херсона, Солдаи и находившихся между ними сорока замковъ: «et sunt quadraginta castella inter Kersonam et Soldaiam, quorum quodlibet fere habebat proprium idioma: inter quos erant multi Goti quorum idioma est teutonicum».

Я уже старался доказать [53]) что подъ этими «quadraginta castella» Рубруквиса скрывается тогдашнее названіе города Киркъ-ера, значущее «Сорокъ мѣстъ», какъ явствуетъ изъ обнародованнаго Березинымъ [54]) ярлыка хана Токлукъ Тимура, 1497 года. И нынѣ еще бакчисарайскіе Караимы такъ называютъ опустѣвшій городъ Чуфутъ-кале, занимающій явно мѣсто сего Киркъ-ера, который затѣмъ былъ одной изъ резиденцій хановъ крымскихъ, хотя отъ прежняго его величія мало сохранилось слѣдовъ. Поэтому мнѣ казалось, что Барбаро [55]) не ошибся, когда, упоминая о городѣ «Cherchiarde», прибавляетъ, что это названіе значило «Quaranta luoghi», а не «сорокъ мужей», какъ полагалъ Абульфеда [56]) въ слѣдствіе ошибочнаго чтенія тюркскаго названія города: Киркеръ вмѣсто Киркъ-еръ.

Между тѣмъ г. Гейдъ [57]) придерживается обыкновеннаго мнѣнія, что Рубруквисъ вовсе не имѣлъ въ виду этотъ городъ, но замки, развалины которыхъ отчасти по нынѣ сохранились между Херсономъ и Судакомъ. Только въ выноскѣ г. библіотекарь приводитъ причины, которыя его заставляютъ смѣлую мою гипотезу считать неосновательною, замѣчая, что въ дипломѣ хана Тимуръ-Кутлука говорится не о городѣ Киркъ-ерѣ, но объ области Киркъ-ерской, и затѣмъ спрашиваетъ: wie könnte man Dschufut-kale zwischen Soldaja und Cherson setzen?

---

[52]) Itinerarium W. de Rubruk., въ Recueil de Voyages et de Mém. P. 1835, IV, p. 217.

[53]) Notices.... sur la Gazarie, въ Mem. de l'Acad. etc. стр. 22.

[54]) Ханскіе ярлыки, II, Казань 1851, стр. 11 и 35.

[55]) Семеновъ, Библіотека Иностр. писат. I, 1.

[56]) Géogr. d'Aboulfeda, trad. p. Reinaud, II, 319.

[57]) Gesch. des Levantehandels, II, 210.

wie passen zu Dschufut-kale die gleich darauf genannten Gothen?

Но, не говоря о томъ, что сѣверная граница Готіи доходила до окрестностей Чуфутъ-кале, я не вижу, почему и Рубруквисъ не могъ его помѣстить между Солдаею и Херсономъ, тогда какъ въ приведенномъ ярлыкѣ сказано, что «Крымско-Кыркъ-ерская область» находилась въ сосѣдствѣ селенія именуемаго Судагкъ, и хотя городъ, по которому область явно была названа Кыркъ-ерскою, находился въ недальномъ разстояніи отъ Херсона, на пути между этимъ городомъ и Судакомъ.

Поэтому я развѣ только могу допустить, что Рубруквисъ, по какому нибудь недоумѣнію, въ имени Кыркъ-еръ видѣлъ только намекъ на большое число замковъ южнаго берега[58]). Замѣчу еще кстати, что эти замки не имѣли ничего общаго съ 40 городами, о которыхъ говоритъ Абульфеда въ другомъ мѣстѣ (282), такъ какъ онъ къ нимъ кромѣ Судака причисляетъ еще Солгатъ и Каффу.

Съ предположеніемъ, что слова Рубруквиса относились къ тремъ городамъ, становится понятнымъ, какимъ же образомъ каждый изъ этихъ городовъ могъ отличаться отъ двухъ другихъ народностью своихъ обитателей.

Если-же не подлежитъ сомнѣнію, что Херсонъ былъ преимущественно населенъ Греками, то мы узнаемъ отъ Абульфеды, что въ Киркерѣ обиталъ народъ ol As, или Аланы, которые у Плано Карпини и Рубруквиса также являются подъ именемъ As, или Aas, и явно тождественны съ Ясами нашихъ лѣтописцевъ, жилища коихъ, какъ мы видѣли, въ XII столѣтіи находились далѣе на западѣ, чѣмъ теперь. Что христіанскіе Аланы обитали въ окрестностяхъ Херсона не задолго до посѣщенія Крыма Рубруквисомъ видно изъ письма къ нимъ епископа Ѳеодора[59]), на которое г. академикъ Куникъ обязательно обратилъ мое вниманіе; потомки ихъ, вѣроятно, были

---

[58]) Кёппенъ, Крымскій Сборникъ, прим. 451.

[59]) Nova patrum biblioth. VI, Romae, 1843.

членами православнаго прихода въ Хрихари, т. е. въ Киркъ-ерѣ. Впрочемъ, самъ Рубруквисъ, проѣзжая чрезъ этотъ край, встрѣтилъ тамъ Алановъ, называвшихся Acias или Akas, т. е. бѣлыми или свободными [60]). Въ свою очередь послапники, отправленные десять лѣтъ спустя (1263) египетскимъ султаномъ Бибарсомъ къ Берке-хану и приставшіе къ *судакскому* порту, свидѣтельствуютъ, что они, достигнувъ вершины горы, были встрѣчены намѣстникомъ этой области Табукомъ или Таюкомъ, и что этотъ чиновникъ провожалъ ихъ до города Крыма (Солкатъ), населеннаго Кипчаками, Русскими и Аланами [61]). Къ послѣднимъ принадлежали и тѣ Аланы, съ помощью которыхъ вскорѣ спустя извѣстный Ногай, по Пахимеру (Hist. V, стр, 236), образовалъ независимое отъ хановъ царство на сѣверномъ берегу Чернаго моря, и изъ которыхъ многіе по его убіеніи (1299) переселились въ Грецію. Но что они отчасти удержались въ Крыму даже послѣ временъ Абульфеды, явствуетъ изъ письма Марино Сапудо къ французскому королю Филиппу VI отъ 13 октября 1334 г., гдѣ къ народамъ, зависившимъ отъ Татаръ, причислены Готы съ небольшимъ числомъ Алановъ (Gothi et aliqui Alani) въ Газаріи, т. е. въ Газаріи, Хазаріи, Крыму [62]); что еще въ 1384 году въ числѣ спорныхъ между митрополитами херсонскимъ и готоійскимъ приходовъ упоминается Аланійскій [63]), и что наконецъ Барбаро [64]) не безъ основанія могъ сказать, что Аланія простиралась отъ крымскихъ горъ или Готіи до Мопкастро, т. е. до Аккермана.

Что-же касается народности третьяго изъ упомянутыхъ Рубруквисомъ городовъ, т. е. Судака, въ которомъ онъ про-

---

[60]) Recueil de voyages etc. IV, 243 cp. Vivien de Saint-Martin, Les Alains въ Nouv. ann. de voyages.

[61]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. VI, ср. Quatremère, Hist. des sultans mamlouks de l'Egypte, P. 1837, I, 213—218.

[62]) Kunstmann, Studien über Marino Sanudo, München 1855, p. 105.

[63]) Acta Patr. Const. II, № 367.

[64]) Семеновъ, l. c.

былъ довольно долго, то мною уже было замѣчено [65]), что между его обитателями должны были преобладать Армяне. Большая часть ученыхъ, занимавшихся рѣшеніемъ вопроса, съ какого времени Армяне обитаютъ въ Крыму, не сомнѣвались въ справедливости мнѣнія Сестренцевича [66]), который, на основаніи данныхъ найденныхъ имъ въ посмертныхъ запискахъ архіепископа князя Долгорукова-Аргутинскаго, полагалъ, что Татары, покоривъ Арменію въ 1262 г., перевели часть жителей ея въ нынѣшнія Казанскую и Астраханскую губерніи, откуда они перешли въ Крымъ и поселились съ согласія Генуэзцевъ въ 1340 году въ Каффѣ, въ Старомъ Крыму и близъ Судака. Не отвергая, что многіе Армяне около упомянутаго времени появились въ Россіи вслѣдъ за Татарами, и что часть ихъ могла пробраться чрезъ степи въ Крымскіе города, г. Юргевичъ показалъ, что Армяне также переселились въ Крымъ другими путями и гораздо раньше 1340 года, такъ что намъ остается только повторить сказанное г. Юргевичемъ объ этомъ вопросѣ [67]).

Съ начала XI столѣтія несчастные обитатели Арменіи, одна часть которой покорена была Курдами, а другая сохраняла еще тѣнь самостоятельности, стали переселяться изъ своего отечества, терзаемаго съ одной стороны опустошеніями сельдчукскихъ Турокъ, а съ другой притѣсненіями византійскихъ императоровъ. Начиная съ 1021 года, когда царь Васбурганскій Іоаннъ Сенекеримъ уступилъ свои земли императору Василію II и самъ удалился въ Каппадокію, переселенія происходили очень часто.

Описывая происшествія 1160 года, современный армянскій писатель, священникъ Григорій [68]), говоритъ: Греческіе императоры никогда ничего не сдѣлали для освобожденія Арменіи; напротивъ того, они были виновниками паденія ихъ го-

[65]) Notices etc. 56.

[66]) Hist. du royaume de la Chers. taur. 320.

[67]) Записки Од. Общ. V, p. 828.

[68]) Dulaurier, Bibl. arm. I, 357.

родовъ и завоеванія провинцій. По ихъ милости Армяне принуждены были оставить отечество, невѣрные же усилились и, овладѣвъ Ардзеномъ, Мелитеною, Севастіею и столицею Ани, простерли свои завоеванія до Константинополя. Правда, эти переселенія дѣлались преимущественно въ Киликію, гдѣ образовалось государство Малой Арменіи; но преслѣдованія религіозныя и завоеванія Турокъ, безъ сомнѣнія, заставляли многихъ искать болѣе надежнаго убѣжища въ крымскихъ горахъ и въ другихъ странахъ болѣе отдаленныхъ. По Райнальду [69]) крымскіе Армяне были выходцами изъ Малой Азіи: Nec Armeni modo qui in Cilicia atque Armenia agebant Romanæ ecclesiæ dogma sunt amplexi; verum alii etiam qui a Saracenis suis pulsi sedibus in Taurica Chersoneso agebant etc. Число ихъ уже въ XIII столѣтіи было такъ велико въ Крыму, что у нѣкоторыхъ современныхъ писателей страна эта даже называется приморскою Арменіею, Armenia maritima [70]), которая затѣмъ является съ прозвищемъ Великой; въ папскихъ грамотахъ касательно тамошней церкви Солдайской, говорится: in partibus Armeniæ majoris, in quibus Soldaiensis ecclesia sita est [71]). При склонности Армянъ къ торговлѣ невѣроятно, чтобы они не играли важной роли въ городѣ Солдаѣ уже въ то время, когда, по свидѣтельству Рубруквиса [72]), Русскіе въ немъ вымѣнивали бумажныя и шелковыя ткани, пряныя коренья и другія произведенія Востока на драгоцѣнные мѣха и другіе товары. Во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать утвердительно, что армянская колонія существовала въ Судакѣ гораздо раньше той эпохи, къ которой архіепископъ Долгоруковъ-Аргутинскій отнесъ первое появленіе своихъ соотечественниковъ въ Крыму. Въ одной изъ приписокъ синаксара говорится, что въ 1292 году, когда свѣтлый праздникъ выпалъ на 6 апрѣля, сугдейскіе Армяне отпраздновали свою пасху 16

[69]) Raynald. Annal. eccles. s. a. 1318.

[70]) Heyd, Le col. comm. in Oriente, II, 35.

[71]) Le Quien, Oriens christ. III, 1107.

[72]) Recueil de Voyages et de Mém. IV, l. c.

того-же мѣсяца, «потому что потерялись» [73]). Еще до этого между Греками и Армянами происходили неоднократно сильные споры касательно правильнаго празднованія пасхи. Такъ еще въ 1006 году, когда пасха праздновалась православными 6-го апрѣля, этотъ праздникъ былъ отложенъ Армянами на 13, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ историкъ Матоей Эдесскій нападаетъ на Грековъ за то, что будто они, въ высокомѣрномъ своемъ упрямствѣ, перенесли пасху впередъ на вербное воскресенье «поелику секта философовъ объявила войну святому духу» [74]). Въ 1102 г. оба народа снова стали сильно спорить по поводу этого вопроса. Но такъ какъ Армяне уже не могли праздновать христіанскую пасху въ среду, то кажется, что въ эту любопытную замѣтку вкралось какое либо недоразумѣніе, или что самъ авторъ оной ошибся, написавъ шестьнадцать, вмѣсто тринадцать. Впрочемъ кѣмъ бы тутъ не была сдѣлана ошибка, во всякомъ случаѣ въ числѣ жителей Сугдеи въ 1292 году должно было находиться не мало Армянъ; иначе они не обратили-бы на себя вниманія писавшаго замѣтку. Можетъ быть онъ зато и считалъ ихъ «потерявшимися», что они тогда уже признали надъ собою духовную власть папы, какъ это сдѣлалъ ихъ патріархъ на іерусалимскомъ соборѣ въ 1141 году и примѣру котораго затѣмъ послѣдовали духовныя и свѣтскія власти Великой и Малой Арменіи [75]). Посему самому легко могло статься, что епископъ, оказавшій радушный пріемъ Рубруквису, во время его пребыванія въ Солдаѣ, скорѣе былъ армянскій, чѣмъ православный, который не могъ быть благорасположенъ къ миссіонеру, дерзнувшему незадолго передъ тѣмъ въ константинопольскомъ соборѣ св. Софіи проповѣдывать о преимуществахъ латинской церкви предъ греческою [76]).

Хотя въ столицѣ латинскихъ императоровъ союзники ихъ

---

[73]) Зап. Од. Общ. V, р. 609 № 88.

[74]) Dulaurier, l. l. p. 37, 38, 245, 246, 390, 391.

[75]) Heyd, Die Kolonien d. röm. Kirche in den Kreuzfahrer-Staaten, въ Zeitschrift f. d. hist. Theol. 1856, 2 p. 291.

[76]) Recueil de Voyages etc.

Венеціанцы постоянно пользовались большими льготами, тѣмъ не менѣе конторы, тамъ основанныя другими Итальянцами еще при Комнинахъ, продолжали существовать. Но болѣе обширное поприще представлялось для коммерческой дѣятельности Пизанцевъ и Генуэзцевъ только въ такихъ мѣстахъ, которыя менѣе столицы имперіи были подчинены вліянію ихъ соперниковъ. Поэтому не удивительно, что Плано Карпини на пути своемъ въ орду въ 1246 году[77]) могъ встрѣтить въ Кіевѣ не только купцовъ венеціанскихъ, но также пизанскихъ и генуэзскихъ; понятно также почему послѣдніе около того-же времени могли утвердиться въ Крыму, какъ это доказалъ г. Гейдъ[78]), въ противуположность установившемуся мнѣнію, по которому поселеніе ихъ въ Каффѣ было основано съ согласія Оранъ-Тимура, получившаго этотъ городъ въ удѣлъ, вмѣстѣ съ Солкатомъ, отъ кипчакскаго хана Менгу, только въ 1266 году. Быстрое процвѣтаніе новаго поселенія Генуэзцевъ видно уже изъ того, что жители его могли послать въ 1289 году три большихъ военныхъ корабля на помощь Триполису въ Сиріи, который однако былъ взятъ Сарацинами до ихъ прибытія[79]). Главная причина столь быстраго усиленія Каффы заключается, безспорно, въ возстановленіи Греческой имперіи Михаиломъ Палеологомъ въ 1261 году, послѣ предварительнаго договора, имъ заключеннаго въ томъ-же году съ Генуэзцами въ Нимфеонѣ. Хотя Грекамъ удалось овладѣть Константинополемъ до прибытія къ нимъ на помощь генуэзскаго флота, тѣмъ не менѣе императоръ свято исполнилъ всѣ статьи договора и тѣмъ заставилъ Венеціанцевъ удалиться не только изъ его столицы, но и прервать всѣ свои сношенія съ Чернымъ моремъ. Запрещеніе посѣщать это море хотя и не касалось Пизанцевъ, но они на немъ уже не могли состязаться съ Генуэзцами. По крайней мѣрѣ, о дѣйствіяхъ ихъ на Черномъ

---

77) Ibid. p. 376.

78) Heyd, Le col. comm. II, 14—16.

79) Ann. Januens. y. Pertz, Monum. XVIII, 321.

морѣ современные историки ограничиваются передачею намъ извѣстія о несчастномъ для нихъ морскомъ сраженіи съ Генуэзцами, въ виду Солдаи, въ 1277 году[80]). Зато послѣднимъ пришлось снова опасаться соперничества Венеціанцевъ, потому что императоръ съ ними примирился и особымъ договоромъ, заключеннымъ четыре года послѣ договора нимфеонскаго[81]), предоставилъ имъ право возобновить прежнія свои сношенія съ Черноморьемъ. Венеціанцы не замедлили воспользоваться этимъ правомъ и снова стали посѣщать *Судакскій* портъ, не смотря на то, что онъ, или по крайней мѣрѣ ближайшія его окрестности, были уступлены Берке-ханомъ бывшему иконійскому султану Исъ-Эддину, освобожденному изъ плѣна у Грековъ братомъ Батыя, въ то время когда ханъ, перешедши чрезъ замершій Дунай, проникъ до окрестностей Константинополя, въ 1263 году[82]). Вмѣстѣ съ султаномъ переселилась въ Тавриду туркменская колонія, вышедшая не задолго передъ тѣмъ изъ Малой Азіи въ Добруджу, подъ предводительствомъ чтимаго мусульманами Сади-Салтука, по имени котораго былъ названъ городъ Баба-салтукъ, отдѣленный, по свидѣтельству Ибнъ-Батуты[83]), отъ греческихъ владѣній восемнадцати-дневнымъ путемъ по безплодной и частью безводной степи. Городъ этотъ находился, слѣдовательно, не въ Добруджѣ или въ Бабадагской области, какъ думаетъ Гаммеръ, но въ недальнемъ разстояніи отъ Судака, откуда Ибнъ-Батута прибылъ въ Бабасалтукъ, на пути своемъ въ Константинополь. Исъ-Эддинъ, за котораго Берке, по возвращеніи въ Орду, выдалъ свою дочь, умеръ вскорѣ спустя въ Крыму.

Между тѣмъ Венеціанцы болѣе и болѣе стали селиться въ Судакѣ, такъ что правительство республики рѣшилось уже въ 1287 г. назначить туда консула, который вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[80]) Ibid. 286.

[81]) Tafel und Thomas, III, p. 70.

[82]) Makrizi, l. I. I 1, p. 218 cp. Hammer, Hist. de l'emp. ott. I, 47.

[83]) Ibn-Bathouta, trad. p. Defrémery et Sanguinetti, II, 417.

былъ-бы консуломъ для всей Газаріи [84]), подъ какимъ именемъ Итальянцы разумѣли не только Крымъ, но вообще земли, прилежащія къ Черному морю съ Азовскимъ, за исключеніемъ входившихъ въ составъ Романіи, т. е. Византійской имперіи. Къ этому времени принадлежитъ переданное намъ Абульфедою извѣстіе Ибнъ-Саида, что Судакъ, по важности своихъ торговыхъ оборотовъ не уступалъ Каффѣ [85]); а посему самому насъ не удивляетъ, что въ немъ могла существовать католическая миссія еще при ханѣ Тохтѣ († 1313) [86]), который былъ женатъ на греческой царевнѣ и въ столицѣ своей имѣлъ даже зависящаго отъ Кіевскаго митрополита православнаго епископа [87]).

Сынъ и преемникъ Тохты, Узбекъ, въ первыхъ годахъ своего ханствованія, также благопріятствовалъ христіанамъ, какъ видно изъ письма къ нему папы Іоанна XXII отъ 1318 года [88]). Но вскорѣ послѣ того, когда имъ замученъ былъ св. Михаилъ Тверской, правовѣрный ханъ началъ преслѣдовать своихъ христіанскихъ подданныхъ и въ томъ числѣ обитателей Сурожа. Изъ приписокъ нашего синаксара мы усматриваемъ, что первый ударъ нанесенъ былъ городу ханскимъ легатомъ Кара-Булатомъ и миріархомъ (тумандживъ) Толактемиромъ 8-го августа 1322 года. Хотя Татары овладѣли Сугдеею безъ боя, тѣмъ не менѣе приказали снять всѣ колокола, уничтожить иконы и кресты и затворить церкви. Въ началѣ слѣдующаго года «Агаряне» закрыли икону Спасителя, которая находилась на царскихъ воротахъ города [89]). Тщетно папа въ томъ-же году обращался къ Узбеку съ просьбою, чтобы онъ позволилъ христіанамъ возвратиться въ Солдаю и чтобы возвратилъ имъ церкви, превращенныя въ мечети [90]). По крайней мѣрѣ весною

---

[84]) Canale, Della Crimea, II, 441.

[85]) Aboulfeda, trad. p. Reinaud, II, 319.

[86]) Kunstmann, Die mittelalt. Missionen, въ Hist.-Pol. Blätter, 1856 II, 706.

[87]) Hammer, Gesch. d. Goldenen Horde, 279.

[88]) Mosheim, Hist. Tart. eccles, Appendix № 81 p. 177 seq.

[89]) Зап. Од. Общ. V p. 600 № 20 и 621 № 181.

[90]) Hammer, Gesch. d. Gold. Horde, p. 290.

1327 года замокъ и церкви св. Софіи, св. Стефана и св. Варвары были раззорены по приказанію хана и Толактемира нѣкіимъ Агачь-пасли, котораго авторъ приписки называетъ «сквернавцемъ деревоголовымъ», смѣясь надъ его именемъ и титуломъ (ὁ μιαρὸς ξυλοκέφαλος)[91]. Ибнъ-Батута, столь радушно принятый губернаторомъ Толактемиромъ, безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду его-же подвиги, когда говоритъ, что незадолго до его пріѣзда въ Судакъ многіе христіане были оттуда изгнаны и что населеніе города состояло изъ мусульманъ, за исключеніемъ небольшаго числа греческихъ ремесленниковъ[92]. Показаніе Ибнъ-Батуты подтверждаетъ современникъ его Абульфеда.

Бѣдствія постигшія Сугдею не только не касались Каффы, но служили вѣроятно къ большему еще развитію коммерческой дѣятельности этого города, въ портѣ котораго Ибнъ-Батута засталъ 200 судовъ. Полными хозяевами здѣсь были невѣрные Генуэзцы, которые затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій успѣли утвердить свою власть въ разныхъ другихъ городахъ Газаріи.

Такъ имъ удалось еще въ 1365 г. овладѣть Солдаею съ 18 селеніями, простиравшимися «a Cosio usque ad Osdaffum inclusivamente, de levante a ponente», какъ читается въ документѣ 1381 года[93], въ которомъ они поименованы. Вотъ списокъ этимъ именамъ, изъ которыхъ только нѣкоторыя я могъ себѣ объяснить: casale: Coxii (Козъ), Sancti Johanni, Tarataxii (Тарактапгъ), Lovolli, de lo Sille (Шеленъ), de lo Sdaffo (Osdaffum), Canccha, (между Туакомъ и Ускутомъ), Karpati (Арпатъ), de lo Scuto (Ускутъ), Bezalega, Buzult (Эльбузлы), Carachoclak (Кутлукъ или Токлакъ), de lo Diavollo, de lo Carlo, sancti Erigni, Saragaihi (Сари-кая), Paradixi, de lo Cheder. Хотя деревни эти затѣмъ были отняты

---

[91]) Зап. Од. Общ. V, 611 № 103.
[92]) Ibn-Bathouta, tr. p. Defrém. etc. II, 415, Aboulfeda, l. c.
[93]) Atti della Società Ligure di storia patria, V, 255.

у Генуэзцевъ извѣстнымъ темникомъ Мамаемъ, но снова имъ достались по договору, заключенному въ 1380 году каффинскимъ консуломъ Gianuone дель Боско съ владѣтелемъ Солкатскимъ отъ имени хана кипчакскаго на уйгурскомъ языкѣ (lingua ugaresca) и переведенному на итальянскій языкъ въ 1383 году по распоряженію консула Меліадуче Каттанео. Подробный разборъ сего перевода, дошедшаго до насъ въ двухъ редакціяхъ, мною уже былъ помѣщенъ въ I томъ сего сборника (стр. 224). Но и въ этомъ случаѣ многоуважаемый мною г. Гейдъ (Gesch. des L. H. II стр. 207—209) съ моимъ взглядомъ не могъ согласиться, доказывая, что упомянутый въ одной изъ этихъ редакцій Кутлубуга не могъ быть одно и то же лицо съ Кутлубугою, посланнымъ Токтамышомъ къ Ягайлѣ въ 1380 г., заключившимъ договоръ съ Генуэзцами въ 1387 году[94]), бывшимъ намѣстникомъ крымскимъ не только въ 1392 но еще въ 1396 году, въ которомъ онъ погибъ въ борьбѣ съ Витольдомъ (ч. I, 72). Далѣе г. Гейдъ, моему мнѣнію, что въ другомъ переводѣ заключившій договоръ владѣтель Солката называется попеременно Черкесъ-бекомъ (Jarcassio segno) и черкескимъ Бекомъ (lo segno Zicho), предпочитаетъ мнѣніе Сильвестра de Sacy, что владѣтель Солката является въ договорѣ, то подъ собственнымъ именемъ своимъ «Jarkass», то съ означеніемъ лишь его званія («Scheikh»).

Немедлено по занятіи Генуэзцами Солдаи и ея окрестностей, городъ былъ поставленъ подъ вѣдомство особаго консула, избираемаго на годъ т. н. Officium Gazariæ въ самой Генуи, хотя, подобно консуламъ другихъ городовъ Газаріи въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчиняемъ былъ кафинскому консулу, который, въ своемъ качествѣ главнаго начальника всѣхъ генуэзскихъ черноморскихъ колоній иногда получалъ гордый титулъ консула «totius maris majoris». Въ свою очередь консулъ солдайскій, который вмѣстѣ былъ коммен-

---

[94]) Silvestre de Sacy, Notices et extraits, XI, 62.

дантомъ (castellanus) и въ послѣдствіи соединялъ еще въ своемъ лицѣ финансовое управленіе (massaria) и военачальство (capitanea), имѣлъ право утверждать старостъ по деревнямъ, подвѣдомственнымъ Солдаѣ (protos cazalium Soldaie) избираемыхъ жителями этихъ деревень. Населеніе ихъ состояло отчасти изъ Татаръ, отчасти изъ Грековъ, коихъ было не мало въ самомъ городѣ, такъ какъ по уставу 1449 года, не только особые чиновники, знавшіе греческій языкъ, должны были состоять при консулѣ, но что власть его даже ограничивалась попечительнымъ комитетомъ (Officium provisionis), состоявшимъ изъ двухъ членовъ, одного Латинца, а другаго Грека и избираемыхъ консуломъ вмѣстѣ съ гражданами изъ среды ихъ. Главное занятіе сихъ послѣднихъ было винодѣліе, которымъ и теперь еще отличается судакская долина если не по качеству, то по количеству собираемаго въ ней винограда. Что этотъ промыселъ тамъ уже былъ въ цвѣтущемъ состояніи во времена владычества Грековъ, явствуетъ изъ слова «ambelopaticum», которое употребляется въ генуэскихъ актахъ для означенія особой подати, взымаемой съ тамошнихъ виноградниковъ. Съ какимъ усердіемъ генуэзское правительство заботилось о снабженіи виноградниковъ водою, видно изъ того, что въ городѣ находился постоянно гидротектъ (magister unus ductor et salvator aquarum), который смотрѣлъ за водопроводами, слѣды коихъ и нынѣ отчасти сохранились. Право раздавать и давать воду людямъ, имѣющимъ виноградники, принадлежало попечительному комитету, которому также поручено было смотрѣть за сохраненіемъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и оружія, на что равно какъ и для починокъ и другихъ необходимыхъ издержекъ служили подати, взымаемыя съ жителей. Для сей цѣли и для исполненія другихъ порученій начальства находились въ городѣ особые полицейскіе чиновники, въ томъ числѣ аргузіи (argusii, arguxii, orgusii ect.), напоминающіе мнѣ, по крайней мѣрѣ именемъ своимъ, испанскихъ алгвазиловъ, такъ названныхъ по арабскому слову «arguzil», означавшему надзирателей надъ галерными неволь-

никами[95]). По уставу 1449 года ихъ было 20 въ Каффѣ, 8 въ Солдаѣ и 4 въ Чембало. Каждый изъ нихъ получалъ 120 аспровъ мѣсячнаго жалованья, за что, кромѣ своей собственной лошади, долженъ былъ имѣть оружіе, щитъ и «сabaricbio» или плащь, какъ думалъ г. Юргевичъ по не чепракъ, какъ я считалъ возможнымъ[96]). Вѣроятно эти наѣздники были Черкесы, поелику въ уставѣ они также называются казаками, тогда какъ подъ послѣдними нельзя разумѣть ни русскихъ, ни татарскихъ. По преданію, сохранившемуся у кавказскихъ Черкесовъ, ихъ предки нѣкогда обитали въ Крыму[97]); о пребываніи-же *казаковъ* въ окрестностяхъ Сугдеи въ 1308 году читается въ одной изъ приписокъ къ синаксару[98]).

Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ стрѣлковъ (balistarii) и другихъ наемниковъ подъ начальствомъ консула и двухъ подкоммендантовъ (subcastellani) въ замкахъ св. Креста и св. Ильи. Если я не ошибаюсь, то подъ этими замками мы должны разумѣть среднюю крѣпость и верхнюю башню, изъ коихъ первая Татарами называется Катара-кулле, а другая Кызъ-кулле (дѣвичья башня). Вѣроятно послѣдняя (т. е. замокъ св. Ильи) уже существовала, когда Сугдея занята была Генуэзцами, которые только двадцать лѣтъ позже приступили къ приведенію сего важнаго для нихъ города въ лучшее оборонительное положеніе. По крайней мѣрѣ такъ должно думать по сохранившимся надписямъ, изъ коихъ древнѣйшая находится возлѣ воротъ нижней крѣпости, на башнѣ, построенной во время управленія консула Якопо Торсело, какъ читаютъ Канале и Юргевичъ, тогда какъ у Кеппена, Мурзакевича и другихъ— консулъ этотъ называется Горзево. Другой камень съ надписью, найденный г. Юргевичемъ въ судакской колоніи, возлѣ церкви, и хранящійся теперь въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и

---

[95]) Jal, Dict. nautique, s. v.

[96]) См. выше, I, 234; ср. Desimoni, J conti dell Ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII. 1879, стр. 76 и 146: tabarro o gabbano, mantello.

[97]) Карауловъ, Крым. пещерн. гор. и пр. въ VIII т. Зап. Од. Общ. стр. 46.

[98]) Записки Общества, V, 613.

Древностей, находился на другой сторонѣ тѣхъ-же воротъ, также на башнѣ, построенной въ 1414 г. при консулѣ, главномъ казначеѣ, коммендантѣ и военачальникѣ Солдаи Барнабо де Франки ди Пагано. Слова надписи «Ledificio tota facta», относятся, по мнѣнію г. Юргевича, ко всей крѣпости и означаютъ окончаніе ея постройки. Дѣйствительно всѣ прочія надписи на стѣнахъ и башняхъ, по большей части также открытыя г. Юргевичемъ, свидѣтельствуютъ, что эти постройки были сдѣланы между годами 1385 и 1414. Считаю не лишнимъ представить здѣсь эти надписи, въ хронологическомъ порядкѣ, въ переводѣ, сдѣланномъ г. Юргевичемъ и съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ онѣ находятся [99]), такъ какъ еще недостаетъ полнаго списка консуламъ солдайскимъ и такъ какъ по сему самому счастливая находка новыхъ надписей легко можетъ вести къ пополненію сего списка или же къ возстановленію правильнаго чтенія именъ и времени управленія консуловъ, упомянутыхъ въ другихъ источникахъ, менѣе надежныхъ.

1) «1386, 29 дня мая, это строеніе построено во время управленія отличнаго мужа Федерико Астагверра, почтеннаго консула и комендантa Солдаи».

Эта надпись открыта г. Юргевичемъ на башнѣ, находящейся въ значительномъ разстояніи отъ башни Торсело, на небольшой скалѣ, въ ущельѣ, близь моря.

2) «† 1388 года во время управленія благороднаго мужа Джіованни Маріоне, достопочтеннаго консула и комендантa Солдаи».

Также открыта г. Юргевичемъ на западной сторонѣ крѣпости, на громадной башнѣ, первой отъ воротъ и башни Торсело.

3) «† 1389, 9 дня іюля, во время управленія отличнаго и могущественнаго мужа, господина Батиста ди Зоали, прежде Андоло, достопочтеннаго консула Солдаи. Богу благодареніе».

Надпись эта вдѣлана надъ крѣпостными воротами въ стѣну и впервые прочитана г. Юргевичемъ.

---

[99]) Зап. Од. Общ. стр. 832; ср. стр. 169 съ слѣд.

4) «† 1390, 9 дня іюля, эта постройка сдѣлана во время управленія....

Надпись вдѣлана въ стѣну, высотою въ 20 футовъ, соединяющая башню Торсело съ башнею Маріоно.

5) «† 1392, въ первый день августа, эта постройка сдѣлана во время отличнаго и могущественнаго мужа господина Пасквале Джіудиче, достопочтеннаго консула Солдаи».

Еще Кеппенъ возстановилъ правильное чтеніе этой надписи, отнесенной Канале къ 1332 году, по худому спимку оной, ему сообщенному докторомъ Казарето. Она находится въ сѣверной части нижней крѣпости на башнѣ первой отъ воротъ къ морю.

6) «Настоящая высокая башня основана и украшена консуломъ Гварко Румбальдо и единственная изъ башень во всемъ городѣ построена удивительной громадности съ великими трудами. 1394, перваго дня іюля».

Дѣйствительно громаднѣйшая изъ всѣхъ башень солдайскихъ тождественная, быть можетъ, съ замкомъ св. Креста; надпись открыта г. Юргевичемъ.

7) «Эта постройка сдѣлана во время управленія отличнаго и могущественнаго мужа Коррадо Чигала, достопочтеннаго консула и комендапта Солдаи. 1404, въ 10 день мая».

Камень съ этой надписью попалъ въ тарапапъ у сосѣдняго съ крѣпостью помѣщика г. Паскевича, у котораго ее списалъ г. Юргевичъ.

8) «† 1409, перваго дня августа, эта постройка сдѣлана во время управленія благороднаго и могущественнаго мужа господина де Фиско Лазаги, графа и достопочтеннаго консула и коменданта Солдаи и Бартоломео де Илліони всадника и капитана».

Надпись эта, впервые прочитанная г. Юргевичемъ, находится въ сѣверной части крѣпости.

Г. Юргевичъ также первый прочелъ въ 1861 году надпись внутри крѣпости надъ углубленіемъ стѣны зданія, которую могъ повѣрить, по случаю вторичной поѣздки въ Судакъ

въ 1873 году[100]). «Пользуясь нынѣ лучшимъ освѣщеніемъ, говоритъ онъ, «я нашелъ, что первое мое чтеніе было не вѣрное (см. Зап. Общ. V, 174). Оказывается, что я принялъ тогда за consul Talanus имя R и фамилію Catalanus и прочелъ ошибочно сокращеніе Christus съ прибавленіемъ custodiat».

Такимъ образомъ онъ теперь сообщаетъ слѣдующій переводъ этой исправленной надписи: «Во имя Христа Аминь 1423, въ день 4 января эту постройку соорудилъ, Господи, Р. Каталано. Да хранитъ Христосъ». Затѣмъ г. Юргевичъ прибавляетъ еще въ выноскѣ, «членъ лигурійскаго ученаго Общества и нашъ корреспондентъ г. Десимони предлагаетъ въ своемъ письмѣ замѣнить чтеніе знака I въ числахъ, буквой L, такъ какъ знакъ I на надписи MCCCIXXIII не можетъ стоять по напрасно.... Я полагалъ что черта I принадлежитъ къ послѣдней буквѣ C. Если согласиться съ догадкой Десимони, то надпись представляетъ годъ 1373.... На надписи весьма испорченной надъ фонтаномъ имя Аталано, если читать Каталано, подтверждаетъ эту догадку»[101]). Вѣроятно это была церковь, превращенная въ послѣдствіи въ мечеть, такъ какъ возлѣ нея еще видны слѣды минарета. Это зданіе, вѣроятно, превращенное снова, по завоеваніи Крыма Русскими, изъ мечети въ церковь св. Матѳея, изъ которой затѣмъ богослуженіе было перенесено, по трудности всхода на гору, во вновь выстроенную посреди су-

---

[100]) Юргевичъ, Донесеніе о поѣздкѣ въ Крымъ, Зап. Общ. IX, 398.

[101]) Приведу кстати слѣдующій отрывокъ изъ письма г. Десимони ко мнѣ (изъ Генуи 6 іюня 1876 года): «Quant au *Catalanus* une série des Podesta de Gênes de 1292 à 1339. dont je m'occupe, a reveillé mon attention sur un Catalanus de la ville d'Asti qui était Podesta de Gênes au commencement du XIV siècle; mais il ne pourrait pas être le même, si celui de l'inscription est du commencement du XV siècle. Pour ôter tous les doutes il faudrait avoir un très fidèle fac-simile. Les chiffres C (100) dans les inscriptions sont quelquefois formés de manière qu'on les croirait un double C (200). Vous avez vu combien la photographie a pu seule ôter tout doute sur l'inscription du pape Clément». Что католическія церкви существовали въ Солдаѣ въ началѣ XIV вѣка, видно, между прочимъ, изъ письма папы къ Узбеку, отъ 1323 г., котораго проситъ о возвращеніи христіанамъ церквей отобранныхъ и превращенныхъ въ мечети (Hammer, Gesch. der G. H. p. 290).

дакской долины церковь во имя Покрова Богородицы. Затѣмъ уже первая служила нѣмецкимъ колонистамъ на время для подобной цѣли, такъ что по очереди въ ней молились Богу католики, правовѣрные, православные и протестанты.

Въ значительномъ разстояніи отъ этой церкви, возлѣ башни Астагверра, сохранилась другая гораздо меньшая, на стѣнахъ которой и теперь еще не изгладились изображенія 12 фигуръ, представляющихъ, какъ должно думать, 12 апостоловъ.

Вѣроятно эти двѣ церкви принадлежали къ числу тѣхъ трехъ католическихъ церквей, которыя Броневскій еще засталъ въ нижней крѣпости, свидѣтельствуя, что тамъ также уцѣлѣло нѣсколько греческихъ церквей, впрочемъ небольшихъ и похожихъ болѣе на часовни, и что по словамъ жителей ихъ тамъ въ прежнія времена было нѣсколько сотень, чему, разумѣется, нельзя безусловно вѣрить.

Въ 1449 году въ Солдаѣ было еще по крайней мѣрѣ тринадцать церквей [102]), къ числу которыхъ могли принадлежать слѣдующія восемь, о коихъ упоминается въ синаксарѣ: св. Софіи, св. Стефана, св. Аѳанасія, св. Димитрія, св. Николая, св. Варвары, Пр. Богородицы (Одигитріи) и Скутаріотиссы — въ монастырѣ.

Хотя Сугдея съ давнихъ поръ была резиденціею православнаго епископа, возведеннаго въ 1282 году въ санъ митрополита, тѣмъ не менѣе въ припискахъ синаксара, изъ которыхъ послѣдняя относится къ 1419 году, упоминается изъ преемниковъ Ѳеодора († 1282), объ одномъ только Лукѣ, скончавшемся въ 1339 году и погребенномъ почему-то въ Каффѣ. Замѣчательно, что въ припискѣ этой онъ титулуется не митрополитомъ, но архіереемъ, и то просто Сугдейскимъ, а не Сугдеи и Фуллы, какъ титуловались его предшественники. Въ уставѣ 1449 года о епископахъ этихъ не говорится, но только о католическомъ епископѣ, какимъ тогда могъ быть

[102]) Зап. Од. Общ. 782.

доминиканецъ Августинъ (fr. Augustinus de Capha), назначенный на эту каѳедру папою Евгеніемъ IV въ 1432 году, вмѣсто умершаго Людовика де Санъ Піетро, занимавшаго ее съ 1423 года[103]). Безъ сомнѣнія у него были предшественники, по крайней мѣрѣ съ 1365 года, когда Солдая была занята Генуэзцами. Если-же до сихъ поръ объ этихъ епископахъ повидимому мы ничего не знаемъ, то этому причина, что ихъ смѣшивали неоднократно съ архіепископами султанійскими.

Такъ напр. я охотно видѣлъ бы епископа солдайскаго въ братѣ Бонифаціи, переведенномъ въ 1393 году изъ Sedes Vernensis (Варна) въ ecclesia Soldanensis, тогда какъ по мнѣнію Лекіена (Or. Chr. III, 1121) онъ былъ назначенъ архіепископомъ въ городъ Султанію. Еще С. де Саси[104]) не хотѣлъ вѣрить, что этотъ святитель былъ отправленъ въ резиденцію ильхановъ, подпавшую подъ власть Тамерлана въ 1387 г.

Но въ этомъ случаѣ и францисканецъ Іоаннъ Греплавъ, который наслѣдовалъ Бонифацію въ 1401 году въ званіи епископа soltansis, не могъ быть архіепископомъ султанійскимъ, тѣмъ болѣе, что папа едва-ли могъ послать францисканца во владѣнія Тамерлана въ то самое время, когда онъ, какъ видно изъ грамоты Бонифація IX, того-же года[105]) поручилъ было другимъ монахамъ того же ордена противудѣйствовать вооруженною силою успѣхамъ монгольскаго завоевателя.

Притомъ архіепископомъ султанійскимъ былъ уже назначенъ въ 1400 году доминиканецъ Іоаннъ, въ которомъ С. де Саси[106]) узналъ «marhasia», т. е. епископа Іоанна, которому было поручено препроводить письма Тамерлана и сына его къ Карлу VI. Но такъ какъ французскій король въ своемъ отвѣтѣ отъ 1403 года этого Іоанна называетъ архіепископомъ «totius Orientis», то я подозрѣваю, что онъ былъ изъ числа

[103]) Canale, l. l. I, 279.
[104]) Mém. de l'Ac. des Inscriptions, VI, 505.
[105]) Kunstmann, Die Kenntniss Indiens, 6.
[106]) Mém. de l'Ac. des Inscriptions, l. l. 519.

армянскихъ священниковъ, которые были членами ордена зависѣвшаго отъ доминиканцевъ (т. н. fratres prædicatorum uniti), учрежденнаго въ 1321 году для скрѣпленія уніи армянской церкви съ католической.

Безъ сомнѣнія и послѣ занятія Сугдеи Генуэзцами Армяне не переставали преобладать между жителями сего города по своему числу, по крайней мѣрѣ относительному, хотя онъ затѣмъ много пострадалъ, подобно прочимъ поселеніямъ Генуэзцевъ въ Газаріи, какъ во время войнъ ихъ съ Венеціанцами, Татарами и съ императорами трапезунтскими, такъ въ особенности въ слѣдствіе злоупотребленій, вкравшихся въ правительственныя мѣста ихъ колоніальнаго государства. Когда же, послѣ взятія Турками Константинополя, финансы республики совершенно разстроились, то правительство оной, отчаиваясь въ возможности защищать свои черноморскія колоніи противъ опасности имъ грозившей со стороны новыхъ владѣтелей Воспора, рѣшилось уступить всѣ эти колоніи въ полную собственность богатому банку св. Георгія (ср. I, 231), 15 ноября 1453 г.

При всей своей энергіи «протекторы» банка не могли тотчасъ водворить въ Газаріи новый порядокъ вещей, тѣмъ болѣе что къ внутреннимъ безурядицамъ, происходившимъ тогда въ особенности въ Каффѣ, присоединился страшный голодъ въ слѣдствіе повсемѣстнаго неурожая въ Крыму, такъ что банку пришлось заботиться о доставкѣ туда хлѣба не только моремъ (тогда почти недоступнымъ для Генуэзцевъ), но сухимъ путемъ чрезъ Венгрію, Польшу и Валахію [107]).

Хотя Сугдеѣ, подобно другимъ городамъ, тогда пришлось не мало терпѣть отъ недостатка припасовъ, но зато, какъ уже замѣтилъ г. Волковъ [108]), въ другихъ отношеніяхъ, судьба ей то особенно улыбалась, даровавъ ей превосходнаго начальни-

---

[107]) Atti Tauro-liguri, I, 115: scribendo regi ungarie et polonie ac domino blancho, явно ошибочно вмѣсто blacho, vlacho.

[108]) Зап. Од. Общ. VIII 132.

ка въ лицѣ консула Карла Чикала. Держа твердою и нелицепріятною рукою вѣсы правосудія, онъ до такой степени заслужилъ благодарность жителей, что они, когда насталъ срокъ замѣнить его другимъ консуломъ, обратились въ банку съ просьбою продлить срокъ управленія Чикала. Хотя въ числѣ подписавшихъ это прошеніе 18 гражданъ (Итальянцевъ и Грековъ) не было, кажется, ни одного Армянина, то изъ этого не слѣдуетъ, что они не составляли по прежнему массу жителей города [109]). Скорѣй слѣдуетъ думать противное, судя по слѣдующему мѣсту въ прошеніи, отправленномъ 6 сентября банку общиннымъ совѣтомъ Каффы объ отозваніи фанатическаго ихъ епископа Якова Кампоры: «Scitis enim terra ista populata esse in majori parte *ermenis*, qui sunt nobis fidelissimi et boni mercatores, dantes civitati magnum benefitium, quos cotidie perturbare volebat et eis inovare que non solita erant [110]).

Хотя, сколько извѣстно, просьба Каффинцевъ была уважена, но этимъ они мало выиграли, потому что новый епископъ оказался такимъ же гонителемъ иновѣрцевъ, какъ его предшественникъ. Тогдашній Солдайскій епископъ, доминиканецъ Августинъ, приложившій свою подпись къ прошенію, подданному банку о сохраненіи Чикала въ должности консула, напротивъ того былъ пастырь кроткій и вѣротерпимый. Когда же онъ вскорѣ спустя скончался, то уже стараніями Чикала достойнымъ его преемникомъ былъ назначенъ кроткій, богобоязненный и ученый Доминикъ де Маріана, монахъ ордена францисканскаго [111]). Описавъ жалкое положеніе, въ которомъ онъ засталъ укрѣпленія Сугдеи, Чикала въ письмѣ къ прямому своему начальнику (т. е. консулу каффинскому) настаивалъ на необходимости ихъ исправить и пополнить постройкою новыхъ, требовалъ увеличенія гарнизона и всячески обращалъ свое вни-

---

[109]) Atti Tauro-liguri, VI, стр. 315.
[110]) Ibid. стр. 365.
[111]) Ibid. стр. 347.

маніе на интересы города, кажется съ полнымъ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ въ инструкціи, данной протекторами 19 февраля 1459 года, посланному въ Римъ банкомъ епископу Маріаны (въ Корсикѣ) доминиканцу Джироламо Монтенегро, о Солдаѣ еще говорится, какъ о первомъ послѣ Каффы городѣ въ Газаріи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не скрывается опасеніе паденія тамошняго ихъ владычества въ ближайшемъ будущемъ [112]).

Взятіе Каффы великимъ визиремъ Кедукъ-Ахмедъ-пашою 4 іюня 1475 года рѣшило участь прочихъ генуэзскихъ поселеній, въ томъ числѣ и *Солдаи*, которая, послѣ храброй защиты со стороны гарнизона и жителей, должна была сдаться по причинѣ голода. Если вѣрить подробностямъ, переданнымъ Броневскому греческимъ митрополитомъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ Солдаѣ спустя 100 лѣтъ, то, около 1000 человѣкъ отборныхъ воиновъ по сдачѣ города Туркамъ, еще нѣсколько дней храбро оборонялись въ нижней крѣпости, но наконецъ, затворившись въ большой церкви, всѣ тамъ погибли. Турки заложили камнями двери и окна этой церкви, гдѣ трупы убитыхъ еще лежали безъ погребенія, какъ говорили Броневскому, который, однако, не могъ удостовѣриться въ справедливости этого разсказа, такъ какъ турецкій коммендантъ не позволилъ ему войти въ эту церковь. Изъ его свидѣтельства мы также узнаемъ, что городъ, повидимому, пострадалъ менѣе крѣпости отъ времени и нерадѣнія людей. По крайней мѣрѣ Броневскій засталъ въ немъ значительную таможню и могъ любоваться прекрасными садами и виноградниками, воздѣлываемыми въ окрестностяхъ города Турками, Христіанами и Евреями, на пространствѣ болѣе чѣмъ на двѣ мили. Хотя изъ путешественниковъ, посѣтившихъ Крымъ въ XVII столѣтіи, не многіе только упоминаютъ о Судакѣ, тѣмъ не менѣе, кажется, что жители его не переставали заниматься весьма успѣшно винодѣліемъ. Что промыслъ этотъ гораздо позже все еще находился въ цвѣтущемъ состояніи, въ томъ мы удостовѣряемся изъ

---

[112]) Atti Tauro-liguri VI, 899.

дневника фельдмаршала Мюнниха[113]), который лучшими изъ всѣхъ крымскихъ винъ считалъ вино, добываемое около *Судака*, хотя, правда, прибавляетъ, что оно какъ по цвѣту, такъ и по вкусу подходило къ хорошему сорту саксонскихъ винъ: und ist an Geschmak und Farbe einem guten Schieler von dem Meissner sehr gleich. Въ преимуществахъ Судакскихъ винъ предъ прочими крымскими винами былъ также убѣжденъ французскій консулъ Адамъ Эворка[114]), котораго фельдмаршалъ велѣлъ допрашивать въ Бакчисараѣ о крымскихъ дѣлахъ. Такъ какъ этотъ агентъ былъ родомъ Мадьяръ, то нашъ сѣверный Евгеній съ его словъ, вѣроятно, внесъ въ свой дневникъ, что многіе изъ крымскихъ виноградниковъ были заведены венгерскими невольниками, а затѣмъ уже, когда большая часть изъ нихъ погибла отъ чумы въ 1704 году, то виноградники эти перешли къ Грекамъ и Армянамъ, которые въ свою очередь имѣли обыкновеніе приготовленное ими вино вывозить въ Украйну и тамъ вымѣнивать на масло, водку и другіе русскіе товары, или же продавать на наличныя деньги.

По присоединеніи Крыма къ Россіи, заботливое правительство, считая себя обязаннымъ содѣйствовать успѣхамъ винодѣлія въ краѣ, гдѣ оно съ давнихъ поръ составляло главный источникъ народнаго богатства, сознавало прежде всего необходимость въ наставленіи, какъ разводить лозы и ходить за ними, какъ выдѣлывать и сберегать вино. Для сей цѣли поручено было знаменитому Палласу въ 1804 году учредить въ Судакской долинѣ училище винодѣлія, которое въ 1809 году, по продажѣ Палласомъ своихъ собственныхъ виноградниковъ въ этой долинѣ, поступило въ непосредственное вѣдѣніе Таврическаго гражданскаго губернатора и оставалось въ его вѣдѣніи, пока не было закрыто въ 1830 году.

Въ теченіе двадцатилѣтняго существованія своего, училище это, безъ сомнѣнія, способствовало также успѣхамъ

---

[113]) Tagebuch etc. въ Beiträge zur Gesch. des R. R. v. Herrmann, 210.
[114]) Ibid. 216.

винодѣлія у колонистовъ изъ южной Германіи, которымъ даны были въ 1805 году 300 десятинъ земли, примыкающей къ району крѣпости, гдѣ при занятіи Крыма Русскими, еще находилась татарская деревня съ мечетью, слѣды которой болѣе не замѣтны [115]).

Что-же касается Судакской крѣпости, то она была переименована Русскими въ *Кирилловскую* и новыя казармы возникли среди развалинъ и отчасти даже изъ самыхъ генуэзскихъ зданій, но вскорѣ, подобно имъ, опустѣли, такъ какъ предположеніе геніальнаго преобразователя Новороссійскаго края, желавшаго назначить Судакъ столичнымъ городомъ Тавриды, не сбылось.

Въ настоящее время тишина кладбища господствуетъ въ этой мѣстности; но громадныя башни и стѣны въ ней сохранившіяся, поражая взоры любознательнаго туриста, ясно говорятъ ему, почему Русское море Нестора въ старину также называлось моремъ *Сурожскимъ*, и заставляютъ его мечтать поневолѣ о превратностяхъ судьбы и минувшемъ величіи *Сугдеи*.

Списокъ генуэзскимъ консуламъ въ Солдаѣ, имена и время управленія которыхъ извѣстны намъ по надписямъ и другимъ источникамъ.

Годы.	Имена консуловъ.	Годы.	Имена консуловъ.
1374	Филиппо де Монтальдо.	1404	Коррадо Чикала.
1381	Джуліано Панцано.	1405	Лукино Бьянко де Фляско.
1382	Джіованни ди Камоли.	1409	Лукино де Фляско Лазани.
1385	Якопо Торсело.	1414	Барнаба де Франки ди Пагано.
1386	Федерико Астагверра.	1420	Джіованни Муссо.
1388	Джіованни Маріоне.	1444	Габріеле Дорія.
1389	Баттиста ди Зоали.	1446	Бенедетто Маруффо.
1392	Пасквале Джудиче.	1447	Джіакомо Спинола.
1394	Гварко Румбальдо.	1449	Бартоломео Каффика.

---

[115]) Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in d. s. Statth. d. R. Reichs, II, 194.

1450 Бартоломео Джудиче.
1454 Якопо ди Вивальди.
1455 Карло Чикала.
1456 Герардо Кавалорто.
1457 Никколо Пассано.
1458 Васили Детели.
1459 Джіанотто Ломеллино.
1460 Бартоломео Джентиле.
1461 Агостино Адорно.
1462 Франческо Савиньоне.
1463 Дамьяно Кьявари.
1464 Антоніо Борласка.
1465 Баттисто ди Аллегро.
1466 Антонію Борласка.
1468 Бернардо Амико.
1470 Бартоломео Сантамброджіо.
1472 Кристофоро ди Негро.

III.

Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія[1]).

Въ настоящее время, когда къ Каспійскому морю можетъ быть примѣняемо названіе «Русскаго», подъ которымъ Черное было еще извѣстно Нестору; когда совершающееся на нашихъ глазахъ соединеніе ихъ между собою и съ Аральскимъ озеромъ посредствомъ пароходовъ и паровозовъ предвѣщаетъ, что въ ближайшей будущности неминуемо послѣдуетъ переворотъ въ торговлѣ западной Европы съ отдаленнымъ Востокомъ, или, другими словами, что взаимныя ихъ сношенія снова будутъ производиться тѣми же путями, которые ихъ соединяли въ древности и въ средніе вѣка.

Въ семъ отношеніи особенно важенъ періодъ, въ которомъ Монголы, распространивъ свое могущество отъ Тихаго океана до Карпатовъ, по собственнымъ выгодамъ своимъ, поддерживали крестоносцевъ въ борьбѣ ихъ съ египетскими султанами и дозволяли предпріимчивымъ сынамъ Италіи поселяться на берегахъ «Великаго» моря, съ давнихъ поръ уже привлекавшаго Амальфитянъ, Пизанцевъ, Генуэзцевъ и Венеціанцевъ. Утвердившись въ Солдаѣ, Каффѣ, Савастополѣ, Матригѣ и Танѣ, итальянскіе купцы стали перевозить свои товары на «корабляхъ пустыни» мимо сѣвернаго берега Каспійскаго моря въ Туркестанъ, откуда разными путями проникали даже до резиденціи великаго хана (Ханъ-балыкъ = Пекинъ), равно какъ и до Мултана и Дели, между тѣмъ какъ востор-

---

[1]) Изъ VIII тома Записокъ Имп. Новор. Унив.

женные монахи не безъ успѣха старались обратить къ христіанству мусульманскихъ обитателей Ирана, индѣйскихъ послѣдователей Брамы и буддистовъ «Небеснаго» царства, оправдывая такимъ образомъ слова поэта:

«Güter zu suchen geht der Kaufmann,

Doch an sein Schiff hängt das Gute sich an».

Дѣйствительно, еще до того времени, когда папы вступили въ дипломатическія сношенія съ первыми преемниками Чингисхана, генуэзскіе корабли посѣщали Каспійское море ради торговли шелковыми издѣліями, которыя въ такомъ количествѣ вывозились изъ Гилана, что извѣстнаго рода шелковыя матеріи означались тогда именемъ этой области [2]).

Дабы имѣть понятіе о томъ, въ какой степени всѣ берега Каспійскаго моря были извѣстны западнымъ Европейцамъ въ XIV столѣтіи, достаточно взгляда на одну изъ картъ извѣстнаго атласа каталанскаго 1375 года [3]), или же на прекрасную карту братьевъ Франциска и Доминика Пицигани [4]) 1367 года, которая во многихъ частностяхъ различается отъ первой, что и заставляетъ думать, вопреки мнѣнію Лелевеля [5]), что составители ихъ не пользовались одними и тѣми же источниками.

Подобно бывшему профессору виленскому, французскіе ученые Бюшонъ и Тастю (Not. et Extr. l. c.) и Де-ла-Примоде [6]) взяли на себя трудъ сличенія этихъ картъ съ дѣйствительностью. Но такъ какъ никто изъ нихъ не могъ основывать свои сужденія о ней на собственномъ опытѣ, а только на книгахъ и нынѣшнихъ картахъ, то не удивительно, что попытки ихъ не были слишкомъ удачны и не повели къ такимъ же результатамъ, какіе уже были добыты для Черноморья въ слѣдствіе сличенія *очевидцами* именъ, отмѣченныхъ на сред-

[2]) Pauthier, Le livre de Marco Polo, I p. 44.

[3]) Notices et Extraits des Manuscrits de la bibl. du roi, XIV.

[4]) Jomard, Monuments de la Géographie, X, 3.

[5]) Géogr., du Moyen-âge, II, 54.

[6]) Etudes sur le commerce au M. âge, I, 266—294.

невѣковыхъ картахъ, съ нынѣшнею номенклатурою соотвѣтствующихъ имъ береговыхъ пунктовъ. Должно думать, поэтому, что тогда только могутъ быть рѣшены разные спорные или вовсе нетронутые вопросы касательно исторіи и географіи странъ, къ Каспійскому морю прилежащихъ, когда приведенныя выше карты предварительно будутъ сличены съ нынѣшними — лицами, хорошо знакомыми съ самими мѣстностями. Но такъ какъ легко можетъ статься, что многіе изъ такихъ лицъ потому только не возьмутся за подобный трудъ, что у нихъ подъ рукою нѣтъ этихъ картъ, то мнѣ казалось кстати помѣстить здѣсь ихъ номенклатуру съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ замѣтокъ о значеніи тѣхъ только именъ, которымъ мы можемъ указать законное ихъ мѣсто на нынѣшнихъ картахъ, и съ помощью коихъ, по сему самому, легче будетъ помѣстить на нихъ промежуточныя между ними имена и приступить затѣмъ уже къ ихъ объясненію.

Къ именамъ, значеніе коихъ не можетъ быть оспариваемо, принадлежитъ отмѣченное на одной только картѣ каталанской имя города *agitarcam*, т. е. Астрахань, или, правильнѣе, Гаджитарханъ, какъ городъ этотъ названъ Ибнъ-Батутою [7]), посѣтившимъ его около 1333 года. Притомъ Аджитарканъ отмѣченъ при устьѣ огромной рѣки Эдиль, берущей свое начало въ *los munts de sebur*, и направляющей свое теченіе съ начала отъ В. къ З., а потомъ отъ С. къ Ю.

Ошибочнымъ было бы заключить изъ этихъ указаній, будто-бы составитель каталанской карты имѣлъ превратное понятіе о верхнемъ теченіи Волги, поелику не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что, по его взгляду, *lo gran flum Edil* совпадалъ:

1) съ Бѣлой, или бѣлою Воложскою Книги Большому Чертежу (изд. Языкова 151), берущей свое начало въ Ураль-

---

[7]) Изд. Defrémery et Sanguinetti, II, 446.

скомъ хребтѣ, или, по старинному названію, Сибирскомъ камнѣ, и считавшейся, вмѣсто Камы, главною рѣкою [8]);

2) съ Камой, по принятіи ею Бѣлой, такъ какъ первая изъ нихъ, по тогдашнимъ понятіямъ, принимала Волгу, а не на оборотъ; наконецъ—

3) съ Волгою, отъ соединенія съ ней Камы до устьевъ.

Въ недальнемъ разстояніи отъ истоковъ Эдиля, такимъ же образомъ представленнаго на картѣ пицциганской, читается на обѣихъ имя города *sebur*, въ которомъ нельзя не узнать Сибирь, или Искерь, на одномъ изъ притоковъ Оби. Затѣмъ слѣдуетъ на картѣ пицциганской изображеніе и имя города *sacetim*, превращеннаго ошибочно на каталанской картѣ въ *fachatim*, если, какъ должно думать, тутъ имѣлся въ виду городъ Жукотинъ, лежавшій на Камѣ и взятый Русскими въ 1360 году [9]).

Далѣе мы встрѣчаемъ на первой картѣ, послѣ города *char* (вѣроятно, только начало его имени), городъ *pascerty*, явно тождественный съ городомъ *pascherti*, отмѣченнымъ на томъ же мѣстѣ въ картѣ каталанской, и обязаннымъ своимъ именемъ Башкирамъ, которые у Рубруквиса называются Pascatir, и, по князю Курбскому [10]), жили «вверхъ великія рѣки Камы». Между городомъ башкурдскимъ и Жукотинымъ мы еще встрѣчаемъ на обѣихъ картахъ, на южной сторонѣ Итиля, но уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, городъ *marmorea*, напоминающій намъ Моримовъ, которые, по Рашидъ Эддину [11]), были покорены Батыемъ; подъ ними всего вѣроятнѣе должно разумѣть не Мордву, чрезъ землю коихъ Монголы прошли безпрепятственно, но Черемисъ, которые сами себя называютъ Мари и, какъ племя болѣе воинственное, (особенно луговые) оказали Монголамъ сопротивленіе.

Ниже по Итилю отмѣчены на картѣ каталанской имена

---

[8]) Березинъ, О мѣстоположеніи Болгара, 75.

[9]) Арцыбышевъ, Повѣств. о Россіи, III, пр. 784.

[10]) Арцыбышевъ, l. c. IV; пр. 1304.

[11]) Стат. Березина въ Журн. М. Н. Просв. 1855, Май, 102.

городовъ *jornan* и *castramu*, т. е. Кострома, попавшій такимъ образомъ ниже нынѣшней Казани, такъ какъ онъ помѣщенъ при сліяніи Эдиля съ безъименною рѣкою, идущей съ запада и явно означающей верхнее теченіе Волги, до принятія ею Камы. Эта безъименная рѣка замѣнена на картѣ пициганской изображеніемъ соотвѣтствующей ей рѣки съ припискою: *flm ... tyrus q̃ omniũ.. flmo demondo dicit et maior.* Вѣроятно, эта величайшая въ извѣстномъ тогда мірѣ рѣка названа Тиромъ вмѣсто Тигръ, подъ какимъ именемъ Волга является у Марко Поло (I, 7 ср. Yule, The book of ser M. P. 2 изд. v. I, 9) и у испанскаго миссіонера Пасхаля[12]) — по той же причинѣ, по которой Шильтбергеръ, Контарини и Барбаро подъ тѣмъ же именемъ разумѣютъ рѣку Куръ, быстротою своего теченія не уступающую Тигру, о которомъ Плиній (VI, 27) выражается слѣдующимъ образомъ:... qua tardior fluit Diglitto, unde concitatior a celeritate Tigris incipit vocari. Ita adpellant Medi sagittam. По Тифенталеру[13]), стрѣла по персидски называется «тиръ», а посему и рѣка, по его мнѣнію собственно называлась не Тигрисъ, но Тирисъ (Tiris), стало быть — именемъ, напоминающимъ намъ хотя подобозвучіемъ нашъ Тирисъ (Tyris): «nullo tardior amne Tyras» Овидія (Ex Ponto, IV, 10, 47), т. е. Днѣстръ. Если это сходство не чисто случайное, то оно служило бы подтвержденіемъ мнѣнія, въ пользу котораго приведены были недавно уважительные доводы г. Мюлленгоффомъ[14]), т. е., что Скиѳы Геродота принадлежали къ арійскому племени.

Что Шильтбергеръ, подобно современнымъ ему итальянскимъ дипломатамъ, не по недоумѣнію, но нарочно примѣнялъ къ Куру наименованіе «Тигръ», явствуетъ изъ того, что сія послѣдняя рѣка носитъ у него арабское ея названіе Шатъ, чѣмъ и объясняется, почему она у Барбаро называется Сеттъ.

---

[12]) Mosheim, H. Tart. eccl. p. 194.
[13]) Cp. Forbiger, Hbuch der Geogr. II, 66.
[14]) M. B. d. Acad. zu Berlin, August, 1866.

Зато я не отрицаю, что оба набожные католика вытекающій изъ рая Тигръ думали найти не въ Месопотаміи, но въ Закавказьѣ, гдѣ впрочемъ его отыскивали и наши лѣтописцы (П. С. Р. Лѣт. VI, 88, 89) — съ такимъ же правомъ, съ какимъ другіе писатели помѣщали земной рай въ разныхъ другихъ странахъ стараго и новаго свѣта.

Подобнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Марко Поло и братья Пицигани умѣли различать Волгу отъ Тигра, поелику эта послѣдняя рѣка на ихъ картѣ отмѣчена подъ названіемъ рѣки багдадской, flum de baldach, а знаменитымъ ихъ соотечественникомъ просто названа великою рѣкою, un moult grant flun (1. l. 47). Если же они (ibid. пр. 5 на стр. 8) вмѣсто этой рѣки отождествляли Волгу съ райскимъ Тигромъ, то ошибка ихъ ничего не значитъ въ сравненіи съ страннымъ мнѣніемъ Іоанна Мариньолы [15]), что она составляла только часть Фисона, поелику эта таинственная рѣка, по епископу бизиньянскому, оросивъ область Евилахъ въ Индіи, не только переходитъ въ Китай подъ именемъ Карамора (Карамуранъ, черная рѣка, монгольское названіе Желтой рѣки), но затѣмъ еще снова является за Каффою и образуетъ море Vatuch, т. е. Баку (Каспійское) за Chana, т. е. за Таною.

Сколь бы не показалось смѣлымъ это мнѣніе, тѣмъ не менѣе съ нимъ отчасти сходится гипотеза, выставленная недавно касательно теченія Фисона уважаемымъ географомъ К. Ф. Раумеромъ [16]), съ остроумною аргументаціею котораго да позволено мнѣ будетъ познакомить здѣсь читателей.

Указавъ предварительно на сходство именъ области Евилахъ (Hevilah) и народа Хвалисовъ, по которому Каспійское море было названо Хвалисскимъ, онъ продолжаетъ: «Много есть признаковъ древняго соединенія Каспійскаго моря съ Аральскимъ озеромъ [17]). По указаніямъ древнихъ авторовъ,

---

[15]) Reise ins Morgenland, ed. Meinert, 18.

[16]) Palaestina, IV изд. Der Pison, 462 sqq.

[17]) V. Hoff. Gesch. d. durch Ueberlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche, I, 116, 117; Ritter II, 670.

Каспійское море было гораздо больше нынѣшняго его объема, напр. по Плинію почти вдое больше. По Геродоту и Страбону, Оксъ и Яксартъ изливались въ Каспійское море, а не какъ нынѣ, въ Аральское, которое не было извѣстно древнимъ какъ особенное море; по ихъ понятіямъ, протяженіе Каспійскаго моря отъ В. къ З. было гораздо значительнѣе его протяженія отъ С. къ Ю. въ противоположность къ нынѣшнему. По всей вѣроятности, Оксъ изливался, ок. 1660 года, однимъ рукавомъ въ Каспійское море [18]), которое такимъ образомъ было связано съ Аральскимъ озеромъ водянымъ путемъ».

«Къ С. и къ В. отъ Аральскаго озера до Тобольска простирается большая степь Киргизовъ «ohne relativ sichtbare Anhöhen» (Ritter, II, 648). Въ этой степи съ лѣниво-текущими рѣчками, съ горько-солеными колодцами, солеными озерами и лагунами, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль, нѣтъ ни жилищъ, ни травы, ни лѣса; лошади пропадаютъ отъ горечи водъ и растеній, а повсюду, на глубинѣ двухъ только футовъ, открывается желтоватая, гнилая вода съ худымъ запахомъ. Сто лѣтъ тому назадъ рѣка Сарасу еще изливалась въ Аральское озеро, нынѣ въ Телегулъ, на разстояніи пятидневнаго пути отъ Арала «ein Bild im kleinen vom Gihon und Kaspischen und Aralsee im grossen». И нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ поверхность постоянно измѣняется постепеннымъ высыханіемъ почвы между нижнимъ Сихономъ, верхнимъ Иртышемъ, Тоболемъ и Ураломъ. Съ давнихъ поръ замѣчено, что солончаки, которые тутъ встрѣчаются въ огромномъ количествѣ, также высыхаютъ, и кажется, что соленыя и болотистыя степи ишимскія и барнаульскія суть ничто иное, какъ древнее дно морское, которое тому назадъ тысячилѣтіе было нѣчто среднее между моремъ и материкомъ и составляло продолженіе Каспійскаго моря».

«Подобнымъ образомъ болотистыя пространства, лежащія къ западу отъ устья Оби до устья Печоры, въ старину были

[18]) Ritter, II, 667; Humboldt's Central-Asien II, 446, sqq.

покрыты водою, а оттуда не далеко до Камы, большаго притока Волги. Водораздѣльная черта между этою рѣкою и Двиною — незначительной высоты, поелику обѣ рѣки нынѣ соединены посредствомъ каналовъ».

«Если-бы Каспійское море поднялось на 500 футовъ, то оно, по Риттеру, было-бы въ связи съ Чернымъ моремъ. Между тѣмъ явствуетъ изъ многихъ показаній древнихъ (v. Hoff. I, 106, sqq.) и изъ нынѣшнихъ произведеній природы, что такая связь нѣкогда существовала. Скимну Хіосскому была извѣстна связь между Танаисомъ и Араксомъ. По Валерію Флакку, Черное море простиралось далеко на Сѣверъ и величиною не уступало Средиземному. Соль и раковинки встрѣчаются въ степи къ Сѣверу отъ Каспійскаго моря до Сарпы, и раковинки эти подходятъ къ тѣмъ, которыя находятся въ этомъ же морѣ. По Палласу, водораздѣльная черта между бассейнами Черноморскимъ и Каспійскимъ, при истокѣ Манича, не превышала 71 туаза, или 400—500 футовъ надъ Азовскимъ моремъ».

«Если же Палласъ тутъ правъ, то можно допустить существованіе въ первобытныя времена слѣдующаго воднаго сообщенія: отъ нагорной страны армянской, Фисонъ, или Араксъ, направлялъ свое теченіе въ Каспійскому морю, которое было въ связи съ Аральскимъ; но это послѣднее было въ сообщеніи съ бассейномъ Иртыша посредствомъ низменныхъ степей и солончаковъ. Иртышъ ведетъ насъ къ Оби и къ Ледовитому морю, откуда мы по Печерѣ и Двинѣ возвращаемся къ Волгѣ и Каспійскому морю».

«Но это же водяное сообщеніе опоясало бы Уральскій хребетъ, на западной покатости котораго мы встрѣчали Хвалисовъ, обитателей области Евилахъ (ср. v. Hoff. I, 103)».

«По Діодору Сицилійскому, Черное море и Азовское нѣкогда были въ связи съ Каспійскимъ. Къ западу они были запружены около Византіи, но воды, прорвавшись, образовали Воспоръ, перебрались въ Средиземное море и такимъ образомъ отдѣлили Каспійское море отъ Чернаго. Тогда только этотъ

Уральскій островъ, или окруженная водою область Евилахъ соединилась съ остальною Азіею».

«Извѣстно, что по Моисею область эта изобиловала золотомъ и что въ ней находили беделліонъ и драгоцѣнный камень ониксъ».

«Трудно сказать, что такое беделліонъ[19]) «Nil certi de hoc nomine definiri potest»; но приведенная гипотеза не въ противорѣчіи съ извѣстіемъ Галена и Аеція, по которымъ изъ двухъ родовъ беделліона одинъ былъ арабскій, другой *скиѳскій*. Столь же мало намъ извѣстенъ ониксъ, но зато минералогическое понятіе «золото» никогда не подлежало сомнѣнію».

Въ доказательство, что этотъ металлъ характеризовалъ въ первобытныя времена область Евилахъ, Раумеръ, открывшій эту область въ Уральскомъ хребтѣ, приводитъ разныя статистическія данныя о неимовѣрномъ изобиліи золота, которымъ въ настоящее время отличается этотъ хребетъ, и оканчиваетъ свой экскурсъ о Фисонѣ и области Евилахъ слѣдующими словами: «Вѣроятно, область эта въ допотопныя времена отличалась климатомъ благорастворенным, такъ что въ ней могли водиться слоны, гиппопотамы, носороги и другія животныя, въ настоящее время встрѣчающіяся только въ жаркой полосѣ. Это подтверждается остатками названныхъ животныхъ, найденными въ Сибири».

Что венеціанскіе картографы подъ своимъ Тиромъ разумѣли Тигръ М. Поло, т. е. Волгу, явствуетъ еще изъ того, что у нихъ при теченіи перваго отмѣченъ городъ *tifer*, за которымъ слѣдуютъ ниже по этой же рѣкѣ изображеніе города съ неясною припискою scray и другаго непоименованнаго города. Если бы позволено было видѣть въ этомъ scray прозвище Костромы, (ср. Шпилевскій, 187. *Мнимый* городъ епископальный Сара Великій, etc.), то я полагалъ бы, что подъ непоименованнымъ городомъ скорѣй скрывается Нижній Новгородъ, чѣмъ Казань, тогда еще не существовавшій.

При сліяніи Тира съ Эдилемъ, т. е. на томъ самомъ мѣ-

[19]) Rosenmüller, Scholia in vetus Test. I, 50.

стѣ, гдѣ на картѣ каталанской стоитъ городъ Кострома, пицинганская карта помѣщаетъ безъименный городъ, подъ которымъ чуть ли не разумѣется городъ Ошель (у Татищева Ашля) взятый Русскими въ 1220 году. Противъ него, на лѣвомъ берегу соединившихся рѣкъ, отмѣченъ городъ cormancucho, т. е. болгарскій городъ Керманчукъ, упоминаемый въ нашихъ лѣтописяхъ, безъ точнаго означенія мѣста, гдѣ онъ находился и отождествляемый Березинымъ (l. l. 90; ср. Шпилевскій. Древніе города и пр. въ Казанской губ. Казань, 1877, стр. 54) съ городомъ Кернекомъ, взятымъ Монголами въ 1236 г.

За Керманчукомъ карта пицигапская представляетъ намъ имена и изображенія многихъ городовъ и селъ, или становищъ (casar) по обѣимъ сторонамъ рѣки, одни противъ другихъ, а именно:

на правомъ берегу	на лѣвомъ берегу
lo casar de boca	городъ borgar
casar de sancoga. . . .	» carabolam
casar de arabuh	устье рѣки, изливающейся въ Волгу
lamayram	городъ samar
casar de li bocosi. . . .	устье притока Волги
lo tresch	çiçera, противъ начала острова, образуемаго двумя рукавами Волги (Самарская лука?)
городъ lochahi	yolachi
casa de jarcasi, противъ оконечности приведеннаго острова	городъ taraga
jambalec	» tanice
bazar . . } за Дономъ . bercimam . }	» kabaco, и подъ нимъ, но уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки: salne
между нимъ и Волгою pasagium; за тѣмъ:	городъ kabanco
городъ jaguracam	
» tortanlli	
» cibocary	civitas regio d' sara.

Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ узнается при первомъ взглядѣ, какъ напр. первое и послѣднее изъ отмѣченныхъ на лѣвомъ берегу явно означаютъ города Болгаръ и Сарай. Небольшая русская деревня, отстоящая отъ Волги въ прямомъ направленіи въ 6 верстахъ, расположена среди развалинъ перваго изъ этихъ городовъ, которыя поражаютъ нынѣ еще путешественника своею обширностью, относясь преимущественно къ монгольскому періоду, въ которомъ, по разрушеніи этой столицы Русскими, городъ снова процвѣталъ и даже сдѣлался первою резиденціею хановъ Золотой Орды. Имѣя въ виду важность этихъ развалинъ, огромное количество древностей и монетъ, которые тамъ постоянно находятся и свидѣтельство арабскихъ авторовъ и путешественниковъ о торговыхъ сношеніяхъ и оборотахъ древнихъ волжскихъ Болгаръ, часто занимались вопросомъ, почему же этотъ народъ не избралъ для главнаго своего города болѣе выгодное положеніе на самомъ берегу рѣки? Только въ новѣйшее время этотъ интересный вопросъ былъ окончательно рѣшенъ г. профессоромъ геологіи въ Казанскомъ, теперь ректоромъ Новороссійскаго Университета, Головкинскимъ.

Онъ именно указываетъ [20]) относительно приволжской мѣстности въ Каз. губ. на 4 эпохи: мамонта и носорога, степи, лѣсовъ и современную. Въ современную эпоху высшій уровень Волги упалъ покрайней мѣрѣ на 15 фут., сравнительно съ предыдущею эпохою. При положеніи уровня Волги на 15 фут. выше настоящаго, должна потопляться средняя терраса лѣваго края долины Волги, т. е. между прочимъ, вся низменная часть города Казани и мѣсто, занятое городомъ Спасскомъ. При этомъ вода непремѣнно подходила къ с. Болгарамъ.... По характеру мѣстности весьма возможно, что при Казани и Болгарахъ даже въ межень существовали тогда непересыхавшіе рукава Волги, или русла ея протоковъ. Въ

---

[20]) Древніе остатки человѣка въ Каз. губ., въ Трудахъ 1 съѣзда русск. естествоиспытателей, приведено Шпилевскимъ, 1. 1. стр. 303.

Казани можно считать за остатокъ такого протока Булакъ и три Кабана, въ Болгарахъ болотистую низменность подъ самой горой.

Подъ Сараемъ братья Пицигани могли только разумѣть тогдашнюю резиденцію хановъ, развалины которой по нынѣ сохранились при городѣ Царевѣ на верхней Ахтубѣ, т. е. въ т. н. Новомъ Сараѣ, названномъ Великимъ нашими лѣтописцами. Объ отношеніи сего города къ древнѣйшему Сараю будетъ говорено ниже въ другой статьѣ.

Лежащій между Болгаромъ и Сараемъ городъ Самаръ вѣроятно совпадалъ съ мѣстечкомъ Джемеръ (Hammer, Gesch. d. Gold. Horde, 9), предвѣстникомъ нынѣшней Самары.

Подобнымъ образомъ можно, не ошибаясь, отождествить «çiçera» съ арабскимъ названіемъ острова (и полуострова) «джезире» отзывающагося въ имени города Сызрань, лежащаго при Великой Лукѣ; yolachi — съ турецкимъ словомъ яйлакъ, значущимъ лѣтнія становища, и salne — съ соляннымъ озеромъ, вѣроятно, Элтонскимъ.

Наконецъ, можно догадываться, что carabolam, напоминающее намъ, хотя подобозвучіемъ, урочище Карабулатъ, ниже по Волгѣ лежавшее (Арцыбышевъ, l. l. IV, 1379), было становище татарскаго бека Карабалыка, павшаго въ сраженіи при Важѣ въ 1378 году (Hammer, l. l. 325).

Но зато я уже никакъ не могу себѣ объяснить значеніе именъ: taraga, tanice, kabaco и kabanco, а по сему самому предоставляю болѣе меня свѣдущимъ рѣшить, не вкралась-ли буква n только по ошибкѣ въ послѣднее имя?

Еще труднѣе дать себѣ отчетъ въ значеніи именъ, отмѣченныхъ на правомъ берегу Волги, за исключеніемъ имени lochahi, въ которомъ нельзя не узнать монгольскій городъ Укекъ, совпадавшій съ городищемъ Увѣшинскимъ Книги Большему Чертежу и съ нынѣшнимъ селомъ Увѣкомъ въ Саратовскомъ уѣздѣ [21]). Если же не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь также находился городъ «Oucaca», чрезъ который проѣзжали

---

[21]) См. Fraehn, въ Mém. de l'Ac. d. Sc. de S P. VI série III, p. 73—89.

отецъ и дядя Марко Поло на пути своемъ изъ Болгара въ Бухару, то Френъ вѣроятно ошибся, помѣщая сюда и городъ Окакъ, чрезъ который въ свою очередь проѣзжалъ Ибнъ-Батута на пути своемъ изъ Астрахани въ Судакъ, и который находился на разстояніи десятидневномъ, какъ отъ послѣдняго города, такъ и отъ Сарая. По крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, и мнѣніе мое раздѣляетъ Yule (M. P. 2 изд. II, 488), что арабскій Марко Поло тутъ говоритъ скорѣй о городѣ, находившемся около нынѣшняго Маріуполя, при устьѣ Кальміуса, или Калки, и носившемъ на итальянскихъ картахъ XIV столѣтія, не исключая пициганской, названіе locachi, или locaq, вмѣсто Окакъ, или Укекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ карта наша показываетъ, что и отмѣченный на ней волжскій городъ lochahi, или Oucaca Марко Поло, не *по ошибкѣ* называется на монетахъ и у восточныхъ писателей Укекъ, вмѣсто Увекъ, какъ увѣряетъ г. Артемьевъ [22]) на томъ основаніи, что городъ подъ этимъ именемъ является у писателей XVI вѣка и нынѣ еще слыветъ въ народномъ говорѣ. Что ни то, ни другое въ настоящемъ случаѣ ничего не значитъ, тому можетъ служить примѣромъ прежнее имя Азова; иначе пришлось бы допустить, что и крѣпость эта только по ошибкѣ была названа Монголами и Турками «Азакъ».

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ именъ, отмѣченныхъ на нагорной сторонѣ Волги въ окрестностяхъ Укека, напоминаютъ намъ татарскихъ князей, жившихъ какъ-разъ въ то время, когда братья Пицигани были заняты черченіемъ своей карты. Поэтому приведенныя имена могли отчасти означать становища современныхъ имъ туземныхъ князей. Такъ напр. «casar de boca» напоминаетъ намъ Салтана, сына «бакова» или, пожалуй, какъ читаетъ Савельевъ [23]), бекова, который получилъ въ 1369 г. отъ русскихъ князей лежавшій противъ селенія de boca городъ Болгаръ. Подобнымъ образомъ селеніе arabuh могло быть обязано своимъ названіемъ царевичу Арапшѣ русскихъ лѣто-

[22]) Саратов. губ. въ Списк. насел. мѣстъ, 1862, XXVI.
[23]) Монеты Джучидовъ etc. 1858, II, 222.

писей, т. е. Арабшаху, происходившему, по Абулгази (Савельевъ I. 1. 238), въ шестомъ к… нѣ отъ Шейбана, пятаго сына Джучіева и успѣвшаго, какъ в… …зъ монетъ его 1377—1378 годовъ, властвовать, хотя к… …овременно, въ Золотой Ордѣ. Но еще правдоподобнѣе, что селеніе Арабухъ совпадало, по своему имени и мѣстоположенію, съ нынѣшнимъ *Арбухимскимъ* городищемъ, на правомъ берегу Волги близь села Кріушъ, въ 30 верстахъ отъ Симбирска и въ 20 отъ Сингилея. Изъ ст. г. Невоструева «О городищахъ Древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ» и пр.[24]) мы усматриваемъ, что, кромѣ разныхъ другихъ металлическихъ и глиняныхъ вещей, въ этой мѣстности недавно были найдены мѣдныя и серебряныя монеты съ татарскою надписью. Ниже по рѣкѣ, въ 14 верстахъ къ югу отъ Сингелея, еще въ 1870 году найдено было крестьяниномъ, пахавшимъ землю, древнее татарское (стальное) зеркало, въ одномъ изъ тамошнихъ кургановъ, называемыхъ Чувашами и Татарами «Марами» и напоминающихъ, по крайней мѣрѣ мѣстоположеніемъ, имя [illegible]aуram, отмѣченное на правомъ берегу Волги, непосредственно послѣ имени селенія Арабухскаго.

Наконецъ, да позволено будетъ видѣть въ «casa de jarcasi» резиденцію Черкесъ-бека, не упомянутаго нашими лѣтописцами, но который ханствовалъ въ ордѣ ок. 1375 года, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся монеты, битыя на его имя въ Астрахани (Френъ, Мон. Джуч. 22). По Хондемиру, приведенному Гаммеромъ (Gold. Horde, 316), онъ былъ сынъ Джанибека и вступилъ на престолъ гораздо ранѣе (ок. 1360), что однако не помѣшаетъ намъ отождествить его съ солгатскимъ правителемъ Jharcasso segno (signore), т. е. Черкесъ-бейемъ, которымъ былъ заключенъ договоръ съ Генуэзцами 28 ноября 1380 года. (См. I, стр. 224 и II стр. 145).

Что касается именъ jambalec и jaguracum, то я охотно спросилъ бы, не означало-ли первое мѣстность при устьѣ Ба-

[24]) См. Труды Перв. Арх. Съѣзда въ Москвѣ (1869) 1871, II, стр. 556.

лыклея, который по Книгѣ Большему Чертежу впадалъ въ Волгу 40 верстъ ниже Камышина, и не могла-ли эта мѣстность быть обязана своимъ именемъ тому обстоятельству, что тамъ находилась соборная мечеть, или Джамъ?

Если-же это предположеніе показалось-бы слишкомъ смѣлымъ, то я предложилъ-бы вопросъ, не находились-ли тогда въ этихъ мѣстахъ кочевья Джамболукской орды, къ которой, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Татаринъ «Jambo», провожавшій въ 1421 г. бургундскаго рыцаря Гилльбера де Ланнуа [25]) въ его путешествіи по Новороссійскому краю? Имя же Джаганакамъ, которое, по мѣсту имъ занимаемому на картѣ, ведетъ насъ къ развалинамъ, нынѣ еще сохранившимся въ трехъ верстахъ выше Дубовки, могло означать жилища ханскихъ служителей, обязанныхъ участвовать въ облавахъ съ хортами и ястребами, или такъ называемыхъ Сакарджи и Чакарджи, (Hammer, G. H. 233), вмѣсто коихъ приличнѣе было-бы содержать тутъ стражу для охраненія ханской столицы противъ набѣговъ итальянскихъ промышленниковъ, которымъ не трудно было перебираться съ своими судами изъ Дона въ Волгу чрезъ волокъ, ихъ отдѣляющій, или *pasagium*, какъ онъ названъ на картѣ пициганской. Отмѣченный въ недальномъ отъ него разстояніи, хотя уже за Дономъ, стало быть около Качалинской станицы и Бѣляевской пристани[26]), городъ bercimam съ своимъ базаромъ, явно тождественный съ городомъ berchimam карты каталанской и съ городомъ Belcimen карты Фра-Мавро, совпадалъ вѣроятно съ городомъ «Baltschunkin», мимо котораго прошелъ Тамерланъ на пути изъ окрестностей Ельца внизъ по Дону, къ Азову[27]), равно какъ и съ городомъ Балджаманъ, хотя онъ, по мнѣнію Абульфеды[28]) лежалъ при Итилѣ или Волгѣ, около Царицина.

Наконецъ мы, можетъ быть, не ошибемся, относя къ городу Тортанли (Чертанлей?) развалины каменныхъ зданій, лѣтъ

[25]) Voyages et amb. éd. Mons, p. 25.
[26]) Красновъ, Земли Войска Донскаго, С.-П. 1863, стр. 546.
[27]) Hammer, Gesch. d. G. H. 362, пр. 3.
[28]) Géogr. d'Aboulfeda, trad. par Reinaud, II, 81.

пятьдесятъ тому назадъ еще существовавшія близь села Городища, въ 10 верстахъ выше Царицина, или Сари-чина, въ окрестностяхъ котораго намъ, въ этомъ случаѣ, пришлось-бы отыскивать городъ cibocary, можетъ быть Цибирца (Шпилевскій, 183), хотя онъ именемъ своимъ напоминаетъ городъ Чебоксары, гораздо выше по Волгѣ лежащій [29]).

Изъ приведенныхъ топографическихъ именъ на картѣ каталанской отмѣчены только borgar, *zizera*, *ciutat* de sarra и berchimam. Что-же касается имени *pasgue*, то оно, если только въ немъ не скрывается pasagium карты пициганской, могло означать урочище Бешкызъ, находившееся, по Книгѣ Большему Чертежу, въ 90 верстахъ выше Астрахани.

За этимъ городомъ слѣдуютъ внизъ по теченію Волги, на картѣ каталанской, имена *bachanti* и *mondasi*, изъ коихъ послѣднее также отмѣчено на картѣ пициганской *(mondassi)*, хотя уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Имена эти, напоминающія озеро Башсызъ и урочище Мочакъ Книги Большему Чертежу, Базцыжъ-Мочакъ Никоновской лѣтописи (VII, 220), могутъ послужить для опредѣленія мѣстности, гдѣ находился часто упоминаемый въ лѣтописяхъ городъ Бездежъ, и гдѣ мы должны искать городъ Бундазъ, чрезъ который проѣзжалъ миссіонеръ Юліанъ въ 1236 году [30]).

Далѣе мы встрѣчаемъ на обѣихъ картахъ, но уже на морскомъ берегу, имя *cotaba*, а затѣмъ, на одной только картѣ каталанской, имена *fabinagi*, *cubene*, golf *de terchi* и *therchi*, вмѣсто коихъ карта пициганская намъ представляетъ одну только приписку: *flum terqi*.

Всякій согласится, что подъ этой рѣкой должно разумѣть Терекъ; что golf de terchi — Аграханскій заливъ и что слѣдующее за нимъ имя therchi означаетъ или древній городъ Тарки, въ сосѣдствѣ нынѣшняго, или же, еще вѣрнѣе, городъ Терки, находившійся въ дельтѣ Терека и совпадавшій, какъ

---

[29]) Перетятковичъ, Поволжье, 1877, стр. 237.

[30]) Зап. Одесск. Общ. Ист. V, 1000.

думаютъ, съ знаменитымъ хазарскимъ городомъ Семендеръ, разрушеннымъ Русскими, по Ибнъ-Гаукалу.

Въ этихъ мѣстахъ долженъ былъ также находиться городъ «Uchindjé», взятый Тамерланомъ въ 1396 году [31]), равно какъ и городъ «Origens», чрезъ который проѣзжалъ Шильтбергеръ на пути своемъ изъ Дербенда въ Джуладъ.

Съ этимъ городомъ Оригенсомъ, а не съ Азовомъ или Ургендзомъ, слѣдуетъ отождествить, если я не ошибаюсь [32]), загадочный городъ Орна или Тенексъ (Tornax, Cornax) монаха Альберика, civitas Ornarum Плано Карпини, Арначъ или Орначъ нашихъ лѣтописцевъ и большой городъ «Andjac», который, по свидѣтельству персидскаго поэта Хакани и также Абульфеды [33]), находился въ недальнемъ разстояніи отъ Астрахани, на сѣверномъ берегу Каспійскаго моря. Правда по французскому переводчику арабскаго географа (Reinaud, Géogr. d'Aboulféda), городъ этотъ назывался не Andjac, но Artuanadj; но, если до такой степени ученые расходятся въ чтеніи имени одного и того же города, то не слѣдуетъ удивляться, что имя его могло быть превращаемо лѣтописцами въ Арначъ или Орначъ.

Что городъ этотъ, подобно Оригенсу Шильтбергера, скорѣй находился при Терекѣ, чѣмъ при Джихунѣ, или при Донѣ, явствуетъ еще изъ слѣдующаго мѣста древней поэмы, гдѣ, послѣ описанія побѣды, одержанной Дмитріемъ Донскимъ надъ Мамаемъ въ 1380 году, читается: «кликнули быша дивы въ Русской земли, а глава шибла къ желѣзнымъ вратамъ ли къ *Караначи* Криму и *к* Саоѣ, по морю и къ Которнову, а потомъ ко Царюграду на хвалу русскимъ княземъ» [34]).

Наконецъ, не должно забывать, что лѣтописцы подъ своимъ «Арначъ» едва-ли могли разумѣть столицу Харезма, такъ какъ она у нихъ постоянно называется Юргенцъ.

---

[31]) Cheref eddin, Hist. de Tam. II, 384. ср. Кеппенъ, Кр. Сб. 181.
[32]) См. м. перев. путеш. Шильтб. въ I томѣ Зап. Новор. Универс.
[33]) См. Khanikof, въ Journ. asiat. six. Série, 5, 316, note 2.
[34]) Временникъ Моск. Общ. Ист. XIV, 4.

Непосредственно послѣ города Терки слѣдуетъ на картѣ каталанской baſciax (или baſciay?) при самомъ устьѣ рѣки, вытекающей изъ горнаго хребта, изображающаго явно Кавказъ, хотя ему дано направленіе, параллельное съ моремъ. Къ югу отъ этой безъименной рѣки, подъ которою должно разумѣть или Сулукъ, или же «flum terqi» карты пицигапской, слѣдуютъ одни за другими: *cicie*, *cobaso*, *burch*, *barsac*, *mache*, *abseran*, *fasach* и *derbt*.

Для объясненія этихъ именъ, за исключеніемъ послѣдняго, подъ которымъ легко узнается Дербендъ, было бы необходимымъ рѣшить предварительно вопросъ: относятся ли они къ различнымъ береговымъ пунктамъ, или же къ мѣстностямъ, въ самихъ горахъ находящимся?

На картѣ пицигапской, гдѣ ихъ недостаетъ, отмѣчены только на морскомъ берегу, послѣ Терека: *niche* (м. б. вмѣсто cicie к. к.) *acle*, *Derbent*, съ припискою: *hic est custodia husbeci*, т. е. сторожевая башня на границѣ между владѣніями Узбека и его преемниковъ и владѣніями персидскихъ ильхановъ, именно Абуль-Сеида (Бунзы).

Изъ именъ, отмѣченныхъ на этой картѣ между Дербендомъ и Баку, нѣкоторыя только относятся къ тѣмъ мѣстностямъ, имена коихъ намъ представляетъ карта каталанская на этой части берега.

Вотъ порядокъ, въ которомъ эти имена слѣдуютъ одни за другими:

На картѣ пициг.	На картѣ катал.
caiol est custodia bunsa	caraol (сторожевая башня)
mimio	mumor (р. Самуръ?)
xialtam	xamay (Шемаха)
barmancu	barmanchu (гора Бармакъ)
	barg
	cap de preala (мысъ Апшеронскій, возлѣ котораго островъ «Piralagoi», см. карту у Эйхвальда: Alte Geogr. d. Casp. M.)
bacu	bacu

Точно такимъ же образомъ имена, которыя на обѣихъ картахъ слѣдуютъ одни за другими на остальной части западнаго и на всемъ южномъ берегу Каспійскаго моря, отчасти только могутъ быть примѣняемы къ однѣмъ и тѣмъ же мѣстностямъ, несмотря на то, что прежнія имена ихъ, какъ замѣчаетъ Мельгуновъ [35]), по большей части и нынѣ еще въ употребленіи.

Вотъ списокъ этимъ именамъ:

На картѣ пициганской	На картѣ каталанской
codaspi	costasi
anaz (м. б. вмѣсто araz, т. е. Араксъ)	maumetauat (г. Махмудъ-абадъ)
mogam (равн. Карабагъ) . .	anmaga
daloyo	dolayo (Talych)
	layam (Laydscham)
	renchu (Ranecu)
	caxinam, Caxinaro (Дорнъ, Каспій, 132)
	sangra
dalepe	dalep
ponal	
chilam	gellam (Gilan)
chilam	temelder (Tschelender?)
yelam	allam (Alämrud)
ricobesante	richobesante (Meschediser)
corasam	achdio
neopaya	mopaya
	beeizet
	cap de cilam
mirmadam (гавань Mandradani, у Барбаро)	masandra (Мазендеранъ)
	golf de masandra, заливъ Астрабадскій.
deystam	deystam.

35) Das südl. Ufer des Kasp. M.

Послѣ этого имени, напоминающаго намъ не однимъ только созвучіемъ страну древнихъ «Dahae», карта пициганская, къ сожалѣнію, прерывается, тогда какъ по картѣ каталанской берегъ, который тутъ круто поворачиваетъ на сѣверъ, а затѣмъ постепенно болѣе склоняется къ сѣверо-западу, представляются намъ слѣдующія имена: *golf de d...*, *cavo doschi*, *flum amo*, *amo*, *daldozen*, *ogus*, *punta de sabium* и *fl. dorganci*. Рѣка сія также обозначена на картѣ пициганской, на которой, кромѣ того, на правомъ берегу, отмѣченъ городъ, съ приписокою: *civitas de vorgancio*, т. е. важный въ то время городъ Ургендзъ. Но такъ какъ городъ этотъ лежалъ при Аму-дарьи, то рѣка сія должна была изливаться тогда въ Каспійское море. Странно почему г. Р. Ленцъ, который въ статьѣ помѣщенной въ Mém. de l'Ac. Imp. des sc. de S. Pét. VII série, XVI. № 3, подъ заглавіемъ: Unsere Kenntnisse über den früheren Lauf des Amu Daria, пытался защищать противное мнѣніе, ссылается, между прочимъ, на то, будто бы Клавихо ничего не говоритъ объ устьѣ этой рѣки въ Каспійское море[36]). Но кастильскій посланникъ, напротивъ того, показываетъ намъ всю неосновательность гипотезы г. Ленца, прямо говоря[37]), что «большая рѣка» Віадме (Viadme), оросивши область Самаркандскую и Татарію и отдѣливши Самаркандскія владѣнія отъ Хорасана, изливалась въ Бакинское море. Что Клавихо подъ этой «большой рѣкой», въ которой онъ видѣлъ одну изъ рѣкъ, протекавшихъ изъ рая, могъ только разумѣть Аму, явствуетъ изъ того, что онъ, на пути своемъ изъ «большаго города Vaeq» (т. е. Балкъ) въ Самаркандъ, проѣзжалъ чрезъ нее и затѣмъ прибылъ немедленно въ «большой городъ Termit», т. е. Термедъ, лежащій на сѣверномъ берегу Аму-дарьи. На обратномъ пути, чрезъ «Boyar», т. е. Бухару, Клавихо снова переправился чрезъ Аму-дарью или «Biamo», какъ онъ

---

36) Стр. 14: auch weiss Clavijo im Jahr 1405 nichts von einer Mündung des Amu ins Caspische Meer.

37) Hist. del Gran Tamorlan e Itinerario etc. Madrid 1782 стр. 137, 138

ее тутъ (стр. 199) называетъ. Если же эта рѣка въ 1405 году еще изливалась въ Каспійское море, то становится весьма правдоподобнымъ, что она добиралась до него и въ то время, къ которому относятся карты братьевъ Пицигани и каталанская.

Зато мы, съ помощью послѣдней, въ состояніи рѣшить разные, до нынѣ спорные, вопросы касательно тогдашней гидрографіи Туркестана. Такъ мы, во первыхъ, усматриваемъ изъ нея, что Аму-дарья должна была изливаться нѣкогда въ Каспійское море, по крайней мѣрѣ, двумя рукавами, отдѣленными одинъ отъ другаго довольно значительнымъ разстояніемъ: ибо, кромѣ рѣки Ургендза, она представляетъ намъ еще, гораздо болѣе къ югу, приписку amo, которая также не могла не означать ту же самую рѣку, на которой лежалъ Ургендзъ, т. е. Аму-дарью или древній Оксусъ.

Разбирая различныя мнѣнія, до сихъ поръ выставленныя объ устьяхъ рѣки, на которую теперь, какъ при великомъ царѣ македонскомъ, обращено вниманіе всего образованнаго міра, мы находимъ, что нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Гумбольдтъ (Central-Asien, II, 358), замѣняющій многихъ, убѣждены въ томъ, что Аму-дарья изливалась однимъ или двумя устьями въ одинъ только Балканскій заливъ. Другіе же придерживались того мнѣнія, что она текла не въ этотъ заливъ, но въ Карабугасскій, отстоящій отъ него въ 150 верстахъ. Такъ полагали еще Дженкинсонъ въ XVI столѣтіи, и затѣмъ, между прочими, Бланкеннагель, Левшинъ, Циммерманъ[38]). Наконецъ третьи, какъ напр. Муравьевъ, Эйхвальдъ и Бларамбергъ[39]) склоняются къ мнѣнію, что Аму-дарья достигала Каспійскаго моря двумя рукавами чрезъ Балканскій заливъ, третьимъ же чрезъ заливъ Карабугасскій, или, правильнѣе, чрезъ его продолженіе, озеро Кюли-дарья, хотя уже не прямо съ восточной, но сѣверо-восточной стороны.

---

[38]) Cf. Central-As. изд. Mahlmann, II, 375.
[39]) Зап. Геогр. Общ. IV, 83 и 91.

Достаточно взгляда на каталанскую карту, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что послѣднее изъ приведенныхъ трехъ мнѣній правдоподобнѣе двухъ первыхъ, и что Аму-дарья добиралась до моря различными путями въ одно и то же время, вопреки мнѣнію Гепса[40]), по которому она только со временемъ перешла отъ одного изъ этихъ путей къ другому. Далѣе мы усматриваемъ изъ каталанской карты, что въ XIV столѣтіи рѣка Яксартъ или Сыръ-дарья смѣшала свои воды съ Аму-дарьею. По крайней мѣрѣ, на этой картѣ города *bacara* и *samarchati* помѣщаются, подобно городу *choya*, т. е. Хивѣ, къ югу отъ теченія flum dorganci, тогда какъ Бухара и Самаркандъ лежатъ къ сѣверу отъ Аму-дарьи, между ней и Сыръ-дарьею, въ Мавераннагрѣ, туркестанской Месопотаміи. Притомъ на рѣкѣ Ургендской помѣщены еще города *cogitati* и *cotam*, въ коихъ нельзя не узнать Ходжентъ и Коканъ, которые оба лежатъ не при Аму, но недалеко отъ Сыръ-дарьи. Что и въ этомъ случаѣ нашъ картографъ не ошибся, оказывается изъ доставшейся г. Раулинсону персидской рукописи 1417 года[41]), содержащей подробное описаніе Хорасана, составленное безъименнымъ авторомъ, въ которомъ подозрѣваютъ министра знаменитаго владѣтеля Герата, Шахъ-Рохъ султана. Такъ какъ Мурчисонъ[42]) пытался поколебать достоинство этого безъименнаго труда, то кстати будетъ припомнить съ рецензентомъ новѣйшаго англійскаго перевода книги Марко Поло[43]), что извѣстное сочиненіе Абдорразака, переведенное Катрмеромъ[44]), по большей части списано слово въ слово съ приведенной Гератской рукописи, и что по сему самому къ ней долженъ быть отнесенъ слѣдующій отзывъ французскаго академика о ея копіи: «L'ouvrage est, sans contredit, un des plus cu-

---

[40]) Beiträge II, 9, 16; cf. Centr.-As. II, 377.

[41]) См. Proceedings of the R. Geographical Society, XI, № 3, стр. 116.

[42]) См. его «Adress» въ Journal of the R. Geogr. Soc. XXXVII стр. CXXXV.

[43]) См. Yule's edition of M. P. въ Edinburgh Review, Jan. 1872, стр. 10.

[44]) Not. et extraits etc. XIV, I.

rieux et des plus véridiques, qui aient été écrits dans les langues de l'Orient». Нельзя поэтому не вѣрить безъименному автору самой рукописи, когда онъ говоритъ: «Рѣка Ходжентская, орошая въ нижнемъ теченіи своемъ степи Харезма, соединяется съ Оксомъ и такимъ образомъ достигаетъ, наконецъ, Каспійскаго моря». Изъ этой замѣтки Раулинсонъ заключаетъ, что Яксартъ, около 1417 года, протекалъ ниже Отрара, влѣво отъ нынѣшняго его русла и соединялся съ Оксомъ между Кунградомъ и Хивою. Но такъ какъ Мурчисонъ, по геологическимъ причинамъ, не допускаетъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ могло послѣдовать соединеніе обѣихъ рѣкъ, то онъ и не рѣшается вѣрить персидскому автору, хотя послѣдній говоритъ какъ очевидецъ основательно знакомый съ мѣстностью. Правда, его свидѣтельство не подтверждается никакимъ другимъ источникомъ, ни даже сказаніями древнихъ; но англійскій геологъ напрасно ссылается, въ пользу своего мнѣнія, на это обстоятельство, ибо онъ самъ вообще придаетъ весьма мало вѣса сбивчивымъ показаніямъ древнихъ географовъ касательно гидрографіи средней Азіи. При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что на кипертовой картѣ Турана (Berlin, 1864) отмѣченъ отдѣляющійся ниже Отрара рукавъ Яни-дарья, который, отчасти посредствомъ Кизиль-дарьи, находится въ связи съ Оксомъ, котораго достигаетъ недалеко отъ Ходжейли.

Если-же эта рѣка въ старину была въ связи съ Сыръ-дарьею, то уже нѣтъ надобности спорить о томъ, къ которой изъ нихъ принадлежатъ найденныя въ 1849 году глубокія устья рукава Джани-дарьи [45]). Придется только признать справедливымъ счастливое предположеніе г. Макшеева, что тутъ именно Улу-дарья, главный притокъ Аму-дарьи, *до своего впаденія въ море*, принималъ главный рукавъ Сыръ-дарьи, Джани-дарью, тогда какъ прочіе рукава, не исключая того, на

---

[45]) Макшеевъ, Описаніе Аральскаго моря, въ Зап. Имп. Геогр. Общ. V, 57.

которомъ лежалъ Янкентъ (коего развалины были недавно вновь открыты въ недальномъ разстояніи отъ устья Сыръ-дарьи), терялись еще въ болотахъ, которыя потомъ уже превратились въ большое скопище водъ и образовали нынѣшнее Аральское озеро. Дѣйствительно, оно хотя и было хорошо извѣстно арабскимъ географамъ IX — XII столѣтія, однакожъ вовсе не обозначено на каталанской картѣ и, слѣдовательно, по всей вѣроятности, уже не существовало въ XIV вѣкѣ. По сему самому позволено будетъ думать, что тогдашніе восточные авторы, напр. Якутъ, Абульфеда и Казвини, если еще и упоминаютъ о немъ, то развѣ потому только, что пользовались древнѣйшими источниками, или даже списывали извѣстія объ озерѣ другъ у друга.

По весьма убѣдительнымъ причинамъ, приведеннымъ Ханыковымъ[46]), нельзя не признать справедливымъ его мнѣніе, что періодъ, въ которомъ Аму-дарья перестала течь въ Каспійское море, заключается гораздо вѣрнѣе между IX и XII вѣками по Р. Х., а не между XII и XVI. Но такъ какъ Аральское озеро преимущественно обязано своимъ существованіемъ водамъ, которыя ему доставляютъ Оксусъ и Яксартъ, то и не удивительно, почему оно, существовавъ между IX и XII вѣками, затѣмъ должно было исчезать и могло образоваться вновь тогда только, когда Джейхунъ вторично перестала течь въ Каспійское море. Иначе нельзя будетъ объяснить себѣ причину, по которой ни Плано Карпини, ни Рубруквисъ не говорятъ ни слова объ озерѣ, при описаніи пути своего, приведшаго перваго изъ Сарая въ Янкентъ; посланника же Людовика IX — въ городъ Кенчатъ, вѣроятно тождественный съ городомъ Кендше, лежавшимъ, по Эдриси (tr. p. Jaubert, II, 208), выше по этой рѣкѣ. Во всякомъ случаѣ къ ней относится замѣтка Рубруквиса, что непоименованная имъ большая рѣка, въ окрестностяхъ города Кенчатъ, исчезла въ землѣ:

---

[46]) О перемежающихся измѣненіяхъ уровня К. м. въ Зап. К. Отд. Геогр. Общ., II, 116.

Magnus fluvius qui irrigabat totam regionem secundum quod volebant aquam ducere, nec descendebat in aliquod mare, sed absorbebatur a terra, et faciebat etiam multas paludes.

Что Аральское озеро не успѣло вновь образоваться и въ слѣдующемъ вѣкѣ, явствуетъ притомъ изъ того обстоятельства, что Ибнъ-Батута столь же мало встрѣчалъ его на своемъ пути изъ Сарайчика въ Харезмъ, какъ и Пеголотти, когда описываетъ путь, пролегавшій съ восточнаго берега Каспійскаго моря въ Отраръ[47]).

Ко всѣмъ этимъ отрицательнымъ доказательствамъ справедливости мнѣнія, что Аральское озеро не безъ основательной причины пропущено на картѣ каталанской, приведенная персидская рукопись доставляетъ намъ положительное подтвержденіе. При описаніи азіатскихъ озеръ Безъименный говоритъ объ Аралѣ, которое онъ называетъ Харезмійскимъ озеромъ: «въ старыхъ книгахъ сказано, что это озеро принимало рѣку Оксъ; нынѣ-же, т. е. въ 820 году геджры (1417), озеро сіе уже не существуетъ; ибо Джейхунъ (арабское названіе Аму-дарьи) проложилъ себѣ особый путь къ Каспійскому морю, котораго достигаетъ при Карлавнѣ, какъ будетъ сказано ниже». Въ другомъ же мѣстѣ рукописи, гдѣ описываются азіатскія рѣки, читается: «въ старыхъ книгахъ сказано, что съ этого пункта Джейхунъ поворачивалъ къ Харезмійскому озеру и въ него изливался; но въ настоящее время озеро это уже не существуетъ, такъ какъ рѣка проложила себѣ новое русло, ведущее къ Каспійскому морю, въ которое изливается въ мѣ-

---

47) Послѣ выхода этой статьи въ VIII т. Записокъ Новороссійскаго Университета, нѣкоторые ученые, бывшіе въ Туркестанѣ, изъ нея вывели заключеніе, что итальянскіе картографы ничего не знали о гидрографическихъ отношеніяхъ этой страны. Поэтому я уже намѣревался выразиться осторожнѣе въ настоящемъ ея изданіи. Но затѣмъ рѣшился оставить оное въ прежнемъ видѣ, убѣдившись изъ сочиненія, составленнаго на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій (Аму и Узбой, Самара 1879), что въ XIV столѣтіи рѣка Аму-Дарья изливалась въ Каспійское море.

стности, именуемой Карлавинъ или Акриче. Все почти пространство отъ этого пункта до Харезма состоитъ изъ пустынь». Что и Сейхунъ (Яксартъ), подобно Джейхуну, въ это время не изливался въ Аральское озеро, оказывается между прочимъ изъ слѣдующаго отрывка изъ Записокъ великаго султана Бабера (Leyden's Baber. I), хорошо знакомаго съ топографіею своего роднаго края и признаннаго Юлемъ и даже Мурчисономъ самымъ добросовѣстнымъ и надежнымъ свидѣтелемъ: «Сейхунъ течетъ къ сѣверу отъ Ходжента и къ югу отъ Финакета, нынѣ лучше извѣстнаго подъ именемъ Шахрохіи; затѣмъ, направляя свое теченіе къ сѣверу, онъ переходитъ въ Туркестанъ и, уже не встрѣчаясь съ какой-либо другой рѣкою, тамъ совершенно всасывается въ песчаныхъ степяхъ иисчезаетъ».

Итакъ оказывается, что Аральское озеро, питаемое почти исключительно водами Окса и Яксарта, до начала XVI столѣтія не существовало. Съ другой стороны, намъ представляются, немного спустя, свидѣтельства о новомъ его появленіи. Въ этомъ отношеніи особенно важно показаніе англійскаго купеческаго агента Дженкинсона, который, приставши въ 1559 году къ полуострову Мангишлакъ, оттуда прибылъ къ прежнему устью Окса, гдѣ однако ему передали, что рѣка сія, перемѣнивъ свое теченіе, тогда уже изливалась въ Аральское озеро. Около ста лѣтъ спустя, тамошній владѣтель Абулгазиханъ, въ исторіи своихъ предковъ (ср. Lenz l. l. 25) подробно говоритъ объ этомъ измѣненіи и даже упоминаетъ годъ, въ которомъ Оксусъ снова началъ изливаться въ Аральское озеро, хотя изъ свидѣтельства Дженкинсона явствуетъ, что хронологическое его указаніе не совсѣмъ вѣрно.

При такихъ обстоятельствахъ, неудивительно, что Аральское озеро могло быть упомянуто въ Книгѣ Большему Чертежу, гдѣ оно названо Синимъ моремъ, хотя восточные писатели подъ этимъ именемъ разумѣли Каспійское море, которое и теперь еще такъ называется у Туркомановъ [48]).

---

[48]) Hellwald, D. Russen in Centralasien, 1869 II, N. 1.

Поелику же невозможно, чтобы Аральское озеро означалось какимъ бы то ни было именемъ въ періодѣ, въ которомъ оно вовсе не существовало, то уже не подлежитъ сомнѣнію, что Русскіе, во время владычества Монголовъ, подобно симъ послѣднимъ, подъ Синимъ моремъ разумѣли море Каспійское, а не топкія мѣста, которыя уже въ послѣдствіи образовали Аральское озеро.

Если же, въ чемъ всѣ писатели согласны, такъ называемая Синяя орда обязана своимъ именемъ Синему морю, то не трудно будетъ согласовать между собою сбивчивыя, повидимому, понятія о значеніи и предѣлахъ этой орды.

Такъ напр., обыкновенно полагаютъ, что наши предки подъ Синею ордою разумѣли улусъ старшей линіи Джучидовъ, т. е. потомковъ Орда-Ичена, извѣстный у Монголовъ подъ именемъ Бѣлой (Акъ-орду), тогда какъ Золотая орда нашихъ писателей, или улусъ потомковъ Батыя, у нихъ называется Синею[49].

«Гаммеръ напрасно», говоритъ Савельевъ (М. Джуч. 159) «упрекаетъ всѣхъ русскихъ историковъ въ неправильномъ употребленіи этого слова: оно основано на старинномъ употребленіи на Руси».

Но дѣло въ томъ, что Русскіе столь же хорошо умѣли различать Бѣлую орду отъ Синей, какъ Монголы различали послѣднюю отъ Золотой (Шира или Сари-орду); ибо тѣ и другіе подъ Синею ордою разумѣли одинъ только улусъ потомковъ пятого сына Джучіева, Шейбана, которому, въ награду за храбрость, оказанную въ Батыевомъ походѣ на Русь, даны были въ удѣлъ кочевья въ окрестностяхъ *Каспійскаго моря;* ибо лѣтнія находились при Яикѣ, а зимнія у Сыръ-дарьи, и такимъ образомъ отдѣляли Золотую орду отъ Бѣлой, которая обнимала сѣверную половину позднѣйшаго коканскаго царства.

Если же въ повѣсти о Тамерланѣ говорится о Синей

---

[49]) Кӧкъ-орду, cf. Hammer I. l. 249, 252, 327 и др.

ордѣ, какъ о самаркандской, лежавшей за Желѣзными вратами, въ сосѣдствѣ съ Индіею, то нельзя не согласиться съ г. Срезневскимъ[50]), что она представляется не тѣмъ, что Синяя орда, надъ которой господствовалъ въ 1455 году Сиди-Ахмедъ, въ улусахъ котораго отецъ Дмитрія Шемяки судился съ великимъ княземъ (*И. Г. Р.* V, пр. 350 и 351). Во всякомъ случаѣ Карамзинъ (изд. Эйнерл. V, 26) не долженъ былъ сказать, что посланники сего царя, или что приведенный выше Арабшахъ, прибывшій въ Мамаеву орду изъ Синей орды, — пришли съ береговъ Синяго или «Аральскаго» моря.

Въ свою очередь Гаммеръ (l. l 324) напрасно нападаетъ на русскихъ лѣтописцевъ за то, что они Синюю орду, изъ которой пришелъ царевичъ Арапша, различаютъ отъ Золотой, которую баронъ отождествляетъ съ Синею: «welche die der Nachkommen Batus».

Наконецъ Френъ (ibid. 582), замѣтивъ, что еще прежде автора Исторіи Золотой Орды, Татищевъ былъ убѣжденъ въ томъ, что подъ Синимъ моремъ первоначально разумѣлось не Аральское, а Каспійское, долженъ былъ съ ними согласиться, вмѣсто того, чтобы сказать, съ полною увѣренностью непогрѣшимости своихъ собственныхъ воззрѣній: wenn das seine Richtigkeit hätte, so würde ein ganzes Revier der Asiatischen Geographie für uns ganz anders gestaltet.

Послѣ flum d'Organci слѣдуетъ на картѣ каталанской *cavo de stayra* и возлѣ этого мыса изображеніе города съ припискою civitas de... Этотъ безъименный городъ могъ быть Estrana, откуда, по Пеголотти, индѣйскіе товары доставлялись моремъ въ Астрахань, если только флорентинскій commis voyageur не имѣлъ тутъ скорѣй въ виду городъ Strava, т. е. Астрабадъ (Eichwald l. l. 106).

Затѣмъ мы встрѣчаемъ на той же картѣ: *cavo suncho*, *cochinachi* и *memnemeselach*. Въ послѣднемъ имени легко

---

[50]) Хоженіе за три моря etc. въ Уч. Зап. кн. II, отд. 3 р. 241.

узнается полуостровъ Мангишлакъ, превращенный на картѣ пицигановой въ *melmeselack*.

Къ сожалѣнію, на этой картѣ не достаетъ имени, весьма неясно отмѣченнаго на картѣ каталанской на самомъ полуостровѣ, такъ что нельзя ручаться въ томъ, что оно гласило *mansuna*, какъ полагаютъ французскіе издатели.

Наконецъ намъ еще представляются между полуостровомъ и дельтою Волги слѣдующія имена:

на картѣ пициг.	на картѣ катал.
trestago	trestargo
golfo de moranty . . .	golf de monumentis
conilicaty	flum layech
flum laych	catolicati
jaiete	cremis
boca de lo sara.	

Изъ обѣихъ картъ мы усматриваемъ, что Трестаго, или Трестарго былъ городъ и что онъ лежалъ гдѣ-то на сѣверномъ берегу Мертваго Култука, совпадавшаго съ заливомъ de moranty или de monumentis, какъ по мѣсту имъ занимаемому на обѣихъ картахъ, такъ и по значенію обоихъ его именъ.

Труднѣе угадать значеніе имени Трестаго или Трестарго. Пешель (Gesch d. Erkunde, 156) отождествляетъ городъ этотъ съ Терескендомъ; по моему же мнѣнію, онъ скорѣй совпадалъ съ урочищемъ Учуканъ, или, правильнѣе, Учьаканъ (три ручья). По обнародованному г. Григорьевымъ «Описанію Хивинскаго царства», составленному въ 1803 году[51]), въ этомъ урочищѣ, находящемся при Каспійскомъ морѣ между рѣкою Ембою и Мангишлакомъ, сохранились развалины каменныхъ зданій, построенныхъ, по словамъ кочующихъ, ордами Чингисхана.

Не сомнѣваясь въ тождествѣ рѣки laych, или layech, съ Яикомъ, можно догадываться, что conilicaty карты пицигановой и catolicati карты каталанской должны были означать одну и ту же мѣстность, и что по сему въ одной изъ нихъ

---

[51]) Зап. И. Г. Общ. I, 110.

она отмѣчена не на той сторонѣ рѣки Урала, гдѣ находилась. Не берусь разбирать, гдѣ тутъ истина, не осмѣливаясь слышать въ обоихъ именахъ искаженіе имени Гюлистанъ эль-Джедидъ, тѣмъ болѣе, что мѣсто, гдѣ находилась эта резиденція ханская, еще не опредѣлено съ точностью [52]).

Къ сѣверу отъ Коппликати мы встрѣчаемъ на картѣ пиццаганской, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, изображеніе безъименнаго города и возлѣ него какого-то зданія съ приписковою: *torcal, id est sepulcrum imperat. q. decedunt circa flum de sara.* Эта замѣтка, свидѣтельствуя, что тутъ явно говорится о Сарайчикѣ на Уралѣ, гдѣ хоронились ханы Золотой орды (ibid. 28), вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ послужить для объясненія слѣдующаго темнаго мѣста въ книгѣ Большему Чертежу (p. 78): «Да изъ Яика-жъ рѣки, съ лѣвыя стороны, выше Сорочика острова 25 верстъ потекла протока въ море Саваклы; протоку *изъ Терка* до моря 70 верстъ, моремъ же отъ усть тое протоки до усть Яика, 25 верстъ».

За именемъ этой рѣки отмѣченъ на той же картѣ, вмѣсто имени *cremis* карты каталанской, городъ *jaiete*, къ которому относятся, быть можетъ, развалины, нынѣ еще видимыя въ Селитряномъ городкѣ, называемомъ также Джигитъ, по имени мусульманскаго святаго, тамъ погребеннаго (Григорьевъ, l. l. IX, 458).

Наконецъ, слова boca de lo sara, отмѣченныя на пиццаганской картѣ противъ устья самаго восточнаго рукава Волги, заставляютъ насъ думать, что рукавъ этотъ служилъ звеномъ, соединявшимъ столицу Золотой орды съ Синимъ моремъ.

---

[52]) См. Григорьевъ, Мѣстоп. Сарая, въ Журн. М. Вн. Дѣлъ IX, 213 и X, 31.

IV.

Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи [1]).

Походы Каракаллы, познакомившіе Римлянъ съ именемъ Алламановъ, привели ихъ также (около 215 г. по Р. Х.) въ столкновеніе съ Готами, вышедшими, по древнему преданію, изъ Скандинавіи, а затѣмъ, во 2-мъ и 3-мъ столѣтіяхъ нашей эры, отъ устьевъ Вислы и Янтарнаго берега распространившими свою власть надъ равнинами, прилегающими къ югу и востоку отъ Карпатовъ до устьевъ Дуная и до Сѣвернаго берега Чернаго моря. Оттуда они, при первыхъ преемникахъ Каракаллы, неоднократно нападали на римскія провинціи по обѣимъ сторонамъ Дуная и проникли во Ѳракію, гдѣ въ борьбѣ съ ними палъ императоръ Децій, близь нынѣшней Варны, въ 251 году. Распаденіе римской имперіи казалось неминуемымъ, когда послѣ краткаго царствованія непосредственныхъ преемниковъ Деція, Галла и Волузіана, вступилъ на престолъ Валеріанъ, въ 254 году. Терзаемая внутри междоусобіями и чумою, она вмѣстѣ съ тѣмъ подвергалась и нападеніямъ Персовъ съ восточной стороны; съ западной-же разныхъ германскихъ племенъ. Тогда какъ Франки, Аламаны и Маркоманы вторгались въ предѣлы имперіи чрезъ Рейнъ и верхній Дунай, Черноморскіе Готы съ союзными имъ Карпами, Боранами и другими, переправившись чрезъ нижній Дунай, опустошили Ѳракію и

---

[1]) Изъ XXIV тома Записокъ Имп. Акад. Наукъ (С.-П. 1874).

Македонію, гдѣ начали осаду Ѳессалоники и привели въ трепетъ всю Грецію.

Тогдашніе Греки не походили на великихъ своихъ предковъ, но утопали въ нѣгѣ и роскоши тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ уже отвыкли, вслѣдствіе политики римской, отъ воинскихъ упражненій и отъ участія въ публичныхъ дѣлахъ. Но и римскіе гарнизоны были тогда незначительны въ Греціи, да и тамошнія крѣпости были въ худомъ состояніи. Понятно, что извѣстіе о приближеніи Готовъ должно было тамъ произвести сильное впечатлѣніе. Повсюду взялись за оружіе, старались охранять Ѳермопильское ущелье, между тѣмъ какъ Аѳиняне спѣшили возстановить городскія стѣны, бывшія со временъ Митридата въ развалинахъ. Пелопоннезцы въ свою очередь приступили къ укрѣпленію Коринѳскаго перешейка.

Но на этотъ разъ опасность, грозившая Греціи, минула; ибо Готы, послѣ неудачной осады Ѳессалоники, возвратились во свояси, обремененные богатой добычею.

Между тѣмъ восточныя ихъ собратья, ставъ твердою ногою въ Крыму, готовились къ нападеніямъ на восточный и на южный берега Чернаго моря, охраняемые дотолѣ Воспорцами, союзниками Римлянъ. Обстоятельства перемѣнились вслѣдствіе внутреннихъ споровъ, открывшихся въ этомъ царствѣ и побудившихъ его жителей предложить Готамъ быстрыя на ходу суда свои, названныя камарами и вмѣщавшія въ себѣ, каждое, отъ 25 до 30 человѣкъ. На подобныхъ судахъ, управляемыхъ опытными воспорскими моряками, Готы отправлялись, въ 255 году, въ завѣтную Колхиду, гдѣ находился извѣстный портовый городъ «Pityus», нынѣ Пицунда. Построенный въ древности Греками и затѣмъ разрушенный горцами, онъ снова былъ укрѣпленъ Римлянами, которые подъ начальствомъ энергическаго комменданта Сукцессіана, съ успѣхомъ защищали его отъ Готовъ. Положеніе послѣднихъ даже становилось весьма опаснымъ, потому что они отпустили часть флота своего домой и опасались возстанія прочихъ мелкихъ римскихъ крѣпостей, ими покоренныхъ на пути своемъ. Впрочемъ Готамъ удалось возвра-

титься безъ большихъ потерь. (Объ этомъ походѣ и о слѣдующихъ, см. Bernhardt, Gesch. Roms etc. Berlin, 1867 и Oberdick, Die römerfeindlichen Bewegungen im Orient, Berlin, 1869 — гдѣ приведены источники). Они не замедлили даже предпринять туда же новый походъ, когда узнали, что императоръ Валеріанъ назначилъ Сукцессіана префектомъ преторіанцевъ и перевелъ въ Антіохію, для возстановленія сего города, только что разрушеннаго Персами.

Отправившись въ 256 году, снова на воспорскихъ судахъ, Готы въ этотъ уже разъ не дозволили имъ возвратиться послѣ того, какъ пристали къ берегу близь устья Фазиса (къ югу отъ устья Ріона, при озерѣ «Паліостомо») — въ той мѣстности, въ которой, по преданію, стоялъ нѣкогда дворецъ Аэтеса съ рощею, гдѣ сохранялось золотое руно и гдѣ еще показывали якорь, принадлежавшій Аргонавтамъ. Тутъ же находился городъ Фазисъ, также построенный Милезійцами и превращенный Римлянами въ сильную крѣпость съ гарнизономъ изъ 400 человѣкъ отборнаго войска. Недалеко отъ города возвышалось святилище мѣстной богини, кумиръ которой былъ подобенъ знаменитой статуѣ Фидія въ Метропѣ Аоинъ и воздвигнутъ, какъ явствуетъ изъ его аттрибутовъ въ честь богини Кибелы[2]). Богатства сего святилища въ особенности прельщали Готовъ; но предпріятіе ихъ неудалось, что̀ и побудило ихъ обратиться снова противъ Питіуса, которымъ въ этотъ разъ они овладѣли. Успѣхъ этотъ побудилъ ихъ попытаться завладѣть Трапезунтомъ, на каппадокійскомъ берегу Понта, основаннымъ жителями города Синопе въ 1 году шестой Олимпіады (стало быть въ одно время съ Римомъ) и отстоявшимъ въ 2260 стадіяхъ, т. е. около 380 верстъ отъ Діоскурія или позднѣйшаго Севастополя, недалеко отъ нынѣшняго Сухумъ Кале. Трапезунтъ процвѣталъ въ особенности въ римскомъ періодѣ, именно при Траянѣ и Адріанѣ, изъ коихъ первый сдѣлалъ его главнымъ городомъ провинціи, а второй — устройствомъ отличной гавани

[2]) Rhea Cybele, см. Preller, Gr. Myth. I, 502—514.

оказалъ большую услугу матеріальнымъ его выгодамъ. Хотя Трапезунтъ былъ сильно укрѣпленъ и охраняемъ значительнымъ гарнизономъ, тѣмъ не менѣе Готамъ удалось, при безпечности и недостаткѣ дисциплины въ римскомъ войскѣ, ворваться ночью въ городъ, откуда они возвратились лѣтомъ въ 257 году съ несмѣтною добычею. Это побудило ихъ земляковъ предпринять скоро новый походъ, хотя уже, по случаю приближающейся зимы, не моремъ, но сухимъ путемъ.

Прошедши мимо городовъ Истроса, Томи и Анхіала они достигли находящейся недалеко отъ Византіи бухты Филейской, гдѣ, захватя большое число рыбачьихъ лодокъ, переправились на азіатскій берегъ съ цѣлью напасть на Халкедонъ. Овладѣвъ предварительно извѣстнымъ храмомъ Юпитера при выходѣ изъ Чернаго моря, они безъ труда заняли оставленный жителями и гарнизономъ городъ, который разграбили. Подобная участь постигла затѣмъ славные тогда города Никомедію, Никею, Кіосъ, Апамею и Прузу, послѣ чего Готы возвратились весною 258 г. съ огромною добычею, хотя разлитіе Риндака и помѣшало ихъ намѣренію овладѣть главнымъ городомъ Виоиніи Кизикомъ.

Прекратившіеся на время набѣги Готовъ возобновились съ большею силою, когда до нихъ дошло извѣстіе о плѣненіи императора Валеріана Персами.

Такъ они, еще въ 262 году, снова проникли во Ѳракію и Македонію, между тѣмъ какъ другіе отряды опустошили Малую Азію, гдѣ между прочимъ разрушили знаменитый храмъ Діаны въ Ефесѣ. Два года спустя Готы съ сѣвернаго берега Чернаго моря снова перебрались въ Малую Азію и разоряли Каппадокію и Галатію, пока не принуждены были возвратиться во свояси шедшимъ имъ на встрѣчу владѣтелемъ Пальмиры Оденатомъ. И всетаки Готы, немедленно по смерти императора Галліена въ 268 году, собрались въ новый походъ, по числу участниковъ далеко превышавшій всѣ прежніе ихъ набѣги, если ихъ ополченіе и не доходило до 320,000 человѣкъ, не считая старцевъ, женъ и дѣтей. Во всякомъ случаѣ столь

огромное число людей никакъ не могло бы помѣститься на 2,000[3]) или, пожалуй, на 6,000 судахъ (по Зосиму, I, 42), на которыхъ Готы отправились въ путь съ устья Днѣстра.

Впрочемъ съ самаго начала предпріятія Готамъ пришлось бороться съ разными препятствіями. Уже на Черномъ морѣ многія изъ судовъ погибли отъ бури; другія хотя и приставали къ разнымъ гаванямъ азіатскаго и европейскаго берега, но безуспѣшно: главные изъ прибрежныхъ городовъ удачно отразили враговъ; остальныя же мѣстности, уже разоренныя прежними ихъ набѣгами, еще не успѣли оправиться отъ своего опустошенія и не представляли желанной добычи. Наконецъ часть Готовъ пробралась въ Средиземное море, разграбила острова Родосъ, Критъ и Кипръ, тогда какъ бóльшая часть ихъ проникла въ Македонію и осадила главный городъ ея Θессалонику. Варвары уже надѣялись имъ овладѣть; вдругъ они узнали, что противъ нихъ выступилъ съ отборнымъ войскомъ императоръ Клавдій, преемникъ Галліена, еще прежде отличившійся въ борьбѣ съ ними. Готы тогда сняли осаду съ Θессалоники и отступили къ сѣверу; но они были настигнуты Римлянами, нанесшими имъ рядъ пораженій и окончательно ихъ разбившими въ сраженіи при Наиссѣ (нынѣ Нишъ, въ Сербіи); оно стоило Готамъ 50,000 человѣкъ и доставило Клавдію почетное прозвище «Gothicus» (269).

Въ этой войнѣ отличился въ особенности бывшій потомъ императоромъ Авреліанъ, котораго потому-то именно императоръ назначилъ намѣстникомъ въ Иллиріи, поручивъ въ тоже время тогдашнему префекту Египта (также впослѣдствіи императору) Пробу, съ содѣйствіемъ александрійскаго флота, прекратить разбои Готовъ на морѣ, что Пробъ и выполнилъ безъ большаго труда, такъ какъ Готы, избѣгая встрѣчи съ нимъ, спѣшили возвратиться домой съ набранною въ Архипелагѣ добычею. Безъ сомнѣнія Клавдій, въ письмѣ къ сенату, ужъ слишкомъ увлекается, когда, между прочимъ, говоритъ:

---

[3]) Hist. Aug. Claud. c. 8; Ammian. Marc. XXXI, 5, 15.

«delevimus trecenta millia Gothorum, duo millia navium mersimus», однако-же пораженіе имъ нанесенное Готамъ было для нихъ весьма чувствительно, какъ можно заключить изъ того, что въ теченіе цѣлаго столѣтія они болѣе уже не нападали на имперію. Правда, ихъ можетъ быть менѣе удерживало римское оружіе, чѣмъ мудрая политика преемника Клавдія, Авреліана, добровольно имъ уступившаго Дакію.

Съ этихъ поръ греческіе и римскіе писатели часто смѣшивали Готовъ, по сходству ихъ имени, съ Гетами (Даками), и сами Готы стали воображать себѣ, что предки ихъ уже обитали въ Дакіи и воевали съ Даріемъ Гистаспомъ и съ Александромъ Македонскимъ. Хотя уже многими учеными и было доказано, что это мнѣніе лишено всякаго основанія, тѣмъ не менѣе оно нашло защитника въ знаменитомъ Яковѣ Гриммѣ, который сверхъ того въ позднѣйшихъ Датчанахъ открылъ потомковъ Даковъ.—Впрочемъ неосновательность его доводовъ, послѣ опроверженія ихъ г. Куникомъ [4]) и др., признана въ ученомъ мірѣ, и я полагаю излишнимъ здѣсь распространяться о нихъ.

Въ новыхъ своихъ жилищахъ Готы сблизились съ понтійскими Греками и въ этомъ обстоятельствѣ, можетъ быть, мы должны признать одну изъ тѣхъ причинъ, по которымъ они впослѣдствіи отличались отъ своихъ соотечественниковъ высшею степенью образованности и бо́льшими успѣхами въ искусствахъ, тогда еще процвѣтавшихъ въ прежнихъ эллинскихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Понта. Изъ этихъ колоній многія, въ томъ числѣ Пантикапеонъ, Фанагорія, Ѳеодосія, Танаисъ, входили въ составъ Воспорскаго царства, которое само находилось подъ верховною властью Римлянъ; другія же находились непосредственно въ большей или меньшей зависимости отъ послѣднихъ, какъ-то Тирасъ, Ольвія и Херсонисъ.

Извѣстно, что здѣсь, равно какъ и въ Воспорскомъ царствѣ, съ давнихъ поръ существовали христіанскія общины;

---

[4]) Krit. Bemerk. въ Bull. hist.-phil. VII, № 18—23.

поэтому тамошніе Готы не могли не познакомиться съ обрядами христіанства еще до того времени, когда туда возвращались изъ своихъ набѣговъ на Каппадокію съ плѣнниками, которымъ обыкновенно приписываютъ распространеніе между ними ученія Спасителя.

Дѣйствительно, мы узнаемъ изъ письма епископа неокесарійскаго Григорія, и изъ другаго мѣста его сочиненія, что еще въ 258 году крымскіе Готы исповѣдывали христіанскую вѣру, а именно православіе, такъ какъ около половины 3-го столѣтія не могло быть и рѣчи объ аріанизмѣ[5]). Къ нимъ, безъ сомнѣнія, относится также то, что св. Аѳанасій говоритъ (подъ гг. 319—321) о вліяніи христіанства на варваровъ и о мученической смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, православіе крымскихъ Готовъ явствуетъ изъ того обстоятельства, что къ числу подписавшихъ рѣшеніе Никейскаго собора принадлежалъ *готскій* епископъ Ѳеофилъ, Theophilus Bosporitanus.

Напрасно Кёппенъ (Крымскій Сборникъ стр. 65) хочетъ его отождествить съ извѣстнымъ апостоломъ Готовъ Вульфилою, такъ какъ сей послѣдній скончался около 380 года (по Бесселу, Leben des Ulfilas, до 381 года; по Вайцу, Leben und Lehre des Ulfila, даже въ 388 году), достигши 70-лѣтняго возраста, слѣдовательно во время Никейскаго собора былъ еще малолѣтенъ. Касательно его происхожденія и религіозной дѣятельности ученые еще до нынѣ расходятся въ мнѣніяхъ, что неудивительно при сбивчивости извѣстій, переданныхъ намъ о немъ современными церковными историками. При всѣхъ различіяхъ въ частности, они (Сократъ, Созоменъ, Ѳеодоритъ) утверждаютъ, будто бы онъ былъ приверженцемъ православія, но затѣмъ, въ угожденіе усердному аріанину императору Валенту, взялся распространить лжеученіе Арія у Готовъ. Но съ подобнымъ взглядомъ трудно согласовать сви-

---

[5]) Mascov, Gesch. d. Teutschen I, 173, привед. у Pallmann'a, Die Gesch. d. Völkerwanderung, 1863, p. 65. n. 2.

дѣтельство самаго Вульфилы, который въ началѣ своего аріанскаго исповѣданія, говоритъ: «Ego Ulfila semper sic credidi» (Текстъ Фрагмента у Waitz'a, p. 21). Такое же мнѣніе о религіозныхъ его убѣжденіяхъ приводитъ аріанскій историкъ Филосторгій, котораго поэтому Фотій, передавшій намъ извлеченіе изъ его труда, не долженъ былъ назвать прямо лжецомъ (Phot. bibl. № 40). Зато ученый патріархъ едва ли ошибся бы, если бы усомнился въ достовѣрности извѣстія у того же историка, что родители Вульфилы были изъ числа плѣнниковъ, приведенныхъ Готами во время ихъ набѣговъ на Каппадокію; по крайней мѣрѣ, судя по его имени, онъ родомъ былъ скорѣе Готъ, нежели Грекъ или Римлянинъ; чѣмъ впрочемъ еще не рѣшается вопросъ о его происхожденіи, какъ показалъ г. Васильевскій (Житіе Іоанна Готскаго, въ Ж. М. Н. Просв., іюнь 1877, стр. 101), который тутъ же, не безъ основанія, не считаетъ нужнымъ выводить изъ приведенныхъ словъ Вульфилы, что онъ не могъ быть православнымъ христіаниномъ до принятія имъ ложнаго ученія Арія.

Во всякомъ случаѣ можно сказать утвердительно, что, посвященный въ епископы Евсевіемъ († 341) около 340 года въ Константинополѣ, Вульфила былъ посланъ оттуда миссіонеромъ къ Вестготамъ или Тервингамъ (отъ triu, дерево, стало быть нѣмецкіе Древляне), обитавшимъ въ Траяновой Дакіи (Трансильваніи и Валахіи), и въ смежной съ ней части Мизіи (Молдавіи и Бессарабіи), и отдѣленнымъ рѣкою Днѣстромъ отъ Остготовъ или Грейтунговъ (отъ griut, песокъ, степь, Поляне), въ степяхъ между Днѣстромъ и Дономъ, равно какъ и въ Крыму. Тогда какъ православіе рано имѣло послѣдователей между тамошними Готами, западные ихъ собратья были еще язычниками, когда изъ Константинополя къ нимъ возвратился Вульфила. Вѣроятно онъ еще до этого перевелъ для нихъ библію (за исключеніемъ Царственника), составивши предварительно готскій алфавитъ изъ греческихъ буквъ и нѣсколькихъ рунъ.

Подраздѣленные на разныя колѣна, Тервинги управлялись

королями изъ дома Бальтовъ (Balth—отважный), тогда какъ короли Грейтунговъ были изъ дома Амаловъ или Амелунговъ.

Къ нимъ принадлежалъ Эрманрихъ, при которомъ могущество Остготовъ достигло высшей степени.

Кромѣ сродственныхъ Готамъ Геруловъ, обитавшихъ при Меотидѣ, онъ подчинилъ своей власти Язиговъ, Роксолановъ, Венедовъ и прибалтійскихъ Аистовъ (Aestii, вѣроятно литовскаго племени). Еще до этого имъ покорены были разные другіе народы сѣвера, имена которыхъ являются у Іорданиса (XXIII) въ столь искаженномъ видѣ, что даже Шафарикъ[6]) отказывается отъ объясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ; зато съ нимъ нельзя не согласиться, когда онъ въ остальныхъ узнаетъ имена: Чудь, Мордва, Весь, Меря, Черемись и, можетъ быть, также—позднѣйшихъ Пермяковъ, Ятвяговъ и Голядовъ. Но, если такъ, то авторъ Славянскихъ древностей (428) напрасно упрекаетъ Іорданиса въ томъ, что онъ безсовѣстно (unverschämt) преувеличилъ подвиги Готовъ, въ особенности же Эрманриха, тѣмъ болѣе, что на обширности его завоеваній намекаетъ также Амміанъ (XXXI, 3), когда его называетъ: bellicosissimus rex et per multa variaque fortiter facta vicinis nationibus formidatus, сказавъ предварительно, что ему были подвластны late patentes et uberes pagi. Что главныя дѣйствія его не оставались неизвѣстными и другимъ римскимъ писателямъ, явствуетъ притомъ изъ замѣтки Іорданиса, что «nonnulli majores» сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ. Если же никто изъ нихъ, сколько намъ пока извѣстно, не говоритъ подробнѣе о завоеваніяхъ Эрманриха, то тому причина вѣроятно та, что въ его царствованіе Римляне разъ только столкнулись съ Грейтунгами, и то случайно, когда императоръ Валентъ, усмиривъ возставшаго противъ него родственника Юліана Прокопія, хотѣлъ наказать Тервинговъ за участіе, принятое ими въ дѣлѣ послѣдняго.

Война съ ними началась въ 367 году, продолжалась три

---

[6]) Slav. Alterthümer, I, 304.

года и кончилась миромъ на прежнемъ основаніи, съ нѣкоторыми впрочемъ тягостными для Готовъ ограниченіями. Для насъ эта война имѣетъ мѣстный интересъ, потому что въ ней императоръ проникъ въ нашъ край «далѣе, чѣмъ когда либо прежде посланники» (Ammian. XXVII, 5). Именно, въ 369 году переправившись чрезъ Дунай при Новіодунумѣ, близь нынѣшняго г. Исакчи [7]) въ «barbaricum», или землю Вестготовъ, Римляне, послѣ многихъ переходовъ, добрались до границъ «храбрыхъ» Грейтунговъ, куда предъ ними отступилъ вестготскій начальникъ, «judex potentissimus» Атанарихъ

Такимъ онъ значится у Аммiана; но у другихъ современныхъ писателей онъ титулуется dux ἡγεμών, regulus, и даже rex и βασιλεύς (ср. Köpke, D. Anfänge des Königthums bei den Gothen). Признавая поэтому ошибочнымъ мнѣніе, часто высказанное, что Атанарихъ былъ только вассаломъ или «генераломъ» Эрманриха (ср. Pallmann, l. l. 85, пр. 2), мы вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваемъ, что чужестранцы не могли себѣ дать отчета въ значеніи перваго между его соотечественниками. Но такъ какъ вышеприведенные титулы примѣняются не

---

[7]) Съ давнихъ поръ съ этой мѣстностью были связаны важныя по своимъ слѣдствіямъ событія. Здѣсь, по всей вѣроятности, переправился чрезъ Дунай Александръ Македонскій (см. ч. I, стр. 40). Что и въ римскомъ періодѣ этотъ важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ не былъ преданъ забвенію, явствуетъ изъ надгробныхъ камней съ латинскими надписями, найденными на противуположной сторонѣ Дуная близь колоніи Карталъ (Зап. Од. Общ , I, 627), откуда начинаются ряды свай въ плавняхъ образуемыхъ рѣкой, т. е. слѣды деревяннаго моста. Въ ближайшія къ намъ времена подобный мостъ могъ только быть построенъ владѣтелями праваго лѣсистаго берега Дуная, но уже не для войска, которое по безлѣсной степи двинулось къ рѣкѣ. Турецкій географъ Гаджи-Хальфа (Hammer, Rumili und Bosna, 33) говоритъ, что султанъ Османъ II, въ походѣ своемъ противъ Польши въ 1029 (1620) г., велѣлъ наводить мостъ при Исакчѣ для переправы своей арміи, причемъ еще замѣчаетъ, что тутъ съ давнихъ поръ была главная переправа Молдаванъ, Татаръ и Венгерцевъ. Въ 1789 г. 90,000 Турокъ перешли чрезъ Дунай по мосту у Исакчи, откуда двѣ трети отправились, къ своему несчастію, на встрѣчу Суворову, оставивъ остальную часть стражею у моста.

Къ этому времени относятся вѣроятно сваи, сохранившіяся понынѣ въ плавняхъ картальскихъ.

только къ имени Атанариха, но и другаго современнаго ему предводителя Вестготовъ, Фритигерна, то ясно, что у нихъ еще не водворилось единодержавіе въ то время, когда у Остготовъ вся власть была сосредоточена въ рукахъ Эрманриха.

Немедленно по заключеніи мира съ Римлянами, Атанарихъ началъ преслѣдовать христіанскихъ своихъ соотечественниковъ; главою же ихъ является Фритигернъ. Въ 371 году между ними даже возгорѣлась война, заставившая Фритигерна съ своими приверженцами прибѣгнуть подъ покровительство Римлянъ. Примѣру его вскорѣ спустя принужденъ былъ послѣдовать и Атанарихъ съ остальными Тервингами по случаю нашествія Гунновъ, въ которыхъ нельзя не подозрѣвать народъ монгольскаго племени, если судить по тому впечатлѣнію, какое они видомъ и образомъ жизни своей произвели какъ на Римлянъ, такъ и на Готовъ (Ammian. XXX, 2; Iornand. XXIV).

Дѣйствительно, въ ученомъ мірѣ и теперь еще преобладаетъ мнѣніе, высказанное еще Дегинемъ (Hist. des Huns), что Гунны не по одному только имени, но и по происхожденію, сходны съ монгольскимъ народомъ Гіонгъ-ну (Hiong-nou), который, вышедши изъ страны, лежащей къ сѣверу отъ степи Гоби, покорилъ Манджуровъ, опустошилъ сѣверныя области Китая и успѣлъ, не смотря на воздвигнутую противъ него Великую стѣну (около 200 г. до Р. Х.), покорить все «Поднебесное» царство, гдѣ удержался до 90 г. по Р. Х. Ослабленные междоусобіями и голодомъ Гіонгъ-ну или Гуны (Гунны) принуждены были удалиться въ IV столѣтіи изъ своихъ степей болѣе къ западу, а затѣмъ собрались въ двѣ массы: одна поселилась при рѣкѣ Оксѣ, гдѣ стала извѣстною своимъ сосѣдямъ подъ названіемъ Гефталитовъ или Бѣлыхъ Гунновъ; другая проникла чрезъ Уралъ и, двинувшись оттуда къ западу, столкнулась съ Аланами.

Нужно однако замѣтить, что нѣкоторые ученые, какъ то: Клапротъ, Сенъ-Мартенъ, Шафарикъ и Палацкій, въ Гуннахъ не хотятъ видѣть Монголовъ, но народъ турецкаго или же

уральскаго племени, обитавшій въ сѣверо-западной Азіи и съ которымъ, по переходѣ его въ Европу, соединились его собратья, съ нетерпѣніемъ носившіе иго Эрманриха. Считая преувеличенными извѣстія, переданныя намъ современниками, о странномъ видѣ Гунновъ, противники монгольскаго ихъ происхожденія въ особенности ссылаются на сходство именъ гунскихъ съ финскими (?) и тюркскими; но это обстоятельство едва ли можетъ поколебать мнѣніе, основанное на единогласномъ свидѣтельствѣ современниковъ объ образѣ жизни и чисто монгольскомъ типѣ Гунновъ, особенно, если взять во вниманіе, что къ нимъ безъ сомнѣнія присоединились, подобно тому, какъ въ послѣдствіи къ полчищамъ Чингизхана, покоренныя ими на пути своемъ финскія и тюркскія племена. Вѣдь извѣстно, что въ теченіи времени коренной языкъ татарскій раздѣлился на три вѣтви болѣе или менѣе подходящія къ финскому языку: но это сходство не можетъ служить доказательствомъ сродства народовъ столь различныхъ физически. Къ тому же Эдвардсъ [8]) встрѣтилъ въ числѣ Мадьяровъ, т. е. предполагаемыхъ потомковъ Гунновъ, смѣшавшихся съ Финнами и Тюрками, не мало такихъ, которыхъ не могъ не причислить къ Монголамъ и тѣмъ подтвердилъ мнѣніе Дегиня физіологическими причинами. Наконецъ извѣстіе западныхъ писателей о движеніяхъ воинственныхъ Гунновъ совершенно согласно съ тѣмъ, что китайскіе лѣтописцы говорятъ о своихъ Гіонгъ-ну. Правда, у нихъ нѣтъ намёка на отвратительный видъ сихъ послѣднихъ; но это именно доказываетъ, что они были Монголы, а не Финны или Турки: ибо Китайцы, будучи сами монгольскаго племени, не могли найти ничего страннаго или отвратительнаго во внѣшнемъ видѣ Гіонгъ-ну. Такимъ имъ казался, наоборотъ, видъ народовъ кавказскаго поколѣнія; такъ, наприм., ихъ поражали глубоко лежащіе глаза и высокій носъ Турокъ и другихъ народовъ этой рассы.

---

[8]) Des caract. physiol. des races humaines, ср. Neumann, Die Völker d. südl. Russl. 2 изд. 30.

Какъ бы то ни было, Гунны подъ предводительствомъ Баламбера (или Баламира) напали на Аланов около 372 г. и разбили ихъ близъ рѣки Танаисъ. Часть побѣжденныхъ тогда къ нимъ присоединилась и вмѣстѣ съ ними отправилась далѣе къ западу; изъ остальныхъ, не желавшихъ лишиться свободы, одинъ отрядъ удалился въ Германію; прочіе искали убѣжища на Кавказѣ, гдѣ потомки ихъ донынѣ сохранились подъ именемъ Осетовъ, рѣзко различаясь отъ другихъ горцевъ видомъ своимъ, нравами и языкомъ, надъ которыми успѣшно трудились С.-Петербургскіе академики Шёгренъ и Шифнеръ, доказавшіе, между прочимъ, что этотъ народъ, который самъ себя называетъ Иронъ, и въ которомъ нельзя не узнать Ясовъ нашихъ лѣтописцевъ, равно какъ и Аасъ или Асъ средневѣковыхъ путешественниковъ, хотя и принадлежалъ къ Иранцамъ, но не имѣетъ ничего общаго съ миѳическими готскими ансами=åсами, или людьми, одаренными божественными качествами, съ которыми ихъ отождествляли Шафарикъ, Гриммъ, Вивіенъ де-Сенъ-Мартенъ и другіе изслѣдователи.

При приближеніи Гунновъ и Алановъ подвластные Остготамъ народы возстали, именно первые Роксоланы, обитавшіе тогда при Азовскомъ морѣ. Старецъ Эрманрихъ, отчаявшись въ судьбѣ своего государства, самъ лишилъ себя жизни. Сынъ его Гунимундъ и большая часть Остготовъ тогда покорились Гуннамъ и даже помогали имъ въ борьбѣ ихъ съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые, подъ предводительствомъ родственника Эрманриха Витимера, пытались имъ противиться; но по смерти его въ одномъ сраженіи, эти Готы принуждены были отступить за Днѣстръ.

Въ ихъ сосѣдствѣ также сталъ лагеромъ Атанарихъ съ своими Вестготами, но не могъ удержаться въ этой позиціи, поелику Гунны обошли ее, переправившись чрезъ рѣку. Тогда уже Атанарихъ искалъ убѣжища за высокою стѣною, тянувшейся вдоль по области Тайфаловъ, между Дунаемъ и Геразомъ, безъ сомнѣнія тождественнымъ съ Іеразомъ Птолемея (Араромъ Геродота), стало быть не Прутомъ, но Серетомъ.

Стѣна сія, вѣроятно существовала со времени Траяна и конечно не должна быть смѣшиваема съ такъ называемымъ Траяновымъ валомъ, перерѣзывающимъ Бессарабію, и Румынами напрасно приписываемымъ «лучшему» изъ римскихъ императоровъ, подобно тому какъ они же мѣсто ссылки Овидія изъ города Кюстенджи перемѣщаютъ къ Днѣстровскому лиману.

Впрочемъ, Атанарихъ, убѣдившись въ невозможности бороться съ преслѣдовавшими его Гуннами, предпочелъ оставить свою позицію между Дунаемъ и Геразомъ и удалиться далѣе на западъ въ окруженную горами область «Кауказандъ», населенную тогда Сарматами (Amm. Marc. XXXI, 4), которые имъ были изгнаны и вѣроятно тождественны съ Iazyges Metanastæ Птолемея или Sarmatæ Limigantes позднѣйшихъ римскихъ писателей.

Между тѣмъ, главныя силы Тервинговъ подъ начальствомъ Фритигерна спѣшили къ Дунаю съ намѣреніемъ перебраться на правый берегъ этой рѣки. Валентъ, находясь въ Антіохіи, старался распространить ученіе Арія и слѣдовалъ за движеніями Персовъ, когда предъ нимъ явились посланники вестготскіе съ просьбою дозволить имъ переселеніе во Ѳракію. Должно думать, что Созоменъ (VI, 3, 7) только по недоразумѣнію могъ сказать, что въ числѣ этихъ посланниковъ находился и старецъ Вульфила, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности (сравн. Pallmann, 71 и 79) еще около 348 года, со многими изъ своихъ приверженцевъ, не желая подвергаться преслѣдованіямъ Атанариха, съ согласія императора Констанція, переселился въ южную часть Нижней Мизіи, около Никополя (нынѣ Никюби на Янтрѣ, близь Систова)

Такъ какъ, если не самъ Фритигернъ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ его сподвижниковъ были послѣдователями Арія, то императоръ согласился на ихъ прошеніе, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Вестготы предварительно выдали свое оружіе и дѣтей знатнѣйшихъ особъ въ видѣ заложниковъ. Но первое изъ этихъ условій не было исполнено по корыстолюбію римскихъ чиновниковъ; тѣ же чиновники, по переходѣ чрезъ

Дунай 200,000 Готовъ съ семействами и рабами, не давали имъ средствъ пропитанія иначе, какъ за огромную цѣну. Доведенные наконецъ до отчаянія, Готы возмутились и начали опустошать страну, а тутъ еще присоединились къ нимъ пришедшіе изъ-за Дуная отряды Тайфаловъ, Алановъ и Сарматовъ, равно какъ и бѣжавшіе предъ Гуннами Грейтунги подъ начальствомъ Алатея и Сафраха.

Соединенныя ихъ силы два года боролись съ Римлянами, военная дисциплина которыхъ, крѣпости и арсеналы давали полководцамъ Валента возможность противустоять своимъ врагамъ. Но послѣ блистательной побѣды, одержанной 9 августа 378 года при Адріанополѣ надъ императоромъ, погибшимъ въ этомъ сраженіи, Готы проникли до окрестностей Константинополя и затѣмъ безпрепятственно проходили по всѣмъ провинціямъ, раздѣлившись на два отряда. Тогда какъ Вестготы, опустошая все на пути своемъ, дошли до границъ Ахаіи, Остготы съ Аланами по своему хозяйничали въ сѣверныхъ частяхъ полуострова, пока императоръ Граціанъ не примирился съ ними, уступивъ имъ Паннонію съ Верхней Мизіей. Возстановленіе же мира на Востокѣ онъ поручилъ новому своему соправителю Ѳеодосію, которому дѣйствительно это удалось, хотя не столько силою оружія, сколько хитрою политикою, причемъ ему много благопріятствовала случившаяся во время смерть Фритигерна. Его Вестготы получаютъ жилища во Ѳракіи и отчасти вступаютъ въ службу императорскую, подобно ихъ соотечественникамъ, вытѣсненнымъ Остготами изъ Кауканланда и, по приглашенію Ѳеодосія, переселившимся въ имперію подъ своимъ начальникомъ старцемъ Атанарихомъ. Даже по смерти его (25 января 381 года) въ Константинополѣ, дружескія сношенія между Римлянами и Вестготами не прерывались; они продолжали служить въ римскомъ войскѣ въ видѣ союзниковъ (foederati); какъ «колоны» переселяются отчасти изъ Ѳракіи въ Виѳинію и Фригію и, по свидѣтельству Ѳемистія[9])

[9]) De regno, ed. Petav. 23, прив. у Köpke, 117.

оказываются столь же отличными домоводами, какъ прежде — воинами.

По удаленіи Тервинговъ изъ прежнихъ своихъ жилищъ между Дунаемъ и Днѣстромъ, Грейтунги изъ-за послѣдней рѣки мало по малу проникли далѣе на западъ, находясь до временъ Аттилы († 453) въ большей или меньшей зависимости отъ Гунновъ и отчасти даже смѣшавшись съ ними. Еще предводитель ихъ Баламиръ избралъ себѣ супругою княжну изъ дома Амаловъ, Валадамару, и многіе члены сего дома занимали потомъ важныя мѣста въ гунскомъ войскѣ, тогда какъ по Іорданису (IX), многіе Готы стали называться гунскими именами: Gothi plerumque mutuantur Hunnorum (nomina). Но бывало и наоборотъ, что, впрочемъ, неудивительно, ибо Готы безъ сомнѣнія отъ своихъ побѣдителей отличались гораздо высшей степенью образованности. Дѣйствительно, новѣйшіе ученые (см. Köpke, 137) узнаютъ готское имя Мундавехъ въ имени отца Аттилы Мундіохъ, въ именахъ его дядей Руа и Откаръ—Ругила и Отара, и готскими же признаютъ имена Бледы и самаго Аттилы. По смерти послѣдняго, Готы, подобно другимъ народамъ ему подчиненнымъ, отложились изъ-подъ власти Гунновъ и затѣмъ участвовали въ сраженіи при Нетадѣ, гдѣ могущество сихъ послѣднихъ было окончательно сокрушено. Тогда уже Готы, съ согласія императора Маркіана, переселились къ своимъ собратьямъ въ Паннонію, а затѣмъ, послѣ многихъ войнъ съ Греками и готскими же ихъ союзниками, въ Нижнюю Мизію, откуда, съ согласія императора Зенона, въ 488 году отправились подъ предводительствомъ своего короля Теодериха въ Италію, гдѣ какъ извѣстно, удержались до временъ Юстиніана.

Между тѣмъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря являются господствующими сродственныя племена Славянъ и Антовъ (Іорданисъ, V), явно потомки тѣхъ Венетовъ, которые подъ верховной властью Эрманриха обитали къ югу отъ покоренныхъ имъ же Финновъ и Литовцевъ. Славяне именно жили въ лѣсахъ и болотахъ между Вислою, Днѣстромъ, городомъ «Civi-

tas nova» (Новіодуномъ) и озеромъ Musianus, не при Мурзіи на Дравѣ [10]), но при озерѣ Рамзинъ (см. I, стр. 41). Жилища же Антовъ, болѣе храбрыхъ чѣмъ первые, находились въ прибрежномъ краѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, а по Прокопію (B. G. V, 474), простирались даже до Меотиды, къ сѣверу отъ кочевьевъ гуннскихъ Кутургуровъ. Имъ то была отдана Юстиніаномъ опустошенная область къ сѣверу отъ Дуная (см. ч. I, стр. 167), стало быть та самая, гдѣ прежде обитали Тервинги и куда доходили жилища готскихъ Гепидовъ. Этимъ объясняется, почему еще въ IX столѣтіи готскій языкъ употреблялся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились жилища Тервинговъ во времена Амміана. По крайней мѣрѣ у Валафрида Страбона (De rebus eccles. 7) читается слѣдующій разсказъ, переданный ему миссіонерами: «Gothi, qui et Getae, eo tempore, quo ad fidem Christ perducti sunt, in Graecorum provinciis commorantes, nostrum id est theodiscum sermonem habuerunt et, ut historiae testantur, postmodum studiosi illius gentis divinos libros in suae locutionis proprietatem transtulerunt, quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur. Et fidelium fratrum relatione didicimus, apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos, eadem locutione divina hactenus recitari officia».

Неудивительнымъ было бы также, если бы въ числѣ христіанскихъ священниковъ, которыхъ Болгары застали въ Мизіи при своемъ вторженіи въ эту страну [11]), были и готскіе. Но въ этомъ случаѣ мы имѣли бы право приписать также Готамъ изсѣченныя въ скалахъ днѣстровскихъ церкви и кресты, слѣды которыхъ, отчасти донынѣ сохранившіеся, замѣтны были уже во время Константина Багрянороднаго [12]) на обращенной къ Болгаріи сторонѣ рѣки.

---

[10]) См. Rösler, Zeitpunkt d. slav. Ans. an d. Donau, въ Sitzb. d. Wiener Acad. phil. hist. Cl. 1873, I, 87; ср. Schafarik, Sl. Alt. II, 660.

[11]) Schafarik, Sl. Alt. II, 162.

[12]) De adm. imp. c. 37.

Какъ долго сохранилось воспоминаніе о пребываніи Готовъ въ этихъ мѣстахъ, видно изъ того, что Матвей Эдесскій [13]), говоря о событіяхъ случившихся въ Болгаріи около 1041 г., называетъ ее Готіею, la contrée de Goths. По Кедрину (II, 532,3) главную роль тамъ тогда игралъ племянникъ царя Самуила, Алусіанъ, тогда какъ приведенный армянскій писатель (р. 34) самого Самуила называетъ Алусіаномъ, согласно съ Самуиломъ Анійскимъ [14]), у котораго онъ, кромѣ того, названъ Готомъ (Кутъ), быть можетъ потому, что онъ его смѣшалъ съ предшественникомъ Самуила Куртомъ, о которомъ говоритъ Асохигъ (пер. Эмина, 175). По сему же автору Самуилъ изъ родины своей, армянской области Дерджанъ, вмѣстѣ съ братьями былъ переведенъ въ Македонію, бѣжалъ оттуда въ Болгарію и овладѣлъ тамошнимъ престоломъ, упраздненнымъ по смерти послѣдняго Дулоида. По другимъ же авторамъ [15]), Самуилъ только воцарился по низверженіи и ослѣпленіи роднаго отца Шишмана, котораго Гильфердингъ напрасно отождествляетъ съ Мокромъ у Анны Комниной (VIII, 3), такъ какъ она подъ этимъ именемъ явно разумѣла Крума, если судить по приведенному самимъ Гильфердингомъ мѣсту изъ сочиненія царевны. Но въ такомъ случаѣ Самуилъ не могъ быть Армяниномъ, но принадлежалъ къ дворянской фамиліи болгарской, въ чемъ лучшіе знатоки исторіи Болгаръ уже не сомнѣваются (Jireček, Gesch. der Bulgaren, 189). Если же Тервинги такъ долго удержались при нижнемъ Дунаѣ и Днѣстрѣ, то и объяснилось бы, почему Анты, съ ними смѣшавшись, стали называться Тиверцами, подобно тому какъ въ послѣдствіи Росы, ославянившись, передали свое имя Полянамъ, или же какъ южные Славяне, смѣшавшись съ Болгарами, стали называться ихъ именемъ.

Въ устахъ Славянъ Тервинги легко могли быть переиме-

---

[13]) Chronique etc. trad. p. Dulaurier, p. 72.
[14]) Lebeau, II. du Bas-Emp. XIV, p. 183.
[15]) См. Гильфердингъ, Собр. Соч. I, 199 и 195.

кованы въ Тиверцевъ, подобно тому какъ они передѣлали на свой ладъ многія другія готскія слова, получившія право гражданства въ ихъ языкѣ [16]).

Впрочемъ, слова эти могли быть отчасти заимствованы Антами и вообще Венедами не у Вестготовъ, но у Остготовъ, съ которыми и послѣ временъ Эрманриха не переставали быть въ сношеніяхъ. Къ этимъ Готамъ должны быть отнесены т. н. Тетракситы, которые во времена Юстиніана обитали на азіатской сторонѣ Воспора Киммерійскаго, въ области именуемой Прокопіемъ Эвлисіею (Εὐλυσία) и находившейся въ окрестностяхъ нынѣшней Анапы, занимающей мѣсто Синдики или Синдикской гавани древнихъ авторовъ. По крайней мѣрѣ мы узнаемъ отъ непоименованнаго автора Перипла Понта Эвксинскаго[17]), что около того времени, когда писалъ Прокопій, Синдика уже называлась Эвдусіею (Εὐδουσία), и что береговой край между этимъ портомъ и нынѣшнимъ Геленджикомъ (Pargae portus qui nunc Heptali portus vocatur), гдѣ прежде обитали Керкеты или Тореты, населенъ былъ тогда Эвдусіанами, которые говорили *готскимъ* и *таврскимъ* языкомъ.

Изъ другаго мѣста сего же Перипла явствуетъ, что подъ языкомъ таврскимъ здѣсь разумѣется аланскій и потому можемъ догадываться, что Аланы слѣдовали примѣру Готовъ, когда они рѣшились переселиться изъ Крыма въ Эвдусію или, такъ какъ Анапскій портъ, нынѣ незавидный, былъ въ тѣ времена весьма удобенъ, правильнѣе Эвлисію (Эвлусію), въ сообществѣ Утургуровъ, которымъ дотолѣ противустояли съ успѣхомъ, не только по причинѣ труднаго доступа къ ихъ жилищамъ, но и потому, что они были храбрѣе всѣхъ другихъ варваровъ. Въ ихъ имени Cassel (Der chazarische Königsbrief, 1876 стр. 21) узнаетъ худое чтеніе вмѣсто Тетрархиты, на томъ основаніи, что они по принятію христіанства еще въ Крыму, примѣнили къ своимъ владѣніямъ тогдашнее раз-

[16]) См. списокъ подобныхъ словамъ у Шафарика I. 1. I. 429.
[17]) Fragm. hist. graec. 1870 p. 181, 182.

дѣленіе Палестины на четыре области, управляемыя тетрархами, для различенія отъ таврическихъ своихъ соотечественниковъ еще не принявшихъ св. крещеніе.

Въ новыхъ своихъ жилищахъ закавказскіе Готы, узнавъ, что къ *ближайшимъ ихъ сосѣдямъ Абасгамъ* былъ посланъ епископъ изъ Константинополя, отправили туда же въ 547 году четырехъ посланниковъ съ просьбою, чтобы императоръ и къ нимъ послалъ новаго епископа, разумѣется православнаго; должно думать, что и крымскіе ихъ предки никогда небыли приверженцами Арія, хотя Прокопій оставляетъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. По крайней мѣрѣ намъ, кромѣ вышеприведеннаго епископа Θеофила, извѣстенъ еще одинъ изъ его преемниковъ Унила, посланный къ крымскимъ Готамъ Іоанномъ Златоустомъ около 400 года (Bessel, Leben des Ulfilas, 115).

Вѣроятно просьба Тетракситовъ была исполнена императоромъ Юстиніаномъ, такъ какъ они затѣмъ, числомъ 2,000 человѣкъ, *перешедши чрезъ Танаисъ*, вмѣстѣ съ Утургурами нанесли сильное пораженіе Кутургурамъ, врагамъ имперіи.

Дальнѣйшая судьба Тетракситовъ намъ неизвѣстна. Развѣ только можемъ догадываться, что къ нимъ принадлежали тѣ «Готы», которые *вмѣстѣ съ Гуннами*, *Аланами* и *Лазами* принимали участіе въ возстаніи самозванца Θомы противъ Михаила II[18]) въ 823 году. Въ этомъ случаѣ Тетракситы могли также находиться въ войскѣ, съ которымъ абхазскій князь Беръ, обитавшій за горами, въ землѣ Сарматовъ, напалъ въ 943 году на городъ Карсъ съ тѣмъ, чтобы тамошняя церковь Апостоловъ была передана Армянами послѣдователямъ православія. Такъ какъ грузинскіе лѣтописцы вовсе не знаютъ абхазскаго князя по имени Беръ, то г. Броссе[19]) готовъ видѣть въ этомъ Берѣ Черкеса или Кабардинца; но съ подобнымъ же правомъ мы могли бы узнавать въ немъ потомка поселившагося на границѣ Абхазіи царя или князя Тетракситовъ,

---

[18]) Lebeau, XIII, 48, пр. 4.

[19]) Inscript. géorg. въ Mém. de l'Ac. de S. P. VII S. VIII, № 10, p. 4.

коего столица нынѣшнимъ именемъ своимъ «Анапа» вѣроятно обязана Абхазамъ[20]).

Имя это, превращенное на компасовыхъ картахъ въ «mapa» (мапа) близко подходящее къ имени Anapѣ — Urden'a, который при Цимисхіѣ былъ протоспаоаромъ Дерджапа, т. е. родины вышеприведенныхъ Алусіановъ, напоминающихъ, хоть подобозвучіемъ имен, позднѣйшихъ армянскихъ Лузиньяновъ и прежнихъ готскихъ Эвлусіановъ.

Подобнымъ образомъ готское имя Theodahad отзывается въ имени грузинскаго вельможи Thevdat, между тѣмъ какъ имя Tykeikus[21]), бывшее съ давнихъ поръ въ употребленіи у Готовъ, не слишкомъ различествуетъ отъ греческой формы имени сына Тевдата, Джоджика, т. е. Τζιτζίκιος, который въ 1016 г. былъ коммендантомъ крѣпости Доростоль (Cedr. II, 465).

Такъ какъ этотъ «патрицій» Джоджикъ или Цицикій былъ еще въ живыхъ въ 1036 году, то г. Броссе едва ли не ошибается, считая его однимъ и тѣмъ же лицомъ съ «княземъ князей»[22]) Джоджикомъ, участвовавшимъ въ усмиреніи возставшаго противъ Василія II Барда Склера въ 976 году; достаточнымъ было сказать, что оба Джоджика были членами одной и той же фамиліи, dont la généalogie ne nous est pas autrement connue.

Къ этой, пока еще неизвѣстной, фамиліи могла также принадлежать «Царева дочь изъ Обезъ», на которой Изяславъ Мстиславичъ женился въ 1154 году. По крайней мѣрѣ молчаніе грузинскихъ лѣтописцевъ объ этомъ бракѣ заставляетъ думать, что супруга великаго князя не была изъ роду грузино-абхазскихъ царей (Brosset, Add. 289). Посему самому позволено будетъ спросить, не могла-ли эта царевна быть родственницею князя Тетракситовъ, еще удержавшихся въ краю, примыкающемъ къ владѣніямъ князей Тмутороканскихъ?

[20]) Cp. Schiefner, Abchas. Studien, въ Mém. VII S. V, № 12: ânap., nap., anapy.

[21]) Diefenbach, Vergl. W. B. II, 787.

[22]) Add. à l'Hist. de la Géorgie, 177.

Напрасно г. Ламбинъ[23]) считаетъ себя въ правѣ отождествить этихъ Готовъ азіатскихъ съ тѣми ихъ родичами, о которыхъ Прокопій говоритъ въ другомъ сочиненіи (De Aedificiis, III, 7), а именно: что послѣ того, когда главная масса Остготовъ перебралась въ Италію, они не хотѣли туда слѣдовать за Теодерихомъ, но остались въ прекрасной приморской странѣ Дори (Δόρυ) между Херсономъ и Воспоромъ, которые тогда еще входили въ составъ Византійской имперіи. Затѣмъ Прокопій еще говоритъ, что изъ числа этихъ Готовъ 3,000 человѣкъ служили въ войскѣ императорскомъ и что обитатели области вообще отличались храбростью, любовью къ земледѣлію и услужливостью чужестранцамъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, прибавляетъ секретарь Велисарія, императоръ велѣлъ построить замки Алустонъ и Горзубитовъ. Развалины этихъ замковъ донынѣ видны на южномъ берегу Крыма, и посему мы должны искать приморскую страну Дори въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, хотя уже не на южномъ, но на сѣверномъ склонѣ Таврическихъ горъ, какъ показалъ г. Карауловъ (Древнее Сюренское укрѣпленіе, въ Новоросс. Календ. на 1870 г.)

Подобно тому какъ донынѣ никому не удалось объяснить, почему именно Прокопій тѣхъ Готовъ, которые переселились на восточный берегъ Чернаго моря, называетъ Тетракситами, а страну, гдѣ они водворились—Эвлусіею, ученые еще расходятся въ мнѣніяхъ касательно значенія названія области, гдѣ удержались крымскіе родичи Тетракситовъ.

Тогда какъ Дюбуа[24]) и другіе авторы думаютъ, что область эта названа была Дори по дубамъ, въ ней растущимъ, Am. Thierry (H. d'Attila I, 353) хочетъ насъ увѣрить, что это слово есть ничто иное, какъ галльское или киммерійское названіе горной части Крыма, «доръ» или «торъ», превратившееся въ устахъ Грековъ въ Тавриду. Съ своей стороны я

[23]) Походъ Олега и пр. въ Ж. М. Н. Просв., іюль 1873 г., стр. 127 и его же разсужденіе о Тмуторокanской Руси, январь 1874.

[24]) Voy. autour du Caucase, VI, 224.

считалъ себя въ правѣ слышать въ названіи области отголосокъ армянской формы слова Таврида, т. е. Доросъ, такъ какъ Прокопій извѣстіямъ своимъ о Крымѣ скорѣй могъ быть обязанъ Армянамъ, нежели какимъ бы то ни было потомкамъ древнихъ Киммеріанъ. Но и съ этой гипотезой трудно согласовать то обстоятельство, что Прокопій явно различаетъ область Дори отъ Тавриды, подъ которой разумѣетъ, подобно Геродоту, всю горную часть полуострова. Поелику-же древнее названіе сего края безъ сомнѣнія не было неизвѣстно и Готамъ, то придется допустить, что они, произнося по своему слово Таврида, замѣнили его словомъ daur, daura, porta, janua, что и побудило Прокопія называть лишь область ими занимаемую Дори. Готское daura, въ связи съ словомъ stuls, престолъ, слышится также въ названіи вышеприведенной крѣпости Δορόστολος или Δορόστολον (Leo Diac. VIII, 9), исправленной при Юстиніанѣ и въ окрестностяхъ которой также остались Готы изъ тѣхъ, которые не послѣдовали за Теодерихомъ въ Италію (Proc. B. P. I, 8).

Нужно однако замѣтить, что послѣ временъ Прокопія предѣлы области Дори были раздвинуты до самаго Херсона включительно, судя по смыслу подписи присутствовавшаго на соборѣ 692 года Георгія: ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δώραντος. Кёппенъ (Кр. Сборн. пр. 79) въ отношеніи къ этой подписи довольствуется ссылкою на Le Quien'a (Or. christ. I, 1333), который только говоритъ: «Quid vox Dorantis significet, me nescire fateor». Въ свою очередь о. Макарій (Ист. Хр. до Влад.) выводитъ изъ этой подписи, что готская епархія была по видимому въ зависимости отъ херсонскаго епископа. «Но» замѣчаетъ пр. Иннокентій Херсонскій [25]) «такъ могъ подписаться онъ (Георгій) и въ другомъ смыслѣ, наприм., по странѣ Дори, которая обнимала собою и Херсонъ». Что таковъ дѣйствительно смыслъ подписи, въ томъ убѣждаетъ насъ то, что и въ составленномъ въ IX столѣтіи пр. Епифаніемъ опи-

[25]) См. его Зап. о Епархіи Готской, въ Херс. Епар. Вѣд. 1862 г., стр. 169.

сапіи подвиговъ св. апостола Андрея Херсонисъ названъ городомъ Готовъ [26]).

Даже въ папской буллѣ 1333 года о назначеніи епископа херсонскаго еще читается: In terra Gothiae locus Chersona vocatus [27]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ это время въ составъ Готіи уже входилъ, кромѣ области Дори и Ираклійскаго полуострова, весь южный берегъ между Балаклавою и Алуштою, гдѣ населеніе отчасти состояло изъ Готовъ, туда вѣроятно мало по малу переселившихся изъ области Дори чрезъ Байдарскую долину, входившую въ составъ этой области.

Не подлежитъ сомнѣнію, что по ея имени была названа лежащая на границѣ Готіи крѣпость Доросъ или Дорасъ, куда изъ Херсона бѣжалъ экс-императоръ Юстиніанъ II, который затѣмъ женился на Ѳеодорѣ, сестрѣ хазарскаго кагана, переселившись въ Фанагорію, гдѣ тогда находился хазарскій намѣстникъ или *тудунъ*, также какъ и въ Херсонѣ, гдѣ однако же власть императора была возстановлена нѣсколько лѣтъ спустя (710) силою оружія среди ужаснѣйшихъ жестокостей.

Замѣчательно, что у Хазаръ являются тудуны только въ двухъ городахъ, смежныхъ съ жилищами Готовъ и входившихъ, по крайней мѣрѣ первый изъ этихъ городовъ, даже въ составъ Готіи. Что отъ Хазаръ слово тудунъ перешло къ Монголамъ, видно изъ устава генуэзскихъ колоній въ Газаріи, гдѣ говорится о сановникѣ, который названъ «Titanus seu Vicarius Canluchorum» [28]). Другихъ титановъ или тудуновъ наши Монголы не знаютъ. Изъ прочихъ восточныхъ народовъ, перешедшихъ въ Европу, одни только Вархониты имѣли своихъ тудуновъ; но этотъ именно гуннскій народъ, выдававшій себя за Аваровъ, имѣлъ случай также близко познакомиться съ Готами, какъ во время своего скитальчества по нашимъ степямъ,

---

[26]) Муравьевъ, Житія Святыхъ Росс. Ц., ноября, 412.
[27]) Theiner, Vetera mon. Pol. et. Litth. hist. illustrantia, I, 347.
[28]) Зап. Одесск Общ. Ист. и Древн. V, 763.

такъ и послѣ своего перехода въ Паннонію. О тамошнихъ аварскихъ или гуннскихъ тудунахъ или туданахъ (Thodanus) упоминаютъ разные нѣмецкіе анналисты [29]). Поелику же слово это не только по созвучію, но и по своему значенію близко подходитъ къ готскому слову thiudans, rex, dominator, то я позволилъ себѣ спросить, дѣйствительно ли, какъ обыкновенно думаютъ, тудунъ чисто турецкое слово и уже никакъ не могло быть заимствовано Хазарами и псевдо-Аварами у Готовъ? Это воззрѣніе г. академикъ Куникъ считаетъ ошибочнымъ въ сочиненіи своемъ, вышедшемъ въ 1874 г. [30]), приводя убѣдительные доводы въ пользу мнѣнія имъ уже прежде высказаннаго [31]), что слово Тудунъ происходитъ отъ турецкаго глагола «тутъ» (держать) и означаетъ, подобно итальянскому tenente, намѣстника. Но если г. академикъ правъ, въ чемъ я теперь уже не сомнѣваюсь, то мнѣ кажется, что Клавихо [32]) видѣлъ въ этомъ титулѣ собственное имя, когда говоритъ, что 8 лѣтъ до проѣзда пословъ кастильскихъ чрезъ большой городъ Кальмаринъ (т. е. до 1404 года), онъ былъ разрушенъ императоромъ татарскимъ «Tetani».

Приводя это мѣсто изъ дневника Клавихо, г. Ханыковъ [33]) прибавляетъ отъ себя, что тутъ явно подразумѣвается извѣстный походъ Тохтамыша въ Арменію и Адербейджанъ 727 года (1386 п. Р. Х.); по этому, полагаетъ онъ, придется видѣть въ 8 годахъ опечатокъ вмѣсто 18, дѣйствительно протекшихъ съ 1386 года до 1404. Какъ бы то ни было, не могу не согласиться съ г. Ханыковомъ, что Клавихо тутъ говоритъ о городѣ Сурмали, тѣмъ болѣе, что самъ я еще прежде его, могъ указать на это тождество [34]). Но я не думаю, что Кла-

---

[29]) У Pertz'a, Scr. I, 180 et passim.

[30]) О запискѣ готскаго топарха и пр. въ XXIV т. Записокъ И. Акад. Наукъ.

[31]) Die Berufung der schwed. Rodsen II, 261.

[32]) Hist. del Gran Tamorlan, Madrid, 1782 стр. 102.

[33]) Иранъ, С.-П. 1874, стр. 588.

[34]) Путеш. И. Шильтбергера, въ I т. Зап. Новор. Унив., стр. 42.

вихо подъ своимъ императоромъ Тотани могъ разумѣть Тохтамыша, уже по той причинѣ, что онъ послѣдняго всегда называетъ «Totamix», между прочимъ на той страницѣ дневника, гдѣ описываетъ походъ его 1393 года въ область имъ снова упомянутаго города Кальмарина. Притомъ еще спрашивается, участвовалъ ли Тохтамышъ лично въ набѣгѣ его полководцевъ на Арменію въ 1386 году и былъ ли имъ городъ Сурмали или Сурбмали именно тогда взятъ и разрушенъ [35]).

Наконецъ мы узнаемъ отъ Шерефъ-Эддина приведеннаго Вейломъ [36]), что Тимуръ, овладѣвъ осенью того же 1386 г. этимъ городомъ, плѣнилъ тогдашняго владѣльца его, Туркмена Тутана, въ которомъ легко узнается владѣтель Кальмарина, Тетани.

Итакъ Клавихо явно ошибается, выдавая послѣдняго за «Emperador de Tartaria», тогда какъ онъ былъ только его Тудунъ или locum tenens. Изъ приведеннаго выше мѣста устава генуэзскихъ колоній въ Газаріи мы уже видѣли, что подобная должность тогда существовала въ золотой ордѣ: Titanus seu vicarius Canluchorum.

По причинѣ дружескихъ отношеній тѣхъ изъ Остготовъ, которые остались въ Тавридѣ, съ имперіею, къ нимъ шло бы названіе Гото-Грековъ, которое поэтому едва ли не скрывается въ вышеприведенномъ мѣстѣ (см. выше, стр. 125) въ сочиненіи непоименованнаго космографа Равеннскаго. Если нельзя ручаться за то, что къ Гото-Грекамъ принадлежали Тавро-скиоы, упомянутые подъ 626 годомъ позднѣйшимъ византійскимъ писателемъ [37]), то уже вѣроятно родомъ былъ изъ Крыма тотъ Гото-Грекъ, который по торговымъ дѣламъ находился въ Новгородѣ [38]) въ 1106 году и, кажется, могъ объясняться съ гостившими тамъ Колбягами и Варягами на ихъ языкѣ, подобно тому, какъ еще 350 лѣтъ позже его крымскіе земляки—

[35]) Charmoy, Chèref-Nâmeh, 1873, II, 1, стр. 426.
[36]) Gesch. der Chalifen, V, 29.
[37]) Muralt, Chron. Byz. стр. 382.
[38]) Куникъ, О зап. готск. топарха, 142.

съ нѣмецкимъ служителемъ итальянскаго путешественника. Иначе Русскіе называли бы его не «Готфиномъ», но просто Грекомъ.

До конца VIII столѣтія эти Готы отстаивали, повидимому, свою самостоятельность противъ Хазаръ; послѣдніе только въ 787 году успѣли овладѣть готской крѣпостью Доросъ, явно тождественной съ той, въ которой искалъ убѣжища Юстиніанъ, равно какъ и съ городомъ Дори, упомянутымъ приведеннымъ космографомъ между Херсономъ и Capolis (Callipolis; Callipode Іорданиса) и наконецъ съ позднѣйшей столицею Готіи Ѳеодоросъ или Ѳеодори (см. ниже). Хотя Готамъ, возставшимъ противъ Хазаръ по совѣту ихъ епископа св. Іоанна, и не удалось изгнать хазарскій гарнизонъ изъ этой крѣпости, тѣмъ не менѣе они успѣли возстановить прежнія свои отношенія къ византійской имперіи. Это мы, между прочимъ, усматриваемъ изъ обнародованнаго извѣстнымъ Газе въ боннскомъ изданіи Льва Діакона отрывка (р. 496 съ слѣд.), писаннаго въ X или XI столѣтіи и содержавшаго записки безъименнаго византійскаго сановника о нападеніи непоименованнаго также варварскаго народа на такъ называемыя Климаты (τὰ κλίματα) или горную часть Крыма ему подвѣдомственную.

Выше было уже замѣчено, что страна сія въ то время была уже доступна Рôсамъ.

Между тѣмъ мы узнаемъ отъ автора приведеннаго отрывка, что обитатели общинъ ему подвѣдомственныхъ, вмѣсто того, чтобы къ нему присоединиться для отраженія варваровъ, предпочли искать защиты у могущественнаго князя, жившаго къ сѣверу отъ Дуная и близко къ нимъ подходившаго, если не по своему происхожденію, то своими нравами.

Всѣ почти изслѣдователи въ томъ согласны, что люди, которые такимъ образомъ отвергли предложенія греческаго топарха, были Готы, обитавшіе въ то время въ окрестностяхъ Херсона, гдѣ тогда какъ и теперь процвѣтало винодѣліе, которымъ еще въ глубокой древности, какъ видно изъ сохранившихся памятниковъ, тамошніе эллинскіе колонисты занимались

съ большимъ успѣхомъ. Одинъ только г. Васильевскій, не отрицая, что между ними могли находиться Готы, перемѣщаетъ ихъ изъ Крыма въ Болгарію (Зап. греч. топарха, въ Ж. М. Н. Пр. Мартъ 1876).

Узнавая русскаго князя въ могущественномъ монархѣ, къ которому долженъ былъ представиться самъ авторъ отрывковъ, ученые только расходятся въ мнѣніяхъ, когда берутся рѣшить вопросъ, какого же именно изъ нашихъ князей онъ могъ имѣть въ виду?

Такъ г. Ламбинъ убѣжденъ, что тутъ явно идетъ рѣчь объ Олегѣ, тогда какъ г. Гедеоновъ не менѣе утвердительно выражается въ пользу Святослава, вопреки мнѣнію Газе, который, основываясь на однихъ только палеографическихъ признакахъ, отождествляетъ это нашествіе варваровъ на Климаты съ походомъ св. Владиміра на Херсонъ.

Мнѣніе это я пытался подкрѣпить другими доводами [39]), тогда какъ гг. Куникъ и Васильевскій предпочитаютъ мнѣніе Гедеонова, что русскій князь, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, вѣроятнѣе всего былъ Святославъ.

Подобно личности монарха и мѣстности, гдѣ его засталъ посланникъ, намъ пока неизвѣстно, гдѣ находилась крѣпость Маврокастронъ, куда онъ хотѣлъ добраться на возвратномъ пути, пролегавшемъ по заднѣпровской степи, гдѣ ему пришлось преодолѣть величайшія препятствія, подобно тому какъ при предварительной переправѣ своей чрезъ Днѣпръ. Изъ описанія его пути можно смѣло заключить, что приведенная крѣпость не могла быть Аккерманъ, хотя онъ въ древнѣйшихъ итальянскихъ картахъ также называется maurocastron, m° castro, чѣмъ и объясняется искаженная форма moncastre, mancastre и проч., подъ которой онъ отмѣченъ на позднѣйшихъ компасовыхъ картахъ. Столь же мало какъ Аккерманъ нашъ путешественникъ подъ своимъ Маврокастрономъ могъ разумѣть Очаковъ, названный Татарами Каракерманъ, т. е. Чернымъ городомъ, (см. ч. I. стр. 178).

---

[39]) Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. V, 125.

Посему-же Черная крѣпость, о которой говоритъ крымскій намѣстникъ, находилась явно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, да притомъ въ значительномъ разстояніи отъ этой рѣки, то я спрашивалъ не была ли эта крѣпость именно Мангупъ, названный также Карасу, по свидѣтельству турецкаго чиновника, побывавшаго въ Крыму около половины прошлаго столѣтія[40]). Если же аонскій митрополитъ Мелетій († 1714) въ своемъ географическомъ сочиненіи также говоритъ о *крѣпости* Карасуй, то онъ подъ ней скорѣй разумѣлъ Мангупъ, такъ какъ прибавляетъ, что крѣпость эта находилась близь морскаго берега, куда также современникъ его Витсенъ помѣщаетъ Мангупъ[41]). Но замѣтки, мнѣ затѣмъ обязательно сообщенныя письменно г. академикомъ Куникомъ, убѣдили меня въ томъ, что топархъ подъ своимъ Маврокастрономъ не могъ разумѣть Мангупъ, и побудили меня подозрѣвать, что онъ желалъ добраться по крайней мѣрѣ до Карасу-базара, гдѣ, по Тунману (Büsching, Erdbeschr. 1784, IV, 348) находился монастырь, принадлежавшій въ началѣ XIV столѣтія францисканцамъ въ городѣ «Marumcastrum» (Hist.-Polit. Blätter 1856, II, 708). Какъ названіемъ такъ и мѣстоположеніемъ своимъ Карасу-базаръ напоминаетъ Черную воду, гдѣ по легендѣ заболѣла царица Анна на пути своемъ изъ Корсуня въ Корчевъ. Наконецъ Карасу-базаръ находился, кажется, не въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ *Боріона*, достигнутаго топархомъ на обратномъ пути немедленно послѣ переправы своей чрезъ Днѣпръ и лежавшаго вѣроятно при Крарійскомъ бродѣ, гдѣ, въ тѣ времена, по свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго, Херсонцы и Печенѣги переправлялись чрезъ эту рѣку. Изъ словъ императора явствуетъ, что сказанный бродъ находился между порогами и островомъ Хортицей, стало быть у нынѣшней колоніи Эйнлаге или Кичкасъ, гдѣ еще во время Ласоты и Боплана Татары и Казаки имѣли

---

[40]) Sitz.-Ber. d. Wiener Acad. XL, 550—593.

[41]) См. Кёппенъ, Кр. Сб. пр. 366 и 429.

обыкновеніе переправляться чрезъ Днѣпръ, и гдѣ даже нынѣ пролегаетъ главная дорога изъ запорожья въ Крымъ.

Хотя поэтому вопросъ, откуда и куда именно выѣхалъ нашъ фрагментистъ, остается *нерѣшеннымъ*, тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ видѣ своемъ трудъ его весьма важенъ для древней исторіи нашего отечества, представляя намъ сильный аргументъ въ пользу скандинавскаго происхожденія основателей русскаго государства, а именно, что они къ намъ пришли изъ юго-восточной части Швеціи, которая и нынѣ еще называется Готландія и откуда, по преданію, Готы нѣкогда переселились въ юго-западную Россію.

Правда, недавно г. Иловайскій (О мнимомъ призваніи Варяговъ, 1871) успѣлъ доказать недостовѣрность разсказа Нестора о призваніи Славянами и Финнами Рюрика съ братьями въ 860 году. Но этимъ онъ не только не поколебалъ мнѣніе такъ называемой норманской школы о народности основателей русскаго государства, но еще нехотя представилъ новую опору для сего мнѣнія, устранивъ главную причину, по которой всѣ были увѣрены, что водвореніе Варяго-Росовъ въ сѣверо-восточной Россіи не могло послѣдовать ранѣе 860 года. Если же намъ позволено будетъ, по примѣру г. Иловайскаго, отнести къ области миѳовъ то, что Несторъ намъ передаетъ о событіяхъ сего года, то ничего уже не мѣшаетъ предположить, что шведскіе Готы еще въ началѣ IX вѣка и даже гораздо раньше успѣли не только подчинить себѣ прибалтійскихъ Финновъ (что̀ и безъ того не подлежало сомнѣнію), но еще соединить ихъ съ Новгородцами въ одно политическое тѣло подъ именемъ Руси, которое норвежскій ученый Мунхъ[42]) весьма неудачно производитъ отъ готскаго слова rodjan, говорить; датскій же Thomsen[43]) отъ roths, гребцы, но въ которомъ скрывается скорѣй, какъ думаетъ г. Куникъ (Каспій, стр. 400) *первоначальная* форма имени Hrodhgot'овъ, прослав-

[42]) Det norske Folks Hist. нѣмецкій переводъ, 62.

[43]) Нѣмец. изд. Ueber den Ursprung d. R. Staats, 100.

лонныхъ въ сѣверныхъ сагахъ и въ имени которыхъ г. Васильевскій (112) слышитъ имя Грейтунговъ или Грооунговъ Эрманриха.

Впрочемъ, какое бы ни было первоначальное значеніе имени государства, образовавшагося изъ смѣшенія шведскихъ Готовъ съ Славянами и Финнами—имя это могло служить для различенія его членовъ какъ отъ послѣднихъ, такъ и отъ заморскихъ родичей первыхъ.

Поэтому неудивительно, что еще въ 839 году могли явиться въ Константинополѣ посланники: «quos rex eorum Chacanus vocabulo» отправилъ къ императору Ѳеофилу, и которые «se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant»; неудивительно также почему въ Германіи, чрезъ которую эти посланники хотѣли возвратиться, ихъ приняли за Шведовъ[44]).

По внимательному чтенію продолжателя этихъ лѣтописей (отъ 835—861 г.) епископа Пруденція нельзя не убѣдиться въ томъ, что онъ подъ своимъ «Chacanus vocabulo» имѣлъ въ виду короля по имени Hâkon, какъ еще догадывался академикъ Струбе. Пруденцій никогда не ставитъ слово vocabulo для означенія достоинства, тогда какъ оно у него только встрѣчается вмѣсто nomine; напр. на стр. 439, гдѣ читается о городѣ Метцѣ: in urbe Mediomatricorum *Metis vocabulo*. Въ подобномъ смыслѣ употребляютъ это слово другіе нѣмецкіе современные писатели, напр. Виттекиндъ, когда говоритъ, что сына Генриха I умертвилъ «quidam autem militum *Maincia vocabulo*»[45]). Съ другой стороны современные же нѣмецкіе писатели обыкновенно передаютъ намъ титулъ кагановъ (хагановъ, хакановъ) подъ формою не chacanus, но caganus, chaganus, напр. Гинкмаръ, продолжатель бертинскихъ анналовъ послѣ смерти Пруденція, подъ 864 годомъ, въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ подъ своимъ каганомъ явно имѣлъ въ виду болгарскаго царя Михаила Бориса: «Hludovicus rex Germaniae,

---

[44]) См. Извлеченіе изъ письма Ѳеофила къ императору Людовику въ Бертинскихъ лѣтописяхъ у Pertz'a I, 434 съ сл.

[45]) II, 11 у Pertz'a, Scr. III.

hostiliter obviam Bulgarorum Cagano...?...pergit». (Pertz, I, 465).

Напрасно поэтому г. Гедеоновъ (О варяжскомъ вопросѣ, 103) выводитъ изъ словъ Пруденція, будто-бы Рôсы въ 839 году управлялись хаганомъ, и слѣдовательно ошибается, полагая, что ему удалось съ помощью неизвѣстнаго Шведамъ хаганата уничтожить систему норманскаго происхожденія Руси. Форма «Chacanus» подходитъ къ другимъ древне-нѣмецкимъ формамъ имени «Hâkon», по древне-шведскому произношенію «Hakun». Насъ поэтому вовсе не удивляетъ, почему именно въ Новгородѣ въ послѣдствіи такъ часто являются сановники по имени Якупъ или Акунъ, и въ томъ числѣ посадникъ Якунъ Мирославичъ, выдавшій даже дочь свою, въ 1176 году, за одного изъ Рюриковичей. Не даромъ, кажется, въ преданіи, Рюриковъ внукъ называется Акунъ, т. е. Hakun. Какъ видно имя это сохранилось въ династіи, и Рюрикъ, если только когда либо существовалъ, былъ, можетъ быть, сынъ Гакона, Рюрикъ Акуновичъ[46]).

Правда, изложенное здѣсь мнѣніе сильно поколеблено аргументами г. Куника[47]), доказывающаго, что въ IX столѣтіи имя Hâkon не могло превратиться въ Chacan въ устахъ Франка или Вестгота. Но вмѣстѣ съ тѣмъ г. академикъ убѣждаетъ насъ въ ошибочности взгляда г. Гедеонова, приводя убѣдительныя причины въ пользу мнѣнія, что Пруденцій принялъ титулъ «Chacanus» за имя собственное.

Если же предъ императорами римскимъ и византійскимъ рôскіе посланники явились въ 839 году, то мнѣ казалось позволеннымъ считать ихъ соотечественниками тѣхъ язычниковъ, называемыхъ «Русъ», которые грабили и раззорили Севилью въ 844 году, по свидѣтельству Ахмеда эль-Катиба[48]). Но и тутъ нельзя не признать справедливымъ мнѣніе г. Куника, что

---

[46]) Kunik, Die Berufung d. Schw. Rodsen I, 139, 140; II, 172, 173.
[47]) Въ 1864 г., въ Зап. Имп. Ак. Наукъ, VI, Прил. стр 73.
[48]) Ср. Kunik, Berufung etc. II, 149.

арабскій авторъ грабившихъ Севилью Норманновъ только потому называлъ «Русъ», что въ его время (онъ писалъ ок. 890 года) послѣдніе были уже хорошо извѣстны на востокѣ по случаю описаннаго патріархомъ Фотіемъ ихъ нападенія на Константинополь и грабительскихъ поисковъ на Черномъ морѣ въ 865 году. Что эти Русь затѣмъ часто туда отправлялись внизъ по Днѣпру, въ сообществѣ своихъ славянскихъ сподвижниковъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; всѣмъ извѣстно, что Константинъ Багрянородный, при описаніи пути, по которому они слѣдовали, передаетъ намъ даже названія Днѣпровскихъ пороговъ на рѳсскомъ и на славянскомъ языкахъ, хотя, къ сожалѣнію въ весьма искаженномъ видѣ. Но такъ какъ къ этимъ названіямъ онъ прибавляетъ и греческій переводъ, то не слишкомъ трудно объяснить себѣ славянскія названія, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отзываются еще нынѣшнія названія пороговъ. Но подобно тому какъ Осторувнипрахъ, Неасытъ, Вулнипрахъ и др. дѣйствительно звучатъ по славянски, рѳсскія имена, какъ-то: Ульфорсы, Геландри (см. Куникъ, Berufung, II, 430) Аифаръ[49]), и другія уже рѣшительно должны быть отнесены скорѣй къ языку шведскихъ Готовъ, чѣмъ къ другому діалекту славянскаго языка, какъ старается доказать г. Иловайскій. Кажется, однако, онъ самъ чувствуетъ, что это ему не удалось, поелику въ выноскѣ (стр. 27) онъ готовъ допустить, что эти загадочныя названія сохранились изъ эпохи болѣе древней, когда рядомъ съ Славянами въ южной Россіи обитали еще племена: Литовскія, Готскія и Чудскія. Поелику же самъ г. Иловайскій въ *рѳсскихъ* именахъ пороговъ слышитъ славянскіе звуки, то конечно съ нами согласится, что во всякомъ случаѣ въ этихъ именахъ скорѣе скрываются готскія слова, чѣмъ чудскія, такъ какъ чудскій языкъ гораздо болѣе готскаго удаленъ отъ языка славянскаго. Что же касается Литовцевъ, то они до временъ Гедимина едва ли имѣли случай ближе познакомиться съ порогами, которые

---

[49]) См. ст. Грота въ журналѣ Мин. Народн. Просв. январь 1873.

еще во времена Эрманриха входили въ составъ Hrêd или Reidgôtaland», коего столица Danapirstadir, т. е. Днѣпровскій городъ, чуть ли не занимала мѣсто позднѣйшей метрополіи русскихъ городовъ [50]).

Съ своей стороны г. Гедеоновъ (стр. 115), не отрицая что рôссія имена пороговъ у Константина могутъ быть скандинавскія, но, не желая видѣть въ Рôсахъ родичей Варяговъ, —хочетъ насъ увѣрить, будто они приняли эти названія отъ «лоцмановъ» изъ Норманновъ, принимавшихъ участіе въ русской торговлѣ съ Греціею и въ походахъ Руси на Царьградъ. Безъ сомнѣнія, послѣ основанія русскаго государства, норманскія викинги или морскіе разбойники, подобно наемникамъ изъ ихъ соотечественниковъ, или варягамъ, не переставали посѣщать Россію; но гораздо прежде Готы жили въ окрестностяхъ днѣпровскихъ пороговъ и по сему самому могли столь же хорошо, какъ варяжскіе лоцманы, передавать названія, которыми сами означали пороги, единоплеменнымъ имъ Рôссамъ, обитавшимъ, еще во времена Константина, при верхнемъ Днѣпрѣ и въ имени которыхъ даже слышится отголосокъ приведенныхъ Hrôthgot'овъ Эрманриха [51]).

Мы видѣли, что Рôсы въ своихъ походахъ встрѣчали Готовъ при Днѣстрѣ, въ окрестностяхъ Херсона и при Воспорѣ Киммерійскомъ, а по сему не считаемъ слишкомъ смѣлымъ мнѣніе, что они могли застать ихъ, хотя въ небольшомъ уже числѣ, при нижнемъ Днѣпрѣ. Правда, по Нестору, въ этихъ мѣстахъ съ давнихъ поръ обитали Поляне, которые явно были Славяне; но въ теченіе долгаго періода, протекшаго до составленія его лѣтописи, обитавшіе тамъ готскіе Поляне, могли превратиться въ славянскихъ. Замѣтивъ, что Несторъ ничего не говоритъ о родствѣ Полянъ, обитавшихъ при Вислѣ съ приднѣпровскими, Шафарикъ (II, 126) заключаетъ, что тождество имени обоихъ могло быть только слѣдствіемъ его значе-

[50]) См. статью г. Куника о походѣ 1043 г., прим. 9.

[51]) См. стр. 430 въ соч. г. Дорна: О походахъ Русскихъ въ Табаристанъ.

ніл = campani. Имя это напоминаетъ мнѣ вышеприведенныхъ Кампанидовъ, подъ которыми географъ Равеннскій столь же хорошо, какъ нашихъ Кампановъ, могъ разумѣть готскихъ. По крайней мѣрѣ т. н. баварскій географъ въ свой списокъ русскихъ Славянъ еще не помѣщаетъ Полянъ (Schafarik, II, 125), и даже императоръ Константинъ проходитъ ихъ молчаніемъ, хотя нѣсколько разъ упоминаетъ о. славянскихъ данникахъ Руси: Древлянахъ, Угличахъ, Дреговичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Правда, онъ также не знаетъ Готовъ при нижнемъ Днѣпрѣ; но ихъ-то онъ скорѣе, чѣмъ тогдашнихъ славянскихъ запорожцевъ, могъ причислить къ своимъ Рôсамъ, по той же причинѣ, по которой, на оборотъ, Русскіе у Литовцевъ до нынѣ еще называются Гудасъ, множ. Гудай, т. е. по родству шведскихъ Варяговъ съ Черноморскими Готами, съ которыми Латыши, подобно Финнамъ, рано имѣли случай познакомиться (Schafarik, I, 436, пр. 4). Въ свою очередь Финны, у которыхъ нынѣшніе Русскіе и вообще Славяне называются Венелане (Венедами), подъ именемъ Руотсолане, которымъ нынѣ означаютъ Шведовъ, могли первоначально разумѣть Рейдготовъ и единоплеменныхъ имъ Рôсовъ Константина, чѣмъ и объяснилось бы, почему прежде и послѣ его времени, ихъ такъ часто смѣшивали съ сарматскими Роксаланами Страбона и другихъ древнихъ авторовъ. Такъ поступаетъ напр. географъ Равеннскій, когда говоритъ, что Роксоланы обитали въ странѣ, за которой лежалъ большой островъ Скапца; или (въ другомъ мѣстѣ) что Океанъ (Балтійское море) омывалъ побережье земель Роксолановъ, Сварриковъ и земли Сарматовъ, орошаемой Вислою, Луттою и другими рѣками.

Подобно порогамъ Днѣпровскимъ лежащій подъ ними прекрасный островъ св. Григорія, на которомъ Рôсы приносили жертвы своимъ богамъ и который, уже въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ, называется Хортицкимъ, христіанскимъ своимъ названіемъ скорѣе могъ быть обязанъ/православнымъ Готамъ, нежели поклонникамъ Одина и Перуна. Тоже самое можно сказать о лежащемъ при устьѣ Днѣпра небольшомъ островѣ

нынѣ Березань. Въ то время, когда св. Еоерій брошенъ былъ бурею на этотъ островъ, затѣмъ по его имени названный [52]), въ сосѣдствѣ сего острова господствовали Остготы, изъ коихъ многіе тогда уже были христіане и по усердію, свойственному новообращеннымъ, не могли не отнестись сочувственно къ участи, постигшей херсонскаго священномученника, такъ сказать, на ихъ глазахъ.

Въ пользу мнѣнія здѣсь изложеннаго, можетъ еще послужить то, что оно не принуждаетъ насъ считать позднѣйшею вставкой мѣсто въ біографіи св. Кирилла, гдѣ говорится, что апостолъ Славянъ нашелъ въ Херсонѣ Евангеліе и Псалтыри, писанныя рушькими письмены. Въ то время, около половины IX столѣтія, св. мужъ засталъ бы тамъ, если не Рôсовъ, то по крайней мѣрѣ Готовъ, близко къ нимъ подходившихъ своими нравами и языкомъ, тогда какъ въ алфавитѣ готскомъ попадаются, какъ допускаетъ г. Васильевскій (114) письмена (руны) сходныя съ бывшими издавна въ употребленіи въ Скандинавіи и съ которыми св. Кириллъ могъ познакомиться въ Херсонѣ [53]). Извѣстно, что городъ этотъ былъ уже завоеванъ потомками Рôсовъ, превратившихся въ Славянъ, болѣе чѣмъ сто лѣтъ спустя. Я вполнѣ согласенъ съ г. *Иловайскимъ*, что это завоеваніе не было какое-то случайное, а — слѣдствіемъ давнихъ отношеній между Византійцами и Русью. Но славный подвигъ равноапостольскаго князя отнюдь ничего не доказываетъ касательно народности «рôсскихъ» посланниковъ короля Гакона, прибывшихъ въ Германію въ 839 году и казавшихся тамъ не Славянами, но Шведами; или же — касательно славянскаго происхожденія «рôсскаго Игемона» (не Кагана), который съ своими свирѣпыми сподвижниками, опустошивъ Пропонтиду, проникъ, въ 865 году, въ Черное море и разграбилъ, между прочимъ, Амастриду, стало быть въ то самое время, когда, по нашимъ сказаніямъ, русскій князь Бравалинъ, вы-

---

[52]) См ч. I стр, 14—38.

[53]) Munch, 66, 240; ср. Schafarik, II, 473.

шедши изъ Новгорода, разграбилъ Сурожъ. Выше (стр. 128) нами уже было замѣчено, что изъ сравненія этихъ двухъ легендъ результаты взаимно исключающіеся были добыты гг. Куникомъ и Гедеоновымъ, которые впрочемъ въ томъ согласны, что признаютъ необходимымъ подвергнуть обѣ легенды строгой критикѣ. Прибавлю здѣсь только, что, въ свою очередь, г. Васильевскій[54]) не сомнѣвается, что вопросъ о Сурожскомъ житіи и легендѣ требуетъ еще критической повѣрки въ связи съ другими подобными вопросами.

Онъ же, въ другомъ изъ глубокочерпающихъ его отрывковъ[55]) доказываетъ, что изъ легенды о св. Георгіѣ можно развѣ только заключить, что Русь ранѣе 842 года была уже извѣстна Византійцамъ не только по имени и что она совершала разбойническіе набѣги на припонтійскія азіатскія области, при чемъ прибавляетъ: «а какая это была Русь? отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ другихъ источникахъ».

Въ другомъ мѣстѣ[56]), онъ же, приведя, что въ числѣ воспорскихъ городовъ у географа Равеннскаго на ряду съ Малороссой и Мурмикіемъ (Murmicon) встрѣчается Machara, замѣчаетъ въ выноскѣ, что г. Патканов (Армянская Географія VII вѣка, стр. 37) признаетъ возможность видѣть въ словѣ Гудамахары сложное слово и въ первой половинѣ находитъ Готовъ. Быть можетъ г. Васильевскій при случаѣ не откажется отвѣчать на вопросъ покойнаго Гедеонова: что такое Малоросса? и докажетъ что въ VII вѣкѣ обитателями таврическаго города сего имени могли быть скорѣй Грутунги или Hrodhgot'ы), чѣмъ предки позднѣйшихъ Малороссіянъ. Вѣроятно городъ тогда принадлежалъ еще Грекамъ и во всякомъ случаѣ остался за ними послѣ того, какъ ихъ полководецъ Монгъ, съ помощью русскаго князя Сфенга, положилъ конецъ владычеству Хазаровъ на полуостровѣ плѣненіемъ Георгія Цула, ихъ «архонта (не тудуна-ли?) Хазаріи» (Cedren. II, 464).

[54]) Житіе Стефана Новаго, въ Ж. М. Н. Просв. 1877, II стр. 283.
[55]) Житіе Георгія Амастридскаго, тамъ же 1878, III, 181.
[56]) Житіе св. Іоанна Готскаго, 97.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ Сурожъ, подобно Корсуню и Посулью, отнесены уже къ землямъ незнаемымъ, подъ которыми мы здѣсь съ г. Бѣляевымъ (Зап. Од. Общ. III, 35) разумѣли не земли вовсе не знакомыя Русскимъ, но утраченныя, потому что всѣ онѣ въ то время уже были подчинены Половцамъ. Понятно, что Готія, лежавшая между Херсономъ и Сурожемъ, должна была подвергнуться той же участи, которая постигла эти два города, чѣмъ и объясняется, почему готскія красавицы принуждены были на берегу Синяго моря воспѣвать месть Шароканю, явно тождественному соименному ему хану половецкому, пораженному Русскими въ знаменитомъ походѣ 1111 года. Хотя русскій поэтъ подъ «Синимъ моремъ», у берега котораго тогда слышны были нѣмецкіе звуки, вѣроятно имѣлъ въ виду море Азовское, то изъ этого обстоятельства еще не слѣдуетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ жили тогда еще Тетракситы, если даже согласиться съ г. Васильевскимъ (Ж. св. Іоанна Готск. стр. 111), который въ словѣ Таматарха слышалъ отголосокъ ихъ имени, въ чемъ я однако не могъ убѣдиться. Ибо, не говоря о томъ, что Тетракситы переселились изъ Крыма на восточный берегъ не Азовскаго, но Чернаго моря, гдѣ прежде обитали Черкесы и Тореты, мнѣ кажется, что спутники ихъ, Утургуры, которые не могли избрать себѣ новыя жилища къ югу отъ нихъ въ Закавказьѣ, удобнѣе всего помѣстились бы съ своими стадами на Таманскомъ полуостровѣ (что имъ не помѣшало развернуть свои кочевья и на восточномъ берегу Азовскаго моря), и гдѣ они затѣмъ долго удержались подъ именемъ Болгаръ, хотя въ послѣдствіи подъ верховной властью Хазаровъ. Если же хазарскій хаканъ въ X столѣтіи, въ свою очередь принужденъ былъ уступить Тмуторакань Русамъ [57]), то слѣдуетъ еще доказать, что послѣдніе тамъ именно еще застали родичей своихъ—Тетракситовъ. Зато легко могло статься, что Половцы туда именно перевели нѣмецкихъ красавицъ изъ родины ихъ на южномъ берегу Кры-

[57]) Куникъ, Извѣстія Ал-Бекри и пр. С.-П. 1878, стр. 109.

ма. Что тутъ еще былъ въ употребленіи нѣмецкій языкъ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ словъ Рубруквиса (см. выше, стр. 135), который во время долгаго пребыванія въ Судакѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ случай тамъ встрѣчать Готовъ и съ ними бесѣдовать. Если, какъ думаетъ г. Гейдъ, Готы тогда уже не имѣли отвращенія для огораживанія своихъ жилищъ, то это еще не доказываетъ, что Рубруквисъ не могъ смѣшать замки южнаго берега съ современнымъ ему именемъ города Чуфутъкале, лежащаго также между Херсономъ и Судакомъ.

Въ это время вся южная Россія находилась подъ властью Монголовъ, такъ какъ при второмъ ихъ нашествіи на наше отечество тѣ изъ Половцевъ, которые не хотѣли имъ покориться, перевели свои кочевья въ Венгрію подъ начальствомъ своего хана изъ роду Іедисанъ [58]) хотя только частью, потому что одна изъ ордъ, кочевавшихъ въ здѣшнемъ краю до присоединенія его къ Россіи, была Іедисанская. На основаніи дошедшаго до насъ по счастливому случаю, составленнаго въ XIV столѣтіи половецкаго словаря [59]) г. Блау [60]) показалъ, что наши Половцы были по языку чистые восточные Турки; изъ чего, разумѣется, еще не слѣдуетъ, что сказанный словарь долженъ былъ служить для облегченія торговыхъ сношеній между Итальянцами и Половцами нашего только края, а не съ переселившимися, послѣ разгрома монгольскаго въ Венгрію и въ Болгарію, гдѣ одному изъ ихъ начальниковъ даже посчастливилось основать новую династію, извѣстную въ западной Европѣ своими торговыми договорами съ Венеціанцами и Генуэзцами.

Въ 1239 г. Монголы овладѣли Сугдеею (см. выше, стр. 134) и въ этомъ же году они, вѣроятно, утвердили свою власть и надъ Херсономъ, такъ какъ мы узнаемъ отъ Рубруквиса, что оба города принуждены были имъ платить ту же дань, кото-

---

[58]) Ж. Мин. Нар. Просв., іюнь 1853 года, III, 11.

[59]) Vocabulaire latin, perse et coman de la bibl. de Francesco Petrarca у Клапрота (Mém. relatifs à l'Asie, III, 113—254.

[60]) Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen въ особ. оттиск. изъ Zeitschrift der Zt. Morgenl. Gesellschaft, XXIX.

рую съ нихъ прежде взимали Половцы. Должно полагать, что отношенія Монголовъ къ Готіи были такого же рода, хотя императоры царьградскіе и трапезундскіе не переставали считать себя законными владѣтелями этой страны.

Во всякомъ случаѣ узы политическія, связавшія крымскихъ Готовъ съ Греками, были менѣе прочны, чѣмъ религіозныя. Готская епархія, возведенная еще въ IX вѣкѣ въ архіерейство, переведена была въ митрополію при Андроникѣ старшемъ въ 1283 году, подобно Сугдеи или Сурожу, который тогда еще важностью своихъ торговыхъ оборотовъ мало уступалъ Каффѣ, уступленной Монголами Генуэзцамъ около 20 лѣтъ передъ тѣмъ.

Но ихъ соперничество и жестокости хана Узбека противъ христіанскихъ жителей Сугдеи были столь пагубны для этого города, что Ибнъ-Батута, посѣтившій его въ 1331 г., засталъ въ немъ однихъ только мусульманъ, за исключеніемъ небольшаго числа греческихъ ремесленниковъ. Послѣ тщетной попытки Венеціанцевъ возстановить въ 1358 году прежнія свои конторы въ Солдаѣ, городъ этотъ былъ уступленъ Монголами Генуэзцамъ въ 1365 г., съ 18 деревнями, въ его окрестностяхъ лежащими (ч. I, 226), которыя вѣроятно вмѣстѣ съ Балаклавою достались имъ. Въ уставѣ 1449 года говорится только объ общинахъ и деревняхъ Готіи.

По грамотѣ 1381 года[61]) деревни эти были: Fori, Chichineo, Lupico, Musacori, Orianda, Jalita, Sicita (нынѣ Никита), Gorzovium, Pertenite, Lambadie, Lusta. Каждая изъ нихъ состояла подъ вѣдомствомъ своего propto (proto), а всѣ вмѣстѣ подъ викаріемъ riperiae marinae Gotiae, или Gozie. Въ этой области находились еще: Otuzii locus nuper fabricatus (1461) и Fonna.

Впослѣдствіи, какъ видно изъ устава для Генуэзскихъ колоній въ Газаріи 1449 г., къ приведеннымъ чиновникамъ еще прибавились: военный начальникъ или capitaneus и кон-

[61]) Atti della Società ligure di Storia Patria V, 254.

сулы въ Гурзуфѣ, Партенитѣ, Ялтѣ и Алуштѣ. Въ актахъ патріархата константинопольскаго (Зап. Одесск. Общ. V и VI) передаются намъ небезинтересныя подробности какъ объ этихъ мѣстностяхъ, такъ и о нѣкоторыхъ другихъ, не упомянутыхъ въ генуэзскомъ спискѣ, но также принадлежавшихъ къ готской епархіи или же у ней оспариваемыхъ херсонскими митрополитами, равно какъ и сугдейскими. Такъ мы узнаемъ, между прочимъ, что Ялита и другія патріаршескія владѣнія въ готской епархіи переданы были въ 1371 году въ вѣдѣніе сугдейскаго митрополита; что въ 1384 г. митрополитъ сугдейскій былъ посланъ для рѣшенія спорнаго дѣла, возникшаго между митрополитомъ херсонскимъ и «архіепископомъ» готскимъ за приходы Сикиты, Партеніеты, Алушты, Фуны (явно Фонна Итальянцевъ) и Аланіи, мѣстоположеніе которой, подобно Фунѣ, намъ пока неизвѣстно. Тоже самое мы должны сказать о мѣстечкѣ Кинзанусѣ, которое, вслѣдствіе донесенія сугдейскаго митрополита, готскій архіепископъ долженъ былъ отдать митрополиту херсонскому въ 1385 году. Подъ 1390 годомъ сказано, что мѣстечко это ему дѣйствительно было возвращено вмѣстѣ съ приморскими селами: Фуною, Алустою, Аланіею, Ламбадо Партенитскимъ, Сикитою и Хрихори, т. е. Киркъ-іеръ или Чуфутъ-кале, что̀ доказываетъ, что населеніе его, по крайней мѣрѣ отчасти, состояло тогда изъ христіанъ. Находясь внѣ предѣловъ Готіи, Киркъ-іеръ никогда не принадлежалъ Генуэзцамъ, но Татарамъ и по причинѣ крѣпкаго положенія былъ одной изъ главныхъ резиденцій ихъ хановъ.

Интересно не менѣе приведенныхъ извѣстій касательно готской епархіи содержаніе греческой надписи 1427 года въ предъалтарной части церкви апостоловъ Петра и Павла, значительные остатки которой были недавно открыты въ Партенитѣ [62]).

Памятникъ этотъ знакомитъ насъ не только съ именемъ тогдашняго «митрополита» готѳійскаго (Даміанъ); но мы еще

[62]) См. ст. Караулова, въ VIII т. Зап. Одесск. Общ. Ист.

узнаемъ, что онъ не титулуется просто митрополитомъ Готіи, но митрополитомъ «города Θеодори и всей Готѳіи», изъ чего разумѣется не слѣдуетъ, что она, по крайней мѣрѣ отчасти, не могла быть подвластна Генуэзцамъ. Что же касается города Θеодори, то, послѣ доказательствъ мною приведенныхъ (Notices... 64), придется согласиться, что онъ совпадалъ съ Мангупомъ, а не съ Инкерманомъ, какъ, по примѣру Туммана, думали Карамзинъ, Кёппенъ и другіе; тогда какъ сохранившіяся въ Инкерманѣ развалины означаютъ намъ мѣсто, гдѣ находился не маловажный нѣкогда городъ Каламита. Поэтому нѣтъ надобности спорить о томъ, гдѣ находилась резиденція князя Алексѣя, которому передались въ 1433 году возмутившіеся противъ Генуэзцевъ Балаклавцы, и который въ ихъ грамотахъ и лѣтописяхъ значится dominus de Lotodero, signor del Teodoro «che luogo vicino del Cembalo». Изъ надписи 1427 года на камнѣ, находящемся въ имѣніи Саблы, близь Симферополя, и которая была обнародована Кёппеномъ и Дюбуа, видно что этотъ Алексѣй титулуется владѣтелемъ города Θеодоро и также—морскаго берега [63]), тогда какъ изъ генуэзскихъ актовъ мы усматриваемъ, что, по взятіи Генуэзцами у него обратно Балаклавы въ 1434 году, онъ задумалъ устроить гавань въ Каламитѣ, и слѣдовательно былъ самостоятельнымъ владѣтелемъ на прибрежьѣ Севастопольскаго рейда, или Каламитскаго залива. Что князь Алексѣй, хотя и былъ членомъ царствовавшей въ Константинополѣ фамиліи, за владѣнія свои въ Готіи считался вассаломъ республики, видно изъ того, что съ лѣвой стороны надписи изсѣченъ генуэзскій гербъ, тогда какъ правая представляетъ половину двуглаваго орла [64]).

По смерти его въ 1456 году, Генуэзцы не замедлили поздравить его сына «Olobey signore di Teodoro» съ вос-

[63]) Тѣмъ не менѣе Дюбуа, увлеченный авторитетомъ Туммана и Кёппена, не рѣшается искать Θеодоросъ въ Готіи, и довольствуется замѣтить (стр. 258): Mais si Théodoros est synonyme d'Inkerman, le texte même de l'inscription prouverait presque l'impossibilité de la supposition.

[64]) Кёппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 218.

шествіемъ на престолъ и увѣрить его въ дружескомъ ихъ расположеніи къ сосѣду (bona vicinanza ed amicizia). Охотно я видѣлъ бы въ немъ близкаго родственника преп. Кассіана углицкаго (въ мірѣ Константинъ), прибывшаго въ Москву въ 1472 году вмѣстѣ съ Софіею, невѣстою великаго князя Іоанна и племянницею послѣдняго греческаго императора (К. имѣлъ тогда 30 лѣтъ отъ роду: Филаретъ, Русскіе Святые, 2 изданіе, отд. 3, стр. 188). Въ Прологѣ подъ 21 мая сказано о немъ: бяше отъ италійскія страны, отъ Аморія, рода княжеска, Мавнукскаго града. На томъ основаніи, что Мавнукомъ крымскимъ до 1475 года владѣли Готы; что Морея — не часть Италіи, а Мавнука не было ни въ Мореѣ, ни въ Италіи, о. Филаретъ (стр. 180, прим. 19) признаетъ за вѣрное только то, что Константинъ родился въ Мореѣ отъ благородной фамиліи, и догадывается, что онъ былъ Славяниnъ, такъ какъ въ Мореѣ жили тогда большею частью (?) Славяне. Но почему не допустить, что онъ былъ изъ рода греческихъ владѣтелей Мавнука крымскаго, т. е. Мангупа, и что онъ оттуда былъ отправленъ въ юныхъ лѣтахъ въ Константинополь. Затѣмъ, когда городъ этотъ былъ взятъ Турками, онъ могъ искать убѣжища въ Италіи, подобно брату императора Ѳомѣ Палеологу (1461). Наконецъ, князь мангупскій могъ быть удостоенъ чести провожать дочь «владѣльца морейскаго» въ Россію, отчасти по той причинѣ, что тамъ уже находились члены его фамиліи. Ибо еще въ 1391 году выѣхалъ изъ Крыма въ Москву Грекъ, бывшій владѣтелемъ городовъ Судака, Мангупа и Балаклавы, князь Степанъ Васильевичъ, по прозвищу Ховра, Хомра или Комра, родоначальникъ знаменитой въ русскихъ лѣтописяхъ фамиліи Головиныхъ (Князь Долгоруковъ, Росс. Родословная книга, III, 105). Преподобный же Кассіанъ скончался въ глубокой старости, проведши послѣдніе годы своей жизни въ обители имъ основанной на берегу рѣки Учьмы (въ 22 верстахъ отъ Углича) и существовавшей до 1764 г. Теперь на мѣстѣ упраздненнаго монастыря находятся двѣ приходскія каменныя церкви, стоящія рядомъ; одна

изъ нихъ двухъ-этажная, гдѣ въ нижнемъ храмѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи его.... При входѣ въ эту церковь, у двери на наружной стѣнѣ вставлена кафельная плита съ рельефнымъ изображеніемъ въ кругу, двухглаваго орла съ опущенными внизъ крыльями безъ коронъ, что напоминаетъ гербъ владѣтеля Алексѣя изъ рода Комниныхъ[65]).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что владѣтели Θеодоро были люди значительные, почему и неудивительно, что современные монархи могли быть съ ними связаны узами родства. Такъ въ хроникѣ Папарета, приведенной у Фалмерейера (l. c.), упоминается о дочери Алексѣя изъ Θеодори Маріи, на которой былъ женатъ послѣдній трапезунтскій императоръ Давидъ Комнинъ. Изъ крымскихъ дѣлъ мы усматриваемъ, что великій князь Іоаннъ Васильевичъ требовалъ еще въ 1475 году для своего сына руки дочери мангупскаго князя Исайко, явно тождественнаго съ упомянутымъ (подъ 1471 годомъ) въ генуэзскихъ граматахъ владѣтелемъ Teodoro Saich (Atti d. S. L. VII, p. 769). Посланникъ русскій Старковъ долженъ былъ справляться о томъ, сколько тысячъ злотыхъ приданнаго (взятка) Исайко намѣренъ дать за дочерью своею (Зап. Одесск. Общ. V, 187). Этотъ «mariage de raison» не состоялся вѣроятно только потому, что уже въ слѣдующемъ году Турки овладѣли Мангупомъ, найденныя тамъ сокровища отправили въ Константинополь и подчинили себѣ всю Готію, οἱ Θεόδωροι καὶ ἡ Γοτθία (Hist. pol. Const. ed. Bonn. 45).

Въ томъ же походѣ Турки овладѣли всѣми генуэзскими поселеніями въ Газаріи, равно какъ и Апапою[66]), откуда, впрочемъ, по мнѣнію г. Десимони Генуэзцы вѣроятно выступили до занятія Каффы Турками, хотя онъ не можетъ рѣшить этотъ вопросъ окончательно, при недостаткѣ документовъ, касающихся массаріи послѣ 1472 года. За то можно сказать ут-

---

[64]) Струковъ, Благов. Константинъ, князь Мангупскій въ иночествѣ Кассіанъ, С. П. 1874.

[65]) Evliya Efendi, Travels etc. transl. by Hammer, II, 59.

вердительно, что, подобно (ч. I, 216) приведеннымъ готскимъ князьямъ, на которыхъ князь Таманскій жаловался Банку въ 1482 году современные имъ обитатели Анапы были христіане, поелику мы узнаемъ отъ Гаджи-Халфы[67]), что еще въ его время къ числу христіанскихъ Черкесовъ принадлежали Джехаки или Шегаки. Между тѣмъ, такъ именно нынѣ еще называются или назывались (по Дюбуа: *les maritimes*) обитатели Анапы и окрестностей для различія отъ ихъ сосѣдей.

Если же турецкій туристъ Эвлія-эфенди (II, 59), который самъ былъ въ Анапѣ въ 1641 году, сказавъ, что городъ этотъ былъ подъ вѣдомствомъ «воеводы» санджакства Таманскаго, губерніи Кафинской, прибавляетъ, что жители его были всегда готовы къ возмущенію, то ясно, что онъ имѣлъ въ виду христіанскихъ *Шегаки*, хотя говоритъ, что они принадлежали къ племени *Шефаки*. По тому же автору тамошній замокъ такъ хорошо сохранился, какъ будто только что былъ построенъ. Кажется поэтому что Тетбу, бывшій въ Анапѣ въ 1824 году, не ошибся (Voy. Circassie 154) когда узналъ въ развалинахъ крѣпости творенія генуэзцевъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы познакомить читателей съ отрывкомъ изъ письма г. Десимони, члена Лигурійскаго Общества, отъ котораго я надѣялся узнать, не сохранились ли въ архивѣ банка св. Георгія неизданныя до нынѣ извѣстія касательно Анапы во время владычества Генуэзцевъ: «Въ картуларіяхъ массаріи мнѣ удалось открыть два только мѣста, касающіяся Анапы, а именно: 1) подъ 1423 годомъ, гдѣ рѣчь идетъ о ежегодной субвенціи для защиты замка «de lo Mapa», и 2) подъ 1471 годомъ, гдѣ говорится объ издержкахъ in mittendo fustam in maparium ad comburendam certos casapales. Казалось бы, что подъ послѣднимъ словомъ разумѣлись дома или хаты; но не много ниже читается: expense pro redimendo... captos a Casapalibus Berzeboch, подъ

[67]) Giban-Numa, ed. Norberg p. 581.

которыми стало быть здѣсь, вѣроятно, разумѣлись подданные или вассалы сего владѣтеля, вѣроятно тождественнаго съ упомянутымъ въ другомъ мѣстѣ «Dominus Coparii Berzebuch», мужа Борунды (Domina Borunda) и отца «Cambelot'a»[68]). Онъ же вѣроятно одно и тоже лицо съ «Belzebuch», съ которымъ была заключена конвенція въ 1462 году «pro conducendis populis», т. е. для найма солдатъ, равно какъ и съ упомянутымъ подъ 1455 годомъ «Dominus Coparii Parcibech» съ прозваніемъ Jehticus или Geticus, заставляющимъ думать, что къ владѣтелямъ Копарія принадлежали также «Usdemoroch Dominus Jeticorum», о которомъ говорится подъ 1446 годомъ, и мнимые «готскіе» князья, гостившіе у владѣтеля Тамани въ 1482 году.

Безъ сомнѣнія, они были Черкесы, явно тождественные съ Зихами или Джихами другихъ писателей. Форма ихъ имени въ генуэзскихъ актахъ объясняется туземнымъ названіемъ ихъ страны, т. е. Джикети. По той же причинѣ императоръ Трапезунтскій называетъ ихъ «la nation des Gith» въ письмѣ къ герцогу Филиппу Бургундскому 22 апрѣля 1453 года[69]), гдѣ онъ исчисляетъ своихъ союзниковъ въ предположенномъ крестовомъ походѣ противъ Турокъ.—Я даже подозрѣваю, что главнокомандующимъ контингента христіанскихъ Зиховъ былъ именно вышеупомянутый Dominus Coparii Parcibech. Въ небольшомъ разстояніи отъ его резиденціи должна была находиться подвластная нѣкоему Биберди прекрасная область Кремухъ, куда прибылъ Барбаро на 3 или 4 день по выѣздѣ изъ Таны вдоль по восточному берегу Азовскаго моря. Безъ сомнѣнія это та самая область, которую его современникъ Интеріано называетъ Кромухъ, прибавляя, что она находилась близъ татарской

---

[68]) Затѣмъ г. Десимони усмотрѣлъ изъ документа 1418 г., что Берозохъ былъ отецъ вышеупомянутой Бика-канонъ и что она была супруга не Симоне де Гизолфи, но его сына Винкентія, стало быть мать Захарія.

Итакъ я ошибся, полагая, что имя ее гласило Бика-катунъ и что она могла быть дочь грузинскаго вельможи Бека II.

[69]) Aeneae Sylvii Epist. 391, приведенный у Brosset, Addit. 408.

границы въ Зихіи и отличалась отъ всѣхъ прочихъ долинъ сего края выгоднымъ положеніемъ и густою населенностью.

О томъ куда дѣвались родственники Исаика, по занятіи Турками ихъ владѣній въ Крыму, до насъ не дошло достовѣрныхъ извѣстій. Поэтому мы ограничиваемся упомянуть здѣсь лишь о событіи, касающемся одного члена этой знаменитой фамиліи, такъ какъ оно, въ случаѣ надобности, убѣдитъ читателя, что замокъ построенный княземъ Алексѣемъ въ Өеодори въ 1427 году былъ тотъ самый, который полутораста лѣтъ спустя очевидецъ Броніовій[70]) засталъ еще въ Мангупѣ.

Воинственный, дикій Селимъ, возсѣвши на престолъ еще живаго отца своего, Султана Баязита, принялъ благосклонно посланнаго къ нему великимъ княземъ Василіемъ въ концѣ 1512 года дворянина Алексѣева и при выѣздѣ сего послѣдняго обратно изъ Константинополя вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Россію князя Мангупскаго Камала[71]), принадлежавшаго вѣроятно къ свитѣ султана, когда сей послѣдній съ татарскимъ войскомъ возвратился изъ Крыма, гдѣ онъ годомъ прежде искалъ убѣжища у своего тестя Менгли-Герая[72]). Этотъ посолъ султанскій съ пути писалъ въ Москву имянитому чиновнику Греку Юрію Тарханіоту: «Господине братце Георгій отъ мене Камала, нѣкогда зовомый Өедоритъ: послалъ есми къ твоему господству племянника своего Мануила и проч.» [73]).

Новое имя князя Мангупскаго и присовокупленный къ нему титулъ би, вмѣсто Бей или бегъ[74]), заставляетъ думать, что онъ получилъ или надѣялся получить обратно свою вотчину въ Крыму, отказавшись отъ вѣры своихъ предковъ.

Во всякомъ случаѣ ему никогда не могло придти на мысль, что онъ прежде назывался Өеодоритомъ, если бы онъ не былъ членомъ династіи княжеской, резиденція которой была

---

[70]) Schwandtner, Script. Rerum Hungar. III, 113 съ сл.

[71]) Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, VII, 38.

[72]) Hammer, Hist. de l'Empire ottoman, IV, 120.

[73]) Карамзинъ, l. c. примѣч. 105.

[74]) Кёппенъ, Крымскій Сбор., 284, прим. 420.

хорошо извѣстна Итальянцамъ и Византійцамъ подъ названіемъ Ѳеодоросъ или Ѳеодори.

Подобно этимъ князьямъ и членамъ духовенства, многіе жители крымской Готіи были Греки; но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ XV столѣтія тамъ еще встрѣчались люди, которые исповѣдуя православную вѣру говорили языкомъ, гораздо болѣе подходящимъ къ нѣмецкому, нежели къ эллинскому.

Въ этомъ удостовѣряетъ насъ извѣстіе у Шильтбергера [75]), что смежная съ Херсономъ приморская страна «Sudi» или «Suti» названа была Татарами «that», населена была греческими христіанами и производила отличное вино. Ясно, что Суди или Сути ничто иное, какъ ошибочное чтеніе армянской формы имени Готіи, т. е. Kouth, Kuti [76]). Ибо въ другомъ мѣстѣ (101) Шильтбергеръ намъ передаетъ, что къ языкамъ, на которыхъ служили Богу по греческому исповѣданію, принадлежалъ, между прочимъ, языкъ, названный имъ «kuthia sprauch», и что этотъ языкъ у язычниковъ также назывался that. Что языкъ этотъ именно былъ готскій, въ томъ насъ убѣждаетъ свидѣтельство І. Барбаро, коего записки г. Срезневскій [77]) считаетъ лучшимъ изъ памятниковъ путешественной литературы XV в., и который тѣмъ болѣе заслуживаетъ наше довѣріе, что онъ въ этомъ случаѣ говоритъ какъ очевидецъ, описывая свое путешествіе изъ Таны (Азовъ) въ Крымъ.

Вотъ его собственныя слова: «dietre dell'isola di Capha d'intorno che è sul mar maggior, si trova la Gotthica... Gotthi parlano in todesco; et so questo, perche — havendo un fameglio todesco con mi, parlavano insieme, ed intendevansi assai ragionevolemente, così come si intenderia un Forlano cun un Fiorentino».

Но, если такъ, то мы не вправѣ отрицать возможность существованія Готовъ въ Крыму сто лѣтъ спустя, и посему

[75]) Путешествія, въ I т. Зап. Новор. Универс. 58.

[76]) Dulaurier, Bibl. hist. arm., 398.

[77]) Хоженіе за три мори и пр. 1859 г., стр. 25.

самому должны быть благодарны барону Бузбеку за то, что онъ передалъ намъ сообщенные имъ въ Константинополѣ, куда былъ посланъ римскимъ императоромъ въ 1565 году, списки словамъ, по которымъ становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что древне-готскій языкъ дѣйствительно былъ тогда еще въ употребленіи въ Крыму.

Сказавъ предварительно, что тотъ изъ крымскихъ депутатовъ, у котораго онъ справлялся о готскомъ языкѣ, omnibus vero dictionibus praeponebat articulum tho или the, Бузбекъ, различая въ числѣ переданныхъ ему словъ подходящія къ нѣмецкимъ, отъ тѣхъ, которыя съ ними не имѣютъ ничего общаго, продолжаетъ:

1) Nostratia aut parum differentia hæc erant:

Broe. Panis.	*Tag.* Dies.
Plut. Sanguis.	*Oeghene.* Oculi.
Stul. Sedes.	*Bars.* Barba.
Hus. Domus.	*Handa.* Manus.
Wingart. Vitis.	*Boga.* Arcus.
Reghen. Pluvia.	*Miera.* Formica.
Brudes. Frater.	*Ring.* s. *Ringo.* Annulus.
Shvvester. Soror.	*Brvnna.* Fons.
Alt. Senex.	*Apel.* Pomum.
Wintch. Ventus.	*Schieten.* Mittere sagittam.
Silvir. Argentum.	*Schlipen.* Dormire.
Goltz. Aurum.	*Kommen.* Venire.
Kor. Triticum.	*Singhen.* Canere.
Salt. Sal.	*Lachen.* Ridere.
Fisct. Piscis.	*Criten.* Flere.
Hoef. Caput.	*Geen.* Ire.
Thurn. Porta.	*Breen.* Assare.
Stern. Stella.	*Schvvalth.* Mors.
Sune. Sol.	*Knauen tag* erat illi Bonus dies.
Mine. Luna.	*Knauen* bonum dicebat.

2) Et pleraque alia cum nostra lingua non satis congruentia usurpabat, ut

Iel. Vita sive sanitas.
Ieltsch. Vivus s. sanus.
Iel uburt. Sit sanum.
Marzus. Nuptiæ
Schuos. Sponsa.
Baar. Puer.
Ael. Lapis.
Menus. Caro.
Rintsch. Mons.
Fers. Vir.
Statz. Terra.
Ada. Ovum.
Ano. Gallina.
Ich malthata. Ego dico.
Telich. Stultus.
Stap. Capra.
Gadeltha. Pulchrum.
Atochta. Malûm.
Wichtgata. Album.
Mycha. Ensis.
Lista. Parum.
Schedit. Lux.
Borrotsch. Voluntas.
Cadariou. Miles.
Kilemschkop. Ebibe calicem.
Tzo Warthata. Tu fecisti.
Jes Varthata. Ille fecit.

3) Iussus ita numerabat: Ita, tua, tria, fyder, fyuf, seis, sevene, ahte, nyne, thiine, thiin-ita, thiine-tua, thiine-tria, etc. Viginti dicebat stega, triginta threithyen, quadraginta furdeithien, centum sada, hazer mille.

4) Quin etiam cantilenam ejus linguæ recitabat, cujus initium erat huiusmodi:

Wara wara ingdolou:
Scu te gira Galizu
Hoemisclep dorbiza ea.

«При первомъ взглядѣ насъ поражаетъ», говоритъ Масманъ [78]) «въ этомъ спискѣ странная смѣсь новыхъ словъ и формъ и явныхъ описокъ съ такими словами, которыя болѣе или менѣе близко подходятъ къ древне-готскимъ и даже съ ними совершенно совпадаютъ».

Къ такимъ словамъ онъ, въ своемъ разборѣ всѣхъ этихъ словъ причисляетъ, между прочимъ, слово schvvalth (var. schuualch, mors) соотвѣтствующее готскому svalts (Luc. 7, 2)

---

[78]) Haupt, Zeitschrift für Deutsches Alterthum, Leipz. 1841, I, стр. 359.

и принадлежащее, по Дифенбаху[79]) къ доказательствамъ достовѣрности извѣстій, переданныхъ Бузбекомъ.

Къ такимъ словамъ принадлежитъ, быть можетъ, и Бузбеково vinegart или gert, vitis; оно напоминаетъ мнѣ наше слово виноградъ, которое у другихъ Славянъ не служитъ для означенія растенія или плода vitis vinifera, но употребляется только въ смыслѣ нашего: виноградье, виноградникъ.

Дифенбахъ (Vergl. W. B. II, 392) объясняетъ это различіе недоразумѣніемъ со стороны Русскихъ, а именно тѣмъ, будто бы они смѣшали слова «grad» и «grozd», лоза.

Но почему же не допустить, что церковно-славянское и русское «виноградъ» прямо заимствовано изъ готскаго «veinagards», и что послѣднее слово употреблялось, на подобіе греческому ἄμπελος, въ двоякомъ смыслѣ, какъ vitis и какъ vinea. По крайней мѣрѣ можно думать, что наши предки познакомились съ виподѣліемъ при посредствѣ Черноморскихъ Готовъ, на что, впрочемъ, намекаютъ и наши пѣсни и припѣвы о виноградѣ, виноградьѣ зеленомъ и о Дунаѣ рѣкѣ (Даль, Толк. Слов.).

Если же у Русскихъ, по какой бы то ни было причинѣ, слово «виноградъ» могло войти въ употребленіе для означенія не сада съ лозами, но самаго растенія и кустовъ съ его плодами, то Греки, въ старину, могли легко, на оборотъ, означать край, весь почти покрытый лозами, множественнымъ числомъ слова κλῆμα, тѣмъ болѣе, что оно и теперь у нихъ употребляется въ подобномъ смыслѣ, напр., на Іоническихъ островахъ.

Вотъ почему я, вопреки мнѣнію Тафеля[80]), не думаю, что нашъ авторъ и современникъ его императоръ Константинъ только по ошибкѣ горную часть Крыма называютъ τα κλήματα, вмѣсто κλίματα «die Orte», какъ переводитъ Тафель.

По крайней мѣрѣ труднѣе согласовать съ этимъ чтеніемъ

---

[79]) Vergl. W. B. d. Goth. Sprache, II, 366.

[80]) Theoph. Chronogr., особый оттискъ изъ S. B. d. Wiener Ac. 1852, 153.

почему императоръ ставитъ слова «τὰ λεγόμενα» (c. I, p. 68) предъ названіемъ края, составлявшаго какъ бы одно виноградіе и посему самому еще спрашивается, не по ошибкѣ ли въ 41 главѣ (p. 180) непоименованные замки, явно служившіе для охраненія сего края противъ набѣговъ варваровъ, названы τὰ κάστρα τῶν κλιμάτων.

Но и въ числѣ словъ, которыя по мнѣнію Бузбека не имѣютъ ничего общаго съ нѣмецкими, попадаются еще болѣе замѣчательныя, какъ напр., mycha, ensis, явно тожественное съ готскимъ meki или mekeis, которое не могло быть извѣстно барону, такъ какъ оно не встрѣчается въ доступныхъ ему частяхъ такъ называемаго Codex argenteus, но впервые является въ открытыхъ въ 1817 году миланскихъ палимисестахъ (Ephes 6, 17).

Подобнымъ образомъ въ приведенныхъ Бузбекомъ словахъ ael, menus, iel, ieltsch отзываются древне-готскія: hallus (petra), menus (mims, въ I, Cor. 8, 13 вмѣсто κρέα) и hail, hails (sanitas). Между тѣмъ, всѣхъ этихъ словъ недостаетъ въ Codex argenteus, коего текстъ со словаремъ притомъ изданъ былъ Юніусомъ въ Дортрехтѣ въ 1665 году, стало быть почти сто лѣтъ послѣ временъ Бузбека.

За исключеніемъ таинственнаго ita (1) *всѣ* числа до 40 напоминаютъ намъ соотвѣтствующія имъ готскія названія, такъ какъ къ нимъ относится также stega (20). Напротивъ того, крымскіе Готы заимствовали, безъ сомнѣнія, у своихъ инородныхъ сосѣдей слова sata или sada (100) и hazer (1000).

Но это именно смѣшеніе иностранныхъ словъ съ готскими, равно какъ и старыхъ съ новыми, свидѣтельствуетъ въ пользу добросовѣстности Бузбека, поелику онъ, въ противномъ случаѣ, не оставилъ бы, по возвращеніи своемъ въ Германію, сообщить *всѣмъ* словамъ своего списка такой именно видъ, по которому они болѣе были бы похожи на готскія слова въ доступныхъ ему рукописяхъ. Не довольствуясь справляться о языкѣ крымскаго народа его въ особенности интересовавшаго, Бузбекъ старался познакомиться съ тогдашнимъ ихъ состоянi-

емъ, съ ихъ нравами и проч. Между прочимъ, онъ узналъ, что Готы все еще, какъ во времена Прокопія, были народъ воинственный и населяли много деревень, изъ коихъ ханъ татарскій бралъ до 800 пѣшихъ склопетаріевъ, составлявшихъ лучшую часть его войска (Aiebat gentem esse bellicosam, quae complures pagos hodieque incoleret, ex quibus Tartarorum regulus, cùm expediret, octingentos pedites sclopetarios scriberet, praecipuum suarum copiarum firmamentum); главные же ихъ города были Мангупъ и Сциваринъ, т. е. Сюрень, на лѣвомъ берегу Бельбека, гдѣ и теперь видны остатки старинняго укрѣпленія съ хорошо уцѣлѣвшею двухъэтажною башнею, построенною не Генуэзцами, но Византійцами, какъ показалъ г. Карауловъ [82]).

Изъ небольшаго числа путешественниковъ, побывавшихъ въ горной части Крыма въ теченіе двухъ столѣтій, протекшихъ отъ временъ Бузбека до занятія сего края Русскими, никто тамъ уже не встрѣчалъ Готовъ или Татъ, какъ ихъ называли Татары, по свидѣтельству Шильтбергера. Въ настоящее время они примѣняютъ это названіе, значущее, по Клапроту [83]), покоренный народъ, ко всѣмъ инороднымъ обитателямъ полуострова. Должно думать поэтому, что Готы мало по малу смѣшались съ Греками, Армянами и другими христіанами или совершенно исчезли въ массѣ Татаръ.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что со временъ Екатерины II многіе знаменитые ученые перенесли свои пенаты какъ разъ въ тѣ мѣста, гдѣ такъ долго жили Готы. Между тѣмъ, мы не ошибемся утверждая, что въ числѣ этихъ ученыхъ были и такіе, которые, подобно Бузбеку, были убѣждены въ томъ, что изслѣдованія касательно дѣйствій и судьбы прежнихъ обитателей Тавриды столь же интересны и важны, какъ описаніе климата и качества почвы, или флоры и фауны этой завѣтной страны.

---

82) Древнее Сюреньское укрѣпленіе, 5—11.
83) Potocki, Voyage d. l. step. etc. II, 48.

V.

Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ периппламъ и по компасовымъ картамъ[1]).

Тогда какъ намъ положительно извѣстно, какимъ мѣстностямъ соотвѣтствовали имена, отмѣченныя, какъ въ Периплахъ Скилакса, Арріана и непоименованнаго автора, такъ и въ картахъ XIV и XV столѣтій, на сѣверномъ берегу Чернаго моря; ученымъ понынѣ не удалось опредѣлить съ точностью древнюю и средневѣковую топографію восточнаго берега, въ тѣ времена не уступавшаго первому, по важности своей въ коммерческомъ отношеніи. На основаніи новаго устава Одесск. Общ. Ист. и Древн. восточный берегъ включенъ теперь въ кругъ его занятій, почему и всѣ изслѣдованія, до его исторіи и географіи касающіяся, требуютъ нашего вниманія болѣе прежняго.

Безъ сомнѣнія, и на этомъ берегу не могли совершенно исчезнуть памятники старины въ родѣ тѣхъ, которые сохранились на поверхности земли или были открыты въ нѣдрахъ ея на сѣверномъ берегу,—памятники, которымъ мы преимущественно обязаны окончательнымъ рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ касательно мѣстоположенія тамошнихъ поселеній, какъ древнихъ, такъ и средневѣковыхъ. Такъ напр., только съ открытіемъ керченскихъ древностей Дюбрюксомъ содѣлалось из-

---

[1]) Изъ IX тома Записокъ И. Одесск. Общ. Ист. и Древн., съ прибавленіемъ другой статейки подъ заглавіемъ «Берегъ Чернаго моря между Ріономъ и Чорохомъ», посланной въ рукописи въ Тифлисъ для V Археологическаго съѣзда. Здѣсь приложена сравнительная таблица географическихъ именъ восточнаго берега.

вѣстнымъ, гдѣ находился древній Пантикапеонъ. Подобнымъ образомъ разные предметы искусства, найденные въ селѣ Порутинѣ, дали Муравьеву-Апостолу возможность опредѣлить мѣстоположеніе Ольвіи, которую тѣмъ не менѣе Кольстеръ вздумалъ перемѣстить на противуположный берегъ Буга, считая достаточнымъ, для рѣшенія сего вопроса, положиться на свое собственное толкованіе свидѣтельства древнихъ классиковъ. Столь же произвольнымъ образомъ разсуждали въ ученомъ мірѣ о мѣстоположеніи Танаиса, пока Стемпковскому не представился случай видѣть близь с. Недвиговки развалины и тѣмъ подать поводъ къ раскопкамъ, послѣ которыхъ уже нельзя было сомнѣваться, гдѣ обитали Танаиты, по крайней мѣрѣ, послѣ разрушенія древнѣйшаго ихъ города царемъ Воспорскимъ, Полемономъ.

Если въ наше время болѣе не спорятъ о томъ, гдѣ должны были находиться Тирасъ, Нимфеонъ, Фанагорія и другіе города, болѣе или менѣе важные въ древности и въ среднихъ вѣкахъ, то единственною тому причиною должно считать открытіе разнаго рода памятниковъ въ Аккерманѣ, при озерѣ Чурубашъ, при станціи Сѣнной и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Мангупѣ, гдѣ сохранились развалины дворца, явно свидѣтельствующія, что тутъ находилась столица Готіи Ѳеодори, которую до сихъ поръ всѣ изслѣдователи, русскіе и иностранные, увлеченные авторитетомъ Тунмана, отождествляли съ Инкерманомъ, не подозрѣвая, что сохранившіяся въ немъ развалины относятся къ городу Каламита.

Нельзя поэтому не согласиться, что Стемпковскій имѣлъ полное право сказать[2]): «когда свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи земель соединены съ изученіемъ памятниковъ древности, въ томъ что относится до Географіи, тогда можно на точныхъ основаніяхъ полагать сужденія свои о древнихъ мѣстоположеніяхъ; можно, такъ сказать, видѣть оныя каждое на своемъ

---

[2]) Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго. С. П. 1826, стр. 14 и 15.

мѣстѣ. Симъ пріобрѣтается даже средство судить, справедливы ли, или, до какой степени невѣрны, описанія древнихъ авторовъ; иначе всѣ изслѣдованія могутъ быть основаны на одномъ только умственномъ представленіи предметовъ: смотря потому, какъ мы разумѣемъ или толкуемъ тѣ описанія».

Само собою разумѣется, что съ открытіемъ слѣдовъ главныхъ нѣкогда городовъ на восточномъ берегу Чернаго моря представилась бы возможность сличить съ дѣйствительностью смежные между ними береговые пункты, отмѣченные въ приведенныхъ картахъ и описанные въ Периплахъ съ означеніемъ взаимнаго ихъ разстоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ становилось бы легче объяснить себѣ значеніе часто загадочныхъ названій этихъ мѣстностей въ приведенныхъ источникахъ; рѣшеніе же этихъ загадокъ могло бы давать поводъ къ пополненію, подтвержденію или опроверженію извѣстій, переданныхъ намъ о Закавказскомъ краѣ греческими, римскими, восточными, западно-европейскими и нашими писателями.

Вотъ соображенія, побудившія меня воспользоваться средствами, доставленными мнѣ Обществомъ для предпринятія лѣтомъ 1874 года поѣздки на восточный берегъ съ тѣмъ, чтобы сличить съ мѣстностями соотвѣтствующія имъ имена на картахъ XIV и XV столѣтій и касающіяся ихъ же топографическія извѣстія у древнихъ авторовъ. При этомъ мнѣ дана была къ счастію возможность пользоваться весьма важнымъ источникомъ, недавно открытымъ, т. е. фрагментомъ Перипла Понта Евксинскаго непоименованнаго автора, хранящимся въ рукописи въ Британскомъ музеѣ и впервые изданнымъ въ 1870 году Карломъ Мюллеромъ[3]).

Фрагментъ этотъ, заключая въ себѣ описаніе Черноморскаго берега отъ Офиса (пограничной рѣки Колхиды) до устья Меотиды, пополняетъ неизвѣстную дотолѣ среднюю часть Перипла Понта, составленнаго около временъ Юстиніана I непоименованнымъ авторомъ, преимущественно на основаніи Перипла

---

[3]) Fragmenta historicorum graecorum, V, I p. 174—181.

Арріана и сочиненій другихъ древнихъ писателей. Хотя въ приведенномъ отрывкѣ «Безъименный» не поступилъ иначе,— но за то онъ, къ даннымъ, имъ заимствуемымъ у гораздо древнѣйшихъ авторовъ, нерѣдко прибавляетъ совершенно новыя и тѣмъ болѣе интересныя извѣстія, что они обличаютъ въ немъ человѣка хорошо знакомаго съ описываемыми имъ береговыми пунктами.

Изъ нихъ одинъ только городъ Питіусъ (Pityus), «opulentissimum oppidum», по Плинію, не подавалъ повода къ противуположнымъ мнѣніямъ со стороны ученыхъ, пытавшихся отыскать мѣсто, имъ занимаемое въ дѣйствительности. Всѣ согласны, что городъ этотъ, разграбленный сначала Геніохами, а затѣмъ снова Готами, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, совпадалъ съ городомъ «peçonda» средневѣковыхъ картъ, грузинскимъ «Bidchwinta» т. е. съ нынѣшнею Пицундою, гдѣ и теперь сохранился великолѣпный храмъ, построенный при Юстиніанѣ I.

Имъ же этотъ городъ былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ и теперь замѣтны, не смотря на разрушающее дѣйствіе времени и на частые набѣги варварскихъ сосѣдей.

Если я не ошибаюсь, то Питіусъ иногда назывался Сотирополисъ [4]). По крайней мѣрѣ, Константину Багрянородному, (De adm. imp. c. 42), который ничего не говоритъ о Питіусѣ, былъ извѣстенъ абхазскій городъ Сотиріополь, тогда какъ еще въ 1347 году Сотиропольская епархія была соединена съ Аланійской (Acta Patr. Const. CXIV), а по Кодину [5]), Пиоія (Pythia) прежде называлась Сотирополь.

Подобно Арріану, безъименный фрагментистъ полагаетъ 350 стадій (или $46^2/_3$ миль римскихъ) на разстояніи между Питіусомъ и Севастополемъ, занимавшимъ, по ихъ же свидѣтельству, мѣсто знаменитой милезійской колоніи Діоскуріасъ, наслѣдницы баснословныхъ богатствъ Колхиды. Извѣстно, что

---

[4]) Ст. Куника въ Учен. Зап. И. Ак. Наукъ, II, 740.
[5]) Cf. Hierocl. Syn. etc. ed. Parthey, 315.

городъ Діоскуріасъ былъ не только центромъ торговли съ горцами, но также, послѣ основанія бактрійскаго государства, складочнымъ мѣстомъ для индійскихъ товаровъ, которые туда доставлялись вверхъ по Оксу, изливавшемуся тогда, хоть однимъ рукавомъ въ Каспійское море, затѣмъ—вверхъ по Куру до волока между нимъ и Фазисомъ и внизъ по этой рѣкѣ.

Процвѣтая еще во времена Страбона, Діоскуріасъ, по свидѣтельству Плинія, въ его время былъ уже въ развалинахъ и уступилъ свое мѣсто крѣпости Севастополь. Арріанъ засталъ тамъ гарнизонъ со всѣми принадлежностями, что не удивительно при мѣстоположеніи этой крѣпости на краю римскихъ владѣній за Кавказомъ, съ которымъ былъ связанъ военною дорогою, ведущей въ Иберію мимо Каспійскихъ воротъ (Дарiельскаго прохода?), какъ видно изъ Пейтингеровой карты. Изъ Notitia utraque dignitatum мы узнаемъ, что въ V вѣкѣ въ Севастополѣ стояла первая Cohorta Claudia equitata. Важность города въ военномъ отношеніи еще увеличилась при Юстиніанѣ [6]) и можетъ быть онъ не лишился прежняго значенія во времена Анонима равеннскаго, тогда какъ въ торговомъ отношеніи снова процвѣталъ съ тѣхъ поръ, когда на Черномъ морѣ водворились Итальянцы. Въ XIV столѣтіи Севастополь былъ резиденціею католическаго епископа и генуэзскаго консула, и торговыя его сношенія съ Итальянцами не прекратились даже послѣ разграбленія его Турками въ 1451 году [7]).

Не смотря на важность Діоскуріаса и Севастополя въ древности и въ среднихъ вѣкахъ, изслѣдователи по нынѣ не могли согласиться въ томъ, въ какой мѣстности слѣдуетъ искать ихъ слѣдовъ. Такъ Мюллеръ [8]) и Броссе (l. l. 62), по примѣру Клапрота и Дюбуа, помѣщаютъ Діоскуріасъ при мысѣ Искуріи, отстоящемъ отъ Пицунды по крайней мѣрѣ въ 40

---

[6]) Nov. const. 28; Procop. B. G. IV, 4.

[7]) Brosset, Hist. de la Géorgie, I, 681, Зап. Общ. V, 809, Kunstmann, Studien über Marino Sanudo, 112.

[8]) Geogr. graec. min. I, 375 и Fragm. hist. gr. V, I, 186.

морскихъ миляхъ или въ 400 стадіяхъ въ прямомъ направленіи. Но такъ какъ по точному измѣренію Арріана, къ которому Страбонъ лишь прибавляетъ 10 стадій, протяженіе берега между Питіусомъ и Севастополемъ равнялось какъ разъ разстоянію между Пицундою и Сухумомъ, то не могу не согласиться съ мнѣніемъ Неймана[9]) и покойнаго сочлена нашего Тетбу де Мариньи, по которымъ послѣдній именно городъ занимаетъ мѣсто Діоскуріаса. Мнѣніе это еще тѣмъ подтверждается, что по грузинскимъ лѣтописцамъ городъ Севастъ, гдѣ Апостолъ Андрей проповѣдывалъ Евангеліе, въ ихъ время назывался Tzkhoum (Brosset, l. l. 61) т. е. Сухумъ, подъ какимъ именемъ его знаетъ также Абульфеда (пер. Reinaud, II, 40), тогда какъ на компасовыхъ картахъ городъ Савастополь помѣщается при соименномъ ему заливѣ, въ которомъ нельзя не узнать прекрасную бухту Сухумскую.

Правда, при этомъ «golfo di savastopoli» читается также на нѣкоторыхъ картахъ XV столѣтія приписка porto mengrello, превращенное на картѣ 1519 года въ porto de malfitan. Такъ какъ Амальфитяне едвали въ то время еще посѣщали Черное море, то трудно угадать, почему ихъ имя было примѣнено къ порту мингрельскому, который, судя по мѣсту сего названія на картахъ, долженъ былъ находиться при устьѣ рѣчки Келасуръ, гдѣ и теперь еще видны развалины крѣпости св. Георгія съ остатками стѣны, построенной, по преданію, однимъ изъ князей Мингрельскихъ[10]), и находится родовое имѣніе князей Шарвашидзе, прежнихъ владѣтелей побережнаго края. Келасуромъ же это имѣніе, подобно рѣчкѣ, названо туземцами, произносившими по своему греческое слово κλεί-σουρα, т. е. ущелье, которымъ эта мѣстность означается у византійскихъ писателей.

За porto de malfitan слѣдуетъ на картѣ Маіолло приписка cavo ziziban, вѣроятно, подобно catancha на картѣ Bес-

---

[9]) Die Hellenen im Skythenlande, 576.
[10]) Brosset, Desc. géogr. de la Géorgie etc. 403.

конте, только варіантъ имени cicaba[11]), которое читается въ прочихъ картахъ и узнается въ названіи села Цхюбинь, не далеко отъ мыса Кодора и рѣки одного съ нимъ имени. Изливаясь въ море тремя устьями, верстахъ въ 20 отъ Сухума, эта быстрая и широкая рѣка обтекаетъ укрѣпленіе Дранды, замѣчательное по византійскому храму IX столѣтія, возобновленному въ 1871 г. За исключеніемъ карты Весконте, всѣ прочія представляютъ намъ названіе этой рѣки, хотя въ искаженномъ видѣ, т. е. goto или gotto; но такъ какъ она не доступна даже и для гребныхъ судовъ[12]), то въ ней уже нельзя видѣть древній Astelephus, поелику эта рѣка, по авторамъ перипловъ, представляла удобное пристанище для судовъ. Скорѣй Астелефъ, который во времена Безъименнаго назывался Еврипомъ (Euripus), могъ совпадать съ небольшою рѣкою, изливающеюся, за мысомъ Искурія, въ заливъ Скурджа, въ которомъ можно укрываться отъ С. З. вѣтровъ; почему и кажется, что Безъименный, по которому протяженіе берега между Діоскуріасомъ и Астелефомъ составляло 135 стадій, ближе къ истинѣ, чѣмъ Арріанъ, полагавшій на разстояніе между рѣкою и городомъ только 120 стадій.

По обоимъ авторамъ, устье Астелефа отстояло въ 30 только стадіяхъ отъ Гиппа (Hippus), въ которомъ я тѣмъ охотнѣе призналъ бы протекающую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Скурджы рѣку Лагвашъ, что, по свидѣтельству Безъименнаго, въ его время рѣка Гиппъ уже называлась Лагумпса.

Рѣка эта, подобно Астелефу, не обозначается въ средневѣковыхъ картахъ: за именемъ «goto», всѣ они, кромѣ карты Весконте, помѣщаютъ приписку tamassa (tamasa, tamansa), напоминающую слѣдующія за Лагвашемъ рѣки Тамышъ и Джамышъ и означающую безъ сомнѣнія или ту или другую.

Вмѣсто нихъ въ картѣ Весконте отмѣчены рѣки murcula и laxopotamo, явно нынѣшнія Меркулъ и Гализга, по двумъ

---

[11]) Cichaba, cicupa, icaba и т. д.

[12]) Лоція Черн. моря; изд. 2, I, 185.

сторонамъ урочища Очамчиръ, имѣнія прежнихъ владѣтелей Абхазіи съ якорнымъ мѣстомъ, посѣщаемымъ и нынѣ еще турецкими кочермами ради торговли лѣсомъ, въ особенности самшитовымъ, которымъ весь берегъ восточный былъ покрытъ тому назадъ еще не болѣе 40 лѣтъ [13]).

Изъ протяженія берега между Лагвашемъ и Меркуломъ можно заключить, что послѣдняя изъ этихъ рѣкъ совпадаетъ съ Тарсуромъ (Tarsuras), отстоявшимъ въ 150 стадіяхъ отъ Лагумпсы и называвшимся, по Безъименному, также Мохе (Moche). Имя это напоминаетъ намъ знаменитый древній монастырь въ селеніи Мокви, при соименномъ ему притокѣ Меркула, тогда какъ смежная имъ рѣчка Очамчиръ, подобно Тассиру въ картѣ Пейтингеровой и Тасбиру Географа равеннскаго напоминаетъ Тарсуръ Арріана и Анонима.

Подобнымъ образомъ отмѣченное на всѣхъ картахъ castro corenbedia, или просто corebendia, отзывается въ имени селенія Бедіа близъ Илори, гдѣ также сохранился древній монастырь, тогда какъ слѣдующее затѣмъ во всѣхъ почти картахъ nega или megapotamo явно означало величайшую на всемъ прибрежьи рѣку послѣ Ріона, т. е. Ингуръ, отстоящую въ 20 верстахъ отъ Очамчиръ. Рѣку эту авторы перипловъ разумѣли подъ судоходной рѣкою Sigames или Ziganis, отстоявшей въ 120 стадіяхъ отъ Тарсура и 210 отъ Хоба, въ которомъ нельзя не узнать нынѣшній Хопи. Но такъ какъ разстояніе между этой рѣкой и Ингуромъ не превышаетъ 70 стадій, то придется согласиться съ остроумною догадкою Мюллера (p. 176), что въ источникѣ, которымъ пользовался Арріанъ, число О', по какому нибудь недоумѣнію замѣнено было числомъ СГ, оставленнымъ Безъименнымъ по недосмотру и въ своей рукописи.

Гораздо труднѣе согласовать съ дѣйствительностью измѣреніе обоихъ авторовъ протяженія берега между Хобомъ и Фазисомъ, и указать на мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться

---

[13]) Ст. Нордмана въ Bull. de l'Ac. des Sc. de S. P. № 6, col. 93.

лежавшій при устьѣ послѣдней рѣки соименный ей городъ. Вопросъ этотъ, вопреки мнѣнію Дюбуа, отыскавшаго древній городъ Фазисъ въ 3-хъ верстахъ къ югу отъ Поти при устьѣ Ріона, я считаю все еще не рѣшеннымъ, потому что, по Арріану[14]), древній Фазисъ былъ отдѣленъ разстояніемъ 180 стадій отъ рѣки Хоба, между тѣмъ какъ Редутъ-кале при устьѣ Хопи, т. е. Хоба отстоитъ только въ 9 морскихъ миляхъ или 90 стадіяхъ отъ Поти при устьѣ Ріона. Поэтому я охотно отождествилъ бы нижнее теченіе послѣдняго, именемъ своимъ напоминающаго Реонъ Прокопія съ Аріемъ, Харіеномъ или Харінсомъ, который, по Арріану, изливался въ море какъ разъ въ серединѣ между устьями Хоба и Фазиса; вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы искать устье древняго Фазиса въ болотистой низменности, примыкающей къ южной оконечности нынѣшняго озера Палеостома или Палостомо, при чемъ я сослался бы на измѣненія, которымъ, по свидѣтельству Страбона (XI, 2, 17) эта «песчаная, мягкая и низменная» мѣстность искони была подвержена. Измѣненія эти достаточно объясняются слѣдующими словами двухъ столь же точныхъ какъ и добросовѣстныхъ наблюдателей, которые говорятъ какъ очевидцы: «Débarquer à l'embouchure du Phase», восклицаетъ Дюбуа[15]), «c'est à peu-près débarquer à Damiette ou dans les lagunes de Ravenne» etc. Въ свою очередь Вагнеръ (Reise nach Kolchis, 227) пишетъ: «Wenige Flüsse in der Welt führen reichlichern Niederschlag von Sand, Lehm und Humus mit sich wie der braune Rion». Въ пользу мнѣнія, что съ устьемъ этой рѣки не совпадало устье древняго Фазиса приведу еще то обстоятельство, что, по точнымъ измѣреніямъ Арріана и непоименованнаго автора перипла Понта, разстояніе между устьемъ Фазиса и крѣпостью Севастополь составляло 810 стадій, тогда какъ по Лоціи Чернаго моря сумма смежныхъ разстояній между Поти и Сухумомъ, занимающимъ мѣсто древняго Севастополя состав-

---

[14]) Müller, Geogr. gr. min. I, 2.

[15]) Bulletin de la Société de Géogr. avril 1847, p. 244.

ляетъ менѣе 70 морскихъ миль или 700 стадій. Съ другой стороны прямое разстояніе между Поти и Батумомъ не превышаетъ 340 стадій, тогда какъ по Арріану, рѣка Фазисъ отдѣлена была разстояніемъ 360 стадій отъ рѣки Батиса или Ватиса, при устьѣ которой лежитъ нынѣшній Батумъ, vati или lovati итальянскихъ картъ, совпадавшій, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію съ лежащимъ, по Контарини (изд. Семенова I, 2, 31) въ 60 миляхъ отъ города Ассо (вмѣсто Фассо) мингрельскаго города Liati или Varti. Ибо оба эти имена суть только описки вмѣсто Vathi, по Барбаро (ibid. I, 1, 45) большой мингрельской крѣпости при Черномъ морѣ и которая удобнѣе всего помѣщается въ нынѣшнемъ Батумѣ.

Здѣсь также долженъ былъ находиться городъ «Bata en Careche», изъ котораго «Gorgora», т. е. атабекъ Кваркваре (II) писалъ въ 1459 году герцогу бургундскому о своемъ намѣреніи воевать съ Турками [16]). Ибо этотъ городъ Бата явно совпадалъ съ городомъ Varti или Vati [17]) принадлежавшимъ Горболѣ или Горгорѣ, *владѣтелю* города Caltichea или Calcican (Ахалчикъ), превращенному Семеновымъ въ *область* Гурію, такъ что самъ онъ, а не Контарини «сбился въ именахъ», подобно тому какъ напрасно превращаетъ Дадіана въ мингрельскаго бендіана, о которомъ упоминаютъ Барбаро (45) и Контарини (31—33) и въ которомъ нельзя не узнать Бедіана, союзника ахалчикскаго князя, какъ видно изъ приведеннаго письма сего послѣдняго. На томъ основаніи, что городъ Бата, какъ видно изъ письма царя грузинскаго Георгія VIII къ тому же герцогу и того же года, лежалъ «près de la Tente», Броссе полагаетъ, что союзники были уже готовы выступить въ предположенный походъ противъ Турокъ. Но не хотѣлъ ли царь грузинскій только сказать, что городъ Бата находился въ недальнемъ разстояніи отъ резиденціи своего союзника атабека и для этого считалъ достаточнымъ перевесть

---

[16]) Brosset, Additions etc., 409.

[17]) Семеновъ, I, 2, стр. 140 и 161.

подобно Рубруквису, татарское слово орда, или собственно урду, которое первоначально значило шатеръ или кибитку, а наконецъ и весь его дворъ (Языковъ, Путеш. къ Татарамъ, 273 пр. 3). Но такъ какъ Кваркваре былъ христіаниnъ, то царь грузинскій подъ своей палаткою вѣроятно разумѣлъ не лѣтнюю резиденцію атабека, но расположенное близь Батума становище другаго члена ихъ союза противъ султана, «личнаго врага» его «Assem-Bech, roi de Mesopotamie», т. е. Узунъ-Гассана, внука [18]) а не сына (Brosset, Add. 480) Кара Елека, начальника Туркменовъ Бѣлаго барана. Еще до этого онъ, по Вахушту (id. Hist. 688) назывался ханомъ (quen) востока и запада и простеръ свое оружіе далеко въ Арменію и Грузію, которая была опустошена его полководцами. Хотя Броссе (686) ничего не встрѣчалъ объ этомъ нашествіи въ грузинскихъ лѣтописяхъ и во французскихъ переводахъ мусульманскихъ авторовъ, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ самомъ фактѣ, иначе Абулъ-Магазинъ [19]) не сказалъ бы, что Гассанъ послалъ султану египетскому въ 863 году (1458—9) ключи многихъ грузинскихъ замковъ, имъ завоеванныхъ.

Можетъ быть, къ этимъ замкамъ принадлежалъ *Ранджe*, мимо развалинъ котораго проѣзжалъ въ 1641 году турецкій туристъ Эвлія-эфенди [20]) на пути своемъ изъ Гоніи (на Чорохѣ) въ Анапу, послѣ предварительнаго плаванія мимо четырехъ другихъ пристаней: *Софари*, *Хандра*, *Сури* и *Ярисса*. Подобно Ранджe, всѣ эти пристани находились на границѣ Мингреліи и въ послѣднемъ также замѣтны были слѣды древняго замка. Миновавъ пристань Ранджe, Эвлія присталъ къ большой рѣкѣ Фашчай или Фаша, подъ которой онъ впрочемъ могъ разумѣть не Ріонъ, но Ингуръ. Въ этомъ предположеніи, въ пользу котораго г. Бводянскій [21]) привелъ вѣскіе доводы, я охотно допустилъ бы, что Эвлія подъ замкомъ Ранджe имѣлъ

---

[18]) Weil, Gesch. der Chalifen, V, 306.

[19]) Cod. Ber. f. 64 ap. Weil, ibid. V, 307, пр. 1.

[20]) Hammer, Narrative of travels etc. II, 52.

[21]) Зап. Одесск. Общ. X, 501—503

въ виду находившуюся на полуденномъ разстояніи къ югу отъ Ингура крѣпость Цихе-гандже. Если же положить, что первая пристань, которую онъ засталъ по выѣздѣ изъ Гоніи, то есть *Софари*, напоминающая намъ «Сафарскій монастырь въ Самцхе»[22]), должна была находиться близь Батума, то прочія, за исключеніемъ развѣ Ранджи, помѣстились бы между устьями Ватиса и Фазиса Арріана, по которому тутъ протекали рѣки: Mogrus, Isis, Acinasus (Κίνασος по непоименованному автору перипла), въ одинаковомъ одинъ отъ другаго разстояніи 90 стадій. Но если такъ, то я, можетъ быть, не ошибаюсь, полагая, что Арріанъ имѣлъ въ виду рѣку *Субсу* подъ Могромъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ по выѣздѣ изъ города Фазиса, стало быть, изъ Палостома, западная часть котораго въ то время не только была въ связи съ моремъ посредствомъ Пичоры, но, подобно сей рѣчкѣ, къ нему принадлежала. Самъ же древній городъ лежалъ выше, такъ какъ онъ, по Страбону (XI, 3, § 4), прилегалъ съ одной стороны къ морю, а съ другой къ рѣкѣ, съ третьей-же стороны находился въ недальнемъ разстояніи отъ озера т. е. отъ восточной части нынѣшняго Палостома, покрывавшаго по преданію древній городъ и распространившагося надъ нижнимъ теченіемъ Квирилы. Эту рѣку, а не Ріонъ, Страбонъ имѣлъ въ виду подъ своимъ Фазисомъ, когда говоритъ, что рѣка сія вытекала изъ Арменіи и была судоходна до Сарапана (XI, 2, 17), нынѣ Шарапанъ Въ этихъ мѣстахъ имя Фазисъ перешло на Ріонъ, тогда какъ нижнее теченіе послѣдней рѣки совпадало, какъ я старался доказать, съ Харесомъ Страбона, Харіесомъ Арріана и Реономъ Прокопія.

Что же касается рѣки *Изисъ* или Исисъ, полагаемой Арріаномъ какъ разъ въ серединѣ пути между его Фазисомъ и Ватисомъ, то она совпадала, если я не ошибаюсь, съ рѣкою Хиносъ-цкали или Кинтриши при устьѣ которой находится резиденція Гуріелей Аламбари (Бакрадзе, l. c, 15), напоминаю-

---

[22]) Бакрадзе, Археол. Пут. по Гуріи стр. 37 и 157.

щая намъ отмѣченное на компасовыхъ картахъ къ югу отъ paliostomo имя «castris».

Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ дана возможность отыскать развалины замка *Ариссы* въ недальномъ оттуда разстояніи къ югу около селенія прилегающаго къ замку *Цихисъ-дзири* (Бакрадзе, ibid. 12—17), который, массивными своими стѣнами выступая на утесѣ, на самомъ берегу моря, извѣстенъ неудачною осадою Русскими въ 1829 году. Замокъ этотъ явно тождественъ съ замкомъ Каджетисъ-цихе Вахушта и вѣроятно также съ крѣпостью *Петра*, которая, по Прокопію, была также окружена съ одной стороны моремъ, съ другой утесами (Бакрадзе, 276). Къ этой мѣстности я отнесъ бы также охотно отмѣченное на приведенныхъ картахъ имя св. Григорія (S. ghirghorio, 1436) или правильнѣе св. Георгія другихъ современныхъ картъ (scoçorçi, scozorzie, san giorgio), потому что въ Гуріи издревле много было церквей посвященныхъ послѣднему, тогда какъ не было ни одной, посвященной св. Григорію (Списокъ населенныхъ мѣстъ Кутаисской Губерніи, Тифлисъ, 1879). При томъ мы имѣли бы нѣкоторое право заключить, что въ этой именно мѣстности могла находиться факторія республики св. Георгія.

Наконецъ, пристань *Хандра* напоминаетъ мнѣ, хотя лишь именемъ своимъ ущелье *Хандере*, чрезъ которое Эвлія пробрался въ 1647 г. на пути изъ Эрзерума въ Нахшеванъ и гдѣ онъ засталъ развалины монастыря названнаго Семью-церквами. Подобнымъ образомъ пристань *Сури* не имѣетъ ничего общаго съ деревнею *Суреби* близь рѣки Субсы (Бакрадзе, 326), кромѣ случайнаго созвучія именъ.

Возвращаясь къ Сигамесу, считаю не лишнимъ еще замѣтить, что сумма смежныхъ разстояній отъ этой рѣки до Астелефа, составляя 300 стадій, равнялась 30 морскимъ милямъ, отдѣляющимъ Ингуръ отъ Искурія (Лоція Ч. м. I, 187). Итакъ, мы могли бы въ случаѣ надобности, привести новое доказательство, что древній Діоскуріасъ, отстоявшій въ 134, или пожалуй въ 120 стадіяхъ отъ Астелефа, долженъ былъ

находиться скорѣе около Сухума, чѣмъ при мысѣ, если бы даже, что я не отрицаю, въ нынѣшнемъ названіи послѣдняго слышалось искаженное названіе славной столицы Колхиды.

Поэтому и неудивительно, что около мыса Искуріи вовсе не сохранилось слѣдовъ какого бы то ни было эллинскаго поселенія, тогда какъ подобнаго рода слѣды, какъ то: древнія глиняныя амфоры и черепки, и теперь попадаются въ самомъ Сухумѣ при устьѣ Басла или Баслаты и на морскомъ берегу, гдѣ притомъ, въ особенности послѣ проливныхъ дождей и бурь, находятъ много монетъ разныхъ древнихъ понтійскихъ городовъ и въ томъ числѣ много серебряныхъ Колхидскихъ, которыя, вѣроятно, были биты въ самомъ Діоскуріасѣ современно съ автономными монетами сего города, которыя также попадаются въ Сухумѣ, хотя рѣже. При томъ въ ближайшихъ его окрестностяхъ сохранились разные памятники архитектуры, которые, если даже не были сооружены жителями милезійской колоніи, по крайней мѣрѣ, подверждаютъ вышеизложенное нами мнѣніе, что прекрасная мѣстность, гдѣ они водворились, даже послѣ паденія ихъ города, не лишилась совершенно прежняго своего значенія. Такъ на вершинѣ, возвышающейся надъ самымъ Сухумомъ, уцѣлѣла часть стѣны, очевидно, спѣшно выстроенной изъ камней на цементѣ, въ безпорядочномъ видѣ сложенныхъ и перемѣшанныхъ съ плинѳами, кирпичами и черепицею. Въ недальнемъ разстояніи отъ этой горы, но уже за Баслатой, видны на другой горѣ, развалины замка съ большими амбразурами, въ обиходѣ полагаемаго Сухумцами генуэзскимъ, подобно хорошо сохранившемуся каменному мосту съ укрѣпленіями при немъ, въ 6 верстахъ отъ города, на Баслатѣ же. Къ сожалѣнію, разлитіе рѣкъ вслѣдствіе постоянныхъ дождей, во время восьмидневнаго пребыванія моего въ Сухумѣ, помѣшали мнѣ пробраться до этого моста, мимо которcomplete раго пролегала, быть можетъ, вышеприведенная римская дорога «ad fontem felicem» въ 15 римскихъ миляхъ отъ Севастополя и въ 45 отъ Меркурія, отстоявшаго въ 5 только миляхъ отъ Каспійскихъ воротъ, если бы можно было ручаться за

точность измѣреній въ Пейтингеровой таблицѣ. Желательно, чтобы коммисія инженеровъ, занимающаяся въ настоящемъ году изысканіемъ кратчайшаго и наивыгоднѣйшаго пути изъ Сухума къ верхней и средней Кубани обратила вниманіе на этотъ вопросъ, рѣшеніе котораго пролило бы много свѣта на исторію закавказскаго края во время его зависимости отъ Римлянъ. Гораздо позднѣйшему времени должно быть приписано сооруженіе четыреугольной крѣпости, развалины которой видны на морскомъ берегу, недалеко отъ устья Гумисты, въ 6 верстахъ отъ города. Въ народѣ она слыветъ подъ именемъ Стараго Сухума, для различія отъ крѣпости, примыкающей къ самому городу и построенной Турками въ началѣ прошлаго столѣтія, какъ явствуетъ изъ надписи, которая и теперь еще читается на ея воротахъ. На морскомъ берегу, между ней и устьемъ Баслаты, попадаются именно вышеприведенные остатки древности, служившие намъ для рѣшеніе вопроса о мѣстоположеніи Діоскуріаса, что однако намъ не мѣшаетъ допустить, что генуэзская факторія въ Севастополѣ могла быть устроена въ старо-сухумскомъ замкѣ.

Слѣдующая на генуэзскихъ и на другихъ компасовыхъ картахъ fim Nicofia, съ его варіантами, означаетъ явно рѣчку Псырту и обязано своимъ названіемъ крѣпости Анакопіи, слѣды которой сохранились близь этой рѣчки.

Отмѣченною между ней и Пицундою cavo de bux столь же легко узнается въ мысѣ Суукъ-су, подлѣ Бомборъ, какъ и слѣдующее послѣ peçonda «cavo de giro»—въ мысѣ Пицундскомъ, который, по остроумной догадкѣ г. Десимони[23]), прежнее свое названіе получилъ отъ святилища (Hieron), которое нѣкогда находилось въ его сосѣдствѣ, гдѣ также отмѣчено на нѣкоторыхъ картахъ имя s. sofia, означающая по мнѣнію весьма правдоподобному г. Кондакова, что знаменитый храмъ Пицундскій только по недоумѣнію могъ быть позднѣйшими авторами названъ Маріенскій.

---

[23]) См. его примѣчаніе къ моей статьѣ въ Giornale Ligustico, 1874 p. 362.

Слѣдующее затѣмъ на всѣхъ картахъ cacari, какъ по мѣсту, которое оно на нихъ занимаетъ, такъ и по созвучію, совпадаетъ съ Гагрою, отстоящей отъ Пицунды въ 15 м. миляхъ, равняющихся 150 стадіямъ, отдѣлявшимъ Питіусъ отъ Нитики, по Арріану, которому въ этомъ случаѣ слѣдуетъ Безъименный. Правда, у него читается Стеннитики, вмѣсто Нитики, но нельзя не согласиться съ Миллеромъ, который тутъ подозрѣваетъ небрежность писца. Значеніе имени мнѣ также мало удалось угадать, какъ и причину, по которой эта мѣстность еще носила названіе Триглитисъ, также приведенное Безъименнымъ. Зато считаю себя въ правѣ отождествить его рѣку Abascus, отстоявшую отъ Нитики въ 90 стадіяхъ, съ нынѣшнею рѣкою Псу, изливающеюся въ море на такомъ же разстояніи отъ Гагры. Въ 6 м. миляхъ далѣе находится рѣка Мзымта, въ которой уже Мюллеръ узналъ рѣку Боргисъ Арріана, хотя она у него отмѣчена въ 120 стадіяхъ отъ Абаска. У Безъименнаго, не повѣрявшаго это измѣреніе, Боргисъ уже называется Мизигосъ, т. е. именемъ, въ которомъ слышится нынѣшнее названіе этой рѣки. Прибавляя, что она также называлась Брухонъ, онъ насъ знакомитъ съ жилищами «еврейскихъ» Брухатовъ, обитавшихъ, по Плано Карпини [24]), на южной сторонѣ Кавказа; отъ него мы также узнаемъ, что Брухи, которые, по Прокопію (B. G. IV, 4), обитали между Абхазіею и Аланіею, были чуть ли не тождественны съ Мизиміанами или Миндиніанами, чрезъ землю которыхъ византійскій посланникъ Земархъ не хотѣлъ проѣзжать, на обратномъ пути изъ Туркестана.

Не представляя удобной стоянки для судовъ, обѣ эти рѣки, т. е. Псу и Мзымта, не обратили на себя вниманія составителей средневѣковыхъ картъ. Зато мы въ нихъ встрѣчаемъ, непосредственно послѣ Гагры, приписку laiaza, означающую, быть можетъ, селеніе Ліушъ, при которомъ, по свидѣтельству Эвлія-эфенди (Зап. Од. Общ. IX, стр. 175), была пристань племени Артларъ, коего названіе сохранилось въ урочищѣ Адлеръ,

---

[24]) Recueil de Voyages etc. IV, 709 и 749.

близь устья Мзымты. Хотя отъ этой рѣки до мыса Соча-бытхъ около 10 миль, тѣмъ не менѣе я согласенъ съ Мюллеромъ, что въ немъ намъ представляется отстоявшій, по авторамъ перипловъ, въ 60 только стадіяхъ отъ Мизигоса мысъ Heracleum, или Pyxites, какъ онъ также называется у Безъименнаго, безъ сомнѣнія по самшитовымъ деревьямъ, на немъ растущимъ. И нынѣ еще самшитовый лѣсъ покрываетъ мысъ Соча-бытхъ, въ названіи котораго даже слышится отголосокъ греческаго названія сего растенія. Смежную съ этимъ мысомъ рѣку Соча-пста я поэтому считаю, также по примѣру Мюллера, тождественною съ рѣкою Нессисъ, которая, изливаясь въ море, подлѣ мыса, отдалена была отъ рѣки Масетики (Masaetica) разстояніемъ 90 стадій.

Отмѣченное на всѣхъ разсматриваемыхъ нами картахъ послѣ layazo названіе, costa (costo, gusto) явно означало мысъ при первой изъ этихъ рѣкъ, тогда какъ слѣдующее затѣмъ на нихъ cuba (guba, chuba, cavo de chubba) какъ по имени такъ и по мѣстоположенію узнается въ мысѣ Жообже, въ недальномъ разстояніи отъ Царской фермы, въ долинѣ Вардане. Ее-то именно Безъименный разумѣлъ подъ приведенною рѣкою Масетикою, отстоявшей въ 60 только стадіяхъ отъ рѣки «Achaeus», которая, въ его время называлась «Basis». Мюллеръ видитъ въ ней небольшую рѣчку «Khasi-Aps; но едва ли мы ошибемся, признавъ въ Басисѣ рѣку Субешисъ или Шахе, съ главнымъ его притокомъ Бзычъ[25]). Отъ Ахеунта до другаго мыса Heracleum, также названнаго τὰ Ἔρημα (Deserta), Безъименный считаетъ 150 стадій, которыя ведутъ насъ до ущелья Мокупсе, подходящаго съ обѣихъ сторонъ близко къ морю и образующаго высокое скалистое прибрежье, характеръ котораго не измѣняется до самой рѣчки Туапсе, чѣмъ и объясняется почему этотъ мысъ могъ быть названъ «пустыннымъ».

На всемъ этомъ пространствѣ дорога едва доступна для

---

[25]) Зап. Кавк. Общ. Сельск. хоз. 1866 №№ 5 и 6, стр. 115.

верховой лошади. Отвѣсные пласты горныхъ породъ вдаются далеко въ море и образуютъ мели, такъ что корабли должны держаться въ морѣ очень далеко отъ берега. Морскія волны, разрушая легко вывѣтривающіяся горныя породы, загромождаютъ берегъ огромными каменными глыбами, чрезъ которыя можно пройти только пѣшкомъ и то лишь въ тихую погоду; во время же морскихъ прибоевъ сообщеніе по этому берегу совершенно прекращается.

Сказавъ, что въ 10 только стадіяхъ отъ мыса Гераклейскаго былъ другой мысъ, надъ которымъ поднимался замокъ Бага, Безъименный ставитъ въ 80 стадіяхъ оттуда еще мысъ съ безопасною при немъ, въ случаѣ С. З. вѣтровъ, пристанью Laea, тогда какъ эта пристань отстояла бы въ 180 стадіяхъ отъ мыса Heracleum, если вѣрить измѣренію Арріана, который вовсе не говоритъ о мысѣ съ замкомъ Бага. Но въ этомъ случаѣ ошибся скорѣе самъ Арріанъ, чѣмъ Безъименный, или писецъ сего послѣдняго, потому что пристань Леа могла только находиться при устьѣ рѣчки Туапсе, подлѣ мыса Кодошъ, отстоявшаго отъ Мокупсе какъ разъ въ 90 стадіяхъ, а не въ 180. Защищенный этимъ мысомъ Туапсе принадлежитъ къ лучшимъ второстепеннымъ стоянкамъ восточнаго берега. На разсматриваемыхъ нами картахъ она-то именно названа porto de susaco, (sussaco, zurzuchi), быть можетъ, по той причинѣ, что въ ея окрестностяхъ находились уже тогда жилища племени Суксу, которое тамъ еще засталъ Эвлія-эфенди (Зап. Од. Общ. т. IX, стр. 179).

Сказавъ, со словъ Арріана, что 120 стадій отдѣляли пристань Laea отъ Старой Лазики, Безъименный прибавляетъ, что тамъ лежалъ городъ Никопсисъ, въ недальнемъ разстояніи отъ рѣки Псахапсисъ. Всякій согласится съ Мюллеромъ, что рѣчка эта текла въ долинѣ Шапсухо, и что городъ Никопсисъ лежалъ въ долинѣ Пегопсухо, гдѣ и теперь видны его развалины. По Константину Багрянородному городъ этотъ находился на серединѣ пути между Таматархою и Сотиріополемъ; по спискамъ же православныхъ епископствъ (Parthey l. l. 58),

онъ тогда же былъ главнымъ городомъ одной изъ зихійскихъ епархій.

Въ итальянскій періодъ Никопсисъ вѣроятно уже лишился прежняго значенія; по крайней мѣрѣ имени его не достаетъ на картахъ сего времени. Слѣдующее послѣ p. de susaco, и то только на позднѣйшихъ картахъ, «fiume londia» означало вѣроятно рѣчку, нынѣ называемую Вуланъ или Цюэпсинъ, въ которой не трудно было угадать и рѣку Топсидасъ, орошавшую Старую Ахаію и отстоявшую, по Безъименному, согласно съ Арріаномъ, въ 150 стадіяхъ отъ Никопсиса. Слова mauro zichia, отмѣченныя непосредственно за fiume londia, которыя также читаются на всѣхъ прочихъ картахъ, должны были вѣроятно показать, какъ далеко простирались жилища Черкесовъ, подвластныхъ татарскимъ ханамъ и названныхъ Черными для различенія ихъ отъ Бѣлыхъ или свободныхъ. Послѣдніе, въ свою очередь, занимали береговой край до окрестностей Туапсе, судя по словамъ alba zichia, отмѣченнымъ подлѣ porto de susaco. По свидѣтельству Эвлія-эфенди въ этихъ же мѣстахъ была гора, которая еще въ его время отдѣляла абхазскихъ Кютасси отъ черкесскаго племени Шапа (Зап. Од. Общ. IX, стр. 180), чѣмъ и объясняется слово sania или sanna, отмѣченное на нѣкоторыхъ картахъ на краю Бѣлой Зихіи.

Послѣ имени mauro zichia читается на нѣкоторыхъ картахъ chareta, careta, а затѣмъ на всѣхъ: mauro lacho. Это явно Геленджикъ и Pagrae portus Арріана и Безъименнаго, отстоявшій въ 350 стадіяхъ отъ Старой Ахаіи.—Во времена Безъименнаго Пагры также назывались Heptali portus, быть можетъ по персидскому названію гуннскихъ Утургуровъ, туда переселившихся изъ Крыма въ сообществѣ Готовъ (см. выше, стр. 207).

Въ 180 стадіяхъ далѣе авторы периплов ставятъ Hieros limen, т. е. Священную гавань, совпадающую съ Новороссійскою бухтою, которая на картахъ по справедливости называется calolimena. Если же, по Безъименному, въ его время, эта гавань называлась Hierii portus и также Никаксинъ, то

спрашивается, не кроется ли въ послѣднемъ словѣ нынѣшнее названіе мыса при входѣ въ Новороссійскую бухту, т. е. Мысхакъ? Что это названіе мыса было съ давнихъ поръ извѣстно морякамъ, можно заключить изъ того, что оно отмѣчено на двухъ картахъ, хотя въ искаженномъ видѣ, qssa (1408) и chiga (1436). Подобнымъ образомъ слѣдующее въ нихъ ternisia, tenegia, съ его варіантами teinici и проч. въ другихъ картахъ, составилось по имени рѣчки Цемесъ, изливающейся въ Новороссійскую бухту.

Въ имени mapa, которое затѣмъ представляется на картахъ, не трудно угадать Апапу, такъ какъ городъ этотъ въ генуэзскихъ документахъ также называется Мара или Mapario. Изъ нихъ еще усматриваемъ, что республика св. Георгія имѣла тамъ коммендапта или президента, тогда какъ отъ очевидца Эвліи-эфенди узнаемъ, что тамошній замокъ былъ крѣпко построенъ и такъ хорошо сохранился, какъ будто бы постройка его только что была окончена.

Нынѣ въ г. Анапѣ мало сохранилось памятниковъ того времени, когда онъ еще состоялъ подъ властью Генуэзцевъ. Зато эллинскія и римскія монеты, которыхъ здѣсь и теперь еще много попадается, равно какъ и разныя другія древности, случайно открытыя, ясно свидѣтельствуютъ, что мѣстность, занимаемая этимъ городомъ, должна была имѣть не маловажное значеніе гораздо ранѣе, особенно если взять во вниманіе, что Анапскій портъ, нынѣ незавидный, еще во времена Эвліи-эфенди считался лучшимъ на Черномъ морѣ. Легко могло статься поэтому, что подобно тому какъ въ Ольвіи и Пантикапеонѣ, здѣсь могла существовать еврейская община при первыхъ наслѣдникахъ Августа, какъ доказываетъ г. Стефани на основаніи греческой надписи 42 года нашей эры [26]), найденной въ Анапѣ, подобно тремъ другимъ, приведеннымъ Бёкомъ (C. I. 2130, 2130 b, 2131). Къ нимъ можемъ прибавить греческую же надпись на известковомъ камнѣ, недавно найденномъ

[26]) Mél. graeco-rom. II, 1 p. 200.

въ самомъ городѣ и поставленномъ, вмѣстѣ съ другими камнями съ турецкими надписями, на дворѣ полицейской управы. Къ сожалѣнію, отъ этой надписи уцѣлѣлъ только слѣдующій фрагментъ:

. . . ˋ ΣΕΤΗΝΦΑΡΝΑΡΝ
. . . ΝΕΣΤΗΣΑΑΝΔΡΙΑΓ
. . . ΜΗΣΧΑΡΙΝ ΕΝΤΩ
. . . . Γ

Между словами ΧΑΡΙΝ и ΕΝ, на пустомъ мѣстѣ, изображенъ въ подлинникѣ знакъ въ видѣ древеснаго листа, и такой же находится въ послѣдней строкѣ вслѣдъ за буквою Γ.

Гораздо интереснѣе этой надписи, другой памятникъ, также не вполнѣ сохранившійся. Это двѣ мраморныя статуи мужчины и женщины, найденныя случайно въ самой Анапѣ въ 1871 году. Теперь они составляютъ лучшее украшеніе небольшаго сада начальника округа въ Новороссійскѣ, гдѣ мнѣ посчастливилось ихъ осмотрѣть въ сообществѣ съ профессоромъ исторіи изящныхъ искусствъ, Н. П. Кондаковымъ[27]).

[27]) Считаю кстати привести здѣсь подробное описаніе этихъ статуй, извлеченное изъ помѣщеннаго въ Московск. Вѣдомост. 1874 г. № 208 письма его къ К. К. Герцу: «Статуи эти произведеніе классическаго искусства на почвѣ древней Скиѳіи или Сарматіи, какъ угодно. Это классическое искусство неизмѣнно блюло свои законы, и по этому его скульптурныя произведенія познаются сразу. Но въ извѣстныя эпохи оно разнообразилось извѣстными стилями, то-есть извѣстными формами изображенія, извѣстными пріемами согласно съ данными въ эту эпоху художественными силами. Къ сожалѣнію, наши статуи принадлежатъ къ эпохѣ начавшагося паденія, когда довольствовались малымъ, пріемами изученными, но непонятными, когда силы уже ослабѣли. Эта эпоха простирается отъ II стол. до Р. Х. по II или даже III стол. по Р. Х. Для нашихъ статуй, въ силу нѣкоторыхъ частностей, эпоха можетъ быть ограничена первыми двумя вѣками до Р. Х., особенно, если припомнить, что работы въ провинціи грубѣе столичныхъ и извѣстныя слабости и недостатки выступаютъ въ нихъ рѣзче. Обѣ статуи—дружки, сдѣланы въ одно время, однимъ и тѣмъ же художникомъ, представляютъ мущину и женщину. Обѣ лишены головъ, но женская фигура сохранилась затѣмъ вся съ пьедесталомъ, а мужская только до колѣнъ (женская имѣетъ 1 арш. 11 вершк. выс., мужская 1 арш. 2 вершка).

Женская фигура изображена покойно стоящею; правою рукою она слегка отводитъ покрывало отъ лица, при чемъ рука эта закутана одеждою.

Гдѣ же, если не въ Анапѣ, могли сохраниться слѣды Горгиппіи, главнаго города Синдики, которая, по Страбону, лежала при морѣ, а по другимъ древнимъ авторамъ имѣла гавань и обыкновенно называлась именемъ самой страны?

Сверхъ хитона фигура одѣта въ гиматіонъ, который проходитъ съ праваго боку, такъ что видна сверху складка хитона на боку. Эти складки хитона вообще отдѣланы такъ, что видимо должны давать чувствовать легкость и прозрачность одежды. Лѣвая рука женщины свободно положенная на тѣлѣ, на правомъ боку приподымаетъ гиматіонъ, который будучи переброшенъ затѣмъ черезъ голову, служилъ покрываломъ. Очевидно, что художникъ хотѣлъ также уперетъ на естественность движенія лѣвой руки: приблизивъ ее къ локтю правой, онъ хотѣлъ показать что она за минуту передъ тѣмъ поддерживала правую руку подъ локоть. Описанная поза весьма извѣстна, она отмѣчаетъ тѣ женскія фигуры, которыя принято называть «драпированными фигурами». Въ крупныхъ скульптурахъ онѣ встрѣчаются въ греко-римскомъ искусствѣ; въ мелкихъ — во множествѣ среди погребальныхъ терракоттъ, возбуждая собою явное недоумѣніе относительно своего значенія. Портретность изображенія совпадаетъ здѣсь съ извѣстнымъ содержаніемъ, которое выражено главнымъ образомъ въ этой задумчивости, отличающей собою позу и особенно движеніе рукъ этихъ фигуръ. Переходя затѣмъ въ частности къ стилю фигуры, замѣчу какъ главную черту извѣстную небрежность работы. Сзади статуя вовсе не отдѣлана, а обозначены только общія очертанія одежды. Между ногъ складки хитона являются совершенно въ характерѣ тѣхъ римскихъ позднихъ статуй, гдѣ эта часть одежды дѣлается опорою статуи, тяжелымъ столбомъ. Ноги поставлены неловко, лѣвая въ сгибѣ какъ бы переломлена, пропорціи уродливы. Все вообще носитъ характеръ подражательности, копировки; складки гиматіона слишкомъ мелки.

Фигура мущины исполнена съ перваго взгляда какъ будто еще слабѣе и хуже. Сверхъ рукавнаго, повидимому, хитона означеннаго впрочемъ слишкомъ слабо, накинутъ римскій, военный плащъ, paenula, застегнутый фибулою на правомъ плечѣ. Правая рука спущена вдоль праваго бока и у локтя отломана; подъ нею обозначенъ мечъ, маленкій до нельзя, и болѣе походящій на игрушечный. Въ лѣвой рукѣ, также сильно пострадавшей и согнутой, фигура держитъ большой уже мечъ; на эту руку наброшена пола плаща, отороченная какъ бы бахрамой, или представленная въ видѣ шкуры съ мѣхомъ видимымъ внизу. Задняя сторона статуи спилена ровно, притомъ имѣетъ широкую выдолбленную полосу, очевидно, для прикрѣпленія къ столбу. По содержанію, вѣроятно, представляетъ портретъ, но чей? римскаго ли правителя на берегахъ Понта, или какого-либо туземца въ римскомъ воинскомъ костюмѣ? Для перваго страннымъ представляются эти два меча. Подражательность въ манерѣ изображенія неприятно кидается въ глаза: складки пласща слишкомъ плоско повторяютъ схему, онѣ такъ неуклюже правильны въ осевой формѣ треугольника» . . .

Въ Анапу именно ведетъ насъ измѣреніе Безъименнаго, когда онъ, по примѣру Арріана, считаетъ 300 стадій отъ Никаксина до Синдики, или Синдикской гавани, какъ онъ прибавляетъ отъ себя, тогда какъ другіе авторы, именно Птолемей, различая Синдикскую гавань отъ мѣстечка ей соименнаго, ставятъ первую далѣе къ Западу. Что подъ Синдикою Безъименный тутъ разумѣлъ не эту гавань, но подобно Арріану, анапскую, явствуетъ изъ того, что они на разстояніи между Пантикапеономъ и Синдикою, въ прямомъ направленіи, полагаютъ 540 стадій, стало быть, не менѣе, но даже не много болѣе протяженія берега между Керчью и Анапою.

Тогда какъ это измѣреніе заимствовано Безъименнымъ также у Арріана, который самъ не заходилъ такъ далеко[28]), онъ передъ тѣмъ сообщаетъ намъ совершенно новыя и весьма интересныя данныя касательно топографіи Таманскаго полуострова, почерпнутыя имъ изъ другихъ источниковъ и чуть ли не повѣренныя имъ самимъ на мѣстѣ. Но такъ какъ трудъ его едва-ли доступенъ всѣмъ нашимъ читателямъ, то мы приведемъ здѣсь въ переводѣ собственныя его слова:

«Отъ Синдикской гавани до гавани «Pagrae» прежде обитали Керкеты и Тореты, теперь же—Эвдусіаны, говорящіе Готскимъ и Таврскимъ языкомъ».

«За Синдикскою гаванью слѣдуетъ мѣстечко Корокондаме, лежащее на исѳмѣ или узкой полосѣ земли (таковъ по моему мнѣнію, смыслъ словъ Безъименнаго: ἐπί ἰσθμοῦ ἤτοι στενοῦ; въ латинскомъ же переводѣ Мюллера они гласятъ: in angusto isthmo) между озеромъ и моремъ. За нимъ (мѣстечкомъ) слѣдуетъ озеро (λίμνη) Корокондамитъ, нынѣ называемый Описсасъ (и) образующій огромный заливъ (κόλπος) въ 630 стадій, 84 мили. Въѣзжающему же въ самое озеро (εἰς αὐτὴν τὴν λίμνην) и плывущему берегомъ до Гермонассы, 440 стадій, $58^2/_3$ мили».

Тутъ авторъ переходитъ къ подробностямъ, списаннымъ

---

[28]) Cp. Chotard, Le Périple de la mer Noire d'Arrien, p. 163.

нымъ, какъ онъ это дѣлаетъ часто, изъ поэмы Скимна и слѣдовательно намъ уже знакомымъ; затѣмъ, продолжая прерванный свой разсказъ, говоритъ:

«Въѣзжающему же изъ Гермонассы въ заливъ до устья Меотиды и мѣстечка Ахиллеонъ 515 стадій, $68^2/_3$ мили».

Въ статьѣ, помѣщенной въ Зап. Од. Общ. т. IX, стр. 183, мною уже было показано, что подъ таврскимъ языкомъ Безъименный здѣсь разумѣлъ аланскій, и что его Εὐδουσία ошибочное чтеніе вмѣсто Εὐλυσία или Εὐλουσία, куда, по Прокопію, Готы переселились изъ Крыма. Что они оттуда вышли въ значительномъ числѣ, видно изъ свидѣтельства Безъименнаго, что языкъ ихъ былъ въ употребленіи не только въ Анапѣ, но также въ его окрестностяхъ до самаго Геленджика. Слѣды ихъ пребыванія въ этихъ мѣстахъ, при извѣстной тягучести географическихъ именъ, сохранились, быть можетъ, въ названіяхъ горы Варада и рѣки Вуланъ, которыя оба звучатъ по-нѣмецки, рѣзко различаясь, первое отъ туземнаго названія той же горы «Тогопсупуе», а другое отъ названія «Цюэпсинъ», которое также въ употребленіи для означенія рѣчки Вуланъ.

Сличая прочія извѣстія, переданныя намъ Безъименнымъ въ приведенномъ отрывкѣ, съ тѣмъ, что я могъ видѣть проѣздомъ на пути изъ Тамани въ Анапу, я прежде всего убѣдился въ томъ, что Дюбуа не ошибся, когда утверждалъ тождество Корокондамита съ Таманскимъ заливомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ стало яснымъ, что Корокондаме, лежащее предъ озеромъ, никогда не могло занимать мѣсто города Тамани, какъ полагалъ Дюбуа; но должно было находиться за Южною косою (тогда еще, быть можетъ, не существовавшею) близь мыса Тузлы, и что, по сему самому, Страбонъ имѣлъ полное право сказать, что Корокондаме отстояло въ 10 только стадіяхъ отъ устья Корокондамита, и въ 70 отъ Акры, на европейской сторонѣ Воспора Киммерійскаго.

Если же великій географъ отъ Корокондаме считаетъ не болѣе 180 стадій до Синдикской гавани, то эта гавань должна была находиться около Бугаса или устья Благовѣщен-

скаго или Кубанскаго лимана, отъ котораго еще далеко до Анапы; по сему самому кажется, что онъ подъ Синдикской гаванью разумѣлъ соименную ей гавань Птолемея, а не его Синду, тождественную съ Синдикою Арріана и Синдикскою гаванью Безъименнаго, названную «иными», (Steph. Byz. s. v.) въ томъ числѣ, быть можетъ, самимъ Страбономъ Горгиппіею. Въ пользу изложеннаго здѣсь мнѣнія можетъ служить еще то обстоятельство, что, по его измѣренію, Синдикская гавань отстояла не въ 300, но въ 400 стадіяхъ отъ Баты, и что таково какъ разъ разстояніе между Бугасомъ и ущельемъ Дирзое, близь долины Озереикъ, при которомъ сохранились развалины (Dubois I, 6), указывающія намъ мѣсто древней Баты, какъ уже замѣтилъ Нейманъ (Die Hellenen и пр., 573).

Далѣе узнаемъ отъ Безъименнаго, что Корокондамитъ, имѣя 630 стадій, т. е. болѣе 110 верстъ въ окружности, былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ нынѣ Таманскій заливъ; почему позволено будетъ спросить, не соотвѣтствовалъ ли послѣдній только той части Корокондамита, которая имѣла видъ залива, тогда какъ нынѣшній Ахтанизовскій (Акдегнисъ, Бѣлое море) лиманъ составлялъ остальную часть его?

Мнѣніе, что этотъ именно лиманъ входилъ въ составъ Корокондамита, уже было высказано другими, между прочимъ Нейманомъ[29]), въ томъ предположеніи, что лиманъ этотъ былъ въ старину въ связи съ Таманскимъ, образуя вмѣстѣ съ нимъ огромное «Binnengewässer». Что въ низменности къ югу отъ станціи Сѣнной, пролегающей теперь между обоими лиманами, могло помѣститься не только русло широкой рѣки, обозначенное на картѣ, приложенной къ точному изслѣдованію г. Гёрца (Археол. топогр. Таманскаго полуостр.); но что вся эта низменность была въ старину покрыта водою,—въ этомъ я, послѣ осмотра мѣстности, уже не сомнѣваюсь. Подобное же впечатлѣніе произвела она на г. секретаря Археологической коммиссіи, равно какъ и, сколько я помню, на гг. Кондакова, Лю-

[29]) Die Hellenen im Skythenlande, 549.

ценко и Тельфера, которые всѣ, въ одно время со мною, гостили у В. Г. Тизенгаузена, производившаго раскопки на этой классической почвѣ.

Почему Корокондамитъ во времена Безъименнаго назывался Описсасъ, г. Мюллеръ не берется рѣшить, и тѣмъ даетъ мнѣ поводъ спросить: не скрывается ли въ этомъ загадочномъ словѣ исковерканное Греками черкеское названіе Кубани, т. е. Псише, «старая вода» или древняя рѣка? Если допустить, что въ этой «древней» рѣкѣ намъ представляется тотъ именно рукавъ Кубани, который изливается въ Ахтанизовскій лиманъ, то и объяснилось бы, почему послѣдній также былъ названъ Псише, подобно тому какъ варварское названіе сего же лимана, т. е. Корокондамитъ, чуть ли не имѣло одинаковаго значенія съ греческимъ названіемъ Гипаниса или Кубани, т. е. Антикитесъ (см. выше стр. 35).

Рѣка эта, изливаясь однимъ рукавомъ въ Корокондамитъ, не однимъ только подобозвучіемъ, напоминаетъ рѣку Аттикитесъ, которая, по Птолемею, изливалась въ Меотиду. По крайней мѣрѣ эта послѣдняя рѣка явно не иная, какъ тотъ Антикитесъ, коего устье, находясь недалеко, но къ З. отъ города Тирамбе, отстояло, по измѣренію Страбона, въ 600 стадіяхъ отъ Малаго Ромбита (Ясенская коса, между Ейскомъ и Ачуевымъ) и въ 120 отъ Кимбрійскаго мѣстечка при устьѣ Меотиды, на азіатской его сторонѣ. Изъ сказаннаго явствуетъ, что городъ Тирамбе лежалъ на мѣстѣ нынѣшняго Темрюкскаго отселка; что устье Антикитеса совпадало не съ Темрюкскимъ лиманомъ, но съ отчасти изсохшимъ устьемъ Ахтанизовскаго лимана, или т. н. «Пересыпнымъ гирломъ», и что рукавъ Кубани, по выходѣ своемъ изъ озера, означался въ старину тѣмъ же именемъ, подъ которымъ и верхняя его часть была извѣстна древнимъ Грекамъ, подобно тому какъ это и нынѣ бываетъ съ Рейномъ и Роною, по обѣимъ сторонамъ озеръ, ими образуемыхъ.

Признавая справедливымъ изложенное здѣсь мнѣніе, можно безъ натяжки объяснить себѣ слѣдующую замѣтку Помпонія

Мелы (I, 19) о Таманскомъ полуостровѣ: Obliqua tunc regio, et in latum modice patens, inter Pontum Paludemque (Меотида) ad Bosporum occurrit: quam duobus alveis in lacum et in mare profluens Corocondame paene insulam reddit. Понятно также, какимъ образомъ Страбонъ (XI, 2 § 9), говоря лишь о сѣверной части сего полуострова, могъ его считать настоящимъ островомъ, омываемымъ Корокондамитомъ, рѣкою Антикитесомъ и Меотидою. Совершенно ясною становится наконецъ его замѣтка, что въѣзжающему въ Корокондамитъ представлялись съ лѣвой стороны города Фанагорія и Кипы, тогда какъ городъ Гермонасса и Апатуронъ, или храмъ Афродиты, находились на правой сторонѣ лимана, въ Синдикѣ за Гипанисомъ. По крайней мѣрѣ Фанагорія, слѣды которой и нынѣ поражаютъ насъ, когда приближаемся къ станціи Сѣнной, равно какъ и Кипы или Кепосъ, который долженъ былъ лежать, если не близь горы Бориса и Глѣба, то между хуторами Артюхова и Пивневой,—находились бы дѣйствительно на сѣверной, лѣвой сторонѣ вышеупомянутой низменности, между лиманами Ахтанизовскимъ и Таманскимъ. Правда, ученые еще расходятся въ мнѣніяхъ касательно мѣстоположенія Гермонассы и Апатурона. Но во всякомъ случаѣ оба, т. е. городъ и святилище, должно искать на южной сторонѣ Корокондамита, потому что они лежали между нимъ и южнымъ рукавомъ Кубани, т. е. въ той части Синдики, которая, для Страбона, находилась за Гипанисомъ. Если же онъ прибавляетъ: «Горгиппія также лежитъ въ Синдикѣ», а въ другомъ мѣстѣ (XI, 2 § 11) говоритъ, что городъ этотъ отстоялъ отъ Фанагоріи въ 500 стадіяхъ, то даетъ намъ право заключить, что, по его взгляду, Горгиппія уже лежала въ южной части Синдики или за-кубанской, съ нашей точки зрѣнія именно въ мѣстности, нынѣ занимаемой Анапою, такъ какъ этотъ городъ отстоитъ въ 500 стадіяхъ отъ станціи Сѣнной.

Въ надеждѣ, что мнѣ удалось въ этомъ случаѣ угадать смыслъ словъ Страбона, я охотно предложилъ бы искать слѣ-

ды Гермонассы около кургановъ подлѣ Титоровки, и возстановилъ бы храмъ Венеры на «Дубовомъ рынкѣ».

Съ представленнымъ здѣсь мнѣніемъ можно согласовать извѣстіе, переданное Безъименнымъ, что разстояніе отъ Гермонассы до Синдикской гавани составляло 440 стадій; нужно только взять во вниманіе, что измѣреніе это онъ заимствовалъ не у Арріана, но у древнѣйшаго автора (у Мениппа?), подобно Страбону, по которому Синдикская гавань отстояла въ 180 стадіяхъ отъ Корокондаме. По крайней мѣрѣ остальныя 260 стадій равняются растоянію отъ Тузлы до Титоровки.

Изъ того же древняго источника Безъименный, вѣроятно, почерпнулъ свое извѣстіе, когда затѣмъ для плывущаго берегомъ отъ Гермонассы до устья Меотиды и Ахиллеона полагаетъ 515 стадій.

Не зная, въ какой степени моя попытка разъяснить древнюю топографію Таманскаго полуострова съ помощью этого автора будетъ признана удачною компетентными въ вопросахъ сего рода судьями, я считаю себя обязаннымъ не скрывать, что результаты, извлеченные мною изъ показаній его, неоднократно отклоняются отъ тѣхъ, которые изъ нихъ выводитъ его издатель и переводчикъ.

Такъ г. Мюллеръ, между прочимъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что Безъименный подъ Корокондамитомъ разумѣлъ не Ахтанизовскій лиманъ съ заливомъ Таманскимъ, но отдѣленный отъ нихъ высокою степью лиманъ Кубанскій (имъ названный Кизильташскимъ); а по сему самому считаетъ себя въ правѣ помѣстить Корокондаме при устьѣ лимана этого, или т. и. Бугасѣ, т. е. почти втрое далѣе отъ Акры, чѣмъ полагалъ Страбонъ.

Затѣмъ г. Мюллеръ не сомнѣвается въ томъ, что Гермонасса лежала на сѣверномъ берегу сего же лимана и полагаетъ, что Безъименный имѣлъ въ виду разстояніе между этимъ городомъ и Синдикою или Анапою, когда говоритъ о 440 стадіяхъ прибрежнаго плаванія отъ устья лимана до Гермонассы.

Наконецъ почтенный парижскій библіотекарь, находя, что разстояніе между сѣвернымъ берегомъ Кубанскаго лимана и Сѣверною Таманскою косою (Tcheska) не многимъ только больше протяженія берега между Ахиллеономъ и Гермонассою (515 стадій) по измѣренію Безъименнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не кстати, считаетъ нужнымъ заставить его, послѣ словъ Ἀπὸ δὲ Ἑρμωνάσσης, сказать: ἐκπλεύσαντι τοῦ κόλπου, вмѣсто εἰσπλεύσαντες τὸν κόλπον, (т. е. изъ лимана въ заливъ), какъ читается въ рукописи.

Во всякомъ случаѣ, это небольшое измѣненіе не мѣшаетъ мнѣ согласиться съ г. Мюллеромъ, когда онъ, указавъ на превратныя понятія другихъ изслѣдователей касательно древней топографіи Таманскаго полуострова, восклицаетъ: «Ac sane difficile erat vitare errorem, quem Anonymi denique ope dissipare licet».

Если же будетъ признано, что и самъ г. Мюллеръ не всегда могъ избѣгнуть промаховъ, не смотря на важность источника, ему первому доступнаго, то придется объяснить себѣ его неудачу только тѣмъ, что онъ счелъ достаточнымъ обнародывать свои собственныя воззрѣнія по поводу топографическихъ замѣтокъ древняго автора, безъ предварительнаго ихъ сличенія съ мѣстностями.

VI.

О резиденціи хановъ Золотой Орды до временъ Джанибека I.[1]).

Первымъ поводомъ къ составленію настоящей статейки послужили соображенія, переданныя мнѣ г. библіотекаремъ Гейдомъ (въ письмѣ отъ 13 декабря 1872 г.), для оправданія своего мнѣнія, что вопросъ о мѣстоположеніи Сарая еще нельзя считать оконченнымъ. «Ich bin nahe daran», пишетъ онъ между прочимъ, «die Ketzerei zu begehen und Sarai wieder bei Selitrenoje zu suchen, obgleich ich ungern so sehr gegen den Strom schwimme. Jedenfalls muss Ibn Batuta entscheiden, welcher den Weg selbst gemacht hat. Pegolotti und Abulfeda geben die Entfernungen nur nach Traditionen Anderer».

Въ полной увѣренности, что послѣ основательнаго разслѣдованія г. Григорьева (О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой орды, въ X томѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1845), было бы слишкомъ смѣло усумниться въ томъ, что ханская резиденція находилась постоянно въ одной и той-же мѣстности, а именно въ занимаемой нынѣ городомъ Царевымъ съ ближайшими его окрестностями, я не преминулъ отвѣчать г. библіотекарю штутгардскому, что, по моему мнѣнію, разныя причины могли побудить арабскаго Марко Поло отправиться изъ Астрахани въ Сарайчикъ на Уралѣ, не прямо, но кругомъ чрезъ Царевъ; что онъ могъ туда доѣхать въ трое сутокъ, не смотря на большое разстояніе сего города отъ Аст-

---

[1]) Изъ 2-го тома Трудовъ 3-го Археологическаго Съѣзда, Кіевъ, 1876.

рахани, и что г. Гейду приходилось бы, для посѣщенія развалинъ Сарая, плыть въ буквальномъ смыслѣ «противъ теченія», т. е. изъ Селитренаго городка подниматься вверхъ по Ахтубѣ до Царева.

Вскорѣ однако мнѣ пришлось самому усумниться, что тамъ едвали находился тотъ городъ Сарай, о которомъ говоритъ Ибнъ-Батута, и что г. Юль едва ли ошибается, когда въ одномъ изъ примѣчаній къ его великолѣпному труду [2]) старается доказать, что до временъ Джанибека I столица ханская находилась около Селитренаго, и имъ уже была переведена въ «Новый» Сарай, на мѣсто Царева.

Нужно однако замѣтить, что гораздо прежде англійскаго переводчика книги М. Поло, мнѣніе о существованіи двухъ этихъ городовъ, древнѣйшаго и новѣйшаго Сарая, было высказано другими авторами, между прочимъ, г. Саблуковымъ, въ его «Очеркѣ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства». Хотя г. Григорьевъ, въ своемъ разборѣ этой статьи, и приходитъ къ заключенію, что приведенное мнѣніе автора не опирается на достаточныя данныя, тѣмъ не менѣе статью эту считаетъ весьма замѣчательнымъ явленіемъ (р. 16). Поелику же нельзя не сказать того самаго объ изслѣдованіи самаго г. Григорьева, то я, въ свою очередь, считаю себя обязаннымъ указать на причины, по которымъ не могу съ нимъ согласиться, что развалины Сарая, основаннаго Батыемъ, вѣроятно въ 1253 году, находятся около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева, и что находившійся тамъ дѣйствительно Новый-Сарай былъ не городъ, но дворецъ внутри или въ предмѣстьяхъ Стараго Сарая.

Разбирая извѣстія, переданныя намъ современниками о мѣстоположеніи этого города, г. Григорьевъ прежде всего приводитъ свидѣтельство Руисбрёка (Ruysbroek, al. Rubruquis), видѣвшаго городъ Батыевъ еще въ самой его колыбели. По мнѣнію г. Григорьева, это свидѣтельство, при всей своей сбив-

[2]) The book of ser Marco Polo и проч.; 1871, T. I p. 5 и 6.

чивости, «все таки» указываетъ болѣе на мѣстность, гдѣ Ахтуба отдѣляется отъ Волги, чѣмъ на Селитреный г. въ урочищѣ Джигитъ, въ нижайшей части Ахтубинской долины. Сознаюсь, что мнѣ болѣе нравится противуположное мнѣніе, которое Карамзинъ (IV, примѣчаніе 74) выводитъ изъ словъ Рубруквиса, но считаю лишнимъ остановиться здѣсь на этомъ спорномъ вопросѣ, поелику самъ г. Григорьевъ допускаетъ, хотя «скрѣпя сердце», что Рубруквисовъ Сарай могъ находиться въ Джигитѣ, «но уже никакъ не ниже», съ чѣмъ могутъ согласиться защитники близости Сарая отъ Астрахани. Изъ сказаннаго явствуетъ, что и городъ Сумеркентъ, упомянутый однимъ только Рубруквисомъ и отстоявшій, по его свидѣтельству, недалеко отъ Сарая, могъ находиться не въ верховьяхъ Ахтубинской долины или на Денежнемъ островѣ, какъ полагаетъ г. Григорьевъ, но гораздо ниже, такъ какъ Сумеркентъ (v. Summerkeur) лежалъ на среднемъ изъ четырехъ протоковъ (brachia) Волги, чрезъ которые Рубруквисъ проѣзжалъ (послѣ предварительной переправы чрезъ три большихъ протока) на пути изъ Сарая въ Дербендъ. Если припомнить, что по арабскимъ географамъ послѣдній городъ былъ отдѣленъ отъ Итиля 12-ю днями, то спрашивается, не могъ ли Рубруквисъ, который на 15-й только день по выѣздѣ изъ Сарая прибылъ къ Желѣзнымъ вратамъ, подъ своимъ Сумеркентомъ разумѣть одну изъ частей взятой Святославомъ Хазарской столицы, которая уже явно находилась не въ окрестностяхъ Царицына, но бокъ о бокъ съ Волжскою дельтою, вблизи Астрахани. Здѣсь поэтому помѣстился бы также загадочный городъ Саксинъ, если бы только предположенное г. Григорьевымъ тождество сего города съ Сумеркентомъ оказалось справедливымъ. Въ противномъ случаѣ, болѣе вѣроятномъ уже по той причинѣ, что Сумеркентомъ Монголы овладѣли только послѣ долгой осады, тогда какъ Саксинъ еще до ихъ нашествія былъ затопленъ разлитіемъ рѣки, я охотно оставилъ бы этотъ городъ на Денежнемъ островѣ и, по примѣру г. Хвольсона [3]), не при-

[3]) Извѣстія о Хазарахъ.... Ибнъ Даста, p. 67.

давалъ бы много вѣса замѣткѣ позднѣйшихъ Арабовъ, что въ сосѣдствѣ погибшаго давно уже города Саксина находился «le Sarai de Barca», т. е. нашъ *древнѣйшій* Сарай.

Нѣсколько лѣтъ послѣ выѣзда посланника святаго Людовика изъ резиденціи Батыя, представились его брату и преемнику посланники египетскаго султана Бибарса; но изъ описанія ихъ маршрута[4]) мы не усматриваемъ, гдѣ Берке тогда находился. Узнаемъ только, что посланники, по выѣздѣ изъ Эски-Крыма и послѣ 20-дневной затѣмъ ѣзды по необозримой степи, застали хана со всѣмъ его дворомъ на берегу Волги, которая имѣла тамъ ширину Нила и была покрыта русскими барками. Должно поэтому думать, что Берке принялъ посланниковъ въ лагерѣ, расположенномъ на чистомъ полѣ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Сарая, но не въ самомъ городѣ, не задолго передъ тѣмъ только возникшемъ. Что онъ тогда еще не переставалъ существовать, явствуетъ изъ учрежденія епархіи Сарайской митрополитомъ Кирилломъ, въ 1261 г.

Къ сожалѣнію, мѣстность, гдѣ именно находилась каѳедра перваго сарайскаго епископа Митрофана и преемника его Ѳеогноста († 1301), не можетъ быть опредѣлена съ точностью съ помощью нашихъ лѣтописей, подобно тому какъ онѣ насъ оставляютъ въ недоумѣніи (по крайней мѣрѣ до временъ Джанибека), касательно мѣстоположенія столицы «Орды», куда русскіе князья и сановники отправлялись по разнымъ причинамъ.

Столь же мало пользы для рѣшенія вопроса, который насъ здѣсь занимаетъ, представляютъ намъ тѣ подробности, которыя намъ передаетъ Марко Поло о пребываніи его дяди и отца во владѣніяхъ Берке-хана, хотя они тамъ пробыли цѣлый годъ и вѣроятно имѣли случай познакомиться лично съ ханомъ въ его столицѣ Булгарѣ на Волгѣ. Имъ также не было неизвѣстно, что вторымъ главнымъ городомъ Орды былъ Ассара, т. е. Сарай, но едва ли имъ самимъ пришлось побывать въ этомъ городѣ. По крайней мѣрѣ, они на обратномъ пути

---

[4]) Quatremère, Hist. des sultans mamlouks etc., I, 1 p. 213 sqq.

изъ Булгара въ Бухару, вдоль по западной границѣ владѣній Берке, еще принуждены были переправиться чрезъ Тигръ, до котораго добрались послѣ предварительнаго прибытія въ городъ Укака, коего развалины по нынѣ видны въ селеніи Увекъ, въ восьми верстахъ ниже Саратова, на правомъ берегу Волги, тогда какъ эту именно рѣку современники братьевъ Поло смѣшали съ райскимъ Тигромъ (см. ч. I, стр. 130 и ч. II, стр. 16). Скудныя извѣстія касательно мѣстоположенія Сарая, встрѣчающіяся въ приведенныхъ пока источникахъ, значительно пополняются тѣми, которыя оставилъ Абульфеда въ его географическомъ сочиненіи, написанномъ въ 1321 году.

Такъ онъ, сказавъ между прочимъ подъ статьею «Рѣка Итиль», что она протекала мимо города Бальджамана (или Бельджамена), продолжаетъ: «потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ и протекаетъ мимо города Сарая къ юго-западу отъ него, а Сарай находится на сѣверо-восточномъ его берегу [5]). Близь Хазарскаго моря Итиль раздѣляется на 1001 рукавъ, какъ разсказываютъ».

Какъ уже выше было замѣчено (стр. 173) этотъ городъ Бальджаманъ, въ которомъ Френъ [6]) узналъ городъ «Baltschunkin», мимо котораго прошелъ Тамерланъ на пути изъ окрестностей Ельца къ Азову, долженъ былъ совпадать съ городомъ Belcimen карты Фра-Мавро (1459 г.), равно какъ и съ городомъ Berchiman или Bergiman, отмѣченнымъ на картахъ 1367 и 1375 годовъ, около нынѣшняго Царицына, и, по крайней мѣрѣ на первой изъ этихъ картъ, въ значительномъ разстояніи отъ приписки: «civitas regia d'Sara», которая читается предъ самымъ началомъ дельты Волги. Тамъ же я старался показать, что сторожевая башня означенная съ именемъ Узбека, еще не доказываетъ, что тутъ не имѣлся въ виду тотъ Сарай, который находился при верхней Ахтубѣ, но тотъ о которомъ говоритъ Абульфеда въ другомъ мѣстѣ, за-

---

[5]) Géogr. d'Aboulféda, tr. par Reinaud, II, 81.

[6]) Hammer, Gesch. d. G. Horde, 362, прим. 3.

мѣчая, что столица Узбека находилась на разстояніи около двухъ дней пути отъ моря Хазарскаго и что еще ниже, при одномъ изъ рукавовъ Итиля, находилось старое селище (Эски-юртъ), напоминающее мнѣ разрушенный Русскими соименный рѣкѣ городъ и «неогороженный» Сумеркентъ Рубруквисовъ.

Извѣстія эти не трудно согласовать еще съ другою замѣткою Абульфеды, что городъ Укекъ находился какъ разъ на серединѣ пути между Сараемъ и Булгаромъ, на 15 дней разстоянія отъ каждаго. Дѣйствительно, селеніе Укекъ находится въ такомъ же разстояніи отъ развалинъ Булгара (въ 135 верстахъ ниже Казани), какъ отъ Селитренаго городка, гдѣ поэтому резиденція Узбека должна была находиться *скорѣй* чѣмъ въ Царевѣ, а не только «столь же хорошо», какъ допускаетъ г. Григорьевъ (474). Правда, онъ предпочитаетъ считать это измѣреніе Абульфеды ничего незначущимъ, такъ какъ оно противурѣчитъ замѣткѣ того же автора, что разстояніе между Булгаромъ и Сараемъ составляло уже не «около тридцати», но «болѣе двадцати» дней пути. Но дѣло въ томъ, что прямая дорога между этими двумя городами была безъ сомнѣнія нѣсколькими днями короче, чѣмъ путь ведущій изъ Булгара въ Сарай *кругомъ* чрезъ Укекъ, причемъ путешественнику приходилось еще переправляться два раза черезъ Волгу. Поэтому я не вижу никакого противурѣчія въ обоихъ измѣреніяхъ, заимствованныхъ Абульфедою изъ различныхъ источниковъ, принимая къ тому еще во вниманіе, что подобныя измѣренія всегда будутъ различны, смотря по времени года, къ которому они относятся, положенію дорогъ, свойству и роду животныхъ, на которыхъ совершается путь, и многимъ другимъ обстоятельствамъ. Я вполнѣ согласенъ съ г. Григорьевымъ (p. 475), что все это оправдываетъ «добросовѣстность путешественниковъ» и служитъ «къ соглашенію противурѣчій, встрѣчающихся въ ихъ извѣстіяхъ». Но если такъ, то не понимаю, почему же г. Григорьевъ совѣтуетъ читателямъ вовсе не брать во вниманіе показаній путешественниковъ мѣрою пути; а еще менѣе понимаю, почему же самъ

г. профессоръ не придерживается этого правила, но затѣмъ снова ссылается на вышеприведенное свидѣтельство Абульфеды, въ надеждѣ, что оно всетаки можетъ служить опорою его мнѣнія касательно мѣстоположенія Сарая. Приведя извѣстіе, переданное намъ Ибнъ-Батутою, который самъ былъ въ Сараѣ около 1330 года, что разстояніе между этимъ городомъ и Укекомъ составляло 10 дней пути и признавая снова безполезнымъ разсматривать подобнаго рода числа, г. Григорьевъ (р. 479) продолжаетъ: «замѣтимъ только мимоходомъ, что 10 дней пути между Сараемъ и Укекомъ, сближая между собою эти города, передаютъ нѣкоторый вѣсъ тому предположенію и тѣмъ разсчетамъ, которые привели къ заключенію, что, на основаніи разстояній, показанныхъ Абульфедою, имя Сарая принадлежитъ скорѣй развалинамъ Царево-Подскимъ, чѣмъ Селитрянаго-Городка».

Но тутъ то именно слѣдовало оставить въ покоѣ измѣреніе Абульфеды, потому что упомянутый имъ городъ Укекъ кромѣ имени, не имѣетъ ничего общаго съ Укекомъ, чрезъ который проѣзжалъ Ибнъ-Батута (франц. пер. Defrémery et Sanguinetti; II ad fin.) на пути своемъ изъ Астрахани въ Крымъ, и который находился въ серединѣ между Сараемъ и Судакомъ, будучи отдѣленъ отъ обоихъ разстояніемъ десяти дней пути. Городъ этотъ, какъ впервые показалъ г. Ламанскій (О Славянахъ въ М. Азіи, р. 80), не могъ лежать при Волгѣ, но долженъ былъ занимать мѣсто около нынѣшняго Маріуполя, гдѣ на итальянскихъ картахъ XIV столѣтія отмѣчено имя locachi или locaq, вмѣсто котораго мы, по аналогіи съ многими другими именами, имѣемъ полное право читать l'Ocachi или l'Ocaq. Справедливость сего мнѣнія, изложеннаго мною въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи (р. 138), признана теперь новѣйшимъ и лучшимъ комментаторомъ «Книги» знаменитаго венеціанскаго путешественника[7]).

Обстоятельство, что разстояніе между Судакомъ и Маріу-

---

[7]) Yule, The book of ser Marco Polo etc. 2-е изд. II р. 488, прим.

полемъ менѣе соотвѣтствуетъ тому, которое отдѣляетъ послѣдній отъ Джигита, чѣмъ разстояніе между устьемъ Калміуса и Царевымъ, по вышеприведеннымъ причинамъ, еще не доказываетъ, что тутъ именно долженъ былъ находиться тотъ городъ Сарай, въ которомъ былъ Ибнъ-Батута; тѣмъ болѣе, что въ описаніи сего города, оставленнаго имъ, встрѣчаются такія данныя, которыя, вопреки мнѣнію г. Григорьева (р. 478), заставляютъ насъ думать, что резиденція Узбека находилась тогда въ Джигитѣ. На это уже указываетъ его замѣтка, что онъ прибылъ въ Сарай на третій день по выѣздѣ своемъ изъ Гаджитерхана. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ оттуда безъ сомнѣнія удобнѣе могъ добраться до Селитрявнаго городка, отстоящаго отъ Астрахани въ 110 верстахъ, нежели до Царева, отъ котораго до губернскаго города считается 480 верстъ. Если даже допустить, что для этого путешествія Батутѣ данъ былъ открытый листъ, и что онъ имѣлъ лошадей татарскихъ, подобно нынѣшнимъ, то уже никакимъ образомъ къ нему на третій день не могъ быть доставленъ оставшійся въ Астрахани рабъ, коего отсутствіе онъ только замѣтилъ по пріѣздѣ своемъ въ Сарай (Defrémery etc. l. c.). Что городъ этотъ уже не могъ находиться въ Царевѣ, явствуетъ также изъ свидѣтельства Флорентинца Бальдучи Пеголотти, современника арабскаго путешественника, такъ какъ изъ составленнаго имъ дорожника[8]) мы узнаемъ, что *водою* можно было доѣхать изъ Астрахани въ Сарай даже въ одинъ день, что не противурѣчитъ извѣстію, переданному намъ Абульфедою, что послѣдній городъ находился въ двухъ-дневномъ разстояніи отъ устья Волги въ Каспійское море, хотя бы также водою, а не сухопутьемъ (Григорьевъ, р. 480). Въ правѣ ли мы усомниться въ достовѣрности этихъ двухъ извѣстій, потому, что *сухимъ путемъ* Ибнъ-Батута только на третій день по выѣздѣ изъ Астрахани прибылъ въ Сарай? Подобнымъ образомъ то обстоятельство, что онъ изъ этого города прибылъ въ «Seratchauk», т. е. въ Сарайчикъ, только

---

[8]) De la Primaudaie, Etudes s. le commerce au moyen âge I, 318.

послѣ десятидневной хотьбы (l. l. III, 1: nous marchâmes pendant dix jours) скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ свидѣтельство миссіонера Пасхалиса, когда онъ, въ письмѣ отъ 1342 года, между прочимъ, говоритъ: «Inde (въ Сараѣ) ascendens in quoddam navigium, cum Armenis, per fluvium, qui vocatur Tigris, per ripam maris Vatuk (Баку) nomine, usque Saratshuk deveni per duodecim dietas» etc.[9]).

Должно думать, что на туземномъ суднѣ плаваніе странствующаго монаха должно было длиться болѣе, чѣмъ на генуэзскомъ или на венеціанскомъ, почему и неудивительно, что итальянскій commis voyageur могъ полагать на взаимное разстояніе упомянутыхъ имъ двухъ городовъ *восемь* дней пути; если только онъ подъ своимъ Saracanco разумѣлъ Сарайчикъ, а не Сарайкункъ, т. е. «большой», какъ г. Юль (l. l. II, 537) готовъ допустить. Но если такъ (въ чемъ я не могу ручаться), то мы имѣли бы доказательство, что въ то время было уже два Сарая въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи, и что одинъ только Saracanco могъ совпадать, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, съ «Болшимъ Сараемъ» нашихъ лѣтописей.

Во всякомъ случаѣ гораздо легче будетъ согласовать между собою различныя измѣренія у приведенныхъ авторовъ, чѣмъ допустить, что они подъ Сараемъ могли разумѣть городъ, который находился бы при Верхней Ахтубѣ: ибо, въ этомъ случаѣ, путешественники, отправившись оттуда на какомъ бы то ни было суднѣ, въ теченіе 8—12 сутокъ, могли бы доплыть развѣ до устья Волги, но уже никакъ не могли бы доѣхать до города Сарайчика.

Желая показать своимъ читателямъ «какую вѣру должно имѣть къ путевымъ исчисленіямъ итальянскихъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ», г. Григорьевъ не ограничивается приведенными въ текстѣ примѣрами; но считаетъ нужнымъ прибавить къ нимъ нѣкоторые другіе въ слѣдующей выпискѣ

---

[9]) Mosheim, Hist. Tart. eccles. 194.

(p. 480): «Отъ Таны въ Астрахань Пеголе(о)тти считаетъ 25 дней пути; а Венеціанецъ Контарини говоритъ, что, какъ слышалъ онъ, города эти отстоятъ другъ отъ друга не далѣе какъ на 8 дней пути (!!). Онъ-же Контарини отъ устья Волги до Астрахани ѣхалъ водою четверо сутокъ, а считаетъ этотъ путь въ 75 миль; а Барбаро, тоже Венеціанецъ, говоритъ, что Волга впадаетъ въ море въ 25 миляхъ отъ Астрахани, отъ Астрахани же до Москвы можно легко доплыть въ трое сутокъ (!!!)».

Примѣры эти однако, вмѣсто того, чтобы доказать предполагаемую г. Григорьевымъ «безтолковщину» въ исчисленіяхъ разстояній географовъ и путешественниковъ, напоминаютъ намъ развѣ только французскую поговорку: qui prouve trop, ne prouve rien, и показываютъ, какъ надо быть осторожнымъ, дабы не сваливать на другихъ свою собственную вину.

Такъ во первыхъ г. Григорьевъ, приводя замѣтку автора «Della Pratica della Mercatura», что изъ Таны въ Астрахань надо было ѣхать 25 дней, не замѣтилъ, что онъ тутъ же прибавляетъ «di carro di buoi», т. е. на волахъ, но что на лошадяхъ можно было совершить это путешествіе въ 10—12 дней, «e con carro di cavallo pure da 10 in 12 giornate». Итакъ оказывается, что самъ Пеголотти едва ли не согласился бы съ нами въ возможности совершить это путешествіе въ столь короткое время, какъ слышалъ Контарини.

Если же послѣдній полагалъ, что городъ Астрахань находился въ 75 миляхъ отъ устья Волги, тогда какъ эта рѣка, по Барбаро, впадала въ море въ 25 только миляхъ отъ города, то при всемъ различіи этихъ указаній, мы еще не имѣемъ право объявить, что они, или по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, было записано на угадъ. Обвиняя посланниковъ венеціанскихъ, которые въ одно время были на Востокѣ и даже тамъ встрѣтились, въ подобной небрежности, предосудительной въ особенности со стороны дипломатовъ республики св. Марка, нашъ почтенный профессоръ обязанъ былъ предварительно доказать, что они имѣли въ виду *одинъ и тотъ же* изъ многочислен-

ныхъ протоковъ Волги, изливающихся въ море въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Астрахани, какъ это бываетъ и теперь. Такъ напр. по Мюллеру[10]) разстояніе этого города, который лежитъ въ 7 верстахъ *ниже* Старой Астрахани, отъ морскаго берега составляетъ около 30 верстъ, тогда какъ оно превышаетъ 80 верстъ для плавающаго по западному, главному изъ рукавовъ рѣки, число и величина которыхъ притомъ часто измѣняется[11]).

Почему же не допустить, что венеціанскіе сановники опредѣлили разстояніе Астрахани отъ моря по различнымъ рукавамъ рѣки; по крайней мѣрѣ мы, въ этомъ предположеніи, могли бы указанія ихъ согласовать какъ между собою, такъ и съ дѣйствительностью, безъ надобности усомниться въ добросовѣстности или въ правдивости ихъ свидѣтельства.

Что касается наконецъ замѣтки Іосафата Барбаро, пробывшаго, съ 1436 года, цѣлыхъ 16 лѣтъ въ важномъ тогда по своимъ торговымъ оборотамъ городѣ Танѣ (Азовъ), о близости Астрахани отъ Московіи, то ясно, что онъ подъ словами «il Moscho terra di Rossia» [12]) разумѣлъ не «Москву столицу Россіи», какъ переводитъ г. Семеновъ (p. 57), но владѣнія великаго князя Московскаго, которыя въ его время († 1481) простирались вплоть до Волги по крайней мѣрѣ до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Черемшанъ, тогда какъ русскіе промышленники проникали до Астрахани[13]), куда, по Барбаро, каждый годъ «quelli del Moscho» отправляли суда свои за солью. Безъ сомнѣнія суда эти принадлежали не однимъ только гражданамъ Бѣлокаменной, но вообще Великороссіянамъ, которые симъ путемъ не боялись отправляться съ товарами и на заработки въ Грузію и въ Персію, не смотря

---

[10]) Der Ugrische Volksstamm, II, 237.

[11]) См. Березинъ, Путеш. по Дагестану и проч., изд. 2, p. 9; ср. «Списки населенн. мѣстъ и проч. I и V, гдѣ между прочимъ сказано, что Ахтуба прежде впадала прямо въ Каспійское море.

[12]) Семеновъ, Библіот. иностр. писат. о Россіи. I, 95.

[13]) Бѣляевъ, въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. VI, 233.

на препятствія, ими при этомъ не рѣдко встрѣчаемыя со стороны хищныхъ и алчныхъ Татаръ[14]).

Впрочемъ не одна только торговая предпріимчивость побуждала и Русскихъ посѣщать владѣнія своихъ приволжскихъ сосѣдей. Такъ Вятчане въ 1471 году, пользуясь отсутствіемъ хана Ахмата, проникли до его столицы Сарая, и еще столѣтіемъ прежде Новгородцы приплыли даже въ Астрахань, приставши предварительно къ Сараю и ограбивши по дорогѣ всѣхъ встрѣчающихся гостей.

Безъ сомнѣнія г. Григорьевъ совершенно правъ, утверждая, что этотъ Сарай могъ только находиться въ мѣстности, занимаемой нынѣ Царевымъ и здѣсь поэтому мы должны искать слѣдовъ того города Сарая, который былъ взятъ Тамерланомъ въ 1395 году. По Арабшаху (Vita Timuri I, 380, 381) эта катастрофа постигла городъ въ 63 году его существованія; ниже (p. 382, 383) тотъ же авторъ приписываетъ основаніе того же города Берке-хану, можетъ быть потому, что смѣшалъ его съ древнѣйшимъ городомъ Сараемъ. По крайней мѣрѣ, если только мы могли бы считать достовѣрнымъ приведенное хронологическое указаніе біографа Тимура, мнѣ доступное только по цитатамъ у Шармуа[15]), то оказалось бы, что взятый Тимуромъ городъ Сарай былъ основанъ въ 1334 году, стало быть около 80 лѣтъ послѣ временъ Рубруквиса, въ царствованіе Узбека, но уже по выѣздѣ Ибнъ-Батуты изъ его резиденціи. Безъ сомнѣнія она также находилась бы не въ Джигитѣ, но въ Царевѣ, если бы, какъ думаетъ г. Григорьевъ, встрѣчающееся на ханскихъ монетахъ названіе «Новый Сарай» означало не городъ или «пригородъ стараго Сарая», а дворецъ «внутри или въ предмѣстіяхъ его».

Въ пользу мнѣнія, что въ Золотоордынскомъ ханствѣ былъ (за исключеніемъ Багчисарая въ Крыму) *одинъ только*

---

[14]) См. Срезневскій, Хоженіе за три моря А. Никитина, въ Учен. Зап. И. А. Наукъ, II, отд. III, 258.

[15]) Expéd. de Timoûr-i-lenk, въ Mém. de l'Ac. des Sc. de S. P. III, 158.

города Сарай, г. Григорьевъ, ссылаясь на развалины, которыя понынѣ сохранились въ Царово-Подахъ и свидѣтельствуютъ, что тамъ нѣкогда долженъ былъ находиться большой городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что, по его мнѣнію, слѣды не менѣе замѣчательныхъ развалинъ, видѣнныхъ, между прочимъ, Палласомъ въ урочищѣ Джигитѣ, «не обнаруживаютъ собою существованія какого-либо города, но ведутъ скорѣе къ заключенію, что тутъ было огромное кладбище» (l. l. X, 31).

Рѣшеніе вопроса, въ какой степени справедливость подобнаго воззрѣнія подтверждается характеромъ памятниковъ старины, сохранившихся въ этой мѣстности, я долженъ предоставить лицамъ, которымъ посчастливилось ихъ осмотрѣть. Поелику же изъ статьи г. Григорьева явствуетъ, что онъ въ этомъ случаѣ едвали говоритъ какъ очевидецъ, то я не считаю неумѣстнымъ здѣсь же замѣтить, что со взглядомъ его трудно согласовать слѣдующій отрывокъ изъ указателя на содержаніе рукописи подъ заглавіемъ: Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ Астраханской губерніи и епархіи[16]).

...«Селитренное (Енотаевскаго уѣзда)... село, стоитъ на мѣстѣ Сарая Золотой Орды; остатки строеній, въ землѣ: деньги, кувшины, мозаика, краски не измѣнились. Башня ханскаго дворца. Народъ говоритъ, что городъ за грѣхи засыпанъ». .

Если только эта замѣтка не лишена всякаго основанія, то кажется что въ урочищѣ Джигитѣ хоронились не только подданные хановъ, но что и послѣдніе сами, пока еще были въ живыхъ (резиденція усопшихъ былъ Сарайчикъ), обитали первоначально въ этой мѣстности, гдѣ, по сему самому, Ибнъ Батута могъ застать Узбека вмѣстѣ съ его сыновьями Тинибекомъ и Джанибекомъ, хотя каждый изъ нихъ тогда имѣлъ свой «camp séparé»[17]). Легко могло статься, что меньшій братъ тогда уже обиталъ въ Царевѣ и по крайней мѣрѣ, что онъ перевелъ свою резиденцію туда послѣ краткаго царство-

[16]) Опис. рукоп. ученаго архива, въ Изв. Русск. Геогр. Общ. 1875, вып. I, p. 9.

[17]) Voy. d'Ibn-Batoutah, II, 397.

ванія убитаго имъ Тинибека, вступившаго на престолъ по смерти отца въ 1341 году.

Иначе трудно себѣ объяснить, почему въ Царевѣ именно сохранилась память Джанибека[18]) и почему до сихъ поръ вовсе не встрѣчалось Узбековыхъ монетъ, битыхъ въ *Новомъ*-Сараѣ, между тѣмъ какъ этотъ недостатокъ заставляетъ насъ усомниться въ томъ, что городъ этотъ или, пожалуй, дворецъ уже существовалъ при преемникѣ Узбека Тохтагу-ханѣ, какъ утверждаетъ г. Григорьевъ (р. 20) на основаніи монеты, битой въ Новомъ-Сараѣ въ 1310—11 году. Но, не говоря о томъ, что имени хана, какъ обыкновенно, на этой монетѣ недостаетъ, и что годъ на ней отмѣченъ не буквами, по числами, можно подозрѣвать ошибочное чтеніе отмѣченнаго на ней года уже по той причинѣ, что, кромѣ этой монеты, въ большомъ числѣ монетъ уже извѣстныхъ изъ царствованія Тохтагу, нѣтъ ни одной, которая была бы бита въ Новомъ Сараѣ.

Даже въ такомъ случаѣ, что «новый» ханскій дворецъ уже существовалъ въ Царевѣ при Тохтагу, я не вижу, почему главный городъ Орды не могъ по прежнему находиться въ урочищѣ Джигитѣ по крайней мѣрѣ до временъ Джанибека, (Jambech'a карты каталанской). Что при немъ резиденція уже была переведена въ Царевъ, можно также заключить изъ мѣста, гдѣ, на этой картѣ изображенъ городъ съ припискою: ciutat de ssara, тогда какъ civitas regia de Ssaray у братьевъ Пицигани совпадала, быть можетъ по своему мѣстоположенію, съ засыпаннымъ за грѣхи городомъ. Можетъ быть въ этомъ преданіи скрывается намекъ на чуму, которая въ 1346 году свирѣпствовала въ разныхъ городахъ Орды: въ Астрахани, Бездежѣ и Сараѣ, откуда занесена была въ Тану, гдѣ истребила $^4/_5$ населенія. Это бѣдствіе могло побудить жителей Сарая, уже не заслуживавшаго своего прозвища «богохранимаго», переселиться въ возникшій между тѣмъ, далеко отъ караваннаго пути, Новый въ Царево-Подахъ, откуда

---

[18]) Müller, l. l. II, 568 и сл.

затѣмъ отчасти только возвратились на прежнее жилище, не перестававшее существовать при Джанибекѣ и его преемникахъ, такъ какъ на ихъ монетахъ имя Сарая встрѣчается, хотя рѣже чѣмъ Новый Сарай. Что дѣйствительно около половины XV столѣтія были извѣстны два Сарая на Ахтубѣ, въ значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго, видно изъ карты Венеціанца Фра-Мавро. Городъ, отмѣченный въ ней около устья этого рукава Волги, названъ просто Сарай; другой же, около мѣста, гдѣ тотъ же рукавъ отдѣляется отъ главной рѣки, для различенія отъ перваго города, означается уже не туземнымъ его названіемъ «Новаго-Сарая», но русскимъ его прозвищемъ «Большаго» или «Великаго», Saray Grando. Подобная передача названія города не удивитъ насъ со стороны знаменитаго картографа, который, въ предисловіи къ своему труду[19]) говоритъ: «я все время старался провѣрить описаніе опытомъ, занимаясь многіе годы и сообщаясь съ людьми, достойными вѣры, видѣвшими собственными глазами то, что я правдиво указываю».

Безъ сомнѣнія, къ числу добросовѣстныхъ очевидцевъ, съ которыми Фра-Мавро, въ родинѣ своей, могъ бесѣдовать о Сараѣ, принадлежали скорѣе Русскіе, чѣмъ Татары.

---

[19]) Матер. для ист. геогр. атласа Россія, V, 71 р. V.

VII.

О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время [1]).

Всѣ наши оріенталисты и византинисты согласны въ томъ, что *Кіевъ* уже былъ важнымъ городомъ въ то время, когда еще находился въ зависимости отъ Хазаровъ. По мнѣнію г. Юргевича [2]), этому именно народу городъ, основанный, по преданію, тремя хазарскими братьями, обязанъ настоящимъ своимъ названіемъ, тождественнымъ съ именемъ Κιοάβα или Κιόβα, которое онъ носитъ у Константина Багрянороднаго, равно какъ и съ различными варіантами сего имени у современныхъ императору арабскихъ географовъ. Впрочемъ, если принять во вниманіе, что мѣстности именуемыя: Kuje, Kujovice и т. п. [3]) встрѣчаются и въ такихъ славянскихъ странахъ, до которыхъ Хазары никогда не доходили, то является вопросъ: не скрывается-ли въ названіи Кіева какое-либо нарицательное имя, примѣненное къ нему Славянами ради мѣстныхъ его особенностей?

Во всякомъ случаѣ важность Кіева должна была еще возрости съ тѣхъ поръ, когда онъ сдѣлался центромъ новаго государства, основаннаго Варяго-Росами, и пунктомъ, съ котораго эти отважные моряки отправлялись, въ сообществѣ славянскихъ ихъ сподвижниковъ, для грабительскихъ поисковъ на моряхъ Черномъ и Каспійскомъ.

---

[1]) Изъ II тома Трудовъ 3 Археологическаго Съѣзда. Кіевъ, 1876 г.

[2]) Зап. Одесск. Общ. Ист. VI, 112.

[3]) См. Erben, Nestoruv letopis rusky, 294.

По Добровскому, приведенному Карамзинымъ (I, пр. 72), Кіевъ по сей именно причинѣ названъ былъ Самботомъ (сборнымъ мѣстомъ лодокъ), превратившимся въ устахъ Грековъ въ *Самватасъ* (Const. Porphyr: De adm. imper. ed. Bonn. p. 75: *τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς*). Карамзинъ напротивъ того слышитъ въ этомъ прозвищѣ отголосокъ славянскихъ словъ: сама мать, потому что «Кіевъ назывался въ древности *матерью* городовъ Русскихъ»; тогда какъ, по мнѣнію Parizot[4]), императоръ хотѣлъ только намъ передать славянскія же слова «за водою», потому что Кіевъ лежалъ «au delà du fleuve», «à l'ouest du Dnièpre». Въ свою очередь г. Гедеоновъ[5]) отождествляетъ Самватасъ съ именемъ венгерскаго города Сомбатъ, и съ нимъ соглашается г. Юргевичъ, а отчасти также и г. Куникъ[6]). Наконецъ г. Ламбинъ[7]), отдавая должную справедливость прозорливости Карамзина, отклоняется отъ него только въ томъ, что вмѣсто словъ «сама мать» предлагаетъ чтеніе: ся есть мать, между тѣмъ какъ г. Томсенъ[8]) рѣшается допустить что въ имени Самватасъ скрывается древне скандинавское Sandbakki (мель) или же Sandbakka áss (возвышенность мели).

Но такъ какъ императоръ не говоритъ, какому именно народу Кіевъ былъ обязанъ своимъ прозвищемъ, то могло статься, что оно происхожденія не славянскаго, не варяжского, не угорскаго, а армянскаго. Дѣйствительно, если взять во вниманіе, что еще въ 833 году императоръ Ѳеофилъ поручилъ одному изъ своихъ сановниковъ построить, въ слѣдствіе просьбы хазарскаго хакана, крѣпость Саркель на Дону; что вскорѣ потомъ владычество Хазаровъ простиралось за Днѣпръ до границъ Унгріевъ, т. е. до Венгріи и что дружескія ихъ сношенія съ Греками со временъ Ираклія рѣдко были прерываемы,

---

[4]) Not. et Extraits des manuscr. XVII, 2 p. 283.
[5]) Отрывки о Вар. вопросѣ, 107.
[6]) См. мою ст. въ Mém. de l'Ac. de S. P. VII S. X. N. 9 p. 3,
[7]) См. Ж. М. Н. Просв. Іюль, 1874.
[8]) Thomsen, Der Ursprung des Russischen Staates, Gotha, 1879, стр. 72.

то не слишкомъ покажется смѣлымъ предположеніе, что византійскій императоръ Левъ Армянинъ († 814) помогалъ имъ укрѣплять Кіевъ и что они, изъ благодарности укрѣпленіе это назвали именемъ его сына Самватеса или Симбатеса, съ армянскаго Сембатъ или Семпадъ. Имя это, бывшее часто въ употребленіи у членовъ фамиліи Багратидовъ [9]), свидѣтельствуетъ, что Левъ III былъ съ ней связанъ узами родства или дружбы, тѣмъ болѣе, что въ это время армянскія фамиліи вообще принадлежали къ знаменитѣйшимъ въ Константинополѣ (ib. 181).

Если догадка, здѣсь нами представленная, будетъ признана стоющей обсужденія, то я желалъ бы видѣть также армянское происхожденіе въ названіи крѣпости Кочказъ, развалины которой существовали во время Михаила Литвина при Крарійскомъ бродѣ, гдѣ, по императору Константину, Печенѣги и Херсонцы переправлялись чрезъ Днѣпръ, и который не однимъ только подобозвучіемъ напоминаетъ армянское слово «K'arercs, face de rocher» (Dulaurier, Bibl. arm. 383). По крайней мѣрѣ эта мѣстность, называемая Кучкозомъ и служившая переправою для Казаковъ и для Татаръ [10]), защищалась, по свидѣтельству очевидца Боплана, двумя неприступными скалами, столбами Геркулеса г. Подберезскаго (Зап. Одесск. Общ. т. VI). Рѣка, тутъ изливающаяся въ Днѣпръ, нынѣ еще называется Кичказъ, стало быть именемъ, въ которомъ отзывается имя армянскаго князя «Kiskasès» или Kotchazkaz (Muralt, Chronogr. byz 513), современника Константина Багрянороднаго, который самъ говоритъ, что онъ происхожденія армянскаго, что впрочемъ уже явствуетъ изъ имени Симбація или Семпада, одного изъ его родственниковъ (Le Beau l. c. XV, 479).

Послѣ всего сказаннаго позволительно будетъ спросить, не былъ ли лежащій подъ Кичказомъ прекрасный островъ Хор-

---

[9]) Le Beau, H. du Bas-Empire, 1832, XIII, 7.

[10]) См. Schottin, Tagebuch des Erich Lassota etc. 210.

тица или «св. Григорія» послѣднимъ именемъ (извѣстнымъ императору Константину) названъ по просвѣтителю Арменіи, который, по словамъ легенды, отправился въ Римъ, т. е. въ Константинополь, чрезъ Великую Татарію и Россію, въ южной части которой тогда уже господствовали Рейдготы или Грутунги (Остготы). Послѣдніе гораздо прежде ихъ сосѣдей, Тервинговъ (Вестготы), набѣгами на смежную съ Арменіею Каппадокію имѣли случай познакомиться съ христіанствомъ, которое поэтому, еще при жизни Григорія, легко могло имѣть послѣдователей въ главномъ ихъ городѣ *Danpstadir*, т. е. Днѣпровскій градъ, занимавшемъ вѣроятно то мѣсто, гдѣ затѣмъ былъ построенъ Кіевъ (см. Дорнъ, Каспій, 55). Впрочемъ къ острову Хортицѣ имя св. Григорія армянскаго могло быть примѣняемо самими Византійцами, не только по той важной роли, которую Армяне играли въ ихъ столицѣ, но по особенному уваженію которое къ нему тамъ питали. Иначе смертные его останки не удостоились бы чести быть похороненными въ Софіевской церкви, гдѣ ихъ видѣлъ своими глазами архіепископъ Новгородскій [11]), тогда какъ одинъ только просвѣтитель Арменіи могъ быть тотъ святой Григорій, коего тѣло «sano y entero» кастильскій посланникъ Клавихо засталъ въ 1403 г. въ Маріинской церкви «Peribolico», т. е. Перивлепты.

По крайней мѣрѣ, въ этой церкви не могло находиться тогда все тѣло св. Григорія Назіанскаго, прозваннаго Богословомъ, потому что тамъ можно было видѣть лишь его голову по свидѣтельству разныхъ русскихъ пилигримовъ, посѣтившихъ эту церковь прежде и послѣ Клавихо, а именно Стефанъ Новгородскій въ 1350 году, діаконъ Игнатій въ 1389, діакъ Александръ въ 1395 и іеродіаконъ Зосима въ 1420 году [12]), Если же первый изъ этихъ благочестивыхъ мужей и говоритъ что онъ въ этой же церкви видѣлъ еще руку того самаго святаго

---

[11]) Саввантовъ, Пут. Новг. архіеп. Антонія. С. П. 1872, стр. 81; ср. Exuviae sacrae const. etc. II, 223.

[12]) См. ст. архимандр. Леонида, въ Зап. Ист. Общ. въ Москвѣ 1871 стр. 20.

то онъ его смѣшалъ съ другимъ святымъ, тамъ также погребеннымъ по свидѣтельству Игнатія, который въ немъ видитъ лишь непоименованнаго мученика,—и Зосимы, у котораго онъ просто называется «священникомъ Григорьемъ Никомедійскимъ». Притомъ еще Стефанъ самъ себѣ противурѣчитъ, говоря что гробница святаго Григорія «Ѳеолога» находилась въ церкви св. Апостоловъ, гдѣ его мощи видѣлъ Игнатій равно какъ и архіепископъ Антоній, которому мы обязаны столь многими любопытными подробностями о Константинополѣ до взятія сего города крестоносцами. Но такъ какъ Клавихо говоритъ тутъ не о Григоріѣ Ѳеологѣ, но о томъ святомъ Григоріѣ, котораго имѣли въ виду Игнатій и Зосима, то мы имѣемъ право думать, что у него рѣчь идетъ о *Григоріѣ Великой Арменіи*, прозванномъ «Просвѣтитель», коего тѣло еще въ 1200 г. покоилось въ Софіевской церкви (Exuviae II, 223). Неудивительнымъ было бы поэтому, что Греки, послѣ отнятія у нихъ этой церкви латинскими завоевателями, перенесли тѣло святаго мужа въ церковь Богородицы, и быть можетъ по сей именно причинѣ «толстая» Армянка, фаворитка султана Ибрагима просила его, чтобы онъ заставилъ Грековъ эту именно церковь уступить ея соотечественникамъ, которымъ она и теперь принадлежитъ и въ народѣ извѣстна подъ названіемъ «Сулу-монастыръ» (Саввантовъ, 116). Если спутникъ архіепископа Пимена правъ, видя въ Григоріѣ Армянскомъ «святаго мученика», іеродіаконъ Зосима, посѣтившій царьградскія святыни въ сообществѣ туристовъ, мало свѣдущихъ въ церковной исторіи и плохихъ географовъ, могъ считать этого же святаго «простымъ» священникомъ Никомедійскимъ. Едва ли не ихъ чичероне смѣшалъ тутъ Цесарею съ Никомедіею, потому что оба города были подвѣдомственны греческимъ митрополитамъ, подчиненнымъ патріарху константинопольскому [13]). Извѣстно что въ Цесарею именно св. Григорій Армянскій былъ посвященъ въ епископы; но я не могъ допытаться когда его тѣло было перенесено въ

[13]) Mostras, Dict. géogr. de l'empire Ottoman, 9 и 147.

Константинополь. Въ 1157 году, тамъ находилась лишь его голова, если судить по списку константинопольскимъ мощамъ приписанному исландскому пилигриму Николаю Семундерсову [14]); по вѣроятно онъ въ этомъ случаѣ голову св. Григорія Назіанскаго принялъ за голову просвятителя Арменіи. Правда въ спискѣ также внесены волоса перваго, равно какъ и «os femoris S. Grigorii», которое хранилось тогда же въ церкви св. Апостоловъ и подобно волосамъ могло принадлежать къ мощамъ св. Григорія Назіанскаго, которыя можно было видѣть въ Константинополѣ еще ок. 1120 года [15]). Во всякомъ случаѣ окрестности Кіева входили въ составъ «Reidhgotaland», подъ которымъ въ скандинавскихъ сагахъ первоначально разумѣлась страна, обозначенная затѣмъ уже въ нихъ названіемъ Gardariéki (царство града, т. е. Hôlmgardr'a, Новгорода), замѣняемымъ наконецъ иногда названіемъ Kylfingaland, земля Кильфинговъ, явно тождественныхъ съ Келябами Арабовъ, съ Кульпингами Византійцовъ и съ нашими Колбягами, въ которыхъ, тому назадъ лѣтъ 25, датскій ученый Rafn подозрѣвалъ Финновъ (Ant Russes, II, 249), почему и снисходительный рецензентъ не долженъ былъ приписывать эту «остроумную» догадку автору «Очерковъ русск. истор географіи» [16]).

Впрочемъ эту догадку трудно будетъ согласовать не только съ свидѣтельствомъ Русской Правды о привилегіяхъ, которыми пользовались Колбяги на равнѣ съ Варягами, но также съ разными извѣстіями до первыхъ касающимися, которыя мы встрѣчаемъ въ скандинавскихъ источникахъ, а именно:

1) Что Кильфинги производили торговлю съ *Финнами* и посему самому едва-ли могли быть ихъ земляками (Ant. Russes, l. c.).

2) Что они въ рукописяхъ также называются: Kyblingar, Kylpingar, Kiplingar и Kyflingar: quae omnes formae, partim mutando, partim transponendo, idem valent (l. c. 248 n. 9).

---

[14]) Antiq. Russes, II, 416, привед. въ Exuviae etc. II, 213.

[15]) Will. Malmesbury, IV, 356, прив. въ Exuviae etc. II, 211.

[16]) Ж. М. Н. Просв. февр. 1875 г., стр. 456.

3) Что какой-то монахъ Іонъ, выдававшій себя за внука норвежскаго короля Гаральда Гилле († 1136), поднялъ знамя бунта противъ короля Сверрира около 1185 года, и нашелъ приверженцевъ *также* въ крайнемъ югѣ, — стало быть, если не въ Даніи, то въ южной Швеціи или Сканіи, которая тогда считалась частью первой. Приверженцы самозванца были названы Куфлунгами (Kufflungar), потому что онъ тогда только снялъ съ себя рясу, когда былъ провозглашенъ королемъ[17]).

4) Нѣсколько лѣтъ спустя, братъ Сверрира Эрихъ прибылъ въ Готландію съ богатою добычею, забранною имъ въ Эстландіи, куда затѣмъ возвратился, собравшись съ силами въ Швеціи и Даніи, чѣмъ и объясняется приписка въ относящейся къ XIV столѣтію рукописи Сверрировой саги: eodem autumno factio Kuflungorum in *Vica*[18]) instaurata est. (Ant. Russes, II, 78, n. 11).

Неудивительно было бы поэтому, если бы Кульфинги или Куфлунги составляли часть войска, съ которымъ побѣдоносный датскій король Вальдемаръ II присталъ въ 1218 году къ берегу Эстландіи, гдѣ немедленно затѣмъ Датчанами былъ заложенъ замокъ Ревельскій, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась разрушенная ими туземная крѣпость Линданиса или «грудь Линды», прославленной въ древнихъ сказаніяхъ супруги великана Калева, погребеннаго, по тѣмъ же сказаніямъ, подъ этой крѣпостью. Утвержденіе владычества Датчанъ надъ Эстландіею не могло нравиться Русскимъ, которые еще при Ярославѣ подчинили себѣ часть этой страны, куда при его преемникахъ все далѣе и далѣе проникали Новгородцы. Призванные на помощь Эстами, они уже въ четвертый годъ послѣ основанія Ревеля приступили къ этому городу, названному въ нашихъ лѣтописяхъ *Колывань*, т. е. именемъ, напоминающимъ намъ, не однимъ только созвучіемъ, національнаго героя Эстовъ

[17]) Dahlmann, Gesch. v. Dännemark, II, 161.

[18]) Извѣстно, что у древне-исландскихъ анналистовъ часть Эстляндіи называется Wikia.

Kalevi-poeg (сынъ Калева), явно тождественнаго съ однимъ изъ сыновей Калевы, которые въ финской поэмѣ Калевала (Родина Калевы) называются *Kalevan*-pojat.

Безъ сомнѣнія, Новгородцамъ, во время осады Колывани, дана была возможность познакомиться съ дружиною Куфлунговъ. Произнося по своему это названіе, они тѣмъ не менѣе могли считать нужнымъ дать ему право гражданства на своемъ языкѣ, для различенія «служилыхъ людей», приходившихъ къ нимъ изъ Даніи, отъ другихъ урожденцевъ этой страны, съ которой Россія съ давнихъ поръ была связана узами не только торговли, но и политическими, по случаю частыхъ браковъ между членами царствовавшихъ въ обѣихъ странахъ династій. Вотъ почему мнѣ кажется, вопреки мнѣнію Дальмана (l. c. I, 279), что мы едва-ли имѣемъ право считать рѣшительно вымышленнымъ переданное намъ авторомъ саги о сыновьяхъ Кнута извѣстіе, что датскій король Вальдемаръ I Великій, отецъ Вальдемара II, зять князя Минскаго Володаря Глѣбовича и внукъ Мстислава Владиміровича, родился (1131) и провелъ даже годы юношества своего въ Гардарики.

Титмаръ († 1018), который, подобно издателямъ Русской Правды, умѣлъ различать Датчанъ отъ Шведовъ и Финновъ, говоритъ, что первые, превратившіеся, съ легкой руки комментаторовъ епископа Мерзебургскаго, въ Грековъ и даже въ Евреевъ, въ его время преобладали въ числѣ жителей Кіева, которое тогда уже долженствовало быть значительно, если даже допустить, что подъ 400 церквами города имъ подразумѣвались и всѣ часовни.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя Кіевъ могъ уже состязаться съ Константинополемъ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, который называетъ его однимъ изъ главныхъ украшеній Греціи, сказавши предварительно, что онъ былъ главнымъ городомъ Острограда въ Руціи. Въ примѣчаніи къ другому мѣсту его труда (IV sched. 116), равно какъ и у Гелмольда (I, гл. 1) читается, что это названіе, въ которомъ нельзя не узнать древнѣйшее скандинавское названіе Россіи (Austrriki, восточное

царство), должно было означать, что Русь, лежа на востокѣ, изобиловала всякаго рода добромъ. Тогда какъ по Гелмольду это названіе дано было Россіи Датчанами, оно у Адама Бременскаго приписывается варварамъ, т. е. ихъ соотечественникамъ, еще не принявшимъ христіанства.

У обоихъ авторовъ мы еще встрѣчаемъ замѣтку, что Остроградъ также назывался Chunigard или Chungard, потому что первоначально тамъ обитали Гунны. Если я не ошибаюсь, то это извѣстіе ими также заимствовано у Варяго-Россовъ, которые подъ Гуннами легко могли разумѣть Хазаровъ, такъ какъ они ихъ застали въ Кіевѣ и его окрестностяхъ господствующими надъ туземцами славянскаго племени. Быть можетъ ихъ то именно имѣлъ въ виду исландскій аббатъ Николай († 1158), когда въ географическихъ своихъ замѣткахъ (Ant. Russes, II, 401) намъ передаетъ, что подлѣ европейской Скиѳіи (Svethia magna), гдѣ нѣкогда царствовалъ Магогъ, лежала «terra Kylvingorum quam vocamus regnum Gardarum, ubi fuit Madaius» (var. Magog). Къ тому еще мы узнаемъ изъ географическаго сочиненія Hauk'a Erlendson'a († 1332; см. ibid. 438), что главными городами Россіи (Ruscia quam nos Gardarikiam appellamus) были: Morami (Муромъ) Rostofa, Suzdali, Holmgardus, Syrnes (Черниговъ), Gadi (var. Gardi = Городецъ, въ Минск. губ.), Palteskjia (Полоцкъ), *Koenugardr*, ubi Magog, filius Japheti, filii Noachi, primus habitavit. Подобнымъ образомъ непоименованный авторъ рукописи относящейся къ первой половинѣ XIV вѣка (ibid. 447) первыми обитателями Гардарики считалъ потомковъ, не Мадая, но Магога, стало быть народъ, въ которомъ мы имѣемъ право подозрѣвать Бѣлыхъ Угровъ Нестора. Въ пользу сего мнѣнія можетъ еще послужить то обстоятельство, что вышеприведенный Гуннιградъ нѣмецкихъ авторовъ есть ни что иное какъ скандинавское *Кёнуградъ*, и что это имя означало не Восточное царство, но городъ, а именно Кіевъ, какъ явствуетъ, между прочимъ, изъ Эймундъ-саги, давно уже извѣстной русскимъ читателямъ (Библ. для Чт. 1834, т. I). Изложенное

здѣсь мнѣніе не нравится г. Томсену, который (стр. 84) слышитъ въ имени «Koenugardr» отголосокъ древне скандинавскаго слова «koena», родъ лодки? Но и онъ это имя относитъ не къ какой нибудь области, но къ одному только Кіеву.

Названіемъ этимъ я даже объяснилъ бы себѣ охотно, почему у нашихъ лѣтописцевъ жители Кыева называются Кыянами, если бы только можно было сослаться на свидѣтельство Ибнъ-Гаукала, по которому названіе Кіева гласило *Куяба*. Но въ этомъ случаѣ я не считаю себя въ правѣ отклониться отъ мнѣнія Френа, доказавшаго, что слово это слѣдуетъ читать Куіяба, и что поэтому арабскіе авторы X и XI столѣтій знали Кіевъ подъ тѣмъ же именемъ, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ Византійцамъ, равно какъ и славянскимъ и нѣмецкимъ анналистамъ.

Свидѣтельствуемое ими цвѣтущее состояніе сего города еще долго продолжалось, не смотря на частыя междоусобія при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава за великокняжескій престолъ и на участіе, которое, по ихъ же винѣ, въ этихъ распряхъ могли по очереди принимать смѣнявшіеся въ южнороссійскихъ степяхъ тюркскіе наѣздники: Берендичи (Барантачи?), Торки (Узы Византійцевъ, Гуззы Арабовъ, предки бессарабскихъ Гуцуловъ), Печенѣги и Половцы.

Даже послѣ разграбленія Кіева послѣдними въ 1204 году, онъ еще не лишился прежняго своего значенія, если судить по тому впечатлѣнію, которое онъ своимъ великолѣпіемъ произвелъ на внука Чингисхана, посланнаго для осмотра его кааномъ Угедаемъ въ 1239 году. Уже по возвращеніи Мönкэ въ Монголію, двоюродный его братъ Бату приступилъ къ Кіеву съ несмѣтною силою (1240) и «въ девять дней», какъ выражается Рашидъ-Эддинъ[19]), «взялъ большой Русскій городъ имя котораго *Манкерз-фаана*». «Это слово», говоритъ Березинъ,

---

[19]) См. ст. Березина, въ Ж. М. Н. Просв. ч. LXXXI, Отд. II, 105 съ слѣд.

«можно читать и Мангре-манъ», хотя онъ и допускаетъ, что въ немъ также отзывается тюркское «Макъ-керманъ», хвалимый городъ. Въ необходимости выбрать одно изъ этихъ противуположныхъ мнѣній, я предпочелъ бы послѣднее. Но я не понимаю, почему Березинъ, вмѣсто макъ-керманъ, не хочетъ читать ма*н*ъ-керманъ. «Большой» городъ Рашида этимъ именно названіемъ могъ быть обязанъ Тюркамъ, тогда какъ на ихъ именно языкѣ столица Готіи Ѳеодори была названа Мангупъ; находившаяся же въ древней ихъ родинѣ сильная крѣпость еще во время Ибнъ-Гаукала была извѣстна подъ названіемъ Ман-кишлакъ. Уже по сей причинѣ мы имѣли бы право думать, что Шерефъ-Эддинъ[20]) имѣлъ въ виду Кіевъ, когда говоритъ, что въ 1395 году полководцы Тимура преслѣдовали Тохтамыша до мѣстности при Днѣпрѣ, именуемой *Mankirmen*. При тягучести топографическихъ именъ, тюркское названіе Кіева могло быть еще въ употребленіи, хотя онъ тогда уже не представлялъ и тѣни прежняго его величія, почему и можно сказать утвердительно, что Контарини, говоря, что еще въ его время «Chio», т. е. Кіевъ, также назывался *Magroman*, хотѣлъ намъ передать татарское его названіе—Манкерманъ.

Но такъ какъ это названіе не могло быть выдумано Монголами, то ясно, что оно къ нимъ перешло отъ приведенныхъ тюркскихъ племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Каракалпаковъ, которымъ неоднократно представлялся случай дивиться величію Кіева и хозяйничать въ немъ по своему. Если же такъ, то уже не слишкомъ смѣлою покажется догадка, что тюркское названіе сего города скрывается въ слѣдующемъ отрывкѣ составленнаго архимандритомъ Ниломъ Доксопатріемъ въ 1143 году списка городамъ и землямъ, подчиненнымъ римскому первосвященнику: Possidebat itaque Romanus Europam universam ad confinia usque Mazorum et Gallorum, Hispaniae, Franciae et Illirici usque ad Gadira et columnas Herculeas, oceanum, que in occasum solis vergit, in

[20]) См. Кёппенъ, Крым. Сборникъ, 353 прим. 525.

quo sunt demortuæ aquae et paludosae et insula prope fines oceani hominibus abundans, et est Christianorum universa multitudo, usque ad Ravennam, Longobardos et Thessalonicam et Sclavos, Abaros et Scythas ad Danubium fluvium *ecclesiastica confinia extendit et Mancariam*[21]) т. е. до окрестностей Кіева, до которыхъ дѣйствительно простиралась духовная власть намѣстника св. Петра съ тѣхъ поръ, какъ католицизмъ утвердился въ Венгріи и Польшѣ.

Если же, не смотря на всѣ старанія папъ подчинить митрополію Россіи своей власти, даже послѣ присоединенія Кіева къ Литовскому в. княжеству, онѣ долго не были увѣнчаны успѣхомъ, то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что при равнодушіи, чтобы не сказать съ Григорьевымъ (О достовѣрн. ярл. etc. 55) при терпимости и уваженіи Золото-ордынскихъ хановъ ко всѣмъ религіямъ, латинской пропагандѣ было гораздо легче прежняго вкрадываться въ Кіевъ, въ особенности послѣ 1300 года, когда митрополитъ Максимъ, «не терпя татарскаго насилія» (сравн Григорьевъ, l. l. 57), выѣхалъ оттуда навсегда и со всѣмъ клиромъ переселился во Владиміръ. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, мнѣ показалось весьма вѣроятнымъ[22]), что Кіевъ упомянутъ подъ своимъ татарскимъ названіемъ въ слѣдующихъ двухъ ватиканскихъ граматахъ 1314 и 1340 года, приведенныхъ Кунстманомъ по Wadding'у[23]): Vicariatus Tartariae Aquilonaris habet loca 17: Cafa, ubi sunt duo loca; *Majeria*, ubi alia duo, Sardaya (1340: Sodaya) similiter Cata (Solcata); Baraton (Barasou, вѣроятно Karasou), Maurumcastrum (Аккерманъ), Vicena (по итальянскимъ картамъ между Силистріею и Киліею), Cimbalum, Tana, Saray, Ugalet (Ugelz, Укекъ?), Beler, S. Johannes. Item in regno Vieriae (Грузія) duo loca.

Хотя и теперь еще я не отрицаю, что въ имени Majeria

---

[21]) Parthey, Hieroclis Synecd. и проч. 270.

[22]) См. мою ст. во 2 томѣ Трудовъ перв. Археол. съѣзда въ Москвѣ.

[23]) См. Hist. Polit. Blätter, 1856, 2 p. 708.

можетъ быть, скрывается татарское названіе Кіева, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю окончательное рѣшеніе сего вопроса лицамъ, имѣющимъ предъ собою недоступный мнѣ трудъ Ваддинга (Annales minorum). Меня же именно поставила въ недоумѣніе замѣтка въ письмѣ г. Юля (отъ 13 іюня 1874 года), которую считаю нужнымъ привести здѣсь собственными его словами: «Some years ago I had to make out the list of Francescan monasteries given by Wadding. He gives the list twice; once under 1314, again under 1400, with differences: under 1400 he has Thana, Agitarchan, Sarai, Comuch (qu. Kumuk country south of the Caspian?), Tarchis (Terki at the mouth of the Terek: see De la Primaudaie, 269), Mamuni or Mauniti (?), Mager (Majar on the Kuma), Ugueth or Uguech (Ukek on the Volga), Ac-Sarai (?), Organae or Orgune (?)».

Тогда какъ послѣднія два имени мнѣ напоминаютъ города Новый Сарай и Ургендзъ, я въ загадочномъ Mamuni подозрѣваю искаженіе имени города Махмутабадъ. Что же касается слѣдующаго въ спискѣ имени Mager, то я вполнѣ раздѣляю мнѣніе знаменитаго комментатора Марко Поло, что оно не могло не означать городъ Маджаръ, гдѣ еще Ибнъ-Батута засталъ (ок. 1330 года) испанскаго Еврея, греческихъ монаховъ и татарскихъ дамъ, которыя не боялись показаться предъ арабскимъ Марко Поло съ непокрытымъ лицомъ.

Если же оказалось бы, что у Ваддинга въ одномъ и томъ же спискѣ католическихъ кустодій были упомянуты оба города, т. е. Mager и Majeria, то я уже не сомнѣвался бы, что въ послѣднемъ имени скрывается татарское названіе Контариніева Магромана.

VIII.

О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ[1]).

Въ строгомъ отзывѣ[2]) о рукописномъ трудѣ, представленномъ Бларамбергомъ на обсужденіе С.-Петербургской Академіи Наукъ, члены оной Кёлеръ и Грефе, допуская, что городъ Тиритаки, отстоявшій по безъименному автору Перипла Понта Евксинскаго въ 60 стадіяхъ отъ Пантикапеона, долженъ былъ совпадать съ городомъ Тиристаки Птолемея, считали себя въ правѣ присовокупить, что вопросъ о мѣстоположеніи сего города лишенъ всякаго интереса. Съ ними, безъ сомнѣнія, согласятся лица, не понимающія или не желающія понимать, что «чернорабочіе» на поприщѣ археологіи трудятся не понапрасну, отыскивая мѣстоположеніе города, хотя и слѣды его совершенно исчезли съ лица земли и, быть можетъ, даже не сохранились въ нѣдрахъ ея. Но со стороны знаменитаго академика подобное воззрѣніе меня тѣмъ болѣе удивляетъ, что самъ онъ многими трудами показалъ всю пользу подобнаго рода разслѣдованій для науки вообще и для древней топографіи Новороссійскаго края въ особенности, представляющаго, въ семъ отношеніи, еще такъ много спорныхъ и недостаточно рѣшенныхъ вопросовъ.

Такъ толкователи Геродота по нынѣ расходятся въ мнѣ-

---

[1]) Изъ XXIII т. Зап. Имп. Нов. Ун., но съ значительными измѣненіями.

[2]) См. русскій переводъ въ V-мъ томѣ Зап Одесск. Общ. Ист. и Древ., стр. 959.

ніяхъ касательно мѣстоположенія *Трахеи* (Τρηχέη sc. χερσόνησος), о которой онъ говоритъ при описаніи Таврики (IV, 99). Но такъ какъ онъ тутъ же прибавляетъ, что этотъ полуостровъ прилегалъ къ морю съ востока, то нельзя не согласиться съ Маннертомъ (l. c. IV, 294) что онъ подъ Трахеею разумѣлъ *Керченскій* полуостровъ, а не южный берегъ, какъ полагалъ Надеждинъ [3]) или же полуостровъ *Ираклійскій*, какъ старался доказать Кольстеръ [4]), напрасно ссылаясь на Страбона, у котораго Иракліискій полуостровъ называется Малымъ, въ противуположность Большому, т. е. всему Крыму. На Керченскомъ полуостровѣ, входившемъ еще до временъ Страбона въ составъ Воспорскаго царства, обитатели, уже при Геродотѣ, были не *Тавры*, но *Скиѳы*, такъ что онъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что первые населяли гористую страну, т. е. Южный берегъ—«до Трахеи». Если же онъ примѣнилъ это названіе къ Керченскому полуострову, гдѣ нѣтъ горъ, то это еще не даетъ намъ права обвинить его въ неточности, потому что «трахейскою» онъ могъ назвать страну не гористую, но скалистую, каменистую, неровную, какою именно Керченскій полуостровъ показался Палласу [5]) не менѣе тонкому наблюдателю и столь же добросовѣстному писателю, какъ древній классикъ.

Славный с.-петербургскій академикъ также совершенно правъ, когда подозрѣвалъ (ibid. 236, прим.), что въ этихъ мѣстахъ находился городъ *Киммериконъ*, при которомъ, по свидѣтельству Страбона [6]), начинались стѣна и ровъ, служившіе оплотомъ *полуострова*, который наши археологи отыскиваютъ, по недоумѣнію, на азіатской сторонѣ *Киммерійскаго пролива* [7]). Если же они не правы, то и городъ *Киммериконъ* явно со-

---

[3]) Зап Одесск. Общ. Ист. и Др. I, 88.

[4]) Jahrbücher d. Phil. etc. XII, 618.

[5]) Bemerkungen auf einer Reise in die südl. Statth. d. R. R. 1803, II, p. 237 и 240.

[6]) XI, 2 § 5; ср. V, 4 § 3, 5, 6.

[7]) См. Гёрцъ, Ист. обзоръ археол. изслѣд. и откр. на Таманск. полуостр. 1876.

впадалъ съ соименнымъ ему портовымъ городомъ, отстоявшимъ, по Безъименному, въ 460 стадіяхъ отъ Ѳеодосіи, занимавшей мѣсто нынѣшней. Поэтому всѣ изслѣдователи убѣждены въ томъ, что *Киммерійскій портъ* находился у подошвы горы Опукъ, съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкоторые, по примѣру Палласа, искали его слѣды на восточной сторонѣ, тогда какъ другіе, слѣдуя Бларамбергу, хотятъ его перемѣстить на западную сторону при соленомъ озерѣ Элькенъ. Подобно тому, какъ Плиній подъ названіемъ *Zephyrium* разумѣлъ этотъ портъ, «защищавшій моряковъ отъ западныхъ вѣтровъ», и переименованный на компасовыхъ картахъ въ *ciprico*, Константинъ Багрянородный имѣлъ въ виду эту же мѣстность, когда говоритъ, что владѣнія Херсонцевъ простирались до *Киверника*, отстоявшаго отъ города *Воспора* въ 40 миляхъ. Такъ какъ только 32 мили отдѣляли этотъ городъ отъ порта киммерійскаго, то должно думать, что сама гора Опукъ входила тогда въ составъ владѣній Воспорцевъ. Но если такъ, то мы имѣли бы право видѣть въ словѣ ciprico худое чтеніе названія этой горы. Касательно же рва, охранявшаго ихъ полуостровъ, то едва ли онъ не былъ тотъ самый, который, по разсказу Геродота, былъ выкопанъ дѣтьми рабовъ киммерійскихъ и который простирался отъ горъ таврическихъ до Меотиды. Какъ-бы то нибыло, нынѣ еще замѣтны остатки рва и насыпи, тянувшейся отъ подошвы горы Опукъ до Азовскаго моря. Вѣроятно, этотъ самый ровъ былъ укрѣпленъ царемъ Воспорскимъ Асандромъ башнями, по десяти на каждую стадію, какъ говоритъ Страбонъ; или же, если-бы позволено было дать подобный смыслъ его словамъ, по одной на каждыя десять стадій, т. 36, а не 3600.

Безъ сомнѣнія, Кёлеръ былъ правъ, когда упрекалъ Маннерта въ томъ, что онъ хотѣлъ помѣстить этотъ ровъ между Евпаторіею и устьемъ Салгира. Но въ свою очередь нашъ прославленный академикъ впалъ въ ошибку не меньшую, когда утверждаетъ, что этотъ ровъ долженъ былъ служить для укрѣпленія Арабатской стрѣлки. Во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ права сказать, что протяженіе рва (360 стадій) почти равня-

ется длинѣ той стрѣлки, «уступая ей только 38 верстами». Или же Кёлеръ не долженъ былъ говорить,—нѣсколько ниже, когда хотѣлъ доказать погрѣшность Маннерта—что сказанный ровъ, если бы имѣлъ направленіе, предполагаемое этимъ ученымъ, имѣлъ бы 560 стадій вмѣсто Страбоновыхъ 360. Ибо разность между этими двумя мѣрами еще не составляетъ 38 верстъ, къ которымъ Кёлеръ долженъ былъ еще прибавить три версты, если хотѣлъ показать, на сколько Арабатская стрѣлка дѣйствительно длиннѣе древняго рва. Не слѣдовало также проходить тутъ же молчаніемъ, что протяженіе стрѣлки (104 версты) довольно близко подходитъ къ 67 милямъ, которыя, по Плинію, имѣла коса, названная Птолемеемъ Zenonis Chersonesus, тогда какъ туземные Греки ее просто называли берегомъ, *Эіонъ*. Подъ этимъ берегомъ они, безъ сомнѣнія, разумѣли Арабатскую стрѣлку, какъ еще думалъ самъ Кёлеръ, по крайней мѣрѣ, позже [8]). Ибо берегъ этотъ заключался между *Коретомъ*, заливомъ Палуса, и *Бугесомъ*, извѣстнымъ уже Страбону подъ названіемъ *Гнилаго озера* (λίμνη σαπρά), тогда какъ Татары его называютъ «*Чувашъ*». По Спасскому (Зап. Од. Общ. II, 274), это слово отзывается въ русскомъ названіи озера Сивашъ, напоминающемъ, впрочемъ, по крайней мѣрѣ подобозвучіемъ, названіе mare de zabache, которымъ итальянскіе моряки означали Азовское море по причинѣ изобилія лещей (чабакъ), тогда какъ Половцы по подобной причинѣ его называли *Карбалыкъ*. Море это нѣкогда было въ связи съ озеромъ посредствомъ *Широкаго* устья, т. е. нынѣшняго пролива Геническаго, который впрочемъ не имѣетъ въ ширину болѣе версты, а названіе свое безъ сомнѣнія получилъ по турецкому названію самой стрѣлки *Дженичке*, которое могло быть въ употребленіи у туземцевъ еще во времена Птолемея.

На компасовыхъ картахъ коса эта называется zacalai или zuchala, вѣроятно съ италіянскаго zagaglia, дротикъ;

---

[8]) Mém. de l'Acad. Imp. de S. P. X. 657.

настоящее же имя свое получила по турецкой крѣпости *Ребатъ*, взятой Русскими въ 1771 году.

Къ югу отъ нея замѣтны слѣды рва, который будучи явно древнѣе крѣпости, простирался отъ моря до озера. Можетъ быть, этотъ ровъ, имѣющій не болѣе версты въ длину, существовалъ во время Асандра; но никогда этому царю не могло придти на мысль рытье подобнаго рода рва вдоль Арабатской стрѣлки. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось кстати поговорить здѣсь объ этомъ парадоксальномъ мнѣніи, чтобы показать, до какой степени можно увлечься, если, подъ вліяніемъ рѣзкаго тона Кёлера, вѣрить въ результаты его ученыхъ комбинацій топографическихъ, какъ это случилось съ извѣстными даже географами. Такъ, напр. Форбигеръ и даже осторожный Укертъ вѣроятно подчинились этому вліянію, когда полагали, что въ Крыму непремѣнно должна была находиться рѣка *Θапсисъ*, или скорѣе *Θатесъ*, при которой, по Діодору, находился *Царскій замокъ*, коего слѣды Кёлеръ отыскивалъ на вершинѣ горы Опукъ. Поелику же въ окрестности этой горы вовсе нѣтъ ни рѣки ни болота, чрезъ которыя надобно было добраться, чтобы дойти до замка, то ученый нашъ академикъ долженъ былъ не здѣсь искать мѣста, гдѣ погибъ старшій сынъ Перисада и Комосаріи. Авторъ знаменитаго разсужденія о памятникѣ, сооруженномъ этою царицею, болѣе всякаго другаго обязанъ былъ оставить поприще войны между Сатиромъ II и его братомъ тамъ, гдѣ его искали прежде и куда его перенесъ обратно Григорьевъ (Цари Воспора-Кимм. 18) съ Бёкомъ, т. е. на азіатской сторонѣ Керченскаго пролива. Ибо *Θатейцы*, которые явно обитали при Θатесѣ, отмѣчены на сказанномъ памятникѣ, въ числѣ «*азіатскихъ*» подданныхъ Перисада. Правда, въ своемъ переводѣ этой надписи, Кёлеръ позволилъ себѣ замѣнить этотъ народъ «многими другими народами», на томъ основаніи, будто бы рѣзщикъ ошибся, написавъ «καὶ Θατέων» — вмѣсто «καὶ θατέρων». Но когда изслѣдованія Кёлера привели его затѣмъ еще разъ къ берегамъ Θатеса, не слѣдовало ли ему сознаться, что древній художникъ былъ правъ? Не дол-

женъ ли былъ Кёлеръ пользоваться этимъ случаемъ, чтобы сознаться въ собственной своей ошибкѣ, вмѣсто того, чтобы упрекать Барбейрака и Веселинга въ томъ, что они смѣшали Ѳатесъ съ Псатисомъ Птолемея, у котораго это имя (какъ самъ замѣчаетъ Кёлеръ) сомнительно. Неумѣстнымъ было также нападать на Ортелія за то, что онъ полагалъ, что городъ *Гаргаза*, о которомъ говоритъ Діодоръ, былъ одинъ и тотъ же съ городомъ *Геруса*, который, по Птолемею, лежалъ близь Псатиса. Во всякомъ случаѣ, обстоятельство, что Сатиръ II палъ при осадѣ царскаго замка возлѣ Ѳатеса, не было достаточною причиною, чтобы подозрѣвать ошибку у тѣхъ авторовъ, отъ которыхъ узнаемъ, что подобная участь постигла Сатира I при осадѣ Ѳеодосіи. Посему самому позволительно спросить, не былъ ли воздвигнутъ *памятникъ Сатировъ*, о которомъ говоритъ Страбонъ, надъ гробомъ сына Перисада, который подобно сыну Левкона былъ другомъ Аѳинянъ и удостоился того, что они ему воздвигли статую, когда онъ еще былъ соправителемъ отца. Такъ какъ надгробный памятникъ того или другаго Сатира на родинѣ (который впрочемъ былъ ни что иное какъ большой курганъ) находился подлѣ города *Patraeus*, отстоявшаго въ 130 стадіяхъ отъ *Корокондамы* и въ 90 отъ *Ахиллеона* на азіатской сторонѣ пролива, то ясно, что курганъ этотъ былъ насыпанъ въ сѣверо-западной части Таманскаго полуострова, къ югу отъ селенія Фонтанъ или Чокракъ-кай, напоминающаго намъ, не однимъ только созвучіемъ, городъ *Джакракъ*, лежавшій, по Абульфедѣ, при юго-восточномъ углѣ Азовскаго моря. По примѣру Палласа, Дюбуа не сомнѣвался въ тождествѣ насыпной могилы царя Воспорскаго съ т. н. Горѣлою горою или Куку-оба, знаменитой по изверженію (1794) подробно описанному первымъ. Нельзя однако не согласиться съ мнѣніемъ гг. Лазаревскаго и Тизенгаузена[9]), что памятникъ Сатира скорѣй былъ насыпанъ при т. н. каменной баттареѣ въ трехъ верстахъ болѣе къ западу, тѣмъ

[9]) См. Гёрцъ, Археол. топогр. Таманск. полуостр. 108, 109,

болѣе что находка разныхъ древностей позволяетъ намъ съ ними именно сюда пріурочить городъ или слободу Патреусъ, о которомъ говоритъ одинъ только Страбонъ, если не согласятся со мною, что Аммiанъ Марцеллинъ (XXII, 8) имѣлъ въ виду эту мѣстность, когда говоритъ, что Меотида изливаетъ свои воды въ Понтъ «per Patares angustias». Если же въ его время Керченскій проливъ былъ еще извѣстенъ подъ этимъ названіемъ, то оно отзывается также въ имени города *Бутеръ* или *Бутра*, лежащаго, по Эдриси, при оконечности сего пролива, на европейской его сторонѣ, такъ какъ онъ былъ отдѣленъ разстояніемъ 20 миль отъ *Русскаго города*, отстоявшаго въ 27 миляхъ отъ *Матрахи*, на азіатской сторонѣ пролива Это протяженіе семью только верстами превышаетъ *прямое* разстояніе «отъ Тмуторокани до Кърчева», отмѣченное на извѣстномъ памятникѣ, найденномъ въ Тамани, гдѣ явно находилась Эдрисіева Матраха (Гёрцъ, l. l. 50). Изъ сказаннаго явствуетъ, что городъ, названный имъ русскимъ, совпадалъ съ Керчью, занимающей, какъ всѣмъ извѣстно, какъ разъ мѣсто милезійской колоніи *Пантикапеонъ*, столицы Воспорскаго царства, по которому и самъ городъ былъ названъ *Воспоръ*. Нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ различаютъ эти города, напр. Евтропій (VII, 9), когда говоритъ, что Августъ покорилъ «omnes Ponti maritimas civitates, in his nobilissimas Bosporum et Panticapaeon». Можетъ быть это разногласіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ тутъ было два города въ близкомъ одинъ отъ другаго разстоянія, и что они въ теченіе времени слились въ одинъ и тотъ же городъ, который затѣмъ носилъ уже оба названія. Если такъ, то древнѣйшій Воспоръ находился вѣроятно къ югу отъ Керчи, при самомъ узскомъ мѣстѣ пролива, т. е. противъ т. н. южной косы, ок. мыса *Акбурунъ* или *Павловской баттареи*, гдѣ недавно были найдены золотыя и другія вещи временъ Александра Македонскаго. Слишкомъ смѣло было бы считать опорою изложенной здѣсь гипотезы, что на морскихъ картахъ XIV и XV столѣтій мы встрѣчаемъ непосредственно послѣ имени *aspromiti* (Акбу-

рунъ) приписку *vospro*, а затѣмъ уже *pondico* и на одной изъ нихъ (1351 г.) даже *pondicopera*. Скорѣй можно предположить, что итальянскіе моряки подъ названіемъ vospro разумѣли Керчь (хотя городъ имъ былъ извѣстенъ и подъ послѣднимъ именемъ, превращеннымъ ими въ *Cerch*), и что они къ развалинамъ *Мирмикіона*, гдѣ теперь еще красуется т. н. Царскій курганъ, примѣнили названіе Пантикапеона, касательно мѣстоположенія котораго даже Палласъ не имѣлъ точнаго понятія. Честь окончательнаго рѣшенія сего вопроса принадлежитъ скромному труженику Дюбрюксу, который въ двадцатыхъ годахъ съ неимовѣрнымъ усердіемъ занимался раскопками въ нашей Помпеѣ и другихъ пунктахъ берега, и тѣмъ способствовалъ болѣе успѣхамъ древней топографіи сего края, чѣмъ современные ему ученые своими остроумными комбинаціями. Между прочимъ мы ему обязаны открытіемъ развалинъ по обѣимъ сторонамъ горы Опукъ и при мысѣ Такли или Такилъ-бурунъ, при которомъ находился древній городъ *Акра*, отстоявшій, по Безъименному, въ 90 стадіяхъ отъ порта Киммерійскаго. Поэтому городъ *Cytae*, лежавшій, по тому же автору, въ 60 стадіяхъ отъ порта и въ 30 отъ Акры, долженъ былъ находиться при мысѣ Ягниче-Такилъ. По крайней мѣрѣ таково какъ разъ разстояніе сего мыса съ одной стороны отъ Такилъ-буруна, съ другой—отъ горы Опукъ. Напрасно Бларамбергъ, по примѣру Дюбрюкса, вздумалъ перемѣстить Киты къ развалинамъ, открытымъ на восточной сторонѣ горы Опукъ и описаннымъ послѣднимъ[10]), если-бы даже портъ Киммерійскій находился на западной его сторонѣ при озерѣ Элькенъ. Ибо невѣроятно, чтобы Безъименный до такой степени могъ ошибиться въ своихъ измѣреніяхъ, что удвоилъ бы разстояніе между Акрою и Китами и полагалъ бы, что послѣдній городъ отстоялъ отъ Киммерикона на половину только взаимнаго ихъ разстоянія. При томъ не объяснялось-бы, какимъ-же образомъ онъ могъ ставить начало Воспора у Китъ, хотя нельзя не согласиться, что Стра-

[10]) См. посмертную его статью въ IV томѣ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.

боп, въ большемъ еще согласіи съ дѣйствительностью, вмѣсто Китъ, при началѣ Воспора, ставить Акру, если допустить, что городъ этотъ могъ только находиться на мысѣ Такилъ. Подтвержденіемъ сего мнѣнія служитъ еще то обстоятельство, что, по Страбону же, разстояніе между Акрою и Корокондаме составляло 70 стадій и что это протяженіе равняется ширинѣ пролива между азіатскимъ берегомъ и мысомъ Такилъ. Наконецъ разстояніе 65 стадій, отдѣляющее Акру отъ приморскаго города *Нимфеона* соотвѣтствуетъ протяженію берега между Такилъ-буруномъ и Кара-буруномъ при южной оконечности озера Чурубашъ, гдѣ были найдены древнія монеты и пр. и находятся развалины, которыя Дюбуа, Ашикъ и Нейманъ относятъ къ Нимфеону.

Мнѣніе это нельзя не признать основательнымъ, тѣмъ болѣе, что разстояніе между Керчью и Кара-буруномъ равняется тому, которое Безъименный полагалъ между Нимфеономъ и Пантикапеономъ, т. е. 85 стадіямъ, а не 25, какъ читается въ прежнихъ изданіяхъ его Перипла, гдѣ пропущено промежуточное разстояніе 60 стадій между *Пантикапеономъ* и *Тиритаки*. Вотъ почему Палласъ, Бларамбергъ и Кёлеръ, подобно Дюбрюксу и Тетбу, искали Нимфеонъ около Ак-буруна, не подозрѣвая приведеннаго пропуска въ измѣреніяхъ Безъименнаго и не обращая вниманіе на то обстоятельство, что этотъ авторъ явно-бы себѣ противурѣчилъ, если-бы сказалъ, что городъ, который находился въ 13 верстахъ отъ Такилъ-буруна, тѣмъ не менѣе могъ лежать въ 5 только верстахъ отъ Керчи. За то Бларамбергъ, вопреки Кёлеру, не ошибся въ своемъ предположеніи, что найденныя имъ, или скорѣй Дюбрюксомъ, развалины при верхней части озера Чурубашъ, относятся къ приведенному выше городу Тиритаки, такъ какъ 60 стадій, отдѣлявшія этотъ городъ отъ Пантикапеона, ведутъ насъ, хотя и не до Митридатовой горы, но до Павловской баттареи, до которой какъ выше было замѣчено, въ V или VI столѣтіи, т. е. во время составленія Перипла, могло доходить предмѣстіе Воспора или Пантикапеона.

Неоднократно было также высказано мнѣніе, напр. Хвольсономъ [11]), что городъ этотъ былъ еще прежде извѣстенъ Евреямъ подъ названіемъ *Сафарадъ* или *Сефарадъ* и въ пользу сего мнѣнія, казалось, служитъ замѣтка св. Іеронима (къ Обадію 20), что плѣнные Евреи были сосланы императоромъ Адріаномъ на Воспоръ.

Но подъ названіемъ Сафарадъ министръ Абдеррахмана, въ извѣстномъ письмѣ къ хазарскому царю, разумѣлъ свою родину въ южной Испаніи, древней Гесперіи, куда плѣнные Евреи могли быть сосланы римскимъ императоромъ, скорѣй чѣмъ въ столицу воспорскаго царства, гдѣ ему, еще въ 134 году, была воздвигнута мраморная статуя; или же чѣмъ на *ѳракійскій Воспоръ* или *Фосфоръ*, какъ, по багрянородному императору (De Themat. II, 64), это названіе гласило въ устахъ туземцевъ, хотя оно удобнѣе примѣнилось бы къ Закавказскому краю, который у Армянъ просто назывался Востокомъ (J. Asiat. S. V. t. XI, 449).

По мнѣнію Касселя [12]), у Іеронима также стояло, вѣроятно, *Phosphorus*; однако уже не въ этомъ смыслѣ, но вмѣсто *Hesperus*, «такъ какъ оба эти имена означаютъ одну и ту же звѣзду». Но подъ названіемъ этой звѣзды св. отецъ, въ настоящемъ случаѣ, скорѣй чѣмъ *Западную* Иберію, могъ разумѣть *Восточную*, тѣмъ болѣе, что Сафарадъ, куда, по еврейскому тексту, Іудеи были переселены Навуходоносоромъ, по остроумной замѣткѣ Vivien de S. Martin'a [13]), совпадалъ съ землею *Саспировъ* Геродота, вѣроятно тождественною съ областью *çprad* или Спарда (Ханыковъ, Иранъ, 160), упомянутой въ клинообразной надписи персеполійской непосредственно за именемъ *Kpdиc* или Каппадокіи, и напоминающей намъ пограничную Грузіи армянскую область *Сперь*, съ соименнымъ ей городомъ, или *Испиръ*.

---

[11]) Achtzehn hebr. Grabschriften etc. 54.

[12]) Der Chazarische Königsbrief etc. 1876, p. 38.

[13]) Mém. s. l. géogr. du Caucase, 47.

Въ этихъ мѣстахъ и вообще въ западной части Грузіи, Гуріи и Имеретіи нынѣ еще большая часть населенія состоитъ изъ Евреевъ, потомковъ съ давнихъ поръ сюда явившихся переселенцевъ [14]). Здѣсь, поэтому, а не въ городѣ Воспорѣ, Броссе (ibid. 327) долженъ былъ искать городъ «Veriospor», гдѣ скончался апостолъ Симеонъ.

Легко могло статься, что учитель св. Іеронима, по недоумѣнію, смѣшалъ вавилонское плѣненіе его единовѣрцевъ съ подобнымъ несчастіемъ ихъ постигшимъ при преемникѣ Траяна, и то въ такихъ размѣрахъ, что въ Палестинѣ можно было покупать по четыре Еврея за одинъ модій ячменя [15]).

Понятно, что еще во времена св. Іеронима Евреи должны были помнить, какимъ уничиженіямъ и бѣдствіямъ подверглись тогда ихъ единовѣрцы, и можно допустить, что послѣдніе, въ большемъ или меньшемъ числѣ, бѣжали или были доставляемы императоромъ въ столицу воспорскаго его друга; но никогда Евреямъ, столь же мало какъ св. Іерониму, не могло придти на мысль примѣнить къ Воспору названіе Сефарадъ, которое въ этомъ смыслѣ встрѣчается только въ припискахъ на еврейскихъ рукописяхъ изъ коллекціи Фирковича, куда, въ чемъ теперь гебраисты убѣждены, было внесено, если не имъ самимъ, то не безъ его вѣдома, много подобныхъ личныхъ и географическихъ именъ.

Къ нимъ принадлежитъ, между прочимъ, какъ доказываетъ Кассель (р. 21), имя *Тетракситовъ* «обнаруживающее всю наглость и ложную ученость фальсификатора». Г. Кассель, вѣроятно, также не ошибается, полагая, что Прокопій подъ своими Тетракситами разумѣлъ именно тѣхъ Готовъ, которые управлялись Тетрархами (у Ульфилы: Taitrarkes), чѣмъ и объясняется, почему они, по тому же автору, отправляли къ императору Юстиніану *четырехъ* посланниковъ съ просьбою послать имъ епископа. Они тогда уже не обитали болѣе въ Крыму, но на восточномъ берегу Чернаго моря въ окрестностяхъ Анапы

---

[14]) Brosset, Deux histor. armén., 222.

[15]) Raumer, Palaestina, IV изд. 399.

Если же я здѣсь ихъ припоминаю, то это дѣлаю потому, что они туда переселились изъ окрестностей Пантикапеона, гдѣ еще во время Никейскаго собора была резиденція *готскаго* епископа. Поэтому Крымскіе Готы, принявши христіанство, могли уже тогда къ свѣтскимъ своимъ начальникамъ примѣнить титулъ палестинскихъ для различенія ихъ отъ предводителей языческихъ ихъ соотечественниковъ.

Подобно имени Тетракситовъ, извѣстіе, переданное намъ авторомъ приписки, о намѣреніи ихъ искоренить керченскихъ Евреевъ, грубая новѣйшая вставка, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что гораздо раньше появленія Готовъ въ Крыму, въ Пантикапеонѣ находилась Іудейская синагога. Можно допустить, что новые пришельцы враждебно относились къ членамъ оной при духѣ нетерпимости, тогда господствовавшей въ христіанскомъ мірѣ и при свойственномъ новообращеннымъ религіозномъ фанатизмѣ. При всемъ томъ должно думать, что, подобно тому какъ въ другихъ городахъ Воспорскаго царства, еврейская община удержалась въ его столицѣ и продолжала существовать послѣ возстановленія надъ ней непосредственной власти Византійской имперіи.

Стеклянная древнехристіанская патера или блюдце, найденное недавно въ Керчи на Митридатовой горѣ, какъ единственный остатокъ первой вскрытой христіанской катакомбы, но къ сожалѣнію разоренной грабителями, содержитъ въ себѣ изображеніе такого сочетанія символовъ [16]), которое свидѣтельствуетъ, что еще въ VII столѣтіи древняя іудейская община существовала въ Керчи.

По крайней мѣрѣ, символическое изображеніе Моисея съ двумя крижалами позволяетъ думать, что эта патера относилась къ христіанину крестившемуся изъ Евреевъ, между тѣмъ

---

[16]) Блюдце это нашелъ въ прахѣ, выброшенномъ грабителями, Е. Е. Люценко и передалъ въ распоряженіе г. Кондакову, который описалъ это блюдце въ небольшой, но весьма любопытной статьѣ (Древнехрист. патера изъ Керченскихъ катакомбъ, въ XI т. Зап. Од. Общ.), доказывая, что эта патера относилась къ сосудамъ «Крещальнымъ».

какъ еще не доказано (см. Гаркави, Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan, 91), что Хазары были тогда уже ихъ единовѣрцами. Зато не подлежитъ сомнѣнію, что городъ имъ тогда уже принадлежалъ, такъ какъ ихъ хаканъ, въ Житіи св. Стефана Сурожскаго, титулуется Корчемскимъ царемъ (Кёппенъ, Кр. Сборн., 129). Что вскорѣ спустя христіанство, если и не господствовало, то по крайней мѣрѣ имѣло много приверженцевъ въ Керчи, я охотно заключилъ бы изъ прочитанной г. секретаремъ въ 1840 г., теперь вицепрезидентомъ Одесск. Общ. Ист. и Др., греческой надписи 6260 г. (т. е. 752 г.) внутри церкви св. Іоанна Предтечи, по нынѣ сохранившейся. Тѣмъ не менѣе г. Мурзакевичъ «судя по наружному виду и внутреннему расположенію» постройку самой церкви относитъ къ X вѣку (Зап. Од. Общ. I, 625). Съ своей стороны г. Дюбуа, бывшій въ Керчи еще прежде 1840 года, и оставившій намъ подробное описаніе этой церкви [17]), по характеру архитектуры заключаетъ, что она гораздо древнѣе и могла быть построена ок. половины VIII столѣтія. Но если онъ правъ, то я спросилъ бы, не могъ ли св. Іоаннъ Готскій или прежде, или позже его заточенія въ Фуллахъ, побывать нѣкоторое время въ Керчи. Изъ житія его мы усматриваемъ, что онъ нѣсколько лѣтъ до бѣгства его въ Амастриду находился въ торжищѣ Курасантахъ и покоился въ церкви, внутри которой было весьма много гробницъ [18]).

Правда, Тунманъ [19]), приведенный Кёппеномъ, не сомнѣвается въ тождествѣ этого «торжища» съ замкомъ Гурзубитовъ, построеннымъ Юстиніаномъ, коего развалины по нынѣ сохранились, подобно имени, въ нынѣшнемъ Урзуфѣ или Гурсуфѣ, который впрочемъ никогда не былъ «торжищемъ» и гдѣ не замѣтны слѣды не только многихъ гробницъ, но и храма.

Поэтому вѣроятно г. Васильевскій, приводя мнѣніе Тун-

[17]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, I, 405 и V, 113.

[18]) Васильевскій Житіе Іоанна Готскаго, въ Ж. М. Н. Пр. іюнь, 1877 года, стр. 128.

[19]) См. Büsching, Erdbeschreibung, I, 12, 21.

мана, считалъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей и на монастырь Киризу (τῆς Κυρίζου), который находился въ Крымской Хазаріи и упоминается въ патріаршихъ грамотахъ конца XIV вѣка[20]) безъ опредѣленія мѣста, гдѣ находился этотъ монастырь, въ названіи котораго слышится какъ бы греческая форма имени Корчевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Хазары стали твердою ногою по обѣимъ сторонамъ пролива, положеніе керченскихъ Евреевъ сдѣлалось, безъ сомнѣнія, болѣе выгоднымъ противъ прежняго, особенно послѣ принятія Хазарами ихъ ученія и прибытія къ нимъ ихъ единовѣрцевъ, преслѣдуемыхъ Арабами и Греками.

Въ свою очередь Хазары умѣли цѣнить важность этой мѣстности въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. По Масуди[21]), они тамъ имѣли военный постъ для удержанія Русскихъ и Гуззовъ (Узовъ Византійцевъ, Торковъ нашихъ лѣтописей) отъ нападеній на ихъ владѣнія какъ съ морской, такъ и съ сухопутной стороны.

Почти такимъ же образомъ отзывается объ этой мѣстности Хазарскій царь въ извѣстномъ своемъ письмѣ, если только со мною согласятся, что г. Кассель (р. 35) не совершенно точно заставляетъ его сказать «*ich wohne* an den Mündungen des Stroms», и если положить, что царь здѣсь не говоритъ о Волгѣ, но о Донѣ, который арабскими его современниками былъ почитаемъ западнымъ рукавомъ Итиля. Если бы царь подъ нимъ въ этомъ мѣстѣ разумѣлъ Волгу, то не повторилъ бы, *нѣсколько строкъ ниже*, что резиденція его находилась на «Итилѣ».

Въ этихъ же мѣстахъ долженъ былъ лежать неразгаданный *Самкушъ Евреевъ*[22]), посѣщаемый славянскими купцами на обратномъ пути ихъ изъ *Румскаго* (Чернаго) моря къ *славянскому* (Азовскому).

---

[20]) Acta Patriarchat. Constant. II, 249, 258.

[21]) Франц. перев. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, II, 19.

[22]) Хвольсонъ, Извѣстія о Хазарахъ и пр. Ибнъ-Даста, 159, ср. Гаркави, Сказанія мусульм. писат. о Славянахъ и пр. 251

По весьма правдоподобному мнѣнію г. Блау, обязательно мнѣ сообщенному съ доводами его, Самкушъ ничто иное какъ ошибочное чтеніе полу-турецкаго, пулу-еврейскаго названія мѣстности *Шерэ-эль-бакасэ*, откуда, по Абульфедѣ, товары вывозились во всѣ стороны свѣта и которое значило бы «врата устья», если бы только позволено было вмѣсто ничего не значущаго бакасъ читать бугасъ, которое, какъ выше было замѣчено еще во времена Плинія было въ употребленіи въ южной Россіи для означенія устья, равно какъ и, par amplification, залива или озера соединеннаго имъ съ моремъ, а именно — Сиваша или рѣки *Буу* Константина, у котораго нашъ Гипанисъ названъ Кубу и также Куфисъ.

Что императоръ подъ своимъ Куфисомъ разумѣлъ не Кубань, какъ я прежде полагалъ (I, 145), но Бугъ, явствуетъ изъ того, что на пути отъ Дуная въ Саркелъ не было надобности перебираться чрезъ Кубань; тогда какъ путь этотъ велъ сначала чрезъ Бугъ, а затѣмъ Сивашомъ, послѣ предварительнаго переѣзда изъ *Некропилэ* или Каркинитскаго залива въ той же мѣстности «ubi veteres mare traiicebant ducta fossa per mediam Chersonem, regiones (χλίματα) et Bospori terram». Ясно, что императоръ тутъ говоритъ о рвѣ или каналѣ, который во времена Страбона и Плинія еще существовалъ на Перекопскомъ перешейкѣ, извѣстномъ и теперь еще Туркамъ и Татарамъ, которые самую крѣпость называютъ *Орэ-капу* «вратами рва», подъ названіемъ *Орэ-бугасэ* «устье рва».

Во время императора однако путь этотъ болѣе не былъ доступенъ судамъ, превратившись съ теченіемъ времени въ густой лѣсъ съ двумя только проходами, по которымъ Печенѣги отправлялись въ Херсонъ, Воспоръ и вышеупомянутые *климаты*, на которые, какъ императоръ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (l. l. c. 1), Печенѣги могли дѣлать нападенія.

Климаты эти, подъ которыми онъ разумѣлъ горную часть Тавриды, не имѣютъ ничего общаго, кромѣ названія, съ «девятью» хазарскими, о которыхъ говоритъ ниже (c. 10), замѣ-

чая, что климаты эти были настоящею житницею царства и могли быть легко опустошаемы *Аланами.*

Если я не ошибаюсь, то въ этихъ именно климатахъ обитали тѣ «девять» могущественныхъ племенъ, подвластныхъ хазарскому царю, о которыхъ послѣдній говоритъ въ приведенномъ его письмѣ. Но въ этомъ случаѣ онъ подъ Итилемъ, т. е. рѣкою, при которой находились ихъ жилища, уже не могъ разумѣть Донъ или Волгу, но только Кубань, которую Ѳеофанъ дѣйствительно такъ называетъ, поелику, по его словамъ, еврейскій городъ Фанагорія лежалъ на Итилѣ.

Что жилища этихъ 9 племенъ не могли находиться на Волгѣ, какъ полагаетъ г. Гаркави на основаніи найденной имъ апокрифической рецензіи письма царя Іосифа[23]), слѣдуетъ изъ словъ Масуди (l. l. 14), что на этой рѣкѣ обитали между Хазарами и Болгарами одни только зависящіе отъ первыхъ *Бартасъ*, т. е. Буртасы. Замѣчу кстати, что, по Масуди же, (p. 11) въ столицѣ Хазаріи находилось постоянно *семь* судей, тогда какъ ихъ число, по Ибнъ-Фоцлану и аль-Истахри[24]) равнялось какъ разъ числу смежныхъ съ Аланіею хазарскихъ климатовъ.

Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ, въ ихъ текстъ вкралась ошибка по той причинѣ, что въ арабскомъ шрифтѣ числа «семь» и «девять» различаются лишь мѣстомъ діакритической точки подъ ними поставленной. По той же причинѣ, Масуди въ свою очередь наоборотъ ошибочно вмѣсто «девять» пишетъ «семь» въ другомъ мѣстѣ, гдѣ его показаніе расходится съ свидѣтельствомъ византійскаго императора и хазарскаго царя[25]). Въ тѣхъ же мѣстахъ по крайней мѣрѣ, гдѣ находились

---

[23]) Ein Briefwechsel zwischen Cordowa und Astrachan, въ Russ. Revue VI.

[24]) Defrémery, Fragments de géogr. et d'hist arabes etc. 19.

[25]) Вмѣсто непоименованныхъ имъ 9 племенъ, въ приведенной только что копіи его письма, которую г. Гаркави, по разнымъ признакамъ относитъ къ XI столѣтію (p. 91), исчислены только восемь, по его мнѣнію, вѣроятно по той причинѣ, что другой копистъ причислилъ къ нимъ недостающее у него

9 климатовъ перваго и гдѣ обитали 9 племенъ послѣдняго, мы должны искать страны *Es-seba-Boldan* (Maçoudi, l. l. II, 47) или «семи *областей*», лежащихъ при морѣ въ сосѣдствѣ земли *Казаковъ* и въ которой обиталъ народъ, извѣстный арабскому автору только тѣмъ, что заставлялъ себя уважать и что владѣнія его были весьма обширны.

ичи рѣки *Итиль*. Вотъ имена этихъ племенъ: Буртасъ, Булгаръ, Суваръ Аризу, Цармисъ, Венентитъ, Северъ (или Саваръ), Славіумъ.

Безъ сомнѣнія всѣ эти народы, еще менѣе чѣмъ на Волгѣ, могли обитать на Кубани. Но это именно обстоятельство есть одна изъ причинъ, заставляющихъ меня подозрѣвать въ авторѣ копіи гораздо новѣйшаго фальсификатора, прочія продѣлки котораго г. Гаркави успѣлъ раскрыть въ высшей степени интересномъ трудѣ недавно вышедшемъ (Altjüdische Denkmäler aus der Krim etc.). Въ извиненіе за то, что я осмѣливаюсь съ нимъ не согласиться относительно важнаго значенія копіи царскаго письма имъ открытой между бумагами покойнаго Фирковича, я считаю нужнымъ здѣсь присовокупить, что, подобно восьми именамъ, замѣняющимъ девять непоименованныхъ царемъ народовъ, меня между прочимъ еще поразило: 1) что вмѣсто 15 могущественныхъ, но царемъ также непоименованныхъ племенъ, обитавшихъ въ горахъ на южной границѣ его владѣнія, въ Чуфутской копіи его письма намъ представляются (р. 87) столько же топографическихъ именъ, отъ объясненія которыхъ самъ г. Гаркави (р. 96), при всей эрудиціи своей и дарѣ комбинацій, принужденъ былъ отказаться. Во всякомъ случаѣ ни одно изъ этихъ именъ, если бы дѣйствительно было въ употребленіи въ X или XI столѣтіи не могло означать какую бы то ни было мѣстность въ Закавказьѣ потому что владѣнія Хазаровъ тогда съ южной стороны не доходили далѣе Дербендской стѣны; 2) что вмѣсто 13 опять непоименованныхъ могущественныхъ племенъ, обитавшихъ, по словамъ царя (ср. Cassel, l. l., 35) на западъ отъ его владѣній и которыя мнѣ все еще напоминаютъ 13 колѣнъ Печенѣговъ (Cedrenus, II, 581), въ копіи мы встрѣчаемъ in bunter Reihe столько-же именъ городовъ и селъ, въ особенности Крымскихъ, явно почерпнутыхъ авторомъ копіи изъ мутныхъ источниковъ и обличающихъ поверхностное его знакомство съ исторической географіею сего края.

Такъ какъ къ числу этихъ именъ принадлежитъ *Kerz*, т. е. Керчь, между тѣмъ какъ въ спискѣ не достаетъ имени «Матарха», то г. Гаркави и теперь еще (Altjüd. Denkm. 59 и 158) считаетъ себя въ правѣ заключить, что городъ этотъ могъ быть завоеванъ Русскими *до* временъ Святослава. Но если имѣть въ виду, что въ Оксфордской рукописи письма, равно какъ и въ печатныхъ текстахъ его, царь вовсе не именуетъ подвластные ему города, не исключая столичныхъ, и что имена послѣднихъ даже въ копіи не упомянуты, то г. Гаркави поступилъ бы, кажется, осторожнѣе, если бы по именамъ, *не* пропущеннымъ, *но* прибавленнымъ въ послѣдней, пришелъ къ тому заключенію, что ее слѣдуетъ отнести не къ XI столѣтію, но къ эпохѣ соста-

Если Масуди тутъ дѣйствительно говоритъ о 7 областяхъ, то нельзя не признать справедливымъ мнѣніе г. Куника, что авторъ «Золотыхъ луговъ» подъ могущественными ихъ обитателями разумѣлъ Русскихъ, которымъ Хазары около сего времени уступили часть Кубанской дельты. Масуди, разумѣется, не подозрѣвалъ, что въ этомъ случаѣ онъ говоритъ о народѣ, съ именемъ котораго онъ уже былъ знакомъ по другимъ источникамъ.

Если же Масуди хотѣлъ говорить не о 7, но о 9 областяхъ, то мнѣ оставалось бы только предполагать, что онъ подъ ихъ обитателями разумѣлъ потомковъ тѣхъ Болгаръ, которые по смерти ихъ царя Кубрата въ Фанагоріи рѣшились

вленія или передѣлки столь мастерски имъ обсужденныхъ древне-еврейскихъ эпиграфовъ и эпитафій.

Впрочемъ г. Гаркави самъ допускаетъ, что Таматарха можетъ быть скрывается въ слѣдующемъ въ «копіи» послѣ Саркела имени *Samkrz*, а последнее теперь отождествляетъ съ Самкушомъ (Altjüd. Denkm. p. 284) «Евреевъ», а не «Еврея», какъ онъ переводитъ выраженіе арабскаго автора, почему и не долженъ былъ заключить изъ названія этого города (ibid. 140), что въ немъ тогда не существовала еврейская община.

Усмотрѣвъ изъ характеристики «караимскаго исторіографа» (тамъ-же 211—224) и изъ пріемовъ его при фабрикаціи древне-еврейскихъ памятниковъ, что всевозможныя средства ему пригождались, если только они могли служить личнымъ его интересамъ или выгодамъ его единовѣрцевъ, я даже подозрѣваю что ошибочное чтеніе города «Евреевъ», о мѣстоположеніи котораго Фирковичъ не могъ узнать ничего отъ своего проректора, онъ нарочно превратилъ въ «загадочный» Samkrz, дабы этимъ способомъ поставить въ тупикъ будущихъ судебныхъ слѣдователей его таинственныхъ лукубрацій.

Если же случайно оказалось-бы, что подъ Самкушемъ слѣдуетъ разумѣть не Тамань, но Керчь, то и открылось бы, что въ копіи царскаго письма послѣдній городъ упомянутъ два раза сряду и что она, уже по сей причинѣ, должна быть признана подложною.

Считаю себя впрочемъ обязаннымъ здѣсь замѣтить, что въ письмѣ мною затѣмъ полученномъ отъ г. Гаркави, которому я сообщилъ свои сомнѣнія касательно подлинности копіи царскаго письма, онъ мнѣ отвѣчаетъ, что я безъ сомнѣнія съ нимъ соглашусь, когда мнѣ будетъ доступенъ находящійся теперь въ печати подробный его комментарій къ открытой имъ въ Чуфутъ-кале «древней и вѣрной съ подлинникомъ» копіи царскаго письма. Къ сожалѣнію я съ тѣхъ поръ не могъ узнать, успѣлъ ли онъ напечатать эту *во всякомъ случаѣ* древнюю рукопись, которую я три года тому назадъ имѣлъ случай видѣть въ И. С. П. библіотекѣ.

оставаться въ прежнихъ своихъ жилищахъ при Азовскомъ морѣ, тогда какъ ихъ соотечественники предпочли переселиться оттуда на Сѣверъ къ Танаису или на Западъ къ Дунаю.

Всѣ почти новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ошибочнымъ прежнее мнѣніе о родствѣ этихъ Болгаръ съ Славянами и въ томъ только не согласны между собою, что нѣкоторые, напр. Иречекъ (Ист. Болгаръ, русск. изд.) видятъ въ нихъ народъ Уральскаго (Угорскаго) племени, тогда какъ другіе узнаютъ въ нихъ, или по крайней мѣрѣ въ ихъ царяхъ настоящихъ восточныхъ Турокъ.

Такъ думаютъ именно Томашекъ, Блау [26]) и Куникъ, ко-

[26]) Покойный, котораго я просилъ сообщить мнѣ свое мнѣніе о рецензіи книги Иречка, помѣщенной въ Zeitschrift für österreichische Gymnasien, не замедлилъ мнѣ послать, съ обычною своею обязательностью, письменный о ней отзывъ, который я здѣсь передаю читателю *собственными его словами* какъ слабый знакъ необыкновеннаго его дара комбинаціи.

«Der Name des Fürstenhauses selbst *Dulo* bedeutet wohl schlechthin appelativisch: Dynastie, doule, daule.

Der mythische Ahn *Awitochol* ist seinem türk. Namen nach: der Jagd-betreibende, eine Art türkischer Nimrod.

Sein Sohn *Irnik*, *Ernach* bedeutet türk. den Mannhaften, den Helden. *Kur't* oder *Kuvrat* hat etymologisch kaum etwas mit—at, Pferd zu thun, sondern ist entweder *Kurt* «Wolf», oder *Kyvrak*, *Kyvryt* «Krauskopf».

Bezmer (türk. Form wie Katmer) der «Zierbengel», nicht «ungeschmückt».

Terwel, vielleicht «Stammhalter» von *tire*. Tomaschek vergleicht nicht ungeschickt jak. *tiräbil* «Stütze». *Kormisch* «der Wächter», vgl. *Kurdschi*: garde-corps, (Hofamt) oder *Kjormusch* der Maulwurf; wenn es aus dem Geschlechte *Wokil* im Gegensatz zur *Dulo* Dynastie stammt, so dürfte darunter «Wekil» Statthalter zu suchen sein, ein dem arab. entlehnten technischen Ausdruck.

Sewar ist gut türkisch «der Freund» Tom. — *Teledsch, Τελέτζης* ist gewöhnliches türkisch. deledschi, dilendschi, cagat. tildschi, *ἱκετής* der Bettler, Spion?

Baïar und *παγαν* sind vielleicht beide zusammengehörig: «Bajan» Prinz, Herr; mit jak. *bagana*, Pfahl hat das nichts zu thun.

Toktos ist einfach *Toktagu* n-pr.

Ich stimme Tomaschek darin bei, dass alle diese Namen auf türkischen Ursprung weisen. In dem Fragment bei Jirecek (127) halte ich die Epitheta nicht für Epitheta ornandia, sondern glaube, dass darin *Zahlenangaben* stecken; wenigstens klingen: *wečem*, *twirem*, *altem*, *šextem*, *doxs* an die türk. Zahlwörter für 3, 4, 6, 9 sehr nahe an».

торый даже успѣлъ доказать въ прекрасной статьѣ, что нынѣшніе Чуваши были прямые ихъ потомки.

Если же ученые расходятся въ мнѣніяхъ касательно народности Болгаръ, то они уже не сомнѣваются въ ихъ тождествѣ съ Кутургурами и Утургурами. Мы уже видѣли (см. выше, стр. 207) что послѣдніе, по Прокопію, въ началѣ великаго переселенія народовъ, выселились изъ Крыма въ сообществѣ Тетракситовъ и избрали себѣ новыя жилища въ ихъ сосѣдствѣ, стало быть, вѣроятнѣе всего, по обѣимъ сторонамъ Кубани между Аланіею и Зихіею. Быть можетъ эти Утургуры не имѣли ничего общаго съ *Сарагурами*, которые, въ 465 году чрезъ Даріельскій проходъ проникли въ Грузію[27]).

Зато нельзя не узнать гуннскихъ сподвижниковъ Тетракситовъ въ *Оногурахъ*, которые были разбиты Лазами около 470 года, близь Археополя, гдѣ побѣдителями была затѣмъ построена крѣпость Уногурисъ въ память сего подвига.

Къ Утургурамъ принадлежали, безъ сомнѣнія, и тѣ Гунны, которыхъ императоръ Юстинъ хотѣлъ послать на помощь Иберійцамъ противъ Персовъ въ 523 году, такъ какъ они обитали на разстояніи двадцати-дневнаго пути отъ Херсона, недалеко отъ Воспора. Вскорѣ затѣмъ, они овладѣли этимъ городомъ при своемъ царѣ Мугилѣ, братѣ и убійцѣ Грода или Горда, который, принявъ въ Константинополѣ св. крещеніе, тщетно старался распространить христіанство у себя. Но еще въ томъ же году (528) городъ былъ взятъ обратно начальникомъ понтійскихъ проливовъ Іоанномъ, внукомъ Іоанна Скиоа (т. е. Гота) съ помощью Готовъ (не Тетракситовъ ли? ср. Malala, I. 162: μετὰ βοηθείας Γοττικῆς).

Если-же города *Кипы* и *Фанагорія* были разрушены въ 541 году обитавшими въ сосѣдствѣ варварами (Procop. B. G. IV, 5), то подъ послѣдними придется разумѣть тѣхъ-же *Утургуровъ*, тѣмъ болѣе, что послѣдніе упомянуты въ числѣ другихъ варварскихъ сосѣдей Лазики (Agath. I, 3), которымъ

---

[27]) Дестунисъ, Сказанія Приска, 94, прим. 124.

денежныя субсидіи были уплочены въ 554 году римскимъ агентомъ Сотерихомъ, передавшимъ свое имя Пицундѣ.

Быть можетъ, мы должны также разумѣть Утургуровъ подъ тѣми *Унногурами*, которые по примѣру болгарскихъ Барселтъ (Симокатта ошибочно называетъ ихъ Сарселтъ) принимали у себя въ 558 году Вархонитовъ или псевдо-Аваровъ, видя въ нихъ настоящихъ Аваровъ или Обровъ Нестора.

Тѣхъ-же Утургуровъ имѣлъ наконецъ въ виду Менандръ (II, 14, 15) подъ *Утигурами*, которые въ 580 году овладѣли Воспоромъ, хотя сами не задолго передъ тѣмъ должны были признать верховную власть хакана *Турокъ*. Подъ послѣдними здѣсь явно разумѣются *Хазары*, которыхъ Несторъ называетъ Бѣлыми Уграми для различенія отъ Черныхъ или Мадьяровъ. Өеофанъ еще называетъ ихъ восточными Турками подъ 627 годомъ, при описаніи ихъ прохода чрезъ Дербендъ на помощь императору Ираклію въ войнѣ его съ Хозроесомъ II. Около того-же времени центръ ихъ владычества былъ перенесенъ къ устьямъ Волги, въ землю *Барзиліевъ* или вышеупомянутыхъ болгарскихъ Берсула (Хвольсонъ 1. 1. 22 и пр. 34), стало быть народа отъ нихъ различнаго по своему происхожденію.

Вотъ почему еще въ X столѣтіи арабскіе писатели, напр. Истахри (перев. Mordtmann, p. 105), различаютъ между Хазарами два рода: одни названные Кара-Джуръ были цвѣта столь смуглаго, что казались черными; другіе были бѣлы, прекрасны и стройны. Такъ какъ послѣдніе явно были Турки, т. е. господствующій народъ, то къ нимъ относится, вѣроятно, извѣстіе, переданное намъ Масуди (l. l. 10), что еще въ его время переселившіеся нѣкогда въ Хазарію *Харезмійцы* пользовались тамъ большими льготами какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи и даже правомъ, чтобы визирь былъ всегда избираемъ изъ ихъ среды. Они были извѣстны подъ названіемъ *Lariciyeh* (?), которое затѣмъ уже примѣнялось ко всѣмъ мусульманамъ, поселившимся въ этой странѣ.

При такомъ преобладаніи тюркскаго элемента объясняются:

названія должностей въ хазарскомъ царствѣ и также—почему, по мѣрѣ распространенія его могущества, къ топографическимъ именамъ тюркскимъ, которыя съ давнихъ поръ были въ ходу въ южной Россіи, многія прибавились, которыя также звучатъ по турецки. Къ такимъ принадлежатъ, между прочимъ, имена упомянутыхъ императоромъ Константиномъ рѣкъ: *Хоракулъ*, *Балъ*, *Бурликъ* и *Хадеръ*, и превращенное имъ въ *Таматарху* турецкое названіе преемницы Фанагоріи. Поэтому мнѣ кажется, что и древній Пантикапеонъ обязанъ Хазарамъ настоящимъ своимъ явно тюркскимъ названіемъ.

Во всякомъ случаѣ городъ этотъ въ X столѣтіи былъ уже извѣстенъ Русскимъ подъ названіемъ *Кърчевъ* и съ нимъ именно (а не съ давно исчезнувшимъ городомъ *Каркинитисомъ* Геродота, какъ думалъ Хвольсонъ) долженъ былъ совпадать городъ *Кархъ*, гдѣ, по Ибнъ-Дастѣ, Мадьяры вымѣнивали славянскихъ своихъ плѣнниковъ на греческіе товары, и гдѣ, подобно тому какъ въ мнимомъ Самкушѣ и Корчевѣ, не могли не встрѣчаться Евреи, такъ какъ они тогда, равно какъ и прежде и послѣ, преимущественно занимались гнуснымъ торгомъ невольниками.

Подъ Мадьярами здѣсь разумѣются не паннонскіе или же другіе ихъ соотечественники, переселившіеся изъ нашихъ степей къ окрестностямъ Дербенда, но—«остатокъ этой нѣкогда значительной азовской тюркской орды» (Куникъ, въ прим. на стр. 386 у Дорна, Каспій), удержавшійся въ древнихъ ея кочевьяхъ между Дономъ, нижнимъ Днѣпромъ и Бугомъ[28]), гдѣ могли смѣшаться съ обитавшими въ тѣхъ мѣстахъ Узами или Гузами (см. I, стр. 110). Эти то именно рѣки долженъ былъ имѣть въ виду Ибнъ-Даста (пер. Хвольсона, 25) подъ двумя «большими рѣками», изливавшимися въ Черное море и отдѣлявшими «первый изъ краевъ Мадьярскихъ», съ одной стороны отъ земли Печенѣговъ, съ другой отъ земли болгарскихъ *Эсе-*

---

[28]) Soyous, Les origines etc. des Hongrois, 10; cp. Rösler, Romän. Studien, 155 прим. 3.

гель, подъ которыми онъ скорѣй могъ разумѣть обитателей 9 хазарскихъ климатовъ, чѣмъ трансильванскихъ Секлеровъ, съ которыми ихъ, еще прежде Хвольсона, вздумалъ отождествить Дефремри (l. l. 22).

Подъ сосѣдями азовскихъ Болгаръ Ибнъ-Даста могъ впрочемъ разумѣть не однихъ только Мадьяръ, остававшихся въ *Лебедіи*, по выходѣ ихъ соотечественниковъ въ *Атель-кузу* и на *Кавказъ*, но также хазарскихъ *Кабаровъ*, которые гораздо раньше присоединились къ Мадьярамъ, стали говорить ихъ языкомъ и также могли оставаться по крайней мѣрѣ отчасти на западномъ берегу Азовскаго моря, стало быть, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вскорѣ спустя являются кочевья *Торковъ* и другихъ *Каракалпаковъ*, кочевья которыхъ, судя по отмѣченному на морскихъ картахъ, подлѣ Арабатской стрѣлки, имени *carcavoni*, еще въ XIV столѣтіи простирались до окрестностей Керчи.

Подобно Карху, съ этимъ городомъ долженъ былъ совпадать приведенный выше *Шеръ-эль-бакасъ*, такъ какъ онъ находился, по Абульфедѣ, не далеко отъ Матрахи въ западномъ направленіи, стало быть, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ, по императору Константину, находился лежащій при «устьѣ» Меотиды, прозванномъ Бурликъ, городъ Воспоръ, вошедшій, вѣроятно, по случаю похода Святослава 965 года въ составъ Тмутороканскаго княжества. Должно думать, что съ этихъ поръ Корчевъ сталъ именоваться *Русскимъ* городомъ, если только онъ не достался Русскимъ, вмѣстѣ съ Тмутороканью, послѣ похода Владиміра въ Крымъ (Зап. Одесск. Общ. Ист. V, 125) или даже—не ранѣе 1016 года, въ которомъ соединенными силами Грековъ и Русскихъ положенъ былъ конецъ владычеству Хазаровъ въ Крыму взятіемъ въ плѣнъ тамошняго ихъ намѣстника (архонта) Цула при первой съ нимъ встрѣчѣ.

Какъ бы то ни было, Керчь значился Русскимъ городомъ еще во времена Эдриси, почерпавшаго географическія свѣдѣнія о южной Россіи изъ западныхъ источниковъ, подобно Нестору и Виллъгардуэну (изд. Wailly, 126 и 130), у котораго Чер-

ное море еще называется «mer de Rossie». Вѣроятно онъ былъ отнятъ у Русскихъ Половцами, когда первые еще на время удержались въ Тмуторокани.

Но и послѣ этого несчастья прежнее названіе города оставалось еще въ употребленіи, какъ явствуетъ изъ договора 1170 года, которымъ Греки воспретили Генуэзцамъ посѣщать порты *Россія* и *Матраха* [29]), вѣроятно съ тѣмъ, чтобы не лишиться монополіи торговли по Азовскому морю, еще не доступному для итальянскихъ купцовъ даже во времена Рубруквиса.

Но для Евреевъ — космополитовъ Керченскій проливъ могъ по прежнему служить вратами, чрезъ которыя они туда добирались, почему и въ своемъ жаргонѣ продолжали означать эти врата гибридскимъ названіемъ Шеръ-бугасъ, перешедшимъ къ Абульфедѣ отъ Ибнъ-Саида (Fraehn, l. l. 31) въ испорченной формѣ Шаръ-эль-бакасъ. Посему самому ему не пришло на мысль, что онъ тутъ говоритъ о городѣ, названномъ имъ, по другимъ источникамъ, *Кершъ* и подъ которымъ онъ явно разумѣлъ Керчь, такъ какъ тотъ городъ, находясь на серединѣ пути между Азакомъ и Кафою, лежалъ насупротивъ города *Тамани*, коего тождество съ Матрахою онъ также не подозрѣвалъ.

Извѣстіе, имъ намъ переданное, что въ Кершѣ населеніе состояло изъ «невѣрныхъ» Кипчаковъ, подтверждается свидѣтельствомъ его современника Ибнъ-Батуты, что, боявшись заѣхать въ Кершъ, онъ присталъ къ берегу въ недальнемъ отъ сего порта разстояніи, и тамъ вошелъ въ «церковь», на стѣнѣ которой замѣтилъ изображеніе Араба въ турбанѣ, опоясаннаго мечемъ. Въ рукѣ было у него копье и предъ нимъ горѣла лампа. Арабскаго туриста не мало удивило видѣть здѣсь изображеніе «пророка Али», какъ онъ ошибочно заключилъ изъ словъ находившагося тамъ монаха, который ему, вѣроятно, сказалъ, что это было изображеніе пророка св. Ильи.

---

[29]) Acta et dipl. gr. etc. ed. Miclosich et Müller, III, 35.

Въ это время (около 1330 г.) городъ Керчь былъ «весьма богатъ и многолюденъ», судя по выраженіямъ папской грамоты 1332 года о назначеніи туда архіепископомъ доминиканца *Франциско* изъ Камерино, который еще прежде отличался распространеніемъ католической вѣры въ Газаріи и въ смежныхъ съ ней странахъ.

Владѣтелемъ Керчи былъ тогда зихскій князь Милленъ, усердный приверженецъ католицизма, какъ видно изъ письма авиньонскаго папы Іоанна XXII, 1333 года, (ст. Jacquet, въ N. Journ. Asiat., VII, 1831) къ зихскому-же князю Верзахту, который вѣроятно былъ послѣдователемъ православія, подобно зихскому князю, котораго доминиканецъ Юліанъ сто лѣтъ прежде засталъ въ *Матрихѣ*. Около 1419 года городъ этотъ принадлежалъ генуэзскому уроженцу Симоне де Гвизольфи подъ верховной властію «Великой общины», т. е. Генуи, а затѣмъ — банка св. Георгія, которому республика уступила всѣ свои владѣнія въ *Газаріи*, что не помѣшало владѣтелямъ таманскимъ быть данниками какихъ то татарскихъ династовъ.

Даже послѣ взятія Турками крѣпости Тамани, внукъ Симоне Захарій удержался нѣсколько лѣтъ въ ея окрестностяхъ (campagna in Insula nostra Matrice), откуда намѣревался переселиться въ Россію. Но еще въ 1491 году онъ принужденъ былъ отложить свой пріѣздъ, потому что Менгли-гирей не хотѣлъ ему дать проводниковъ, опасаясь султанскаго гнѣва.

Не безъинтересно было-бы узнать, гдѣ покоится прахъ послѣдняго князя Тмутороканскаго?

Что владѣтели Керчи должны были, въ свою очередь, подчиниться верховной власти Монголовъ, явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что губернаторъ Крыма Толактимуръ могъ (ок 1340 года) предложить Венеціанцамъ поселиться въ Воспорѣ на такихъ же условіяхъ, на какихъ Генуэзцы владѣли Каффою.

Должно думать, что первые не оставили воспользоваться этимъ предложеніемъ, поелику сохранилось извѣстіе, что купцы

венеціанскіе изъ *Пантикапеи* посѣщали *Тану*[30]). Къ тому еще мы узнаемъ отъ Палласа (I. 1. 237), что во время его пребыванія въ Керчи, тамъ еще можно было видѣть надъ вратами турецкой крѣпости мраморный гербъ республики св. Марка.

Въ слѣдующемъ столѣтіи тамъ утвердились Генуэзцы; изъ консуловъ, которыхъ они тамъ содержали, намъ по имени извѣстенъ только послѣдній Франческо де Фіесхи, занимавшій эту должность въ 1455 году. Кажется, что они вскорѣ спустя совершенно покинули городъ, ибо въ 1471 году въ колоніяльномъ совѣтѣ толковали о необходимости его разрушить, дабы онъ не могъ служить точкою опоры для Турокъ въ случаѣ наступательной войны съ ихъ стороны[31]). Герберштейнъ, которому Воспоръ извѣстенъ подъ итальянскимъ его названіемъ «Bocca di Giovanni», ничего не говоритъ о Керчи, хотя городъ этотъ не переставалъ существовать подъ настоящимъ его именемъ и позже его времени[32]). Такъ мы узнаемъ отъ Михаила Литвина, что городъ «Kercze» былъ отнятъ у Татаръ Турками около 70 лѣтъ по взятіи ими Константинополя; отъ Броневскаго, что замокъ при небольшомъ городѣ «Cercum» былъ разрушенъ самими Турками, дабы за ханомъ оставалась въ Крыму одна только крѣпость въ Перекопѣ; наконецъ отъ непоименованнаго автора «Трактата» о Татарахъ крымскихъ, что еще въ его время (начало XVII столѣтія) Итальянцы имѣли обыкновеніе означать именемъ Воспора городъ, называемый туземцами «Cherz».

---

30) Canale, Della Crimea, II, 458.

31) Atti T. L. 1, 372 съ слѣд.

32) Russia seu Moscovia, itemque Tartaria etc. изд. Эльзевирское, 196, 246, 289.

IX.

Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи[1]).

Въ настоящее время, когда заря лучшей будущности открывается для Болгаріи, всѣ вопросы, касающіеся исторіи этой страны, еще болѣе прежняго будутъ признаны достойными вниманія русскихъ читателей. Многіе изъ этихъ вопросовъ, къ сожалѣнію, еще не рѣшены окончательно. Къ нимъ я, между прочимъ, все еще причислилъ бы вопросъ о значеніи названія Добруджи (то-есть, сѣверо-восточной части Болгаріи, заключенной между нижнимъ Дунаемъ, Балканомъ и моремъ), хотя авторъ прекраснаго, недавно вышедшаго сочиненія[2]), счелъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что область эта настоящимъ своимъ названіемъ обязана «неизвѣстнаго» происхожденія деспоту Добротичу (Τομπροτίτζης), владѣвшему въ 1357 году замками Эммона (на мысѣ нынѣ названномъ Эмине, то-есть, Haemus) и Козьякъ (нынѣ Козакъ-Кой) близь Месембріи.

Ссылаясь на Гопфа (см. Allg. Encycl. LXXXVI, 28), г. Иречекъ передаетъ намъ въ другомъ мѣстѣ (336), что этотъ самый «болгарскій» деспотъ, имѣя свою резиденцію въ Варнѣ, устроилъ себѣ флотъ на Черномъ морѣ и до такой степени усилился, что могъ помышлять о возведеніи, въ 1374 году, зятя своего Михаила, сына Іоанна V Палеолога, на Трапезунтскій престолъ, вмѣсто законнаго царевича Андроника

---

[1]) Изъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.

[2]) Jireček, Gesch. d. Bulgaren, p. 12 et passim.

Комнина. Затѣмъ, Добротичъ готовился даже къ нападенію на генуэзскія владѣнія въ Крыму, но примирился съ республикою въ 1385 году и вскорѣ потомъ скончался.

Безъ сомнѣнія, покойный Добротичъ былъ одно и то же лицо съ Добротичемъ (Τομπροτίτζης), который еще въ 1346 году, вмѣстѣ съ братомъ Θеодоромъ, былъ посланъ архонтомъ Карбоны Балпкомъ, съ отборнымъ отрядомъ, на помощь Аннѣ Савойской (Cantac. II, 584).

Назначенный затѣмъ императрицею коммендантомъ черноморской крѣпости Мидіи, близъ Константинополя, Добротичъ долженъ былъ сдаться Кантакузену и имъ былъ причисленъ къ римской знати.

Братъ его успѣлъ заблаговременно возвратиться восвояси—въ Добруджу. По крайней мѣрѣ, Карбона или Карбуна[3]) не могла совпадать съ Kjurumler'омъ, какъ полагалъ Палаузовъ (прив. Иречекомъ, 378), но занимала мѣсто нынѣшней деревни Экерне близъ Балчика, между Варною и Каварною, гдѣ на компасовыхъ картахъ читается приписка carbona, съ варіантами сасnа (1367) и cranca (1408).

Здѣсь, поэтому, я охотно помѣстилъ бы замокъ Cranea[4]) и Crunum, гдѣ прежде Балыка княжилъ деспотъ Эльтемиръ, братъ болгарскаго царя Тертерія. Но по письму г. Иречка (отъ 20 марта 1878 года), я убѣдился въ томъ, что владѣнія Эльтемира находились въ иномъ мѣстѣ, а именно въ Kръсκа χωρα (въ диплом. Асѣня II) близъ Эски-Загры. Во всякомъ случаѣ подобно Тертерію и Эльтемиру, владѣтель Карбуны или Балчика, Балыкъ, по своему происхожденію вѣроятно не былъ Славяниномъ, но принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ фамилій команскихъ, переселившихся въ Болгарію послѣ нашествія Монголовъ на прежнія ихъ кочевья въ южной Россіи (*Jireček*, 260 и 278).

Поэтому позволительно будетъ спросить, не могъ ли пол-

---

[3]) См. Acta Pariarch. Constant., ed. Miklosich et Müller, I, № 63 и 244.
[4]) Acta Patr. I, №№ 52 и 272.

ководецъ преемника Эльтемира только потому быть названъ Добротичемъ, что онъ былъ родомъ изъ Малой Скиѳіи, получившей отъ Славянъ, издревле въ ней обитавшихъ, названіе Добричи (сравн. *Jireček*, 34) или Добричьи, превратившееся впослѣдствіи въ Добруджу?

Въ этомъ случаѣ она названіемъ своимъ могла быть обязана Сѣверянамъ, въ памяти которыхъ оно должно было сохраниться еще долго послѣ того, какъ сами они были оттуда переселены покорившими ихъ угрскими или тюркскими Болгарами или Унногундурами за Балканъ.

Хотя въ странѣ, лежащей между сѣверными его предгорьями и Дунаемъ, въ X столѣтіи были извѣстны Византійцамъ *славянскія* имена мѣстностей: Преклавія, Канопа, Прѣславецъ, Плисковъ, Дичина, тѣмъ не менѣе всѣ они, безъ сомнѣнія, подобно области, въ которой находились, должны были называться иначе на языкѣ угрскихъ завоевателей оной, такъ какъ въ ней то именно они тогда еще преобладали, тогда какъ въ другихъ частяхъ основаннаго ими государства азіатскій его характеръ сохранился развѣ только въ придворномъ этикетѣ и въ образѣ правленія. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ отъ Константина Багрянороднаго, что еще въ его время къ сыновьямъ болгарскаго царя примѣняли титулы Канартикинъ и Былъ-Тарханъ, главныхъ же сановниковъ называли Былями или Боліадами. Всѣ эти имена, какъ справедливо замѣчаетъ Гильфердингъ (Собр. Соч. I, 118), происхожденія не славянскаго, но финно-тюркскаго и встрѣчаются какъ у Волжскихъ Болгаръ, такъ и у Хазаровъ, не исключая титула Канарти-кинъ, отъ объясненія котораго Гильфердингъ отказывается. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что на хазарскомъ нарѣчіи титулъ старшаго сына болгарскаго царя гласилъ бы Кендеръ-ханъ, подобно тому какъ въ титулѣ младшаго и главныхъ бояръ (биль, буль, буля) отзывается древнѣйшее названіе столицы Волжской Болгаріи «Биларъ», арабизированное затѣмъ уже въ Болгаръ[5]), равно какъ и имя хазарскаго царя «Бу-

[5]) *Хвольсонъ*, Ибнъ-Даста и пр. 88.

ланъ», который, съ приближенными, принялъ еврейское ученіе, и названіе древнѣйшей столицы его государства «Боланджаръ» (Боланджаръ, Беленджеръ).

Городъ этотъ не однимъ только созвучіемъ именъ, но и ихъ значеніемъ напоминаетъ мнѣ большой городъ Валендаръ или Белендеръ, который, по разказу Масуди [6]), былъ взятъ соединенными силами четырехъ тюркскихъ племенъ, послѣ пораженія, нанесеннаго ими подъ стѣнами этого города Грекамъ и служившимъ въ ихъ войскѣ *христіанамъ, вооруженнымъ по арабски копьями.* Подъ этими христіанами, которыхъ Турки тщетно пытались склонить на свою сторону, Масуди явно разумѣлъ Болгаръ, уже превратившихся въ Славянъ, въ противуположность ихъ соотечественникамъ, обитавшимъ въ области, черезъ которую должны были пробраться упомянутыя тюркскія племена въ своемъ нападеніи на Грецію (*Jireček*, 131). По чтенію, принятому французскимъ переводчикомъ «Золотыхъ луговъ» имя перваго изъ этихъ племенъ, которыя, обитая къ западу отъ Аланіи въ сосѣдствѣ Хазаріи, жили тогда въ мирѣ съ царями обѣихъ этихъ странъ, гласило «Yadjni», затѣмъ слѣдовало имя Башкировъ (des Bedjgards), сосѣдственное Печенѣгамъ (des Bedjnaks), самому воинственному племени, смежному въ свою очередь, съ четвертымъ племенемъ «des Newkerdehs».

Если въ первомъ изъ этихъ племенъ мнѣ позволятъ видѣть съ Френомъ (Ibn-Foszlan etc., 47) искаженіе имени Мадьяръ, то я спросилъ бы не разумѣлъ ли Масуди подъ Беджгардами ихъ соотечественниковъ, поселившихся изъ Лавезіи на границѣ Персіи и которые тогда еще означались древнимъ прозвищемъ Савартіасфаловъ [7]), можетъ быть потому что это имя (Svart и Spali) было заимствовано херсонскими или воспорскими Греками у готскихъ ихъ согражданъ или сосѣдей. Новыя ихъ жилища долженъ былъ имѣть въ виду Эль-

---

[6]) Изд. *B.* de *Meynard* et *P.* de *Courteille*, II, 60.

[7]) Const. Porph., De adm. imp. 109.

Бекри (Defrémery 1. 1. 22), когда говоритъ о маджарской странѣ, которая граничила съ горою, простиравшейся до Дербенда и доходившей до степи Хазаровъ. «Подъ этой горою», говоритъ онъ, «на берегу моря (Каспійскаго) обиталъ христіанскій народъ *Ogounah* (Агованы-Албанцы) до границы мусульманскихъ областей подвластныхъ странѣ Тифлиской». Слѣды пребыванія Савартіасфаловъ на сѣверной сторонѣ Кавказа, именно при Кумѣ, по нынѣ сохранились въ развалинахъ «большаго, красиваго» города Маджаръ Ибнъ-Батуты и Абульфеды, Моджжъ-горы современныхъ имъ русскихъ лѣтописцевъ. Изъ этихъ мѣстъ Мадьярамъ не трудно было бы присоединиться къ тѣмъ миріадамъ воиновъ, съ которыми обитавшій за горами «въ землѣ Сарматовъ» князь Беръ напалъ на городъ Карсъ въ 943 году; отсюда также свидѣтельствуемыя Константиномъ Багрянороднымъ ихъ сношенія съ паннонскими Турками легко могли продолжаться.

Что же касается четвертаго племени, съ которымъ наши оріенталисты странствовали отъ Новгорода до Ломбардіи, то я полагалъ бы что подъ различными варіантами его названія у Масуди (см. Френъ, 47) скрываются *Серебренные* или Нукратскіе Болгары нашихъ лѣтописцевъ (Григорьевъ, Россія и Азія, 91).

Они явно были потомками той орды болгарской, которая по смерти князя Кубрата въ Фанагоріи, ок. 680 года, подъ начальствомъ втораго его сына Котрага, переселилась оттуда къ берегамъ Волги.

О набѣгахъ этихъ Болгаръ на южную и западную Европу говоритъ Масуди еще въ другомъ мѣстѣ (стр. 14—16), замѣчая, что между ними и Хазарами обитали на Волгѣ Буртасы. Сказавъ тутъ же, что городъ Болгаръ находился на берегу Меотиды, онъ явно смѣшалъ ихъ съ тѣми изъ ихъ соотечественниковъ, которые, подъ начальствомъ старшаго брата Котрага Батбая, предпочли оставаться въ Кубанской своей родинѣ, хотя подъ верховной властью Хазаровъ, признаваемой безъ сомнѣнія и ихъ потомками около половины X столѣтія.

Поэтому я теперь готовъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей (ср. ч. I, стр. 31), по которымъ Несторъ, подобно Константину, имѣлъ въ виду подъ своими *Черными Болгарами*, орду Батбая, для различенія оной отъ Серебренныхъ или Бѣлыхъ, т. е. свободныхъ Болгаръ.

Во всякомъ случаѣ подробно описанный арабскимъ авторомъ походъ четырехъ турецкихъ племенъ совпадалъ съ нападеніемъ Турокъ на Константинополь, упомянутымъ Византійцами подъ тѣмъ же 934 годомъ. Изъ свидѣтельства-же Масуди мы усматриваемъ, что въ этой кровавой драмѣ главную роль играли Печенѣги, тогда какъ до сихъ поръ полагали [8]), что дѣйствующими въ ней лицами были исключительно паннонскіе Мадьяры, потому что современные византійскіе авторы ихъ именно называютъ Турками. Но если взять во вниманіе, что нѣсколько мѣсяцевъ прежде тѣ же Мадьяры были разбиты на голову при Мерзебургѣ Нѣмцами, и что они лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ едва ли въ такой «нумерической силѣ» ворвались въ Венгрію, какъ полагаетъ Hunfalvy [9]), то кажется, что современный арабскій авторъ былъ совершенно правъ, когда намъ передалъ, что Мадьяры только съ помощью Печенѣговъ и другихъ Турокъ могли овладѣть городомъ, ими названнымъ Белендаромъ, вѣроятно, потому, что этотъ городъ носилъ то же названіе у жителей той части Болгаріи, гдѣ тогда еще преобладалъ близскій тюркскому угрскій элементъ. Поэтому должно думать, что и авторъ «Золотыхъ луговъ» подъ своимъ Белендеромъ подразумѣвалъ тюркское названіе не Адріанополя, какъ обыкновенно думаютъ [10]), но лежащую между Варною и Шумномъ (Шумла), резиденцію болгарскаго царя, то-есть Прѣславъ, тѣмъ болѣе, что по его же свидѣтельству «большой городъ Велендеръ» также лежалъ на границѣ Греціи, между горами и моремъ.

---

[8]) Напр. *Гильфердингъ*, *Jireček*, *Rambaud*, *Sayous* и др.
[9]) Etnogr. v. Ungarn, 265: ср. *Dümmler*, Gesch. Otto d. Gr. 591.
[10]) Ср. *Гаркави*, Дополненія къ соч. «Сказанія» и пр. 24.

Легко могло статься, что при нападеніи Турокъ на этотъ городъ, обитатели Добруджи отчасти имъ содѣйствовали, вслѣдствіе междоусобій, терзавшихъ Болгарію при слабомъ сынѣ Симеона, подобно тому какъ въ послѣднихъ годахъ его царствованія русскій великій князь Святославъ быстрымъ покореніемъ сѣверной, коренной области его государства обязанъ былъ тому обстоятельству, что тамъ нашелъ содѣйствіе въ туземцахъ, «негодовавшихъ на дружбу царя съ Греками и жалѣвшихъ о старыхъ воинственныхъ временахъ Болгаріи» (*Гильфердингъ*, 143). Даже въ другомъ походѣ, въ которомъ бранливый сынъ Игоря плѣнилъ преемника Петра, Бориса, и овладѣлъ Прѣславомъ, въ войскѣ его, кромѣ Мадьяръ и Печенѣговъ, мы еще встрѣчаемъ Болгаръ (ibid 148).

Затѣмъ уже Мадьяры, истомленные гибельною для нихъ борьбою съ Германіею, болѣе не тревожили Византію, тогда какъ Печенѣги не переставали принимать участіе въ войнѣ, которая при царѣ Самуилѣ (976—1014) не прекращалась между Греками и Болгарами и снова возгорѣлась вскорѣ послѣ порабощенія Болгаріи Василіемъ II. По его смерти, Печенѣги снова прежнимъ путемъ неоднократно проникали внутрь имперіи и съ согласія Грековъ иногда оставались въ опустошенныхъ ими прежде областяхъ. Такъ, они, по Кедрину, въ 1049 году, поселились между Гемомъ, Дунаемъ и моремъ, на мѣстахъ, имѣвшихъ овраги, луга, разнаго рода лѣсъ, воду, и пастбища, именуемыхъ Ста-горами или Ста-холмами. Нельзя не узнать въ этомъ Сто-горьѣ сѣверную часть Добруджи, или такъ называемую Бабадагскую область, гдѣ ихъ становище находилось, быть можетъ, около нынѣшней деревни Печенѣгая[11]).

Примѣру Печенѣговъ должны были послѣдовать вскорѣ спустя (1057) родственные имъ *Узы* или Гуззы, Торки нашихъ лѣтописцевъ (*Карамзинъ*, I, пр. 90), изгнанные Команами или Половцами изъ нашихъ степей, но по большей части погибшіе отъ чумы и въ борьбѣ съ Печенѣгами и Болгарами. Напрасно

---

[11]) *Peters*, Grundlinien zur Geographie der Dobrudscha I, 51.

ихъ смѣшиваютъ съ Половцами, которые впервые являются за Дунаемъ въ 1078 году, а затѣмъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Балканскаго полуострова подали поводъ къ крестовымъ походамъ и къ возстановленію болгарскаго царства, которое, съ ихъ помощью, послѣ взятія Константинополя крестоносцами, быстро возвысилось борьбою съ Греками и Латинянами; оно же не допускало Венеціанцевъ, съ давнихъ поръ посѣщавшихъ Черное море, овладѣть портами Загорья, подъ какимъ названіемъ тогда еще разумѣли сѣверо-восточную часть Болгаріи, тогда какъ оно впослѣдствіи примѣнялось ко всему государству (*Jireček,* 875).

Не съ этого ли времени прилежащая къ Понту часть Загорья (въ широкомъ смыслѣ) могла получить, для различенія отъ прочихъ, названіе Добруджи, если даже это названіе вовсе не было въ употребленіи у Славянъ, обитавшихъ въ этой области до занятія оной Азовскими Болгарами?

Смѣлая гипотеза, представленная мною здѣсь такъ сказать на угадъ, скорѣй подтверждается, чѣмъ колеблется остроумною замѣткою г. Васильевскаго по поводу одного мѣста у Акрополиты (р. 23 ed. Bonn.), имъ приведеннаго въ рецензіи сочиненія г. Успенскаго [12]) и дотолѣ ускользнувшаго отъ вниманія ученыхъ, пытавшихся объяснить значеніе названія Добруджи. «Акрополита», говоритъ тутъ г. Васильевскій (стр. 60, пр. I) «окончившій исторію 1261 годомъ и умершій въ 1282, объясняетъ намъ, что область, гдѣ были владѣнія Петра и города Прѣслава и Провадъ «и до нынѣ» называется отъ имени Петра: какое же именно наименованіе разумѣлъ онъ? Если мы станемъ считать за названіе выраженіе «ту Петру» (τοῦ Πέτρου), то уже получимъ звуки, весьма не далекіе отъ тѣхъ, которые входятъ въ составъ слова Добруджа. И такъ, по мнѣнію Акрополиты, слово Добруджа или другое созвучное ему рѣченіе означало страну Петрову. Вѣрно или

[12]) Образованіе втораго Болгарскаго царства, Ѳедора Успенскаго. Одесса 1879. Рецензія В. Васильевскаго.

нѣтъ толковалъ византійскій филологъ интересующее насъ слово, за это мы не можемъ поручиться; важно только то, что оно уже было ему извѣстно, то-есть, существовало гораздо ранѣе, чѣмъ жилъ Добротичь».

Слабую опору въ пользу этого смѣлаго предположенія находимъ мы у турецкаго автора XVI столѣтія Сеидъ Локмана[13]). По его свидѣтельству, еще въ 1263 году область, именуемая Добруджей, была уступлена Михаиломъ VIII прежнему султану иконійскому Иццеддину, который туда перевелъ изъ Малой Азіи отъ 12,000—15,000 туркменскихъ семействъ.

Потомками ихъ можно считать такъ называемыхъ Гагаузовъ, которые нынѣ еще встрѣчаются въ Варнѣ и въ окрестностяхъ этого города. Исповѣдуя христіанскую вѣру, они, подобно малоазіатскимъ Караманли, говорятъ по турецки, но въ письмѣ употребляютъ греческія буквы (*Jireček* 575). О сподвижникахъ же Иццеддина намъ извѣстно, что тѣ изъ нихъ приняли православіе, которые не могли переселиться во владѣнія Берке-хана, освободившаго султана изъ почетнаго его плѣна въ Греціи. Но такъ какъ, по Сеидъ-Локману, Туркмены или Огузы застали уже въ Добруджѣ тюркскихъ обитателей, которые легко могли смѣшаться съ малоазіатскими ихъ родичами, то въ числѣ нынѣшнихъ Гагаузовъ могутъ также находиться потомки вышеприведенныхъ переселившихся тюркскихъ племенъ, въ особенности Половцевъ, такъ какъ они именно, послѣ нашествія Монголовъ на южную Россію, въ большомъ числѣ перебрались въ Болгарію.

Къ нимъ принадлежалъ вѣроятно, какъ выше было замѣчено, архонтъ Карбуны Балыкъ, признававшій надъ собою верховную власть болгарскаго царя Іоанна Александра (1331—1365 гг.). Такъ я сужу по тому обстоятельству, что еще въ 1352 году былъ заключенъ торговый договоръ Венеціанцами въ Варнѣ отъ имени Александра. Зависимостью главнаго го-

---

[13]) См. *Lagus*, Seid Locmani ex libro turcico qui Oghusname inscribitur excerpta, Helsingf. 1854.

рода Добруджи отъ болгарскаго царя объясняется также, почему несколько лѣтъ спустя перешедшій въ греческую службу полководецъ Балика предпочелъ подчинить принадлежавшіе ему замки, подвѣдомственные въ духовномъ отношеніи церкви Трновской, патріарху Константинопольскому. Вопреки мнѣнію г. Иречека (324), мнѣ поэтому кажется, что Добротичъ еще не былъ «самостоятельнымъ» владѣтелемъ Понтійскихъ земель (der Pontuslaender), когда скончался Александръ, раздѣливъ владѣнія свои между сыновьями Срацимиромъ и Шишманомъ. Едва ли не послѣдній считался еще верховнымъ владѣтелемъ позднѣйшей резиденціи Добротича въ 1366 году, когда къ крѣпости этой, то-есть, Варнѣ, приступилъ Амадей, графъ Савойскій, прозванный «Зеленымъ» (Conte verde), въ походѣ, предпринятомъ имъ изъ Константинополя въ ту часть Болгаріи.

Если бы можно было ручаться за достовѣрность описанія сего похода въ позднѣйшей французской хроникѣ, обнародованной въ первомъ томѣ «Monumenta historiae patriae», то оказалось бы, что Шишманъ началъ свое царствованіе «неблагороднымъ поступкомъ», плѣнивъ императора Іоанна Палеолога, пришедшаго къ нему, чтобы его просить о помощи противъ Османовъ. Но такъ какъ никто изъ современныхъ византійскихъ и западныхъ писателей не упоминаетъ о плѣненіи Іоанна V кѣмъ бы то ни было, то должно думать, что авторъ хроники, у котораго императоръ ошибочно называется Алексѣй, могъ не имѣть точныхъ свѣдѣній о цѣли приведеннаго похода «Зеленаго графа».

Дѣйствительно, изъ отрывковъ дневника казначея этой экспедиціи, Антона Барбери, (хранящагося въ архивѣ Туринскомъ), напечатанныхъ, вмѣстѣ съ другими грамотами, въ видѣ прибавленія къ сочиненію, вышедшему въ Туринѣ-же, въ 1826 году [14]), мы узнаемъ, что по прибытіи графа въ Константинополь (въ сентябрѣ 1366 года) императрица велѣла ему передать извѣстную сумму денегъ для снаряженія судовъ и для

---

[14]) *Datta*, Spedizione in Oriente de Amadeo VI и пр.

отправки ихъ въ Черное море «ad partes Bulgariae pro expeditione domini imperatoris constantinopolitani, qui reverti non poterat propter impedimentum quod sibi faciebat imperator Bulgariae». Далѣе, казначей записываетъ издержки для отправленія пословъ на галерѣ «ad dominum imperatorem constantinopolitanum versus Veddunum».

Но городъ этотъ, то-есть Видинъ, еще въ 1365 году (*Иречекъ*, 327) былъ взятъ Людовикомъ, королемъ Венгерскимъ, который тамъ же взялъ въ плѣнъ Срацимира, владѣтеля западной части Болгаріи, куда старшій братъ Шишмана только послѣ четырехлѣтняго заточенія въ кроатской крѣпости могъ возвратиться въ 1369 году.

Итакъ, оказывается, что византійскій императоръ вовсе не находился въ плѣну у Шишмана и что послѣдній только не хотѣлъ ему позволить изъ Видина возвратиться въ Константинополь чрезъ свои владѣнія, чего ему нельзя было поставить въ вину, такъ какъ онъ не задолго передъ тѣмъ заключилъ союзъ съ Турками противъ императора и пытался, хотя тщетно, отнять у Венгровъ завоеванный ими Видинъ (*Jireček*, 327). Союзъ этотъ также объясняетъ намъ, почему графъ Амадей, желавшій участвовать въ крестовомъ походѣ, по своемъ прибытіи въ Константинополь, обратилъ свое оружіе не противъ Турокъ, но противъ христіанскаго ихъ союзника.

Надѣемся, что читатель не найдетъ неумѣстнымъ, если мы, по поводу похода графа въ Болгарію, приведемъ здѣсь нѣкоторыя не безъинтересныя для исторической географіи этой страны данныя, извлеченныя г. Деснмони, членомъ «Лигурійскаго общества исторіи», изъ дневника Барбери и обязательно мнѣ сообщенныя въ письмѣ отъ 18 марта 1877 года.

Такъ мы узнаемъ, между прочимъ, что послы, которые должны были отправиться въ Видинъ, по причинѣ бури не могли спачала пробраться чрезъ устье Чернаго моря (boca maris majoris) и остановились на нѣсколько дней въ гавани *giroul* (y *Clavijo* El Guirol de la Grecia; на компасовыхъ

картахъ «giro», по существовавшему тамъ въ древности святилищу (Ἱερόν) Юпитера, нынѣ Румиликавахъ).

Между тѣмъ, Амадей самъ прибылъ къ мѣстности, откуда можно было отправить человѣка сухимъ путемъ въ Перу и которую казначей называетъ «lorfenal», можетъ быть, вмѣсто or-fenal; названіе могло быть примѣняемо Турками къ окрестностямъ мыса Кара-буруна, прозваннаго «псевдо-каналомъ», по нѣкоторому сходству съ Босфоромъ[15]).

Въ дальнѣйшемъ переходѣ вдоль по морскому берегу, графъ овладѣлъ разными замками до Месембріи, гдѣ оставилъ гарнизонъ и возвратилъ деньги человѣку, у котораго ихъ прежде занялъ одинъ изъ сподвижниковъ графа, назначенный комендантомъ «in castro de Lassilo» (древній Анхіалъ, нынѣ Ахило); 25 октября онъ былъ «apud Varnam», откуда отправилъ гарнизонъ въ замокъ «de lemona» (на мысѣ Эмине) и драгомана (truchinando) apud Veddunum versus imperatorem constantinopolitanum». Подъ 24 декабря отмѣчены деньги, посланныя съ письмами греческими «apud castrum aquile (Aetos, нынѣ Aidos) pro facto expeditionis d. Anthonini visconte de Mediolano, qui detinebatur ibidem»; также—деньги, разсходованныя для лицъ, посланныхъ въ Видинъ и уже 29 дней находившихся apud «caliatram» (то-есть, Каліакра), «ubi missi fuerunt per dominum pro adventu domini imperatoris constantinopolitani», который, стало быть, уже былъ въ дорогѣ. Въ спискѣ расходовъ слѣдуютъ деньги, уплаченныя для путевыхъ издержекъ «domini Pauli patriarche constantinopolitani», (то-есть, «западнаго архіерея» прибывшаго въ Константинополь вмѣстѣ съ графомъ по дѣлу о соединеніи церквей православной и латинской). Вмѣстѣ съ другими лицами, онъ[16]) былъ посланъ графомъ изъ Варны «versus imperatorem burgarie» въ Trevo (то-есть Трновъ), откуда возвратились 22 декабря. Въ provat (то-есть, Провадѣ)

---

[15]) *Taitbout de Marigny*, Hydrogr. de la mer Noire etc. 19.

[16]) См. о немъ Acta Patr. N. CCXXXIV.

спутникъ архіерея, d. de Fromentes, засталъ двухъ вассаловъ графа, «qui capti detinebantur per imperatorem burgarie». Изъ другой замѣтки казначея видно, что они были взяты въ плѣнъ «apud Galatas versus Varnam», то-есть, къ югу отъ этой крѣпости при мысѣ названномъ нынѣ Galata, на компасовыхъ картахъ Galato, въ Актахъ Патріархата Κάλαδας. На обратномъ пути въ Константинополь графъ, 26 декабря, былъ уже въ Месембріи, гдѣ расчитался съ переводчикомъ, провожавшимъ въ «lassillo» коменданта, назначеннаго туда графомъ. Съ 19 января графъ находился въ «Sisopuli», гдѣ съ 23 по 27 имѣлъ конференціи съ императоромъ константинопольскимъ, возвратившимся туда изъ Видина, вѣроятно Дунаемъ и моремъ. Изъ Сизополя же графомъ было отправлено 17 февраля письмо Іоанна V къ императору Болгаріи «pro facto expeditionis captivorum quos de gentibus domini detinebat»; 19-го возвращены были деньги за стрѣлы, купленныя воинами, посланными графомъ къ замку «Aquille», гдѣ содержался вышеприведенный Антонинъ Медіоланскій. Прибывъ 6 апрѣля въ lorfenal, графъ отправилъ оттуда человѣка сухимъ путемъ въ Константинополь съ письмами, а самъ прибылъ въ Перу 21 числа. Затѣмъ, обратился противъ Турокъ и взялъ приступомъ замокъ «Eucacossia» и сжегъ другой, названный «Caloucyro».

Г. Иречекъ[17]) легко узналъ эти замки въ Эннакогіи у Регіона (Кючукъ Чекмедже ср. Кантак. I, 219 и Каловрій подлѣ Силимбріи ср. Heerstrasse, 101). Зато, намъ неизвѣстно, гдѣ находилась тогдашняя резиденція позднѣйшаго владѣтеля Варны—Добротича. Къ сожалѣнію, мы даже не знаемъ, гдѣ, по его смерти, заключенъ былъ упомянутый союзъ между Генуэзцами и его сыномъ Иванко или «Dobritza-Ogli, подъ какимъ названіемъ его знаетъ Leunclavius[18]). По аналогіи съ именами Исмиръ-Огли, Волокъ-Огли, Ифлакъ-Огли, должно

---

[17]) Ист. Болгаръ, русск. изданіе, Одесса 1878 стр. 42, прим. 29.

[18]) Hist. musulm. Turcorum etc. привед. Engel'емъ въ Gesch. des Ungarischen Reichs etc. I, 458.

думать, что Турки примѣняли подобное названіе къ сыну Добротича, потому что область, принадлежавшая сему послѣднему, уже называлась Добруджею, когда они впервые съ ней познакомились

Но если даже допустить, что она этимъ названіемъ обязана именно Добротичу, то и въ такомъ случаѣ послѣдній кромѣ сего родоваго имени, долженъ былъ имѣть другое, по крещенію. Поэтому, позволено будетъ спросить, не смѣшалъ ли Phrantzes (ed. Bonn., 54; ср. *Jireček*, 335) зятя болгарскаго царя, Александра, то-есть, Андроника Палеолога съ его братомъ Михаиломъ, считая перваго зятемъ «болгарскаго деспота Марко»? А если такъ, то оказалось бы, что такъ именно долженъ былъ называться «болгарскій деспотъ Добротичъ» (336)—тесть Михаила.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилось бы, почему Греки могли примѣнять это самое имя къ валахскому воеводѣ Ивану Мирчо[19]), овладѣвшему Добруджею послѣ непродолжительнаго княженія Ивана Марковича Добротича, который, признавши сначала Мурада верховнымъ своимъ владѣтелемъ, отказался участвовать въ походѣ, предположенномъ султаномъ противъ Сербовъ (Jireček, 341). Дальнѣйшая судьба Иванки совершенно неизвѣстна (ibid. 345). Можно только догадываться, что онъ еще держался въ окрестностяхъ Софіи въ 1392 году, когда, по древнимъ преданіямъ, туда, во время осады Трнова Баязидомъ, пробрался царь Шишманъ съ своими болярами и воинами и тамъ уже засталъ партизановъ изъ Никополя, Свистова, Плевена и Дрстра (Силистріи). Въ тамошнихъ горахъ эти храбрые воины только послѣ семилѣтней борьбы были преодолѣны Турками (352). Еще въ XVI столѣтіи существовали въ проходѣ между Софіею и Ихтиманомъ развалины замка, принадлежавшаго будто бы «послѣднему деспоту болгарскому» Марко Кральевичу, любимому герою славянскихъ сказаній, который въ народной памяти, можетъ быть, тутъ занялъ мѣсто нашего Доб-

---

[19]) L. Chalcocond., 77: «nostri Marcum vocant».

рицъ-оглу, «послѣдняго болгарскаго деспота» Добруджи (ср. *Jireček*, 463).

Область эта находилась тогда подъ властью Мирчи, какъ видно изъ договора, заключеннаго имъ въ 1390 году съ польскимъ королемъ Владиславомъ противъ Сигизмунда, въ которомъ онъ титулуется:.... terrarum Dobrodicii Despota et Tristri Dominus (*Dogiel.* Codex diplom. 598).

Но уже въ слѣдующемъ году Турки не только овладѣли этимъ городомъ, но переправились чрезъ Дунай и страшнымъ опустошеніемъ Валахіи принудили Мирче подчиниться верховной власти султана, хотя не на долго, благодаря блистательной побѣдѣ, одержанной воеводою на «Ровинахъ» надъ Баязидомъ, который осенью 1394 года съ большимъ войскомъ явился было въ Валахіи, мстя за то, что Мирче принялъ сторону короля Венгерскаго.

Даже послѣ несчастнаго для сего послѣдняго и его христіанскихъ союзниковъ сраженія 28 сентября 1396 года при Никополѣ [20]), Мирче остался, быть можетъ, вслѣдствіе своей

---

[20]) Тогда какъ, по Иречку (стр. 355), свидѣтельство сербскаго лѣтописца подтверждаетъ, повидимому, высказанное мною мнѣніе (см. Пут. Шильтбергера въ I томѣ Зап. Новорос. универс.), что пораженіе христіанъ послѣдовало въ окрестности нынѣшней деревни Никюби, при Роситѣ, притокѣ Янтры, г. Каницъ (Donau-Bulgarien, II, cap. IV и VIII) приводитъ убѣдительныя причины, по которымъ мнѣ придется согласиться, что поле этой битвы находилось въ ближайшемъ разстояніи отъ нынѣшняго Никополя на Дунаѣ, чѣмъ отъ развалинъ древняго Никополя на Янтрѣ. Справедливость сего взгляда явствуетъ изъ словъ важнаго свидѣтеля, то-есть, турецкаго историографа Нешри († ок. 1490), не упомянутаго здѣсь Гаммеромъ. Изъ отрывковъ «Исторіи османскаго дома», сообщенныхъ Nöldecke (*Morgenl. Zeitschrift*, XV, 346), мы узнаемъ, что во время осады Никополя королемъ венгерскимъ, султанъ шелъ ему на встрѣчу, прошедши по пути чрезъ Трново и войдя въ Чункачь.

Загадочный Чункачь я охотно помѣстилъ бы въ распадающихся нынѣ развалинахъ средневѣковаго замка Чука на высотѣ у Систова. Замокъ этотъ именемъ своимъ, необъясненнымъ Каницомъ (156), напоминаетъ мнѣ сына Джуджида Поган, Чоки (у Гаммера Coke, у Византійцевъ τζακας), который, владѣя Трновомъ, тамъ же лишился жизни по проискамъ шурина своего, болгарскаго царя Святослава (*Jireček*, 288).

До начала сраженія, войско Баязида стояло, безъ сомнѣнія, гдѣ-то на пути между Чункачемъ и Никополемъ, но едва ли на разстояніи «половины

двуличной политики, владѣтелемъ Добруджи. Въ грамотѣ, имъ дарованной въ 1399 году «v Gjurgové grade», онъ титулуется: Ioan Mirča velikyj vojevoda i gospodin... vъsej zemi Ungrovlachijskoj i Zaplaninskym stranam i oba pola po vъsemu Podunavju daže do velikago morê, i Drъstru gradu vladalec (*Jireček*, 346). Тотъ же титулъ повторяется еще въ грамотѣ 1406 года, тогда какъ въ письмѣ, адресованномъ 1 августа (безъ означенія года) изъ Гюргева же къ польскому королю, Мирче его называетъ своимъ родителемъ и себѣ самому присвоиваетъ слѣдующій титулъ: «великыи воевода и самодрьжавный господарь вьсеи земи Басарабской и Заполонинскимъ сторонамъ и *многыимъ Турскимъ городовомъ господинъ* (*Зап. Одесск. Общ.* IV, 322).

Неудивительно было бы, еслибы онъ ими завладѣлъ послѣ несчастія постигшаго Баязида при Ангорѣ, или во время споровъ, происходившихъ между его сыновьями до 1413 года, когда единодержавіе было возстановлено Магометомъ I.

только мили» отъ осажденнаго города, какъ утверждаетъ Каницъ (189). По крайней мѣрѣ мы узнаемъ отъ Шильтбергера, что Сигизмундъ отправился на встрѣчу Туркамъ на *милю* отъ осажденнаго имъ города, а протяженіе это должно считать, разумѣется, не отъ центра его, но отъ того мѣста въ его окрестностяхъ, гдѣ находился лагерь короля. Но и въ новой своей позиціи послѣдній не могъ ожидать непріятеля, будучи принужденъ спѣшить впередъ, вслѣдъ за французскими рыцарями, когда послѣдніе, увлеченные неумѣстною пылкостью своею, напрасно отрицаемою біографомъ маршала Бусико, напали на передовые отряды турецкой пѣхоты и такимъ образомъ еще болѣе приблизились къ главной квартирѣ султана. Рѣшительное сраженіе, поэтому, едва ли не происходило въ мѣстности, отстоявшей не многимъ только далѣе отъ Систова, чѣмъ отъ Никополя, такъ какъ разстояніе между этими городами не превышаетъ сорока верстъ.

При такихъ обстоятельствахъ я, вопреки Каницу (187), остаюсь все еще при своемъ мнѣніи, что Шильтбергеръ передалъ намъ только худое чтеніе имени «Шиштовъ» когда писалъ «Шилтавъ», и что онъ по недоумѣнію только могъ сказать, что городъ этотъ язычниками былъ называемъ Nikopoli. Безъ сомнѣнія, нынѣ еще, какъ замѣчаетъ Каницъ, въ Турціи многія мѣстности у различныхъ народностей означаются совершенно различными названіями; этимъ однако не объясняется замѣтка Шильтбергера, что городъ Schiltav носилъ названіе греческое «in haidnischer sprach». Зато Турки, подобно Грекамъ, легко могли примѣнить это громкое названіе къ блистатель-

Утвердившись на престолѣ, младшій сынъ Баязида не замедлилъ воспользоваться безпорядками, происходившими въ Валахіи, для перенесенія туда своего оружія (1416). Результатомъ этого похода было, кажется, то, что Мирче долженъ былъ уступить султану свои владѣнія на южной сторонѣ Дуная. По крайней мѣрѣ Магометъ, по заключеніи съ нимъ мира, не довольствовался укрѣпленіемъ Журжева, но велѣлъ привести въ лучшее оборонительное состояніе лежавшіе на правой сторонѣ Дуная города Исакчу и Іенисалу.

Города эти входили въ составъ той части Болгаріи, столица которой, по баварскому оруженосцу Шильтбергеру, называлась Kallacercka, то-есть, ни Галата, какъ догадывается Иречекъ (324), ни Каллатисъ, какъ полагалъ Фалльмерайеръ[21]), а вышеприведенный замокъ Каліакра, на мысѣ того же имени, куда бы Гейду[22]), въ свою очередь, не слѣдовало помѣщать

ной побѣдѣ, ими одержанной надъ христіанами въ мѣстности отстоявшей въ верстахъ 20 отъ Чункача. Подобно турецкому исторіографу, юный баварскій оруженосецъ, даже послѣ поступленія въ службу у султана, могъ не знать, что Чункачъ носилъ у туземцевъ другое названіе («den Doppelnamen») Шиштовъ, а потому полагалъ, что они такъ называли тотъ городъ, который его товарищи—язычники именовали Пигеболи. Что Шильтбергеръ или его переписчики и, по ихъ примѣру, именно нѣмецкіе хронисты могли превратить «Шиштовъ» въ «Шилтовъ», Каницъ считаетъ невозможнымъ «потому что названіе Шиштовъ образовалось только въ новѣйшее время изъ древне-болгарской формы Свиштовъ, и что эта послѣдняя рѣшительно не походитъ на Шильтбергерово Шилтовъ». Не разбирая здѣсь, въ какой мѣрѣ эта замѣтка справедлива, я только скажу, что Каницъ, вѣроятно, выразился бы осторожнѣе, если бы онъ, во время его странствованій вдоль и поперегъ Болгаріи, имѣлъ достаточно времени для лучшаго ознакомленія съ «Reisebuch'омъ» служителя Ильдерима, попавшаго, вмѣстѣ съ нимъ, въ плѣнъ къ Тимуру. Ибо въ такомъ случаѣ онъ убѣдился бы, что у него встрѣчаются многія географическія и личныя имена, которыя отъ правильнаго ихъ чтенія болѣе отклоняются, чѣмъ Шилтовъ отъ Систова или, пожалуй, отъ Свиштова. Если допустить, что сраженіе, рѣшившее тогда восточный вопросъ, происходило при *Лоситѣ*, изливающейся въ Осму въ небольшомъ разстояніи отъ дунайскаго Никополя, то и объяснилось бы, почему приведенный сербскій анналистъ могъ смѣшать *Лоситу* съ *Роситою*.

[21]) См. Neumann, Reisen des J. Schiltberger, прим. 115.

[22]) См. *Zeitschrift f. d. gesammte Staatwiss.* XVII, 715.

нынѣшнюю Каварну на мѣстѣ древняго Βιζώνη, на компасовыхъ картахъ gavarna и cavarna; можетъ быть также, въ Воскресенской лѣтописи (Варна, Каварна вмѣсто Карнакаварна), въ Актахъ Патріархата I, 52, 272: Καρνάβα, и можетъ быть Крънъска χωρα, гдѣ подъ Borujska chora слѣдуетъ, въ этомъ случаѣ, разумѣть не окрестности Бургаса, по Berrhoe.

Каліакра же или просто Акра, у Византійцевъ Kalliakra, у древнихъ ἡ Τέριζιςἄκρα съ казнохранилищемъ Лисимаха, по Страбону; на картахъ caliacra, въ Актахъ Патріарх. Γαλιάγρα (I, 52) и Γαλιάκρα (I, 272).

Турецкій туристъ Эвлія-эфенди[23]), брошенный бурею на берегъ Кильгры, засталъ тамъ дервишей, у которыхъ нашелъ радушный пріемъ. Ихъ «конвентъ» находился подлѣ замка, отнятаго изъ рукъ невѣрныхъ Мусою. Но намъ достовѣрно извѣстно[24]), что этотъ сынъ Баязида около 1406 года по приглашенію Мирчи, прибылъ изъ Малой Азіи въ Валахію и отъ него получилъ даже войско для борьбы съ Солиманомъ, соперникомъ ихъ брата Магомета, стало быть, около того времени, когда «укрѣпленный» монастырь св. Николая у Калугерова на Топольницѣ былъ, по преданію, разрушенъ полководцемъ того же Мусы (Иречекъ, 360). Поэтому мнѣ кажется, что Эвлія, едва ли не по недоумѣнію, отнесъ несчастіе, постигшее Калугерово, къ находившемуся подлѣ конвента замку Каліакра, слѣды котораго понынѣ замѣтны на соименномъ ему мысѣ (см. Лоція Черн. моря, 2 изд., 174).

Не ограничиваясь описаніемъ вида этого замка и разныхъ событій, его касающихся, Эвлія еще распространяется о чудѣ, тамъ случившемся при султанѣ Орханѣ и побудившемъ царя Добруджи принять исламъ. Безъ сомнѣнія, истина, пока еще не раскрытая, лежитъ въ основаніи сего разсказа, посему самому заслуживающаго нашего вниманія, сколь бы онъ не казался безразсуднымъ.

---

[23]) Narrative of travels etc., transl. by Hammer, II, 70—72.

[24]) Zinkeisen, Gesch. d. Osm. R. 1, 427.

Такъ, напримѣръ, суевѣрный Эвлія не въ шутку разсказываетъ, что царь Добруджи, по принятіи ислама назвавшійся Кильгра-султаномъ, воображалъ себя, подобно шести другимъ царямъ, обладателемъ гроба Сари-Салтукъ-деде, убитаго Могаммедомъ Бухарою, который поселился въ Паравади (Провадъ) и былъ чтимъ христіанами подъ именемъ патріарха св. Николая (Svity Nicola, the patriarch).

Цари, изъ которыхъ каждый полагалъ, что у него находилось «the true body», были Московскій, Польскій (въ Данцигѣ), Шведскій (въ Bivanjch?), Богемскій (Pezzunijeh, Пильзенъ). Пятый царь былъ Адріанопольскій; по его мнѣнію, настоящій гробъ святаго находился въ монастырѣ Батурія, впослѣдствіи названномъ Баба-эскиси, между Константинополемъ и Адріанополемъ. Шестой царь — Молдавскій хранилъ смертные останки его въ тѣнистомъ мѣстѣ близъ замка Бозакъ, гдѣ Баязидъ II, по взятіи Аккермана, построилъ мечеть, имаретъ, коллегіумъ, баню и памятникъ Сари-Салтукъ-деде: городъ этотъ былъ (тогда) названъ Бабадагъ.

Седьмой гробъ достался царю Добруджи Алп-Мохтару, обратившемуся въ исламъ и помѣстившему гробъ (мнимаго или дѣйствительнаго) святаго въ Кильгрѣ, въ той самой пещерѣ, въ которой настоящій Сари-Салтукъ убилъ семиглаваго дракона и тѣмъ спасъ назначенныхъ въ пищу этому дракону двухъ царскихъ дочерей, обратившихся тогда, подобно ихъ отцу, къ ученію правовѣрныхъ.

Если же Кильгра была главнымъ городомъ *третьей* Болгаріи Шильтбергера, и страна эта въ его время еще входила въ составъ владѣній валахскаго воеводы Мирче, г. Гейдъ[25]) не долженъ былъ, чтобы дать болѣе вѣсу мнѣнію своему о значеніи названія Добруджи, принимать въ буквальномъ смыслѣ слова Халкокондилы (ed. Bon., 326) при описаніи послѣднимъ похода короля Польскаго и Венгерскаго противъ Турокъ въ 1444 г. По византійскому автору, страна, въ которую король, послѣ

---

[25]) Die ital. Colonien etc. въ *Zeitschrift für die allg. Staatswiss.* XVIII, 715

переправы чрезъ Дунай, проникъ и въ которой находились Варна и Каліакра, была подвластна болгарскому князю Добротичу (ἐστρατοπεδεύετο κατὰ τὴν τοῦ Εὐξείνου παραλίαν Δοβροτίχεως τοῦ Μυσοῦ χώραν).

Въ то время не могло быть рѣчи о туземномъ владѣтелѣ ни въ какой изъ трехъ Болгарій временъ Шильтбергера. Гарнизонъ крѣпости Каліакра, также названной Петрецъ[26]) и взятой христіанами, состоялъ изъ Турокъ, которые были перерѣзаны при взятіи крѣпости приступомъ. Подобную участь имѣли гарнизоны Варны и другихъ городовъ Добруджи, взятыхъ Владиславомъ до рѣшительнаго сраженія. Поэтому я не сомнѣваюсь, что латинскій переводчикъ намъ передалъ правильно настоящій смыслъ приведенныхъ словъ Халкокондилы, когда его заставляетъ говорить не о князѣ Добротичѣ, но объ области, которая съ давнихъ поръ называлась нынѣшнимъ ея именемъ: Vladislavus... castrametatus est juxta Euxini maritimam Dobroditiam, Bulgarorum regionem.

Что эта область названіемъ своимъ была обязана не деспоту Добротичу, но мѣстнымъ своимъ особенностямъ, можно заключить и изъ того обстоятельства, что прекрасная по качеству почвы равнина, поднимающаяся террасами надъ лѣвымъ берегомъ Моравы (Kanitz, I, 156), также называлась Dobriča, и это «polje divno i veliko» (*Jireček*, 34) явно тождественно съ полемъ «Dobroucz», на которомъ Владиславъ, на обратномъ пути изъ похода 1443 года, вздумалъ перезимовать[27]).

Пока мнѣ не докажутъ, что и это поле получило свое названіе отъ какого-нибудь Добротича, я считаю себя въ правѣ держаться мнѣнія, что *тесть* Михаила Палеолога свое имя заимствовалъ скорѣе у Добруджи, чѣмъ ей передалъ.

Да позволено мнѣ будетъ помѣстить здѣсь согласное съ дѣйствительностью изображеніе того впечатлѣнія, которое произвела южная часть Добруджи, прекраснымъ видомъ своимъ

---

[26]) Engel, l. c., cp. *Πετρίν* въ Acta Patr. I, 241.

[27]) Pamietnik Janczara, Sanok, 1868 p. 64.

на извѣстнаго ботаника Коха [28]), посѣтившаго ее, правда, весною: «степь была украшена прекраснѣйшими растеніями и травами: разнообразіе различныхъ ихъ родовъ казалось даже значительнѣйшимъ чѣмъ на нашихъ лугахъ... душистыя губоцвѣтныя и ромашки преобладали; но и другіе многочисленные роды встрѣчались въ изобиліи и при своемъ пестромъ смѣшеніи представляли пріятный видъ. Только мѣстами извѣстныя семейства встрѣчались большими массами, занимая широкія пространства».

«Таковъ обширный край», говоритъ въ свою очередь Zekeli [29]), «въ балкахъ котораго прячутся деревни съ своими неизбѣжными вѣтренными мельницами, гдѣ все богатство живущихъ въ патріархальномъ быту различныхъ народностей составляютъ буйволы, лошади, рогатый скотъ и огромныя стада овецъ,—и въ которомъ кочевали издревле различныя племена съ своими стадами; гдѣ и нынѣ еще проходятъ трансильванскіе Моканы съ своими овцами и скотомъ, идя на зимовку на острова Дунайской дельты».

Что этотъ край, подобно «дивному полю Моравскому», могъ быть названъ Добруджею, по выгодамъ, которыя онъ представлялъ не только тюркскимъ кочевникамъ и румынскимъ пастухамъ, но и славянскимъ домоводамъ, издревле туда переселившимся изъ-за Дуная, читатель усмотритъ изъ слѣдующихъ данныхъ, заимствованныхъ мною изъ докладной записки Н. Х. Палаузова, поданной имъ въ апрѣлѣ 1854 года командовавшему южною арміею князю Горчакову и обязательно сообщенной мнѣ авторомъ.

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ о Добруджѣ г. Палаузовъ: «Подъ именемъ Добруджи разумѣется страна, омываемая нижнимъ Дунаемъ отъ Силистріи до Сулина и отъ сего послѣдняго Чернымъ моремъ до Варны. Провинція эта, весьма мало населенная, заключаетъ въ себѣ обширныя и плодоносныя

---

[28]) Reise nach Constantinopel etc. p. 108.
[29]) Der Haemus, etc. Berlin, 1875 pag. 24.

поля, засѣваемыя хлѣбомъ. Она въ этомъ отношеніи можетъ быть названа житницей придунайской Болгаріи. Жители Софійскаго округа, съ границъ Сербіи, стекаются сюда для засѣва обширныхъ полей Добруджи хлѣбомъ». Вотъ почему удивляющійся внезапному богатству своего знакомаго, такъ легко удовлетворяется тѣмъ объясненіемъ, что послѣдній «лѣтось ходи на Добруджа».

X.

Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ[1]).

Извѣстно, что въ началѣ списка именъ «градомъ всѣмъ Русскымъ, дальнимъ и ближнимъ», приложеннаго къ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Лѣтоп. VII, 240), таками значатся: «На Дунаѣ Видицовъ о седми стѣнъ каменныхъ, Мдинъ (ок. Калафата противъ Видина?); объ ону страну Дуная Търновъ, ту лежитъ святая Пятница, а по Дунаю: Дрествинъ (Силистрія), Дигинъ (Мачинъ, древняя Диногетія), Килія (старый городъ сего имени противъ нынѣшней Киліи); на устьѣ Дуная: Новое село (Киліянова), Аколятра (Ликостоміонъ, Вилково); на морѣ: Карна (Варна), Каварна. А на сей стронѣ Дуная: на устьѣ Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ (Аккерманъ), Черньь (с. Граденица), Аскый торгъ (Яссы) на Прутѣ рѣкѣ; Романовъ торгъ на Молдавѣ, Немечь, въ горахъ: Корочюновъ Камень (Піетра), Сочава, Сереть, Баня, Нечюнь, Коломья, городокъ на Черемошѣ».

Приводя это мѣсто, къ сожалѣнію, понынѣ не достаточно объясненное, въ 387-мъ примѣчаніи къ IV-му тому своего великолѣпнаго труда[2]), Карамзинъ прибавляетъ отъ себя только слѣдующее: «Князья Галицкіе могли владѣть и частью Волошской земли; но сомнѣваюсь, чтобъ они господствовали до Терновы. Сей географъ именуетъ, кажется, болгарскіе города рос-

[1]) Изъ Ж. М. Н. Просв. 1877 г.
[2]) Изд. *Эйнерлинга*, I, 156.

сійскими единственно для того, что они были завоеваны великимъ княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ».

При всемъ авторитетѣ, которымъ, въ вопросахъ сего рода, всегда будетъ пользоваться отзывъ нашего исторіографа, я въ этомъ случаѣ осмѣливаюсь усомниться въ основательности его мнѣнія. Вотъ мои доводы:

1) Изъ упомянутыхъ въ спискѣ городовъ по обѣимъ сторонамъ Дуная многіе вовсе еще не существовали во времена Святослава; изъ прочихъ одинъ только Дрествинъ поименованъ въ числѣ 80 (или 18) городовъ, имъ завоеванныхъ, и къ которымъ не могли не принадлежать Большой и Малый Прѣславъ, пройденные молчаніемъ въ спискѣ.

2) Во время составленія этого списка едва ли сохранилось въ народѣ воспоминаніе о подвигахъ нашего великаго князя, при смутахъ и переворотахъ, съ тѣхъ поръ безпрерывно терзавшихъ Болгарію до покоренія Терновскаго царства Османами.

3) Исторія сего царства имѣетъ отрывочный характеръ, при маломъ числѣ сохранившихся источниковъ и при невозможности различать всѣ событія, положительно случившіяся, отъ поэтическихъ ихъ украшеній и смѣшанныхъ съ ними легендъ. До какой степени эта замѣтка наша справедлива, читатель можетъ усмотрѣть изъ сочиненія г. Иречка, недавно вышедшаго и повсюду встрѣченнаго съ большою похвалою.

При такихъ обстоятельствахъ я, на основаніи данныхъ, заимствованныхъ преимущественно изъ русскаго перевода (Одесса, 1878) труда г. Иречка, попытаюсь показать, что въ вышеприведенномъ спискѣ болгарскіе города могли быть названы русскими потому, что во время составленія Воскресенской лѣтописи у насъ еще не было совершенно забыто участіе, принятое Русскими князьями въ дѣлахъ Болгаріи не задолго передъ тѣмъ.

Къ князьямъ этимъ я не рѣшаюсь причислить Черниговскаго князя Ростислава Михайловича, зятя Венгерскаго короля Белы IV и бана Мачвы, ибо считаю весьма правдоподобнымъ

мнѣніе Палацкаго, что этотъ венгерскій вассалъ въ чешскихъ лѣтописяхъ только потому называется «dux Bulgarorum», что подъ Bulgari здѣсь слѣдуетъ разумѣть православныхъ, а вовсе не по той причинѣ, будто бы онъ привелъ изъ Болгаріи отрядъ войска на помощь тестю своему противъ Чешскаго короля Премысла Оттокара, какъ утверждаетъ г. Макушевъ, который въ своей критикѣ [3]) книги г. Иречка старается новыми доводами защищать ошибочное мнѣніе Палаузова, видѣвшаго въ Ῥῶσος Οὖρος Акрополиты не короля Сербскаго Стефана Уроша I, но Русскаго (князя) Ростислава. Но, не говоря о томъ, что рукописи Акрополиты, до насъ дошедшія, не стары, и что, при средневѣковомъ греческомъ писаніи, сокращенное имя στέφανος позднѣйшимъ безграмотнымъ переписчикомъ легко могло быть превращено въ ῥῶσος, спрашивается: какимъ образомъ изъ словъ «Русскій» и «Урошъ» могло составиться имя Ростиславъ? Притомъ у Акрополиты вмѣсто Ῥῶσος Οὖρος часто читается просто Οὖρος: это уже явно Урошъ, а не послѣдняя часть имени Ростислава.

Зато мы, вмѣсто Роса Уроша Византійца, въ правѣ видѣть Русскаго, по крайней мѣрѣ по происхожденію, въ Болгарскомъ деспотѣ Святославѣ, пославшемъ въ 1262 году архіепископу Кіевскому Кириллу копію Номоканона, въ которой сказано: «Всея роускіа земля благодержавнаго родіа моего, ихже отрасль и корѣнь азъ быхъ святыхъ праотець моихъ» [4]). Около того времени Святославъ былъ полусамостоятельнымъ владѣтелемъ при сѣверныхъ отрогахъ западной части Балкана.

Подъ 1271 годомъ упоминается «Swetizlaus imperator Bulgarorum», на ряду съ Сербскимъ королемъ Урошомъ, въ мирномъ договорѣ между королями Венгерскимъ и Чешскимъ [5]). Женившись на одной изъ сестеръ ослѣпленнаго Михаиломъ VIII императора Никейскаго Іоанна Ласкаря, онъ сталъ сво-

---

[3]) *Ж. М. Н. Прос.*, апрѣль и май 1878 г.

[4]) *Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. библ. 290.

[5]) *Emler*, Regesta Bohemiae et Moraviae, II, 302.

комъ тогдашняго Болгарскаго царя Константина. Еще при жизни этого царя, впавшаго въ тяжкую болѣзнь, супруга его Марія пригласила мужа сестры пріѣхать въ Терновъ, гдѣ старый тогда уже Святославъ былъ торжественно ею усыновленъ и объявленъ «младшимъ братомъ» ея сына Михаила; вскорѣ однако онъ тамъ же поплатился жизнью за свою довѣрчивость къ своей «матери».

Въ декабрѣ того же (1277) года царь Константинъ палъ въ борьбѣ съ гайдукомъ неизвѣстнаго происхожденія, бывшимъ прежде пастухомъ и отличившимся затѣмъ до такой степени побѣдами надъ Татарами, ворвавшимися въ Болгарію, что ему передавались цѣлыя области, и что онъ сталъ домогаться владычества надъ всѣмъ царствомъ. Собственное имя его «Ивайло» мы впервые встрѣчаемъ у г. Иречка (стр. 366); прежде его знали только подъ прозвищемъ его Кордокубасъ, или правильнѣе, по остроумной догадкѣ г. Срезневскаго, Бърдокубасъ, такъ какъ въ греческомъ переводѣ (у Пахимера) это имя гласило Λαχανᾶς. Слово это явно перешло отъ Грековъ къ Туркамъ, у которыхъ капуста нынѣ еще называется лахана. Г. Макушевъ удивляется[6]), почему г. Иречекъ этого временщика называетъ Брѣдоквою (то-есть, брюквою) вмѣсто Брѣдоквеникъ (брюквоѣдъ), какъ читаетъ г. Срезневскій съ Палаузовымъ. Но Βορδοκούβας есть явно греческая форма имени Брѣдоква; слово Брѣдоквеникъ предполагаетъ греческое Βορδοκουβεννίκας. Впрочемъ г. Макушевъ не хочетъ вѣрить въ тождество этого Лахапаса съ Ивайломъ, но увѣренъ, что подъ послѣднимъ слѣдуетъ разумѣть внука венгерскаго вассала Ростислава Іоанна Михайловича, котораго въ свою очередь отождествляетъ съ «мнимымъ» Асѣневичемъ Іоанномъ, женатымъ на дочери Византійскаго императора. Съ помощью тестя этотъ Іоаннъ надѣялся воспользоваться неудовольствіемъ Терновцевъ противъ вдовствующей царицы, чтобы завладѣть ихъ городомъ и тамъ воцариться. Марія же, желая во что бы ни стало со-

[6]) *Ж. М. Н. Пр.* май 1878 г. стр. 69.

хранить престолъ за собою и за сыномъ своимъ Михаиломъ, не только прибѣгла тогда подъ покровительство Лаханаса, но забывъ стыдъ и узы родства, вышла замужъ за убійцу супруга и отпраздновала съ нимъ свадьбу и коронацію весною 1278 года. Когда же вскорѣ послѣ того новый царь принужденъ былъ выступить съ войскомъ изъ столицы для отраженія Татаръ, Греки воспользовались его отсутствіемъ, чтобы подступить къ Терново, откуда Марія съ сыномъ были тогда отправлены въ Константинополь, и куда оттуда прибылъ претендентъ Іоаннъ Асѣнь вмѣстѣ съ супругою Ириною, весною 1280 года[7]). Но этотъ подручникъ Грековъ не могъ долго тамъ держаться и былъ принужденъ возвратиться въ Константинополь послѣ пораженій, нанесенныхъ, гдѣ-то около Средней горы лѣтомъ 1280 года, возвратившимся изъ-за Дуная Бордоквою двумъ отрядамъ, посланнымъ императоромъ на помощь зятю. Противники Ивайла провозгласили царемъ въ Терновѣ шурина Іоанна Асѣня Георгія Тертерія, происходившаго изъ знатнаго половецкаго рода, бывшаго также въ свойствѣ съ самыми знатными болярами и заслужившаго всеобщую любовь своимъ умомъ и храбростью.

Въ невозможности бороться съ подобнымъ соперникомъ, Лаханасъ обратился съ просьбой о помощи къ прежнему врагу своему, «окаянному» Нагаю нашихъ лѣтописцевъ, который, по Пахимеру (V, 4, p. 236) съ 1270-хъ годовъ образовалъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря независимое отъ хана Золотой орды владѣніе, съ помощью подчинившихся ему туземцевъ изъ Русскихъ, Зиховъ, Готовъ и Алановъ. Подъ послѣдними разумѣются здѣсь не кавказскіе, но сосѣди черноморскихъ Готовъ, прежде и послѣ встрѣчающіеся въ числѣ обитателей Таврическаго полуострова. Поэтому Дюбуа[8]) можетъ быть и не ошибается, полагая, что Матвѣй Мѣховскій имѣлъ въ виду Алановъ, когда говоритъ объ Уланахъ, которые, во время на-

[7]) *Палаузовъ*, Юго-восточная Европа въ XIV в., 57.
[8]) Voyage autour du Caucase, VI, 235.

шествія Татаръ чрезъ Перекопскій перешеекъ, вторглись въ Крымъ, гдѣ ими заняты были многіе города и мѣстечки. Дѣйствительно, мы находимъ у восточнаго автора, приведеннаго Доссономъ[9]), что Ногай, сынъ Татара, сына Букала (или Могола), сына Боруджи, завоевалъ часть Россіи, Эрбади (Арабатъ) и Керетъ (Керчь), «dont il s'était formé une principauté»

Ногай весьма ласково принялъ прибѣгнувшаго подъ его покровительство Ивайла, возилъ его сначала по своимъ кочевьямъ, но подъ конецъ велѣлъ измѣннически умертвить его во время одной пирушки.

Таковъ былъ трагическій конецъ болгарскаго «pastor, latro, dux»; но подобно тому какъ Лузитанцы свято чтили имя Виріата, прозвище Ивайла долго еще сохранилось въ памяти народа. Когда въ 1294 году появился Псевдо-Лахапасъ, подъ знамена его толпами стали стекаться болгарскіе пастухи изъ византійской Ѳракіи, чтобы сражаться противъ малоазіатскихъ Турокъ.

Между тѣмъ могущество Ногая все болѣе и болѣе возрастало. Въ 1285 году Татары одновременно напали на Венгрію и Болгарію, перешли чрезъ Балканъ и опустошили Ѳракію и Македонію. Хотя Тертерій, чтобъ удержаться на престолѣ, рѣшился выдать дочь свою за Чаку (Чакасъ, Чоки, Чага), сына Ногая; но тѣмъ не менѣе ханъ заставилъ его бѣжать въ Грецію и поставилъ, въ 1292 году, на его мѣсто данника царя, болярина Смильца, женатаго на внучкѣ Андроника II, сына и преемника Михаила VIII. Между тѣмъ Ногай поссорился съ ханомъ Тохтою, которому нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ самъ помогъ водвориться въ ордѣ. Дошло между ними до войны, въ которой Ногай, одержавшій сначала побѣду надъ своимъ противникомъ въ мѣстности, именуемой «Yacssi», лежавшей на серединѣ пути между резиденціями обоихъ, а по

---

[9]) Histoire des Mongols, IV, p. 751 и 758.

другимъ[10])—при Tedjesmari (на Дону), при вторичной встрѣчѣ былъ разбитъ и плѣненъ, по Новаири[11]), однимъ русскимъ воиномъ, который, отрубивъ ему голову, представилъ ее хану; но вмѣсто ожиданной награды за эту услугу, Тохта приказалъ его казнить, по той причинѣ, что простой ратникъ дерзнулъ поднять руку на лицо царскаго рода.

Карамзинъ[12]) не ошибается, догадываясь, что Ногаи, которые еще недавно кочевали въ нашихъ степяхъ, обязаны своимъ названіемъ имени этого татарскаго «kingsmaker», и я не сомнѣваюсь, что юртъ его находился на полуостровѣ, образуемомъ нижнимъ теченіемъ Днѣстра и его притокомъ Кучурганомъ, или правильнѣе, Курчуганомъ. На картѣ Андрея Біанко 1436 года стоитъ въ этой мѣстности приписка ya de nogay, тогда какъ въ другихъ морскихъ картахъ XIV и XV столѣтій читается только zizera, вмѣсто арабскаго джезире (островъ, полуостровъ).

Въ недальнемъ отсюда разстояніи должно было находиться роковое для Ногая поле битвы, происходившей, по Гаммеру[13]), въ окрестностяхъ Буга, по Юлю, къ югу отъ Днѣстра; извѣстіе это можно согласовать съ замѣткою Новаири[14]), что Ногай палъ въ сраженіи при Куганликѣ, между тѣмъ какъ отъ этого имени явно произошло названіе Куяльницкаго лимана, близь Одессы.

Въ приведенныхъ морскихъ картахъ здѣсь читается приписка zinestra (ginestra), быть можетъ, какъ я старался показать[15]), названная по дикорастущимъ и теперь еще въ этой мѣстности linaria genistafolia, и что итальянскіе моряки перевели только по своему татарское названіе этой мѣстности; предоставляю впрочемъ нашимъ оріенталистамъ объяснить настоящее значеніе названія Куяльникъ.

---

[10]) *Доссонъ*, IV, 760, ср. Yule, M. P. 2-е изд. 499.

[11]) *Доссонъ*, IV, 755.

[12]) Изд. *Эйнерлинга*, IV, 58.

[13]) Gesch. d. G. Horde, 273.

[14]) *D'Ohsson*, I, 1, 755.

[15]) *Bull. de l'Ac. des Sc. de S.-P.* 1860 г.

Если же мнѣ удалось опредѣлить точнѣе прежняго, гдѣ именно погибъ могущественный владѣтель Черноморья, то сознаюсь, что поставленъ былъ въ тупикъ разногласіемъ современныхъ писателей касательно года его смерти и приключеній его сына. Византійцы, по которымъ, согласно съ нашими лѣтописцами, Ногай умеръ въ бѣгствѣ въ 1293 году[16]), повѣствуютъ, что Чакасъ съ остатками отцовскаго войска двинулся въ Болгарію и съ помощью своего шурина Ѳеодора Святослава, сына Тертерія, успѣлъ оттуда вытѣснить Смильца и овладѣть Терновомъ, гдѣ Святославу, перемѣнившему внезапно свой образъ дѣйствій, не трудно было съ нимъ справиться.

По Пахимеру (II, 264 и сл.) татарскаго узурпатора неожиданно схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и былъ удавленъ палачами-жидами въ 1295 году. Послѣ этого рѣшительнаго поступка Святославъ вступилъ на престолъ Асѣневичей, вѣроятно, съ согласія хана Золотой орды, такъ какъ первый послалъ голову убитаго сына Ногая врагамъ сего послѣдняго въ Крымъ.

Въ свою очередь, восточные писатели относятъ сраженіе при Куганликѣ и смерть Ногая къ 699 году геджры, то-есть, къ 1298—1299 годамъ нашей эры, и разсказываютъ, что сыновья его Чага (Чакасъ) и Тага съ отрядомъ въ 1000 человѣкъ спаслись въ землю Келардовъ и Башкурдовъ[17]), то-есть, Польшу или Галицію и Венгрію.

Вскорѣ затѣмъ, Чага, раздѣлавшись съ братомъ убійствомъ[18]), отправился въ страну Асовъ (le pays d' Ass), гдѣ стоялъ туманъ его войска, и куда затѣмъ прибыли другіе его воины.

Подъ Асами здѣсь не разумѣются тѣ изъ нашихъ Ясовъ или Алановъ, которые все еще обитали на Кавказѣ и съ помощью Русскихъ князей были побѣждены ханомъ Менгу-Тимуромъ въ 1277 году, то-есть, въ то самое время, когда Ногай

---

[16]) *Muralt*, Chron. byz. II, 462.
[17]) *D'Ohsson*, l. c., 761.
[18]) Тамъ же, 755.

былъ еще занятъ борьбою съ Лаханасомъ въ Болгаріи[19]). Въ сосѣдствѣ съ этою страной, а не съ Волжской Болгаріей, должна была находиться страна Асовъ, куда былъ отправленъ татарскій полководецъ Субудай Богадуръ послѣ похода, предпринятаго Батыемъ противъ Пулу (Поляковъ) и Башкурдовъ[20]). Опорою этого смѣлаго мнѣнія можетъ служить нижеслѣдующая приписка въ концѣ древняго Ватиканскаго кодекса (codex gr. reginae, 18), по событіямъ относящаяся къ 6751 (1243) году и обязательно сообщенная мнѣ профессоромъ Ѳ. И. Успенскимъ, который списалъ ее съ оригинала въ Римѣ: Ἠγοράσθη ἡ παροῦσα βίβλος διὰ Θεοδώρου Γραμματικοῦ μετὰ τὴν ἐπιδρομὴν τῶν ἀθέων ταρτάρων, βασιλεύοντος ἐν τῇ Βουλγαρίᾳ Καλλιμάνου τοῦ Ἀσὰν υἱοῦ Ιω τοῦ Ἀσὰν...

Если не ошибаюсь, то жилища этихъ Алановъ должны были находиться въ Молдавіи, гдѣ многіе изъ нихъ, подобно Половцамъ, послѣ сраженія при Калкѣ, нашли убѣжище съ своимъ ханомъ Котяномъ, котораго Карамзинъ (IV, 7) заставляетъ перебираться въ Астраханскія степи до его переселенія въ Венгрію. Безъ сомнѣнія, его примѣру не послѣдовали всѣ его единоплеменники даже послѣ 1279 года, когда большая часть «Кумановъ и Ясовъ» переселены были изъ Молдавіи въ Венгрію Ладиславомъ IV[21]).

По всей вѣроятности, нынѣшняя столица Молдавіи названіемъ своимъ обязана, какъ еще думалъ Штриттеръ, этимъ мнимымъ Язигамъ позднѣйшихъ авторовъ, чѣмъ и объясняется причина, по которой въ Актахъ патріархата Константинопольскаго Молдавія называется Мавровлахіей «τῆς Ἰασίας».

Напрасно Карамзинъ (IV, 58) вѣритъ Кантемиру, будто бы тамъ до временъ господаря Молдавскаго Стефана существовала одна только мельница, на мѣстѣ которой онъ постро-

---

[19]) *Карамзинъ*, IV, 80.

[20]) См. *Березинъ*, Нашествіе Батыя на Россію, въ *Ж. М. Н. Пр.* LXXXVI стр. 83 и 90.

[21]) *Куникъ*, О Тюркахъ, Печенѣгахъ etc. въ *Учен. Зап. Имп. Ак. Н. по I-му и III-му Отд.* 738.

илъ городъ, названный имъ именемъ добраго мельника «Яссія». Что городъ этотъ существовалъ гораздо раньше, явствуетъ также изъ попавшаго въ Воскресенскую лѣтопись имени «Асскій торгъ», равно какъ и изъ грамоты Молдавскаго господаря Александра 1407 года, гдѣ говорится о таможенныхъ пошлинахъ, взымаемыхъ въ Яссахъ[22]). Объ этомъ же городѣ говорится также въ валашской грамотѣ 1412 года: «Et quod Forum Jasky-Terg in sinistra parte fluvii Pruth situm maneat pro nobis». Длугошъ (изд. 1711 г. I, 18) отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Item Dressa (fluvius) cujus fons circa Drogum opidum, ostia prope Jasky-Torg in Pruth, alias Philistinorum forum», то-есть торжище «стрѣлковъ изъ лука», какъ стали называть Ясовъ, потому что таково значеніе ихъ имени на мадьярскомъ языкѣ[23]).

Подобно столицѣ Молдавіи, расположенныя на нижнемъ Днѣстрѣ одно противъ другаго селенія Ясска и Оленешти суть живые еще свидѣтели пребыванія здѣсь въ прежнія времена предковъ нынѣшнихъ Осовъ (Осетовъ, Осетинцевъ). Въ этихъ же мѣстахъ, а не въ окрестностяхъ Владикавказа должны были находиться становища тѣхъ 16,000 Алановъ, которые, по Пахимеру (IV, 16), переселились изъ-за Дуная въ Грецію, гдѣ способные носить оружіе, числомъ 8,000, вступили въ императорскую службу въ 1301 году.

Около этого времени сынъ Чаги Кара Кишикъ спасся съ 3,000 всадниковъ во владѣнія Шемшемена; остановившись въ урочищѣ Бадулъ близъ «Gueuk» (Керчь?), они тамъ долго удержались, живя грабежами окрестныхъ областей. Къ нимъ, вѣроятно, относится приписка древняго греческаго синаксаря[24]) о появленіи предъ Сугдеею Ностаева (вмѣсто Нокаева или Ногаева) войска въ декабрѣ 1299 года.

Еще до этого самъ Чага, не считая себя довольно силь-

---

[22]) Акты относящіеся къ ист. Зап. Россіи, I, 30.

[23]) См. Mailath (*Johann Graf*), Geschichte der Magyaren, V, приб. p. 23.

[24]) *Зап. Одесск. Общ.*, V, 596.

нымъ, чтобы противостоять войску, посланному противъ него Тохтою, перебрался изъ Молдавіи въ землю Авалакъ (le pays d'Avalac), гдѣ командовалъ Саируджа, одинъ изъ его приближенныхъ (l'un de ses proches). Итакъ, кажется, что Чага остался на лѣвой сторонѣ Дуная, если только Новаири подъ словомъ «Avalac» разумѣлъ Валахію, а не Болгарію. Арестованный военачальниками Саируджи, опасавшимися гнѣва Тохты, Чага былъ запертъ въ замокъ Тутуа и тамъ вскорѣ затѣмъ, въ 700 году геджры, умерщвленъ былъ по приказанію хана.

Передавъ брату своему Бузлуку удѣлъ (l'apanage) Ногая, Тохта раздѣлилъ (прочія) владѣнія его между своими сыновьями Бегилъ-бога и Ирбасси. Бегилъ-бога получилъ Саикджи на Дону (то-есть, Исакчу на Дунаѣ) и сосѣдственныя Желѣзнымъ воротамъ области, прежде подвластныя Ногаю (ancien territoire de N.)—въ окрестностяхъ не Дербенда, на Кавказѣ, но прохода «Надиръ Дербендъ» въ Болгаріи или, еще вѣрнѣе, прохода «Демиръ Капу», игравшаго важную роль во время втораго болгарскаго царства (1186—1393)[25]). Ирбасси утвердился на берегахъ, повидимому, рѣки Буга. Между тѣмъ Святославъ, въ связи съ своимъ дядей Эльтемиромъ, деспотомъ Крнскимъ, такъ удачно боролся съ Греками, что послѣдніе принуждены были уступить ему завоеванные имъ по Гему города отъ Тунджи до моря, около 1308 года, хотя онъ въ свою очередь подобно нашимъ князьямъ принужденъ былъ признать надъ собою верховную власть хана Золотой орды.

Это мы, между прочимъ, усматриваемъ изъ карты Каталанской, гдѣ, подлѣ имени города Сарая, изображенъ сидящій на престолѣ императоръ этой «regio septentrional, del qual», какъ читается тутъ же въ припискѣ, «lo imperi comenca en la provincia de Burgaria e feneix en la ciutat de Organ-

---

[25]) См. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel, 1877, стр. 147 и 150.

cio. Le senyor es appellat Jambech (т. е. Джанибекъ) senyor del Sarra».

Помѣщая эту провинцію въ Бухарію (Tartarie indépendante etc.) французскіе издатели атласа (Not. et Extr. XIV, 2, стр. 129) по невниманію смѣшали эту страну съ «волжскою» Булгаріею, хотя и тутъ ошиблись бы, потому что составитель карты подъ своей «provincia de Burgaria» могъ только разумѣть дунайскую Болгарію.

Подобнымъ образомъ не къ волжской Болгаріи, какъ полагалъ ученый Кастигліони (Monete cufiche 242), но къ дунайской относится слѣдующее мѣсто изъ приведеннаго г. Десимони[26]) Itinerar. Aut. Ususmaris: «In ista provincia manet Imperator Usbech scilicet in Civitate Serai. Imperium suum incipit in provincia de Burgaria scilicet in Civitate de Vecina et finit in Civitate de Cergaughi».

Но если такъ, то намъ не трудно будетъ возстановить настоящій смыслъ слѣдующаго искаженнаго фрагмента генуэзской грамоты 1418 года[27]):

«Et intelligatur dictum Imperium Usbech flumen Vicine versus Thanam».

Подъ этой рѣкою явно разумѣется изливающаяся въ Черное море къ югу отъ Варны Камчіа или Камчикъ, названная la Viça на картѣ Весконте, viça на картѣ братьевъ Пицигани, Veza на картѣ каталанской и т. д.

Съ этихъ поръ дружескія отношенія между Греками и Болгарами болѣе не прерывались до самой смерти Святослава († 1322 г.); но война съ Византійцами возобновилась и продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ при воинственномъ сынѣ его Георгіѣ Тертеріѣ II, который, впрочемъ, не долго царствовалъ († 1323 г.).

Во время безначалія, открывшагося тогда въ Болгаріи, боляре избрали царемъ сына Бдинскаго деспота Шишмана Ми-

---

[26]) I conti dell'ambasciata al chan di Persia, стр. 50 прим.
[27]) Atti della Società Ligure, XIII, 304.

хаила, которымъ начинается послѣдняя династія царства Терновскаго.

Новый царь (1323—1330 гг.) прежде всего завоевалъ обратно отпавшіе балканскіе города и послалъ подкрѣпленіе въ завоеванный еще при Тертеріѣ II Филиппополь, гдѣ съ тѣхъ поръ держался полководецъ Михаила Русскій Иванъ съ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 2,000 болгарскихъ и аланскихъ всадниковъ. Безъ сомнѣнія, и эти Аланы не пришли туда прямо съ Кавказа, но принадлежали къ тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые по смерти Ногая перешли чрезъ Дунай изъ своихъ жилищъ при нижнемъ Днѣстрѣ и Прутѣ, еще не совершенно покинутыхъ ими въ XV столѣтіи, почему и Іос. Барбаро имѣлъ полное право сказать, что въ его время смежная съ Готіей Аланія простиралась до окрестностей Монкастра[28]). Когда же Иванъ съ своими людьми вышелъ изъ Филиппополя на встрѣчу подступившимъ къ нему на помощь Болгарамъ, греческіе граждане города заперли позади его ворота и съ другой стороны впустили Византійцевъ.

Зато Михаилъ не замедлилъ опустошить всю верхнюю Ѳракію, пользуясь междоусобіемъ, терзавшимъ Грецію по случаю спора за престолъ между императоромъ Андроникомъ II Старшимъ и внукомъ его, Андроникомъ Младшимъ. Начавшись еще въ 1321 году, споры эти возобновились въ 1327 году съ возростающею силою, весьма кстати для юго-славянскихъ державъ. Сербскій царь держалъ сторону старшаго императора, Михаилъ — младшаго, что̀ не помѣшало ему однако вступить вскорѣ затѣмъ въ тайные переговоры съ первымъ, доведеннымъ до крайности побѣдами внука на западѣ. Подъ предлогомъ пособія царь Болгарскій отрядилъ Ивана съ 3,000 всадниковъ въ слабо защищенный и изнуренный голодомъ Константинополь, самъ же съ болгарскими и татарскими войсками сталъ лагеремъ у Діамполя (Ямболь). Опасаясь вредныхъ для себя слѣд-

---

[28]) См. *Васильевскій*, Русско-византійскіе отрывки, VII, въ *Ж. М. Н. Пр.* 1877 г., стр. 109.

ствій этихъ дѣйствій прежняго своего союзника, Андроникъ Младшій рѣшился оставить западъ и поспѣшилъ съ войскомъ на берегъ Понта. По всей вѣроятности, русскому сподвижнику царя Болгарскаго поручено было овладѣть Константинополемъ, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы дѣломъ не слишкомъ труднымъ для человѣка опытнаго и энергическаго, каковъ былъ Иванъ (Cantacuz, II, 815 и сл.), которому императоръ, недовѣрчивый къ Грекамъ, хотѣлъ вручить дворцовую стражу; затѣмъ Михаилъ покончилъ бы остальное ускореннымъ переходомъ и такимъ образомъ успѣлъ бы въ томъ, къ чему напрасно стремились Симеонъ и Асѣнь II. При видѣ опасности, грозившей имперіи, молодой императоръ отправилъ въ тайнѣ вѣстника къ дѣду и умолялъ его не пускать Болгаръ въ дворцы иначе, какъ въ маломъ числѣ, и то безъ оружія, брать предосторожности за обѣдомъ и окружать себя только греческою стражею. Хотя старецъ отвѣчалъ внуку, чтобы тотъ нисколько не заботился о немъ, тѣмъ не менѣе самъ послѣдовалъ его совѣту и велѣлъ впустить въ городъ одного только Ивана съ немногими всадниками, и то на короткое время. Въ 17-ти верстахъ отъ городскихъ стѣнъ расположились Иванъ и Андроникъ Младшій, оба страстно желая овладѣть Царьградомъ. Такъ какъ дѣло между ними еще не доходило до формальнаго объявленія войны, то Андроникъ Младшій пригласилъ къ себѣ Ивана вмѣстѣ съ его подчиненными, угостилъ ихъ и надѣлилъ подарками, обѣщая надѣлить ихъ еще болѣе, еслибъ они согласились уйдти со своими. Въ то же время онъ отправилъ посла къ Болгарскому царю съ жалобою на нарушеніе договора. Михаилъ, узнавъ такимъ образомъ о неожиданномъ для него прибытіи молодаго императора, поспѣшилъ приказать Ивану немедленно вернуться домой, послѣ чего болгарское войско внезапно исчезло изъ окрестностей Константинополя[29]).

Нѣсколько дней спустя городъ этотъ былъ взятъ врасплохъ Андроникомъ III, и 70-ти лѣтній старикъ низложенъ

---

[29]) *Иречекъ*, Ист. Болг., Одесса 1878 г. стр. 384—386.

(24-го мая 1328 года). Михаилъ, обманутый въ своихъ разсчетахъ на послѣдствія междоусобія, въ томъ же году напалъ на владѣнія императора. Вскорѣ однако онъ не только примирился съ нимъ, но и заключилъ союзъ противъ Сербскаго короля, съ которымъ оба были въ враждебныхъ отношеніяхъ. Къ греко-болгарскому союзу приступили потомъ еще Валашскій воевода Иванъ Басараба, «Черные Татары» и «господство Яшко».

Къ послѣднему безспорно принадлежалъ городъ Яссы, который и теперь по молдавски называется Яши. Въ этихъ же мѣстахъ должны были находиться кочевья Татаръ, называемыхъ «Черными» по той же причинѣ, по которой смежная съ Угровлахіей Молдавія, которую позже Турки называли Кара-багданъ, была тогда уже извѣстна Грекамъ подъ названіемъ Мавровлахіи, и по которой городъ Бѣлый (Аккерманъ) у нихъ превратился въ Черный (Маврокастронъ), а затѣмъ снова былъ переименованъ въ Бѣлый. Въ генуэзскихъ грамотахъ «Нижнею Валахіею» называется не Валахія, но Молдавія. Такъ напр. на одной изъ нихъ, вѣроятно 1455 года[30]), читается: «copia hujus supplicationis missa illustri domino petro vayvode domino «velachie inferioris» et magnifico ac spectabilibus dominis jupano et senioribus albicastri». У Шильтбергера же[31]) Молдавія называется «меньшею» Валахіею, безъ сомнѣнія, въ противуположность къ большей, т. е Валахіи собственно. Что она дѣйствительно такъ называлась, видно изъ письма къ Венеціанцамъ (отъ 31 января 1474 года), въ которомъ Радулъ называется воеводою «Vlachie Majoris». Приводя это письмо, г. Иречекъ[32]) прибавляетъ отъ себя, что названіе Vlachia minor примѣнялось вѣроятно уже тогда къ

---

[30]) Atti della Soc. Lig. VI (Vigna, Cod. diplom. delle Colonie Tauroliguri, I) 309.

[31]) Зап. Новорос. унив. т. I; срав. Telfer, The bondage and travels of J. Schiltberger. London, 1879 стр. 245.

[32]) Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Ragusa, Prag, 1879, стр. 16.

нынѣшней «Малой Валахіи» къ западу отъ Алуты, и что Молдавія просто называлась Молдовіею.

Надежды союзниковъ, что имъ удастся сокрушить могущество юнаго Сербскаго государства, были уничтожены страшнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ главнымъ силамъ Болгаръ королемъ Стефаномъ при Вельбуждѣ 28-го іюня 1330 г. Самъ царь Михаилъ палъ на полѣ битвы съ многими изъ своихъ воиновъ; другіе, въ томъ числѣ многіе боляры, были взяты въ плѣнъ, остальные разбѣжались

Находился ли нашъ Иванъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ этой кровавой драмѣ, — намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ вскорѣ затѣмъ снова сталъ играть важную роль въ Болгаріи, если не какъ стратегъ, то по крайней мѣрѣ какъ дипломатъ: ибо Ивану именно и было поручено царемъ Іоанномъ Александромъ (племянникомъ Михаила, вступившимъ на престолъ въ Терновѣ послѣ изгнанія оттуда племянника Стефана Шишмана II) заключить миръ съ Андроникомъ, послѣ побѣды надъ нимъ, одержанной Болгарами между Росокастрономъ и Антосомъ въ 1333 году.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и приключеніяхъ полководца и миротворца Ивана исторія не упоминаетъ. Но при новомъ порядкѣ вещей, который, благодаря доблестнымъ русскимъ воинамъ и великодушію нашего Монарха, теперь введенъ въ Болгаріи, можно надѣяться, что въ ней быстро разцвѣтутъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, что вмѣстѣ съ тѣмъ явятся изслѣдователи, которымъ удастся пополнить пробѣлы въ исторіи этой страны, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, разъяснится и спорный пока вопросъ объ участіи, принятомъ полководцемъ Михаила и другими Русскими въ судьбахъ Терновскаго царства до его паденія подъ власть Порты.

XI.

ОСТРОВЪ ХОРТИЦА.

Историко-географическія замѣтки[1]).

Изъ грамоты 1765 года, хранящейся въ архивѣ Запорожскихъ казаковъ, мы узнаемъ, благодаря г. Скальковскому[2]), что тогдашній новороссійскій губернаторъ Исаковъ считалъ умѣстнымъ предпринять поѣздку на лежащій подъ порогами Днѣпра островъ Хортицу[3]), притомъ не по дѣламъ службы, а изъ любознательности («полюбопытствовать»).

Дѣйствительно на обширномъ пространствѣ южнорусскихъ степей едва-ли найдется много мѣстностей болѣе интересныхъ, чѣмъ этотъ островъ, если имѣть въ виду какъ прекрасное его мѣстоположеніе, такъ и то обстоятельство, что онъ именно былъ поприщемъ многихъ событій, болѣе или менѣе важныхъ для исторіи Новороссійскаго края, и что тогда только причины и слѣдствія этихъ событій могутъ быть опредѣлены съ точностью, если мы предварительно узнали не только когда, но также и гдѣ они совершались.

Какъ извѣстно, Днѣпръ нѣсколько южнѣе Екатеринослава пробивается чрезъ широкую полосу гранитныхъ скалъ, принадлежащихъ къ отрогамъ Карпатовъ и образующихъ на протя-

---

[1]) Статья эта была напечатана на нѣм. яз. въ Odess. Zeit. 1879 года, №№ 272—280.

[2]) Опытъ стат. опис. Новор. края, I стр. 119.

[3]) Островъ называется по русски *Хортица*, а у нѣмецкихъ его обитателей—*Хортицъ* или *Кампъ*.

женія 90 верстъ болѣе или менѣе значительныя загроможденія рѣки, называемыя *порогами*, когда онѣ тянутся поперекъ всего русла рѣки, и *заборами*, когда занимаютъ только часть его. Всего въ настоящее время считается 11 пороговъ и 6 заборовъ.

Около 14 верстъ ниже послѣдняго порога находится извѣстная переправа у колоніи Кичкасъ или Эйнлаге и за ней островъ Хортица, которая, по удачному сравненію г. Карелина[4]), «какъ гигантскій корабль разсѣкаетъ воды Днѣпра на два рукава». Днѣпромъ здѣсь впрочемъ называется только сильнѣйшій рукавъ, составляющій восточную границу острова, тогда какъ слабѣйшій, западный рукавъ, называемый *Рѣчище*, не только отдѣляетъ островъ отъ материка, но еще, протекая въ сѣверной его части, образуетъ другой гораздо меньшій островъ, котораго югозападная сторона въ жаркое время года отдѣляется отъ материка только безводнымъ оврагомъ, называемымъ *Канцерскимъ*.

По г. Карелину, который, подобно упомянутому губернатору, изъ чистой любви къ наукѣ посѣтилъ островъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, берега его, состоящіе изъ гранитныхъ скалъ и каменныхъ глыбъ, достигаютъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ высоты въ 6 — 10 саженъ, тогда какъ внутри островъ подымается еще на 5 саженъ выше; только меньшая его часть гораздо ниже и къ югу поката. Здѣсь видны лѣсъ изъ деревьевъ мягкихъ породъ и воздѣланныя поля; недалеко оттуда находится насажденіе вѣчно-зеленѣющихъ сосенъ, а на песчаникѣ—шелюга. На возвышенной части острова вслѣдствіе каменистой почвы нѣтъ пахатныхъ полей и растущіе здѣсь мѣстами дубы довольно тощи; только во рвахъ древнихъ укрѣпленій и въ траншеяхъ произростаютъ хорошо дубъ, берестъ и груша. Что-же касается этихъ укрѣпленій, то онѣ начинаются на сѣверной сторонѣ острова, откуда рядъ ихъ распространяется далѣе къ югу и наконецъ, поворотивъ подъ прямымъ почти угломъ къ востоку, тянется до Днѣпра. Подобныя же укрѣпленія проходятъ поперекъ нижней части острова и состоятъ,

[4]) Зап Одесск. Общ. Ист. и Др. IX, 435.

какъ и остальныя, изъ равносторонних четыреугольниковъ, соединенныхъ траншеями. Каждая сторона этихъ квадратовъ имѣетъ 10 сажень, тогда какъ длина траншей доходитъ отъ 100 до 150 и даже 210 сажень. Рвы предъ укрѣпленіями имѣютъ глубину въ 2 арш., а значительно уменьшившіеся съ теченіемъ времени землянные валы теперь имѣютъ только $1^1/_2$ саж. высоты; предъ ними замѣчаются еще слѣды землянокъ, которыя, вмѣстѣ съ находящимися въ трехъ мѣстахъ могилами, доказываютъ, что островъ уже съ давнихъ поръ былъ обитаемъ.

Островъ имѣетъ, по г. Карелину, въ длину 10 верстъ, въ ширину до 2-хъ, а въ окружности $24^1/_2$ версты; площадь его заключаетъ въ себѣ 2784 десятины и 1600 кв. саж. Меньшій же островъ имѣетъ всего 12 дес. и 1200 кв. саж.; онъ тоже съ сѣверо-востока возвышенъ, а къ западу и югу значительно ниже; на южной сторонѣ находится густой дубовый лѣсъ, а на западной къ Канцерскому оврагу — лѣсъ изъ деревьевъ мягкихъ породъ. На самомъ высокомъ мѣстѣ острова съ сѣвера, запада и востока сохранилось укрѣпленіе, состоящее изъ насыпнаго вала надъ скалистыми берегами, отвѣсно подымающимися на 7 сажень отъ уровня Рѣчища; съ юга этотъ валъ соединяется другимъ валомъ со рвомъ и входомъ; этотъ валъ имѣетъ въ длину 34 сажени, а другой, котораго сѣверная сторона образуетъ округленный уголъ, имѣетъ на западной сторонѣ 24 и на восточной — 25 сажень.

Недалеко отъ мѣста гдѣ Рѣчище отдѣляется отъ Днѣпра, находится между двумя островами т. н. *Царская пристань*, занимающая слѣдовательно тоже мѣсто, гдѣ, по Мышецкому[5]), Русскіе въ 1739 г. построили небольшую крѣпость, названную *Запорожская верфь.* Настоящимъ именемъ своимъ эта мѣстность обязана, конечно, обстоятельству, что именно тамъ была заложена адмираломъ Де Рибасомъ въ 1796 г. такъ наз. *Екатеринославско-днѣпровская верфь*, назначенная для сооруженія судовъ для перевозки соли изъ Крыма въ Одессу и Ови-

[5]) Истор. о казакахъ запорожскихъ, Одесса 1852, стр. 68.

діополь. Но уже въ слѣдующемъ году эта верфь была оставлена, въ предположеніи ея нецѣлесообразности[6]). Напротивъ, для основателей русскаго государства, такого рода учрежденіе было-бы здѣсь на своемъ мѣстѣ, и г. Карелинъ повидимому справедливо полагаетъ, что именно тамъ снаряжались ладьи, на которыхъ великіе князья Кіевскіе отправлялись въ Черное море.

Во всякомъ случаѣ настоящее имя самаго острова упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ, сперва подъ 1103 годомъ, въ которомъ великій князь Святополкъ Изяславичъ сосредоточилъ свои сухопутныя и морскія силы на островѣ Хортицѣ, прежде чѣмъ рѣшился пойти на Печенѣговъ, этихъ страшнѣйшихъ враговъ, которыхъ онъ подъ конецъ, при отстоящемъ на четыре дня пути къ востоку отъ Днѣпра и до сихъ поръ точнѣе не опредѣленномъ мѣстѣ *Сутень*, разбилъ такъ сильно, что никогда еще россійскія князья неодерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами[7]).

Совершенно иначе, къ сожалѣнію, окончился первый походъ соединенныхъ русскихъ князей противъ Монголовъ, вслѣдствіе несчастливой битвы при Калкѣ, нынѣшнемъ Кальміусѣ, до которaго они преслѣдовали отступающаго непріятеля послѣ того, какъ они и въ этотъ разъ собрали на островѣ Хортицѣ свои полчища, подходившія внизъ и вверхъ по Днѣпру.

Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ удалось г. академику Кунику[8]), своимъ образцовымъ разслѣдованіемъ хронологическихъ данныхъ источниковъ, доказать, что этотъ походъ состоялся не въ 1224 году, какъ обыкновенно полагали, но годомъ раньше. Но такъ какъ въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются противорѣчія не только относительно времени битвы, но и во многихъ другихъ подробностяхъ касающихся этого по-

---

[6]) Скальковскій, ук. соч. стр. 115.

[7]) Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, I стр. 81.

[8]) О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ, въ Уч. Зап. Имп. С.-Пб. Акад. наукъ, III, 765—787.

хода, то я полагаю возможнымъ утверждать, что *Варяжскій островъ*, до котораго князь Мстиславъ Романовичъ дошелъ въ 1223 г. изъ Кіева чрезъ Зарубъ, могъ быть только тотъ островъ, къ которому въ это время прибылъ флотъ съ войскомъ изъ Галиціи и Волыни, именно Хортица. Неудивительно было-бы, если даже въ XIII вѣкѣ Русскіе, давно ославянившіеся потомки Варяговъ, означали Хортицу подъ именемъ Варяжскаго острова, такъ какъ въ нашихъ лѣтописяхъ вообще не говорится о другомъ какомъ-нибудь Варяжскомъ островѣ.

Во всякомъ случаѣ Росы X вѣка, т. е. Варяги переселившіеся въ Россію, были хорошо знакомы съ островомъ Хортицею, потому что тождество этого острова съ островомъ Св. Григорія, посѣщаемымъ, по Константину Багрянародному, Росами во время ихъ плаваній изъ Кіева въ Константинополь, не подлежитъ сомнѣнію. Мнѣ кажется умѣстнымъ здѣсь остановиться на небольшомъ но прекрасномъ разборѣ этого отрывка главы VIII труда императора, не столько по причинѣ всѣми признаннаго значенія этого отрывка для древней исторіи Россіи, какъ по тѣсной связи его съ вопросомъ, который насъ здѣсь занимаетъ. Разборъ этотъ находится въ сочиненіи г. Томсена, вышедшемъ въ нѣмецкомъ изданіи подъ заглавіемъ: Der Ursprung des Russischen Staates, etc. Gotha 1879, въ которомъ авторъ при объясненіи именъ пороговъ не всегда соглашается съ своими предшественниками. Такъ онъ никакъ не хочетъ вѣрить въ родство русскаго имени четвертаго порога *Айфоръ* съ голландскимъ названіемъ аиста, по убѣжденъ что оно соотвѣтствуетъ древнескандинавскому *Eiforr* (Eyforr или Aeforr, вѣчнобушующій, perpetuo praeceps). Подобнымъ образомъ въ названіи седьмаго порога *Струбунъ* онъ видитъ ошибку и читаетъ, на основаніи древнихъ рукописей, *Strukun*, въ которомъ слышитъ современное шведское слово *stråk* или *struk (neutr)*, маленькій водопадъ.

«И они достигли», продолжаетъ императоръ, «такъ назыв. *Крарійской переправы*, у которой переправлялись Херсонцы изъ Россіи, а Печенѣги въ Херсонъ. Этотъ перевозъ имѣетъ

ширину Гипподрома [9]), а высота его, видимая снизу, такова, что стрѣла стрѣлка снизу достигаетъ какъ-разъ до ней. Поэтому приходятъ сюда также Печенѣги и нападаютъ на Русскихъ. — Когда же они минуютъ это мѣсто, то пристаютъ къ острову, называемому по *Св. Григорію*; на этомъ островѣ приносятъ они также свои жертвы, потому что тамъ стоитъ очень большой дубъ. И они жертвуютъ живыхъ пѣтуховъ. Они садятъ также стрѣлы кругомъ, другіе хлѣбъ и мясо или что кто имѣетъ, какъ это требуетъ ихъ обычай. Они бросаютъ жребій также надъ пѣтухами, должны ли они ихъ убить и съѣсть или оставить въ живыхъ. Съ этого острова Русскіе не боятся Печенѣговъ, пока они достигаютъ рѣки *Селины*».

Г. Томсенъ, подобно его предшественникамъ, не касается вопроса, почему Богрянородный называетъ перевозъ, явно соотвѣтствующій нынѣшнему Кичкасу, *Крарійскимъ* и какому именно Св. Григорію островъ обязанъ своимъ христіанскимъ именемъ; поэтому я считаю не лишнимъ упомянуть, что въ другой статьѣ, вышепомѣщенной (ч. II. О разн. назван. Кіева), я старался показать, что въ названіи перевоза слышится армянское слово *Careres*, face de rocher, и что Св. Григорій, передавшій свое имя острову, не могъ быть никто другой, кромѣ Просвѣтителя Великой Арменіи.

Какъ язычники Русскіе и Славяне называли островъ Св. Григорія, объ этомъ императоръ Константинъ, къ сожалѣнію, не говоритъ; однако повидимому въ его время настоящее имя острова было въ употребленіи по крайней мѣрѣ у Славянъ. Во всякомъ случаѣ оно очень древнее, такъ какъ оно конечно не есть случайное созвучіе съ русскимъ названіемъ породы собакъ *хортъ*, *хортецъ*, тогда какъ это слово, постоянно въ томъ же значеніи, хотя и въ измѣненной формѣ, не только сохранилось у всѣхъ другихъ Славянъ, но происходитъ отъ

---

[9]) По Th. H. Martin, въ Mémoires prés. par divers savants à l'Acad. des Inscr. et Belles Lettres, I Sér, T. IV. Paris 1854, стр. 290 сл., Гипподромъ имѣлъ въ ширину 45 *ὀργυιῶν*=270 фут.

того же корня какъ и эстонское *Hurt*, латышское *Kurts*, литовское *Kurtas*, французское *heurter* и нѣмецкое названіе собаки *Hurtig*[10]).

Такъ какъ между Росами и ихъ славянскими сподвижниками могли находиться любители охоты, то они вѣроятно такихъ собакъ, называемыхъ Итальянцами въ настоящее время датскими, возили съ собою и оставляли на островѣ Хортицѣ, чтобы по возвращеніи изъ Константинополя взять ихъ опять съ собой, такъ какъ они дальнѣйшій путь оттуда въ Кіевъ по причинѣ пороговъ, по всей вѣроятности, проходили сухимъ путемъ. На сколько еще гораздо позже въ Россіи цѣнились эти собаки видно изъ Герберштейна, въ описаніи одной охоты «mit raschen Hunden die sie Kurtzen nennen», въ которой онъ участвовалъ по приглашенію великаго князя Василія Іоанновича. Мнѣ кажется поэтому, что имперскій посланникъ говоритъ о той породѣ собакъ, о которыхъ упоминается: «ловчій на сворѣ *хорты* къ Государю подводитъ»[11]), но не что вслѣдствіе lapsus calami, какъ предполагаетъ академикъ Гамель[12]), загадочные Kurtzi замѣняютъ здѣсь русское слово *борзый*, или что Kurtzi, какъ думаетъ Аделунгъ (ibid.), соотвѣтствуетъ русскому названію *кургузая* собака (canis cursatis среднихъ вѣковъ).

Кромѣ императора Константина, никто изъ византійскихъ писателей повидимому ничего не зналъ о существованіи большаго днѣпровскаго острова. Зато онъ появляется на картѣ Венеціанца Андрея Біанко 1436 года, на которой рядомъ съ изображеніемъ острова отмѣчено названіе *Zaotri*, до сихъ поръ еще неразъясненное, можетъ быть — исковерканное его имя. Хортица узнается также легко въ безъименномъ островѣ на Днѣпрѣ ниже *chevo over chio* (Кіевъ), изображенномъ на картѣ знаменитаго фра Мавро 1459 года съ дорогами оттуда су-

---

[10]) Sanders, Wörterb. d. deutsch. Sprache.

[11]) Даль, Толковый словарь.

[12]) Hamel, Tradescant der Aeltere и проч. стр. 125.

химъ путемъ до Чернаго моря и до города *Leopolia* (Лембергъ), котораго ярмарки посѣщались издавна поселившимися въ Газаріи итальянскими купцами.

Между тѣмъ въ окрестностяхъ острова болѣе и болѣе поселялись новые пришельцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Литвы и принудили въ тоже время кочующихъ тамъ Татаръ удалиться въ глубь степи, названной Поляками *дикое поле*. Чтобы быть въ состояніи не допустить ихъ возвращенія, эти новые поселенцы должны были сблизиться между собой. Такъ возникло такъ назыв. *Товарищество*, родъ ордена рыцарскаго [13]), запорожскихъ казаковъ защитниковъ христіанства на Днѣпрѣ противъ невѣрующихъ. Болѣе прочную организацію получило это сообщество, сравниваемое не безъ основанія съ духовными рыцарскими орденами запада, только съ начала XVI вѣка отъ литовскаго дворянина Евстахія Дашкевича или Дашкова, котораго казаки назвали своимъ Ромуломъ и именемъ котораго они означали городъ Узу-кале (Очаковъ), отнятый имъ у Татаръ.

Этотъ атаманъ или гетманъ Запорожцевъ, какъ обыкновенно полагаютъ, основалъ на островѣ Хортицѣ свою столицу, или скорѣй укрѣпленный лагерь, названный *сѣчь* или *кошъ*; другіе же авторы того мнѣнія, что это скорѣе могло быть при его землякѣ и преемникѣ Вишневецкомъ. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ положительно, что этотъ Вишневецкій въ 1556 г. сообщилъ въ Москву чрезъ своего посланнаго Есковича извѣстіе, что онъ построилъ на островѣ Хортицѣ укрѣпленіе; но уже два года спустя онъ вынужденъ былъ покинуть его, такъ какъ крымскій ханъ Девлетъ-Герай собирался осадить эту крѣпость, а Вишневецкій опоздалъ снабдить ее провіантомъ, какъ это видно изъ письма къ царю Іоанну Васильевичу. Этотъ украинскій герой, говоритъ Максимовичъ [14]), воевалъ съ крым-

---

[13]) См. письмо запорожскихъ казаковъ къ импер. Рудольфу II у Ласоты стр. 220.

[14]) Исторія Малороссіи, стр. 414.

скими Татарами въ ихъ землѣ, позже домогался молдавской короны и окончилъ въ 1564 году свой земной путь въ Константинополѣ—на крюкѣ [15]).

Гдѣ тогда находилась сѣчь его прежнихъ сотоварищей до сихъ подъ столь же мало съ точностью опредѣлено, какъ и мѣсто, гдѣ, какъ полагаютъ, слѣдуетъ искать ее послѣ 1576 года, вслѣдствіе договора, по которому король польскій Стефанъ Баторій обязался не только упрочить за Запорожцами ихъ прежнія владѣнія, права и привилегіи, но и расширить ихъ.

Что резиденція кошеваго и его подчиненныхъ вскорѣ спустя могла находиться только при впаденіи Чертомлыка въ Днѣпръ, т. е. на мѣстѣ, которое нынѣ называется *Старой сѣчью*, мы узнаемъ отъ Ласоты, котораго римскій императоръ Рудольфъ II отправилъ въ 1594 г. съ подарками къ Запорожцамъ, чтобы ихъ убѣдить предпринять походъ въ земли Татаръ и поставить ихъ тѣмъ въ невозможность принять участіе въ войнѣ съ Турками, которая тогда ему предстояла.

Ласота, описывающій подробно свое путешествіе, совершилъ его, начиная отъ Канева, рѣчнымъ путемъ внизъ по Днѣпру. Весьма любопытно его описаніе проѣзда чрезъ пороги, изъ которыхъ тринадцатый и послѣдній, называемый имъ *Wolny*, и носящій нынѣ еще это имя, соотвѣтствуетъ седьмому порогу Багрянороднаго.

Мы приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника Ласоты, разъясняющій вполнѣ вопросъ насъ здѣсь занимающій.

«И отъ перваго порога до этого мѣста 7 миль, а затѣмъ до *Кичкасъ* (*Kicz-kossow*) $1^1/_2$ мили. Здѣсь также татарская переправа. Берега Днѣпра, который тутъ не широкъ, скалисты и весьма высоки, особенно съ лѣвой стороны его. Въ полумилѣ ниже находится прекрасный, высокій и пріютный островъ *Хортица*, имѣющій въ длину двѣ мили и раздѣляющій Днѣпръ на двѣ ровныя части. На этомъ островѣ мы переночевали; казаки имѣютъ привычку держать тамъ своихъ лошадей въ зим-

---

[15]) Engel, Gesch. des Ungar. Reichs, V, 2.

нее время. Подъ вечеръ, упомянутые выше казаки, которые, числомъ до 400, составляли стражу противъ Татаръ у Будальскаго порога, присоединились къ намъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нами отправились въ сѣчь.

«8-го (Іюня), до острова возлѣ *Бѣлогорья* (Bialogura, нынѣ Бѣленькая г. Миклашевскаго, которому принадлежитъ и часть острова, другая—графу Канкрину) $3^1/_2$ мили. Тамъ мы позавтракали. Отсюда до другаго острова $5^1/_2$ миль.

«9-го, до острова *Базавлукъ*, при рукавѣ Днѣпра у Чертомлыка (Dortomlek), или, какъ они выражаются, при чертомлыкскомъ Днѣприщѣ (dartimleczkim Nepriscziе), около 2 миль. Здѣсь находилась тогда сѣчь казаковъ, которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества и привѣтствовали наше прибытіе большимъ числомъ выстрѣловъ изъ орудій»[16]).

Такъ какъ Ласота пробылъ тамъ цѣлыхъ три недѣли и имѣлъ удобный случай близко ознакомиться съ внутренними и внѣшними дѣлами Запорожцевъ, и все что онъ у нихъ видѣлъ и слышалъ не упустилъ занести добросовѣстно въ свой дневникъ, то этотъ послѣдній представляетъ несомнѣнно важнѣйшій источникъ для исторіи казаковъ въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка.

Обратный путь изъ сѣчи, описываемый Ласотою также подробно, онъ совершилъ также рѣчнымъ путемъ вверхъ по рѣкѣ до Хортицы, откуда онъ по правой сторонѣ Днѣпра отправился сухимъ путемъ. Я привожу также это мѣсто изъ дневника, отчасти потому, что въ немъ встрѣчаются многія географическія названія, которыя я въ примѣчаніяхъ къ русскому переводу записокъ Ласоты не успѣлъ вполнѣ разъяснить.

Сказавъ, что онъ 2-го Іюля вмѣстѣ съ запорожскими посланниками Сашкою Ѳедоровичемъ и Никифоромъ отплылъ

---

[16]) См. Путевыя Записки Эриха Лассоты и проч. Перев. и примѣч. Ф. Бруна. С.-Пб. 1873, стр. 29 и 30.

изъ Базавлука на турецкомъ сандалѣ и проч., Ласота продолжаетъ:

«Въ тотъ-же день мы проѣхали мимо *Мамай-сурки* (Mamaisor), древняго городища *или* валовой насыпи (Wahlstadt) древняго замка находящагося на татарской сторонѣ; затѣмъ мимо рѣчки *Бѣлозерки*, идущей изъ татарской степи и образующей, предъ своимъ впаденіемъ въ Днѣпръ, озеро, при которомъ также есть городище и валовая насыпь (Wahlstadt) древняго большаго города[17]. Item, прошли мимо *Каменнаго затона*, или залива Днѣпра, тоже на татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого затона Здѣсь Татары имѣютъ обыкновеніе переправляться чрезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ; здѣсь также производится у нихъ выкупъ (Odkup) плѣнныхъ и начинается высокій валъ, который тянется до Бѣлозерки; подлѣ этого вала лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій что нѣкогда тутъ происходило большое сраженіе. Затѣмъ, дошли до *Микитина-рога* (Mikitin K(?)oh) на лѣвой, русской сторонѣ и немного выше до небольшаго острова, гдѣ переночевали.

«3-го Іюля, прошли мимо *Лысой горки* (Lissa gura), на лѣвой, русской сторонѣ и *Толстыхъ песковъ* (Tausti piski), большихъ песчанныхъ горъ, на сторонѣ татарской. Затѣмъ, тотчасъ, миновали устье конскихъ водъ (Usczie Konske Wody), гдѣ рѣчка Конская, идущая изъ татарской степи, изливается въ Днѣпръ, послѣ того какъ она и выше нѣсколько разъ уже соединялась съ озерами и рукавами Днѣпра, отъ которыхъ, а затѣмъ и отъ самаго Днѣпра, снова отдѣлялась. Item, миновали три рѣчки, именуемыя *Томаковками*, которыя текутъ въ Днѣпръ съ русской стороны и впадаютъ въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится значительный островъ, называемый N. Затѣмъ прошли мимо *Конской-Подпольной* (Przepoyna), гдѣ рѣчка Конская сливается съ озерами Днѣпра, на

---

[17]) См. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. IV. стр. 143.

татарской сторонѣ, насупротивъ *Червонной-горки* (Chrwora gura), находящейся на русской сторонѣ; мимо *Аталыковой долины* (Atalihowa dolina), тоже на татарской сторонѣ; далѣе, миновали *Siedny Maiaky* (Семь маяковъ?) или каменныя статуи (т. н. каменныя бабы или маяки Малороссіянъ), числомъ 20 (?), которыя находятся на татарской сторонѣ и стоятъ на курганахъ или могилахъ (теперь ихъ уже нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ протекаетъ рѣчка Маячка); прошли затѣмъ мимо двухъ рѣчекъ, *Карачокракъ* и *Янчокракъ*, идущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны и мимо стоящей насупротивъ, на русской сторонѣ, Бѣлой-горы (Bialogura, нынѣ Бѣленькая, см. выше). Item прошли передъ Конской, которая здѣсь впервые соединяется съ Днѣпромъ и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ островъ, на которомъ находится древнее городище *Kurzemal*. Item шли передъ другимъ островомъ, *Дубовый градъ* (Dubowihrad, нынѣ Дубовый), такъ названный по большому дубовому лѣсу. Затѣмъ переплыли чрезъ *Великую Забору* (Belikowa Zabora), которая есть ничто иное, какъ островъ и каменистая мѣстность на русской сторонѣ, походящія на порогъ. За нимъ недалеко представился намъ другой островъ, на которомъ мы провели ночь, проѣхавши всего 9 миль.

«4-го іюля, прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ *Московками* и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны, откуда до острова *Хортицы* 1 миля; длина этого острова, лежащаго на русской сторонѣ, 2 мили; затѣмъ пристали къ берегу ниже близлежащаго острова *Малой Хортицы*, гдѣ лѣтъ тридцать назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ Турками и Татарами; близь сего острова изливаются въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами и названіе это онѣ передали обоимъ островамъ»[18]).

Изъ этого отрывка дневника видно, что *Дортомлекъ* Ласоты есть только измѣненное Чертомлыкъ, тѣмъ болѣе, что въ

---

[18]) Пут. Зап. Лассоты, стр. 51, 53.

вышеупомянутомъ письмѣ Запорожцевъ къ римскому императору то самое мѣсто называется *Чортомлекъ*.

Далѣе мы узнаемъ отъ Ласоты, что крѣпость на *маломъ* островѣ Хортицѣ была таже, въ которой Вишневецкій не могъ удержаться; поэтому мы не ошибемся, признавъ развалины этой крѣпости въ вышеупомянутыхъ укрѣпленіяхъ, сохранившихся еще отчасти на маломъ островѣ Хортицѣ.

Едва-ли Ласота успѣлъ бы склонить Запорожцевъ принять предложеніе императора, если бы они тогда уже не были вынуждены попытаться съ помощью оружія сложить свою зависимость отъ Польши, а именно потому, что слабый и фанатическій король Сугизмундъ III не довольствовался стѣснять ихъ въ политическомъ отношеніи, но предоставилъ іезуитамъ принудить ихъ къ принятію уніи съ католическою церковью, не обращая вниманія на то, что Запорожцы постоянно оказывались вѣрными и усердными послѣдователями православной греческой церкви.

Что-же касается острова Хортицы, то кажется, что обитатели его еще долго спустя, не смотря на ихъ привязанность къ вѣрѣ своихъ предковъ, признавали верховную власть польскаго короля. По крайней мѣрѣ мы находимъ въ книгѣ князя Мышецкаго (68) замѣтку, что во время войны Россіи съ Польшею запорожскій «воинъ» по имени Сагайдачный построилъ на островѣ «фортецію». Мы вѣроятно не ошибемся, принявъ что этотъ воинъ могъ быть тотъ знаменитый атаманъ, въ честь котораго лѣсокъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кичкаса, еще нынѣ называется *Сагайдакъ* [19]), тогда какъ его слава воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ, которыя сохранились еще у потомковъ его сподвижниковъ.

Дѣйствительно время его управленія (около 1600—1620 г.) было самою блестящею эпохою въ исторіи Запорожцевъ и ихъ борьбы съ Турками и Татарами. Подъ его предводительствомъ эти славянскіе викинги ежегодно смѣло отправлялись на сво-

---

[19]) Запорожская старина, II, стр. 110.

ихъ небольшихъ судахъ въ Черное море, разрушали или сожигали прилежащіе къ нему города и возвращались обыкновенно нагруженные богатою добычею домой, или плывя вверхъ по Днѣпру, или пройдя изъ Кальміуса сухимъ путемъ до Самары. Такъ они взяли и разрушили въ 1606 году турецкую крѣпость Варну и разбили турецкій галерный флотъ въ большомъ морскомъ сраженіи; уже годомъ позже разбили они на голову Татаръ вблизи Перекопа, такъ что самъ ханъ искалъ свое спасеніе въ бѣгствѣ въ Константинополь. Въ 1608—9 гг. они совершили удачныя нападенія на сѣверный берегъ Малой Азіи; взяли приступомъ въ 1608 году Каффу, освободили многихъ христіанъ, которые тамъ содержались въ плѣну, и разрушили городъ Гёзлеве (Козловъ, Евпаторія). Въ 1615 году они снова предприняли походъ въ Малую Азію и захватили въ темную ночь важный портовый городъ Синопъ[20]).

Но Сагайдачный отличился не только въ этихъ морскихъ походахъ, предпринятыхъ имъ самимъ; онъ принималъ участіе съ своими казаками также въ войнѣ Поляковъ съ Турками, которая возгорѣлась вскорѣ спустя и стоила жизни какъ знаменитому польскому гетману Жолкѣвскому, такъ и атаману Сагайдачному, съ той разницей, что первый послѣ несчастнаго для него сраженія при Цецорѣ (1620 г.) долженъ былъ бѣжать, но преслѣдовавшими его Турками былъ убитъ вблизи Могилева на Днѣстрѣ, тогда какъ Сагайдачный, одержавъ въ слѣдующемъ году у Хотина большую побѣду надъ Турками, былъ притомъ тяжело раненъ и скончался отъ этихъ ранъ въ Кіевѣ, куда онъ былъ по его желанію перевезенъ и погребенъ въ церкви богато одареннаго имъ монастыря[21]).

Въ высшей степени любопытное и подробное описаніе подобныхъ морскихъ экспедицій и средствъ, дававшихъ Запорожцамъ возможность атаковать на Черномъ морѣ турецкіе трехъ-мачтовые корабли, и даже заставлявшихъ падишаха опа-

---

[20]) Ср. Evliya-Efendi, Narrative of travels, II стр. 37.

[21]) Сборникъ матер. для топогр. Кіева, 1874, стр. 38.

саться за свой Стамбулъ, составилъ вышеупомянутый, находившійся на польской службѣ, французскій инженеръ *Бопланъ*. Для нашего предмета его книга потому еще важнѣе, что авторъ въ ней описываетъ свой путь чрезъ пороги, причемъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расходится съ своимъ предшественникомъ Ласотою и уже по этой причинѣ мы не можемъ пройти его извѣстія молчаніемъ. Такъ послѣ описанія 13 порога, называемаго имъ также Вольнымъ, у него слѣдующее мѣсто:

«На разстояніи пушечнаго выстрѣла ниже его виденъ небольшой скалистый островъ, называемый казаками *Kaszawaniсze*, что означаетъ варить кашу изъ проса, чѣмъ они хотѣли выразить свою радость о счастливомъ минованіи пороговъ; оттого они подобные случаи празднуютъ на этомъ островѣ, причемъ главнымъ образомъ угощаютъ просомъ».

Здѣсь слѣдуетъ у Боплана сообщенное выше въ извлеченіи описаніе окрестностей Кичкаса, послѣ чего онъ продолжаетъ:

«Въ полъ-мили оттуда начинается островъ *Хортица*; но такъ какъ я по этой сторонѣ не былъ дальше, то я могу передать только то, что я узналъ отъ другихъ, что я впрочемъ выдаю за не вполнѣ достовѣрное. Говорятъ, именно, что островъ имѣетъ большое значеніе, имѣя высокое и величественное мѣстоположеніе и будучи почти вездѣ окруженъ отвѣсными скалами, и слѣдовательно безъ большихъ доступовъ; онъ имѣетъ двѣ мили въ длину и полъ-мили, въ особенности въ верху, въ ширину, ибо онъ постепенно суживается и понижается къ западу; онъ не подверженъ наводненіямъ, имѣетъ много дубовъ, былъ бы очень пригоденъ для обитанія и для наблюденія за Татарами. Ниже этого острова ширина рѣки замѣтно увеличивается [22])».

На какомъ островѣ Запорожцы, миновавъ пороги, варили кашу, мнѣ не ясно. Не имѣлъ-ли Бопланъ здѣсь въ виду небольшой островъ лежащій ниже пороговъ, нынѣ извѣстный подъ

[22]) Beauplan, Beschr. d. Ukraine etc. Breslau 1780, стр. 29, 31.

именемъ *Вербовз-островз*[23]), такъ какъ мнѣ кажется, что никакой другой островъ въ означенной Бопланомъ мѣстности вовсе не существуютъ.

Что Бопланъ не совершилъ отъ близлежащаго Кичкаса поѣздки на гораздо болѣе важный островъ Хортицу, я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что онъ не могъ рискнуть на это потому, что обитатели острова въ то время уже ничего не хотѣли знать о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, т. е. гораздо раньше чѣмъ они соединились въ политическомъ отношеніи съ Русскими, сохранивъ притомъ предоставленныя имъ Стефаномъ Баторіемъ права и привилегіи[24]).

Съ тѣхъ поръ на островѣ Хортицѣ не произошло никакихъ замѣчательныхъ событій до того времени, когда многіе Запорожцы присоединились къ измѣннику Мазепѣ, что́ имъ дорого обошлось. Такъ послѣ осады и снесенія до основанія ихъ сѣчи императорскими войсками, они не нашли ничего лучшаго, какъ переселиться ниже по Днѣпру около Каменки, чтобы оттуда вскорѣ спустя перейти къ Алешкамъ (противъ нынѣш. Херсона), не подозрѣвая что судьба ихъ тамъ будетъ незавидною.

Во время трудныхъ дней прожитымъ ими тамъ, русскіе полководцы имѣли не разъ случай убѣдиться въ стратегической важности острова Хортицы. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство не ускользнуло отъ знаменитаго инженеръ-генерала графа Мюнниха. Иначе онъ, послѣ завладѣнія Очаковымъ въ 1738 году, не удержалъ-бы всю армію и флотъ долго на островѣ и не потерялъ-бы времени, чтобы на немъ построить сильную крѣпость: «великій ретраншементъ со многими редутами и флешами».

Въ постройкахъ этихъ конечно болѣе или менѣе участвовали Запорожцы, такъ какъ они уже нѣсколько лѣтъ прежде оставили Алешки и съ дозволенія императрицы Анны основали

---

[23]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. III, 491.

[24]) Универсалъ Богд. Хмѣльницкаго, ср. Скальковскій, ук. соч. I стр. 3.

нѣсколько верстъ ниже ихъ прежней сѣчи при Чертомлыкѣ— *Новую сѣчь*.

Безъ сомнѣнія островъ Хортица снова входилъ въ ихъ владѣнія; по крайней мѣрѣ тамъ находился въ 1767 году одинъ изъ ихъ пикетовъ (бекеты), тогда какъ изъ вышеприведенной грамоты 1765 года мы усматриваемъ, что заступавшій атамана представилъ своему начальнику, находившемуся тогда въ С.-Петербургѣ, докладъ о пріѣздѣ губернатора на Хортицу.

Съ взятіемъ сѣчи генераломъ Тэкели въ 1775 г. и введеніемъ новаго административнаго дѣленія ея области, должны были произойти конечно и измѣненія на островѣ Хортицѣ. Совершенно другая дѣятельность наступаетъ въ немъ съ 1788 года, когда императрица Екатерина соизволила предоставить Хортицу части переселившихся изъ западной Пруссіи въ южную Россію т. н. «Taufgesinnte» или послѣдователей фрисландскаго реформатора Менно Симониса.

Потомки этихъ миролюбивыхъ и трудолюбивыхъ меннонитовъ, которымъ островъ и нынѣ принадлежитъ, находятся въ своемъ новомъ отечествѣ такъ хорошо, что они, при всей своей привязанности къ образу жизни и обычаямъ своихъ отцовъ, должны быть имъ всегда благодарны за то, что эти послѣдніе, пользуясь дозволеніемъ императрицы, приняли, въ то время казавшееся смѣлымъ, рѣшеніе перенести свои пенаты съ янтарнаго берега на нынѣшнее ихъ эльдорадо—къ порогамъ Днѣпра, бушеваніе которыхъ еще недавно передъ тѣмъ сопровождалось звуками пѣснопѣній о подвигахъ украинскихъ витязей.

УКАЗАТЕЛЬ

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

Л.

М.

Н.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

II.

ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

А.

Б.

В

Г.

І.

К.

Л.

М.

Н

О.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

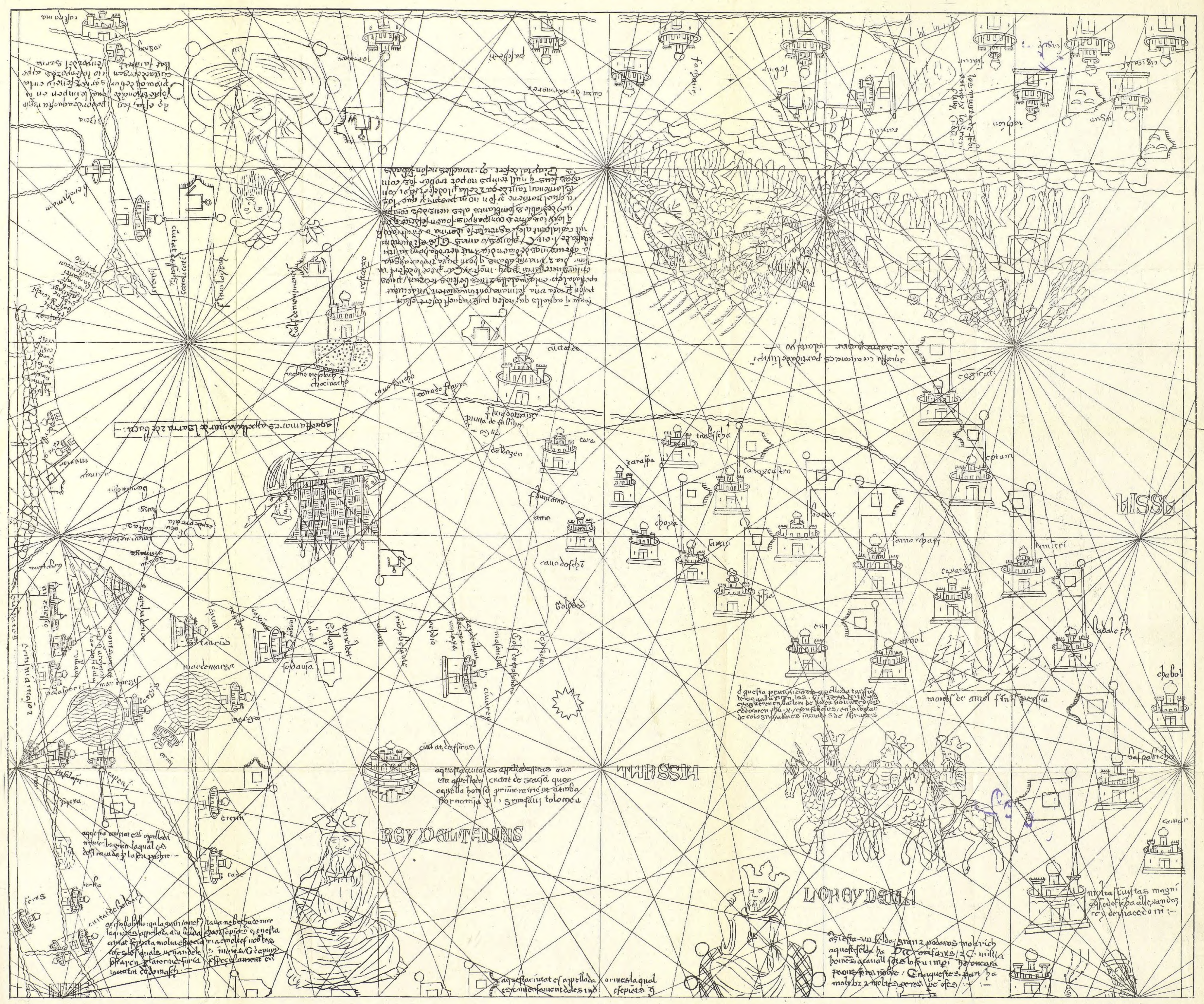
ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть I.

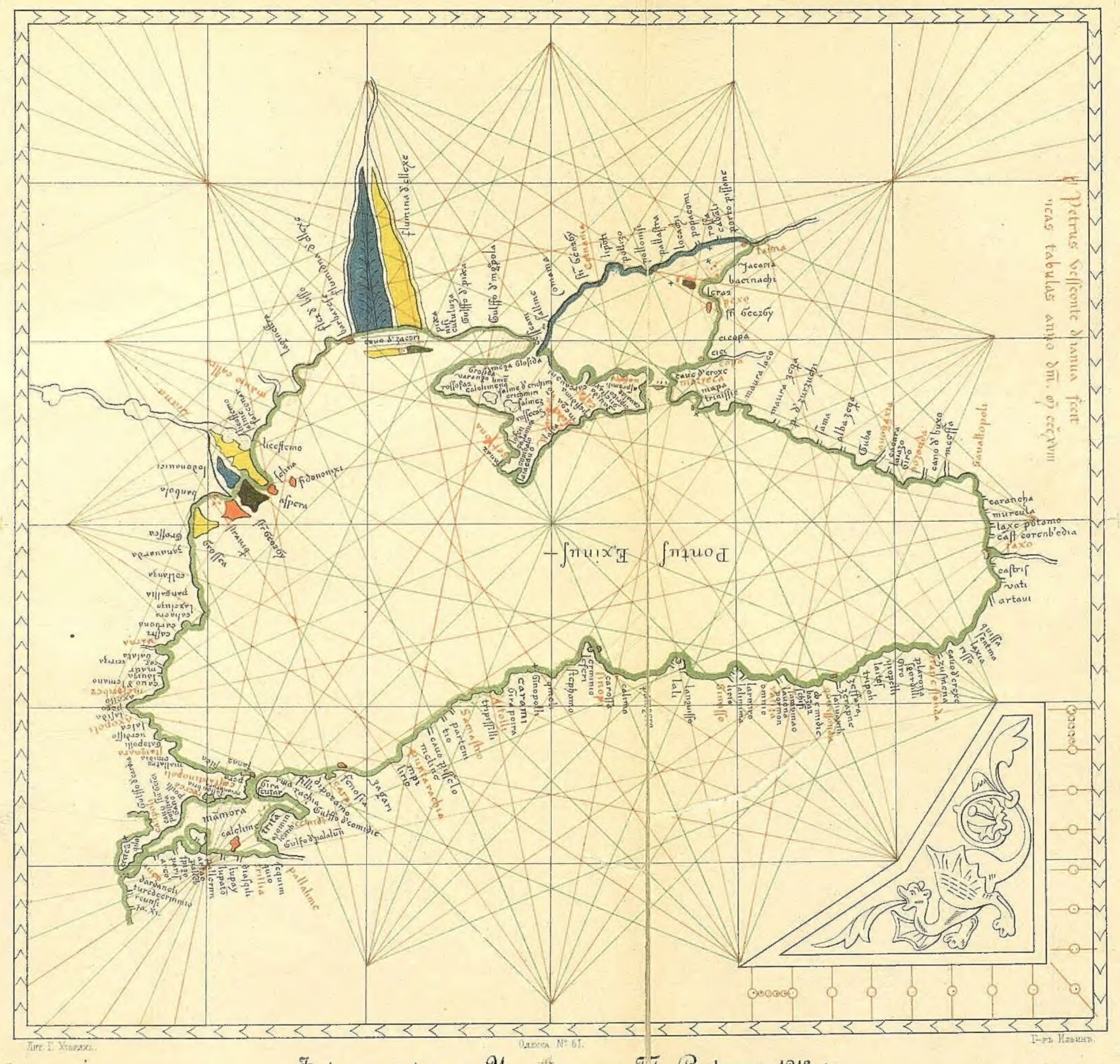
Страница.	*Строка.*	*Должно читать.*
6	8	Моммзеномъ
13	4	Скилакса
25	22	Березанскій
46	5	4 октября
87	25	*послѣ слова... кромѣ... включить:* того заключало въ себѣ
»	28	посѣщаемой
109	24	XVI столѣтія
123	7	стр. 121
129	4	*послѣ миляхъ:* отъ Бозагача, находившагося въ 40 миляхъ
143	31	Качалинской
147	13	Порутино
156	11	Мышецкаго
158	2	Кантеміра
168	28	Мадридѣ
183	14	Capczaclei
204	2	Дандоло
228	13	Чембало
»	14	Симиссо и Самастри
270	4	Бессарабіею

Часть II.

Страница.	*Строка.*	*Должно читать.*
87	17	Бэръ
153	прим. 107	Cod. Diplom. delle Col. T. L., T. I, 115 въ Atti della Soc. di Stor. patr. T. VI.
166	16	Маныча
256	31	знаменитый
»	33	названъ
313	3	полу-еврейскаго
320	прим. 28	Sayous
337	23	Эннакосіи
343	4	Сади-Салтукъ-деде
347	9	Дичинъ
351	23	Ногаю
372	2	Будильскаго

ЧАСТЬ третьей карты атласа Каталанскаго 1375 года, снятая съ ея fac-simile въ XIV томѣ Notices et Extraits des manuscrits de la Bibl. du roi etc.

Факсимиле карты Черного моря П. Весконте 1318 г.

Топографическая таблица Восточнаго берега Чернаго моря по периплу Безъименнаго и по компасовымъ картамъ въ сравненіи съ нынѣшними.

ANONYMUS.	Stad.	Нынѣшнія названія.	К. Весконте. 1318.	К. Луксоро. начала XIV стол.	К. безъименная. 1351.	К. бр. Пицигани. 1367.	К. Каталанская. 1375.	К. Пасквалини. 1408.	К. Біанко. 1436.	К. Бенинказа. 1480.	К. Фредуче. 1497.	К. Маіолло. 1519.
Κοροκονδαμη	. .	ок. мыса Тузлы										
		Тамань	matreka	Mat-rega	Matrega	manega	matrega	matrega	matega	matrega	matrega	Matrega.
Σινδικὸς λιμήν	. .	Бугасъ	…	…	…	…	…	…	antoni			
									caqi	cuitavj		
Ἑρμώνασσα	440	Титоровка										
Ἀχιλλεῖον	515	Сѣв. Таманская коса	cavo de croce	c. croxie	cavo de croxe	cavo de croxie	cavo de croxe	c. croxe	cao croxe	c. de croxe	c. de croxe	C. de †.
Πορθμίον	20	Ени-кале	…	pondico	pondicopera	pondico	pondico	pondico	poritato	pondico	pondico	pondico.
Παντικάπαιον	60	Керчь	vospro	vospro	vespero	vospero	vospro	vospero	vospero	vospro	vospero	vospro.
Σινδικὴ ἢ Σινδικὸς λιμήν (νῦν Εὐδουσία)	540	Анапа	mapa	mapa	mapa	Mapa	mapa	mapa	mapa	mapa	mapa	mapa.
		Цемесъ	trir.issie	trinixe	…	trimixie	trinisie	ternisi	tenegia	trinice	telnicì	tinissie.
Ἱερὸς λ. (Ἱερίου ἤτοι τὸ		Мысгакъ						qssa	chiga			
Νίκαξιν)	300	Новороссійскъ	…	…	Calo Limeno	…	…	oallolimena	chalolimena	chalolimena	chalolimiona	calolimene.
Πάγρας λ. (Ἑπτάλου λιμήν)	180	Геленджикъ	maurolaco	m° lacho	Mau° Lacho	maulaco	mauro	maurolaco	mauolaco	maurolaco	Maurolacho	mauolucheo.
									ch.	chareca	careta	correpto.
			mauro zeqa	m° zaquia	Mau° zichia	Mau caqua	maua zechia	maurocichia	mauazichia	mauroçichia	mauro zicchia	m° zichia (prov)
Παλαιὰ Ἀχαΐα (Τοψίδας)	350	Цюэпсинъ	…	…	…	…	…	…	…	fiume londia	fiume landia	F. londina.
Ψάχαφις ποτ		Ша пшуго р.										
Παλ. Λαζικὴ (Νίκοψις)	150	Негопсухо										
Ἄκρα (Λαιά)	120	Кодошъ (Туабсъ)	p. de zurzuchi	p° zorzuquj	Porto de Susacho	porto de susaco	porto de susacho	porto de sussaca	porto de lacos	p. de susaco	porto de Susaco	p. de susaco.
			sania	alba zaquia	Alba zichia	Alba çequia	alba zacchia	casp. cichia	chalizicha	alba zechia	alba zicchia	alba zichia.
			alba zeqa	zaquia	…	çequa	…	…	…	sanna	sanna	sanna.
Ἄκρα καὶ Βαγᾶ Κάστρον	80											
Ἡράκλειος ἄκρα (τὰ Ἔρημα)	10	Макупсе м.										
Ἀχαιοῦς ποτ. (Βάσις)	150	Су-бешисъ										
Μασαιτικὴ ποτ.	60	Варданъ										
		Жообже м.	guba	cuba	Cuba	cuba	cuba	cuba	chuba	cavo de cubba	c° de Cubbo	cavo de coba.
Νῆσις ποτ.		Соча-пста р.										
Ἡρακλ. ἄκρα (Πυξίτης)	90	Соча-бытхъ	costo	gusto	costo	costa	costo	custo	chasto	costo	costo	costo.
		Ліушъ д.	laiazo	aiaco	Layazo	ayaso	layazo	laiaço	laiaco	aiaço	aiazo	Lagasso.
Βρούχων (Μίζυγος)	60	Мзымта р.							Abcazia	…	…	Avogassia.
Ἄβασκος ποτ.	120	Псу р.										
Στεννιτική (Τριγλίτης)	90	Гагра	cacary	cacary	chachari	cacary	cacar	cacary	chatari	cacari	cacary	carcary.
					san soffia	…	san° Sofia	s^ca sofia	s° sofia	s^ca soffia	sancta Sofia	s. soffia.
		Мысъ Пицундскій	giro	giro	giro	giro	giro	giro	giro	cavo de giro	c° de Giro	cavo de giro.
Πιτυοῦς	150	Пицунда	peconda	pezonda	Pezonda	peçonda	pezonda	peçonda	peconda	peçonda	Pezonda	pesonda.
		Мысъ Суукъ-су	cavo de buxo	c° buxio	cavo de Buxo	Cavo de bux	cavo de bux	cavo de bux	chao de bux	cavo buxio	cavo de bussi	cavo de buxo.
		Псырта р.	nicoffa	flum nicofia	flum Nicola	Flum nicola	flm njcola	flum nicola	flume nicola	flum de nícoffa	flum de nicofia	f. nicolla.
Σεβαστούπολις ἢ Διοσκουριάς	350	Сухумъ	savastopoli	savastopolli	savastopoli	sconastopoli	savastopollj	savastopolj	savastopoli	savastopoli	savastopoli	savastopoly.
		Заливъ Сухумск.	…	…	…	…	…	g. de savastop.	golfo de savast.	…	…	(avogaxia prov).
		Келасуръ	…	…	…	…	…	…	…	p. mengrello	porto mengrello	p. malfitan.
		Цхюбынъ	catancha	cicaba	cichaba	cicupa	cicaba	cicaba	cichoba	çichaba	icaba	cavo zizibar.
		Кодоръ, мысъ	…	gotto	goto	goro	Goto	goto	goto	gotto	goto	goto.
Ἀστέλεφος (Εὔριπος)	135	Скурджа										
Ἵππος (Λαγουμψᾶν)	30	Лагвашъ										
		Тамушъ	…	tamanxa	Tamassa	Tama	tamasa	tamoxej	tamusi	tamansa	tamansa	Tamasa.
Ταρσούρας. (Μοχὴ)	150	Меркулъ съ Моквою	murcula									
		Гализга	laxopotamo									
		Илори	castro corenbedia	corobendi	corebendina	corbondia	corebendio	corebedia	corobendina	chorobendi	corobendi	correbeudia.
Σινάμης (Ζίγανις)	120	Ингуръ	…	negapomo	Megapotami	negapotano	negapotimo	negapomo	negapotemo	negapomo	megapomo	negapotino.
Χῶβος	210	Хопи	…	lipotemo	Lipotimo	apotano	lipotimo	difimo	dipotemo	lipotomo	lipodomo	Lipotino.
Χαρίεις	90	Ріонъ	faxo	Lofaxio	Fasso	faxio	fasso	fasso	f. fasio	faxio	Faxio	Isola de Colchis.
Φᾶσις	90	Палеостомо	…	…	…	…	…	alliostoma	palostomo	paliastoma	pabostoma	
Μογρος	90	Субсу р.										
Ισις	90	Хиносъ-цкали или Кинтриши р.										
Κίνασος	90											
Βατις	90	Чолокъ р.	vati	lovati								

2007051308